

Макс Фрай

К-Я
Энциклопедия мифов

Макс Фрай
Энциклопедия
мифов. Подлинная
история Макса
Фрая, автора и
персонажа. Том 2.

К-Я

К

1. Круг

...фигура, образуемая правильной кривой линией, без начала и конца...

Некоторые вещи вспомнить почти невозможно. Но обычно оказывается, что только они и имеют значение.

Поэтому.

Я.

Вспоминаю.

Бесцеремонное, в сущности, вторжение. Их было двое. Мужчина и женщина, очень молодые. Их лица я так толком и не разглядел. Только два силуэта, просторные свитера, яркие шарфы, длинные белокурые волосы женщины и прядь, упавшую на лоб ее спутника, темную и тяжелую, как мокрые водоросли. Ноги, обутые в спортивные ботинки, ступали почти бесшумно, но деревянная лестница тихонько поскрипывала под упругими подошвами. Мне почему-то был знаком ритм их шагов – открытие казалось скорее тревожным, чем радостным, хотя ни радости, ни тревоги я тогда еще не умел испытывать. Лишь расставлять по местам наиболее подходящие определения – это всегда пожалуйста.

Тогда же я обнаружил, что звуки шагов в темноте могут рассказать об идущем куда больше, чем

разноцветные картонки, разложенные в определенном порядке смуглой рукой ярмарочной предсказательницы. Впрочем, я оказался молчаливым оракулом: мои откровения годились лишь для удовлетворения собственного любопытства; искусство издавать звуки казалось мне слишком хитроумной наукой, за изучение коей и браться-то не стоит, все равно ничего не выйдет.

Мужчина был рожден в год Огня, женщина – в год Дерева, и сама судьба предназначила ей стать хворостом в его костре, поэтому его пламя пылало на самом дне сердца, а ее легкий огонь плясал на поверхности кожи, обжигая, но не согревая. Глаза же их, как у всех, кто находится под покровительством Нептуна (сумма чисел рождения кратна девятке), казались изменчивыми и глубокими, как морская вода. Эта зыбкая влага не давала их огню разгореться в полную силу, поэтому они походили на людей, собравшихся жить вечно.

Они имели странную власть над событиями, но не умели повернуть ее себе на пользу, ибо само понятие пользы не укладывалось в их головах. Поэтому они играли с миром, как младенцы с набором цветных кубиков: всякая конструкция, причудливая ли, уродливая ли, возникала лишь для того, чтобы тут же быть разрушенной неловким движением могущественной, но неумелой руки; руинам же было суждено чудесное превращение в волшебный лабиринт, причем, и это случалось лишь на краткое мгновение.

Кажется, я тоже был одним из их кубиков.

«Добрый вечер, Макс!» – говорили они и хохотали, как подвыпившие школьники, но смех не звенел, а потрескивал: так трещат отсыревшие поленья в камине. Я недоумевал: что забавного может быть в столь

обыденной фразе? «Хорошей тебе ночи, Макс», – их голоса звучали доброжелательно, но снисходительно, словно я был симпатичной дворнягой или ручным скворцом.

Я не давал себе труда удивиться, откуда они знают мое имя, поскольку эти двое были похожи на тех счастливчиков, что легко угадывают заветное число, но вечно забывают поставить на него деньги. Перед тем как уйти, они непременно включали старомодную лампу под зеленым абажуром, которая стояла на маленьком столике возле моего кресла, и ее тусклый леденцовый свет казался мне слишком ярким, так что поневоле приходилось просыпаться.

«Круг разомкнулся», – думал я, пробуждаясь. Впрочем, нет, не *думал*, фраза эта, изящная, но вполне бессмысленная (что за «круг»? с какой стати он «разомкнулся»? и был ли «сомкнут» прежде?), ритмично пульсировала в висках, как пульсирует кровь в жилах живых людей. «Круг разомкнулся», – странное словосочетание постепенно наполняло меня, становилось фундаментом будущей телесности. Слова оказались достаточно густыми, чтобы заполнить пустоту, из которой я был соткан прежде; комариный зуд их звучания не давал мне погрузиться в безмятежное забытие. Я невольно начинал прислушиваться к шорохам мира, которые по капле просачивались теперь в хрустальный дворец моего совершенного одиночества, *одиночества-без-себя*, потому что... *круг действительно разомкнулся.*

Это было.

Это было так странно!

2. Кур

В шумеро-аккадской мифологии одно из названий подземного мира <...> вторичное название – кур-ну-ги («страна без возврата»). О положении и местонахождении Кур четкого представления нет. <...> В него не только спускаются и поднимаются, но и проваливаются.

...Сначала я просто наслаждался звучанием голосов: приглушенных расстоянием, пока женщины сидели на веранде; четких, когда они собирались к чаю в просторной парадной столовой; бесстыдно звонких, если они окликали друг друга в холле. Я сам не заметил, в какой момент начал внимательно прислушиваться к голосам, но это случилось, и смысл слов постепенно становился мне понятен – поразительное ощущение! До сих пор речь постоянно сменяющихся обитателей трехэтажной виллы, пленником (или хозяином?) которой я то ли стал совсем недавно, то ли был всегда, казалась мне птичьим щебетом, пронзительным, сладкозвучным и напрочь лишенным смысла. Голоса убаюкивали меня, как шум реки. Так перестаешь понимать человеческую речь за несколько мгновений перед тем, как погрузиться в глубокий сон, когда невидимый шейкер перемешивает обе реальности и ты – уже? еще? – не можешь отделить сон от яви (или все-таки одно сновидение от другого?).

– Я недавно перечитывала Сэлинджера...

Дружный смех, тихий, как шорох прошлогодних листьев в саду за распахнутым окном.

– И после этого ты будешь говорить, что тебе здесь совсем не скучно?

– Пока ничего страшного, девочки. Но вот если Лиза возьмется за Достоевского, тогда да, тогда ее пора эвакуировать!

– В Мюнхен.

– Не поможет. Лучше уж в Амстердам.

– Ага, она там как следует курнет, вспомнит студенческие годы...

– И в таком состоянии снова усядется читать Сэлинджера. Так что бесполезно. Тебе уже ничего не поможет, ты слышишь, бедняга?

– Но я люблю читать перед сном, и, собственно говоря, почему бы не перечитать Сэлинджера, если уж он есть в здешней библиотеке? Не сбивайте меня, ладно? Я хотела сказать вот что. Я его лет пять не открывала, а сейчас вдруг обратила внимание... В ранних рассказах несколько раз возникает Холден Колфилд. То есть о нем там мельком упоминают. В одном рассказе сорок четвертого года появляется его старший брат, тоже Колфилд, только Винсент, и между делом вспоминает Холдена... А потом в рассказе, который был написан в сорок пятом году, главный герой – все тот же Винсент. Так вот, к этому моменту он уже знает, что его братишка Холден пропал без вести... Да, а потом, уже в пятьдесят первом году, вдруг появляется знаменитый роман «Над пропастью во ржи», где этот самый пропавший без вести Холден Колфилд – главный герой. Вы понимаете?

– Ну и что? Лиза, деточка, так часто бывает. Многие писатели влюбляются в своих героев, иногда они не могут расстаться с ними всю жизнь, таскают из рассказа

в рассказ или из романа в роман, и путаница их не смущает...

– Я знаю, что часто. Но тут не то. Во всяком случае, я не это хотела сказать. Тут совсем другое... – Она смущенно умолкает, а потом говорит так тихо, что я скорее угадываю, чем слышу ее слова: – Неужели не понятно, *куда* он пропал без вести, этот мальчик?

– Ах, вот ты о чем...

– Хочешь сказать, он пропал без вести – из одной книги в другую?

– Ну да. Из одной книги в другую, из одной жизни в другую... На новой картинке есть небольшие отличия, не знаю, наберется ли десять...

Женщины не смеются, но я чувствую, как они улыбаются. Лиза продолжает:

– В новой книге у него другой старший брат. Не писатель Винсент, который погибнет в сорок пятом во Франции, а некий Д. Б., он сценарист в Голливуде, и у него там все о'кей, а ведь Винсент, который появлялся в рассказах, не любил ни Голливуд, ни вообще кино как таковое, он об этом не раз говорил, я еще обратила внимание...

– Деточка, ты зря стараешься. Литературный критик из тебя все равно не получится, ты слишком искренне любишь книги. Материал, с которым работаешь, нельзя любить: в этом случае он не поддается анализу. Выскальзывает из-под скальпеля да еще и верещит, как умирающий заяц.

– А разве умирающие зайцы?..

– Да, они верещат. Очень страшно кричат, как маленькие дети. Я не знаю, как люди решаются их убивать...

– Вот уж за что следует ввести смертную казнь: за охоту на зайцев. Повсеместно. Это единственное преступление, которому нет оправдания.

– Подождите со своими зайцами, не сбивайте меня. Я не о том. При чем тут критика какая-то? Конечно, я не собираюсь что-то там всерьез исследовать. Тут другое. Когда я поняла, *куда* пропал без вести Холден Колфилд, я подумала: а может быть, мы тоже пропали без вести? В другую книгу... в другую жизнь. Мы сами ничего не заметили, а наши родственники и друзья где-то там, в прежней жизни, бьют тревогу, но мы никогда не узнаем об этом, потому что здесь есть телефон, и всегда можно позвонить домой, и тебе ответит знакомый голос... почти как настоящий.

– Боже мой! – звенит в напряженной тишине хорошо поставленный голос Алисы. – Ты права, детка. Я всегда подозревала, что однажды проснусь не там, где мне положено, – просто по рассеянности!

– А ведь действительно все стало... как-то не так, правда? С тех пор, как мы здесь. Слишком хорошо. И от этого тревожно, как перед грозой или как будто все время полнолуние. Разве нет? Юста, ты каждый день едешь в Мюнхен. Как он тебе? Настоящий?

– Мюнхен всегда ненастоящий. Это не показатель. Единственный город, в котором невозможно положиться на карту, только на удачу... и еще на таксистов. Каждый мюнхенский таксист очень четко знает, в каком измерении находится место, в которое тебе требуется попасть, и это их неоспоримое достоинство... Вообще-то

я не очень верю, что мы уже пропали без вести. Но, по-моему, мы вполне можем пропасть. У нас есть шанс затеряться где-нибудь в коридорах. Меня не покидает ощущение, что с этой веранды можно исчезнуть в любой момент. Поэтому здесь так тревожно... и так хорошо.

– Ну вот, спать я сегодня ночью не буду. Вы меня напугали.

– И правильно. Утром поспишь. А ночью надо смотреть на звезды. Их здесь, по-моему, раза в три больше, чем положено...

– Ага. И перед отъездом нас заставят оплатить дополнительные звезды, поштучно, по списку. Как счета за телефон.

– Хм... Могли бы заранее сообщить расценки, я бы еще подумала. Я девушка экономная...

– Ничего, сэкономишь на телефонных звонках. А звезды пусть остаются.

– Ну ладно, уговорили. Хотя... Разве дело в количестве?

– Иногда – да.

Я слушаю их болтовню, и у меня кружится голова. «Пропать без вести», это надо же! Знали бы они, сколь опасно близки к правильному решению задачи.

О, я уверен, они ничего не знают об этом доме, ничегошеньки (по крайней мере, пока), но их чутье – это нечто! Я и сам наверняка «пропал без вести», переступив порог этого гостеприимного дома. Иногда мне кажется, что я помню, откуда именно я «пропал», а иногда я понимаю, что ни черта не помню, кроме своих бесконечных путаных снов.

Я, знаете ли, просто местный призрак. Впрочем, я не доставляю окружающим никакого беспокойства: у меня нет нелепой потребности завывать во тьме безлунной ночи или, к примеру, драматически греметь цепями. У меня и цепей-то никаких нет. Я просто сижу в кресле, обитом потертым красным плюшем. Увидеть меня, кажется, совершенно невозможно. Но в красное кресло никто никогда не садится: что-то удерживает обитателей этого дома, даже самых непрошибаемых, от попыток занять мое место.

Во всяком случае, именно так обстояли дела, пока на вилле Вальдефокс не появились эти женщины. Про себя я сразу окрестил их «иствикскими ведьмами», благо, то ли в прошлом (которого у меня, возможно, не было), то ли в одном из тягучих снов, заменяющих мне воспоминания, я с удовольствием читал одноименный роман во время поездок в метро^[1].

Прозвище моим новым знакомым не слишком подходило: книжные-то «иствикские ведьмы», помнится, произвели на меня почти отталкивающее впечатление, а тут такие милые дамы. И все же несколько дней я почти беспричинно отождествлял временных обительниц виллы с героинями Апдайка: призрак (как всякое одинокое существо) хватается за любой повод блеснуть нечаянной эрудицией^[2].

¹ Некоторые книги можно читать только под землей, но есть и такие, к которым лучше не прикасаться, пока не заберешься повыше. Тут все годится: и балкон на девятом этаже, и крыша двухэтажного особняка, и раскидистое дерево. Очень важно с самого начала угадать, что за книга вам досталась, в противном случае все удовольствие насмарку.

² Для призрака я, вероятно, неплохо образован: мне то и дело грезится, будто я увлеченно читаю какие-то тексты, если повезет – захватывающие, иногда – откровенно скучные, изредка начиненные всякими полезными для живых людей

Что касается самой виллы Вальдефокс, расположенной в полчаса неторопливой езды от Мюнхена, официально она считается собственностью городского магистрата. Впрочем, подозреваю, что здешний смотритель, седой баварец по имени Франк, флегматичный и невозмутимый, как породистый сенбернар, в глубине души полагает виллу своей личной собственностью. Я же совершенно точно знаю, что этот трехэтажный дом с большой верандой и изящной башенкой наверху, окруженный запущенным старым садом, принадлежит мне – или я принадлежу ему, какая, к черту, разница?! Обладание всегда взаимно, и собственность – палка о двух концах, как, впрочем, и рабство...

Но наивные кругло-красно-озабоченно-лицые господа из мюнхенского магистрата даже не подозревают о наших с Франком собственнических амбициях. Франк Хоффмайстер – наемный работник, для которого возможность проживать в маленьком домике у ограды виллы является одновременно и привилегией и обязанностью, оговоренной в контракте, так что с ним все ясно. Что касается меня, вряд ли эти господа способны поверить в мое существование даже после пятнадцатой кружки пива, так что со мной тоже все ясно – в каком-то смысле...

Богатая бездетная дама, которая завещала городу свое владение где-то в середине шестидесятых годов почти истаявшего уже столетия, прятала природную мечтательность под не улыбочивой маской из собственной кожи, нежной и сухой, как крылья бабочки. Она

знаниями, а порой просто душераздирающие... хотя на самом деле я, конечно, ничего не читаю, а просто дремлю в своем кресле.

справедливо полагала, что скука – вполне приемлемая плата за благополучие, и больше всего на свете любила засыпать и просыпаться (но не спать и не бодрствовать). Она читала книги, открывая их на середине, откуда ее близорукий левый глаз мог путешествовать в начало наперекор логике и смыслу, а дальнорский правый – проторенным путем, к финалу. Состарившись, она вдруг поняла, что боится не смерти, а забвения, и пожелала, чтобы под крышей ее дома собирались писатели, художники и прочие занимательные персонажи – после того, как он опустеет, разумеется.

Соотечественники всегда казались ей слишком пресными, поэтому она особо оговорила, что гости должны приезжать из разных стран мира. Возвышенное, но убогое воображение подсказывало старой даме, что по вечерам эти удивительные существа (как всякому образованному, но далекому от искусства человеку грядущие гости казались ей немного нелепыми, вдохновенными ангелами) будут встречаться на веранде и беседовать о культуре. Она также надеялась, что благодарные обитатели виллы согласятся извлекать порой из забвения имя ее мертвой хозяйки, хотя бы для того, чтобы удивленно спрашивать друг друга: «Почему, почему же ей взбрело в голову сделать нам столь щедрый подарок?!»

Примерно так и случилось, благо воля завещателя – закон. Вилла Вальдефокс дает временный приют творческим личностям, которые по тем или иным причинам удостоились внимания чиновников из отдела культуры при городском магистрате. Вилла разделена на восемь небольших, но уютных квартир; следовательно, жильцов в доме обычно тоже восемь: стипендиатам всегда вежливо, но настойчиво рекомендуют

воздержаться от поездки в сопровождении членов семьи. Таково пожелание прежней владелицы. Возможно, старая дама была очень мудрой женщиной и считала одиночество великим сокровищем, на поиски которого почти никто не отправляется по доброй воле, а может быть (увы, это больше похоже на правду), она, как многие старые девы, испытывала смутное отвращение к чужому семейному счастью...

3. Кхун Болон

...Чтобы предохранить небеса от докучливости людей, он перерезал мост из ротана, соединявший небо с землей.

Вилла Вальдефокс – своего рода «райский сад», приспособленный к нуждам одухотворенных курортников; усовершенствованный небозаменитель для тех, кого утомила сила земного притяжения. Но воспользоваться этой благодатью можно лишь ненадолго. Плата за вход – грядущее изгнание, с коим большинству стипендиатов бывает нелегко примириться.

Сюда приезжают на месяц, два, максимум – три, не больше. Потом новые жильцы сменяют прежних, и только мы с Франком (иногда я начинаю опасаться, что старик вполне способен разглядеть в темноте мои неопределенные контуры, а порой мне кажется, что он еще менее реален, чем я сам) остаемся в этом доме. По большому счету, нам обоим просто некуда больше деться: земля нас не носит, а мост, соединяющий землю и небо, разобран на хрустальные кирпичики (те, в свою очередь, истолчены в ступе, сверкающий порошок

развеян по ветру, а ветер давно уже утих). Нас с Франком эта невеселая новость тоже касается, так-то.

4. Кшитигарбха

В Индии Кшитигарбха изображается сидящим, его правая рука касается земли, а левая держит лотос вместе с деревом желаний.

В ту зиму господа из магистрата вдруг решили возвести экономию в добродетель, и после Рождества количество стипендиатов сократилось чуть ли не втрое. Я был им благодарен: пока не станешь призраком, не поймешь, что главный недостаток живых людей – их количество.

Не то чтобы прежние жильцы виллы мне действительно мешали, но в первые дни января я вдруг почувствовал себя – как бы это сказать поточнее? – почти живым. Сны еще не покинули меня, но их разноцветный туман все чаще рассеивался. Иногда мне казалось: еще немного и я смогу покинуть свое уютное кресло. А что, отправлюсь бродить по окрестностям, пугать осмелевших белок, сверять собственные грезы с наличной действительностью. Обманчивые воспоминания об узорчатых лакированных листьях вечнозеленых кустарников, ветхих туманностях прошлогодней травы и влажном гравии узких тропинок, оплетающих холм, преследовали меня столь же неотвязно, как и смутные надежды на грядущее путешествие по саду.

Я стал томиться. Память – неужели именно *память?! –* подсказывала, что это ощущение сродни жажде; мне понадобилось немало времени, чтобы

понять: я не просто предполагаю возможность прогулки, а *хочу*, чтобы она состоялась.

«Я хочу» – до сих пор словосочетание сие было мне без надобности; дело ограничивалось общим, поверхностным, приблизительным представлением о его смысле. Теперь я на собственном опыте узнал, что такое желание: душевный зуд, телесная смута, бесславное бегство ума из «здесь-и-сейчас» в воображаемое будущее. Морок.

Сладостный, впрочем, морок.

5. Кырк Кыз

В мифологии каракалпаков Кырк Кыз – девы-воительницы <...>. Они живут на острове общиной...

В довершение ко всему, я вдруг обнаружил, что обитательницы виллы мне чрезвычайно нравятся. Впрочем, «нравятся» – не совсем удачное слово. Симпатия, которую я испытывал к трем женщинам, чьи звонкие голоса то и дело извлекали меня из-под тяжелой, удушливой перины грез, была сродни детской влюбленности, самой поэтической разновидности этого чувства, не обремененной ни желаниями, ни надеждами, ни планами на будущее.

Я любовался ими, томимый той же бескорыстной сладкой тоской, какую испытывали они сами, когда замирали на веранде, замороженно вглядываясь в призрачные очертания гор на горизонте, и стакан с ненужным больше коктейлем выскользывал из пальцев. Печальная трель, рождавшаяся в момент

соприкосновения тонкого стекла с каменным полом веранды, болезненно отзывалась в моем сердце и кружила голову почище, чем колокольный перезвон в воскресное утро. (Господи, сколько стаканов разбили эти зачарованные принцессы всего за две недели!)

Их было три. Эти женщины отличались друг от друга столь разительно, что избитая метафора: «как день и ночь» кажется мне совершенно неуместной. К черту времена суток! Они разнились, как сталактиты, созревающие в темноте подземелий, и северное сияние, которого я никогда не видел; как краткий отчаянный крик испуганного ребенка и медленное погружение в воду горячего источника, бьющего среди иссиня-черных лавовых полей на острове Исландия; как холод рыбьей чешуи и сладкий вкус рассыпчатого свежее испеченного кекса, как...

Стоп, заигрался.

Одним словом, женщины были разными – настолько, что иногда я сомневался, что они принадлежат к одному биологическому виду.

6. Кэшот

Наиболее часто воплощается в образе слона или огненного пламени.

Самую юную обительницу виллы звали Лизой. Ей было лет двадцать пять, не больше. Маленькая толстушка, широкобедрая, как изображения ассирийских богинь. Но ее полнота не покоилась на приторно-прочном фундаменте, сложенном из ленивой ненависти к окружающему миру и пристрастия к

пирожным, а посему казалась совершенно естественным, неоспоримым достоинством. Лиза была до краев переполнена жизнерадостной внутренней силой, избыток которой требовал вместительного сосуда, поэтому природе поневоле пришлось создать ее толстушкой. Шаровая молния, сгусток тепла, солнечный зайчик с коротко стриженной круглой головой и большими миндалевидными глазами цвета молочного шоколада. В тот день, когда она поселилась на вилле, ртутный столбик уличного термометра резко рванул вверх. До Рождества он преданно облизывал нулевую отметку, но теперь у нас установилось стабильное «плюс 10» – уж я-то отлично знал, кого должны благодарить обитатели близлежащего городка Шёнефинга за столь ранний приход весны!

Лиза с удовольствием прислушивалась к щебету птиц и изливала свою восторженную любовь на соседских собак, коров, лошадей и прочую домашнюю живность; она пришла в отчаяние, когда от домашних гусей смотрителя Франка осталась неопрятная кучка костей и перьев. «Фукс из леса пришел, обедал, тут зимой всегда много лисиц, которые ищут свой ленч», – старательно коверкая английские слова, объяснял ей старик. (Франк почему-то никогда не говорит с постояльцами по-немецки; даже с теми, кто отлично владеет его родным языком, он предпочитает изъясняться на жуткой смеси всех мыслимых и немыслимых наречий, а в качестве масла, которым он щедро смазывает свои причудливые монологи, используется до неузнаваемости изуродованный английский.) Лиза не пожалела слез, чтобы оплакать грузных серых птиц; она не стала вспоминать, что при жизни покойные обладали убогим авторитарным разумом

и склочным характером. На долю каждого погибшего гуся досталось по несколько дюжин теплых слезинок. Но ее взгляд всегда равнодушно скользил по мерцающей чешуе аквариумных рыб; она брезгливо косилась на лягушек и боялась змей: существа с холодной кровью казались ей чужими и, возможно, враждебными.

Лиза была писательницей из Лиссабона, начинающей, но, очевидно, успешной. Из бесконечных разговоров, которые не стихали по вечерам на веранде, я узнал, что стипендию мюнхенского магистрата для Лизы выхлопотал ее немецкий издатель. Чего я никак не мог себе представить, так это Лизу, часами неподвижно сидящую над клавиатурой. Она и за завтраком-то никак не могла дожидаться окончания трапезы: забирала свою чашку с остывающим кофе и отправлялась в сад или убегала в свою комнату на последнем этаже, чтобы через две минуты вернуться назад, сообщить какую-нибудь пустяковую новость своим чинно жующим подругам и снова исчезнуть; ступеньки деревянной лестницы, привыкшей к степенным пожилым жильцам, каковых здесь до сих пор было подавляющее большинство, сварливо скрипели под ее крепкими резвыми ножками.

Но факт остается фактом: это непоседливое, как трехлетний деревенский карапуз, существо каким-то образом умудрилось начать и благополучно завершить как минимум одну книгу (в противном случае, совершенно непонятно, что же собирался издавать седой усатый двойник Дон Кихота, владелец книжного дома «Фрайман», которого я видел один-единственный раз, когда он собственноручно доставил на виллу маленькое чудо природы по имени Лиза).

Л

7. Ламия

Так как Гера лишила ее сна, она бродит по ночам. Сжалившийся над ней Зевс даровал ей возможность вынимать свои глаза, чтобы заснуть, и лишь тогда она безвредна.

Вторую женщину звали Юстасия. Она была фотографом из Праги. Я бы не взялся определить ее возраст. Порой мне казалось, что она совсем недавно закончила школу, а иногда – что ей около сорока. В этой женщине вообще не было ничего определенного; не только ее возраст, но даже пол временами вызывал сомнения. Когда она впервые появилась в холле, я принял ее за мальчика: высокая, худая, в мужской жокейской кепке с наушниками, в новеньких голубых джинсах, потертой куртке из тонкой коричневой кожи и тяжелых ботинках, с большим рюкзаком за спиной, она была похожа на белобрысого немецкого подростка – очень типичного! Я даже решил поначалу, что этот мальчик живет в поселке и подрабатывает, доставляя багаж гостей от железнодорожной станции, расположенной в пятнадцати минутах ходьбы от виллы, у подножья холма. Что ж, выходит, призраки тоже способны приходить к неверным заключениям...

Уже через час Юстасия вышла к чаю в жемчужно-серой шелковой блузке и черной юбке до пят, тщательно причесанная, с легким, почти незаметным макияжем и манерами светской львицы.

Очаровывать здесь было решительно некого; впрочем, я здорово сомневался, что она вообще способна кокетничать: Юстасия была амазонкой, Минервой, валькирией, но уж никак не одной из обольстительных дочерей Венеры. А прихорашивалась она исключительно для собственного удовольствия и еще «дабы не погрязнуть в свинстве» – по ее же выражению.

Юстасия считала до десяти, пропуская число «четыре», потому что еще в раннем детстве четверка внезапно показалась ей опасной – до такой степени, что она начинала отчаянно реветь, когда ей доставались сразу четыре конфеты. А повзрослев, Юстасия узнала, что в японском языке один и тот же иероглиф соответствует числу «четыре» и слову «смерть». «Черт, так я все-таки угадала!» – с мрачным торжеством Кассандры отметила она. С этого момента вся ее жизнь была подчинена одной-единственной цели: ускользнуть от смерти, пока это возможно, и даже некоторое время после того, как к восхитительному слову «возможно» прибавится коротенькая, полная отчаяния приставка «не».

К сверкающему объективу своего фотоаппарата Юстасия относилась с суеверной почтительностью дикаря: когда ей исполнилось двадцать девять лет, она заметила, что люди, чьи портреты ей удались, на этом свете подолгу не задерживаются. С тех пор она снимала только в моргах и на бойнях. Это принесло ей скандальную славу, неплохие деньги и некое подобие душевного покоя, – а большее ей все равно не светило.

Она не чуралась лжи, охотно прощала ее другим и снисходительно позволяла себе, справедливо полагая, что ложь делает жизнь зыбкой, как самодельные мостки

над текущей водой, и увлекательной, как прогулка по этим мосткам, а правда иногда становится булавкой, на которой трепещет неосторожная бабочка.

Как все люди, вынужденные разглядывать окружающий мир из своего зарешеченного окна, вместо того чтобы прогуливаться под чужими окнами, Юстасия обладала даром смешить других, но сама смеялась редко. Ее смех вибрировал в диапазоне от густого бархата до пронзительного визгливого звона, и сумрачное тяжеловатое лицо в эти мгновения преображалось до неузнаваемости. «Есть вещи, которые я люблю, есть вещи, которые я ненавижу, и иногда они меняются местами», – как-то сказала она, и тогда я понял, что эта женщина весит меньше, чем мои сны...

8. Лейкпья

...Когда Лейкпья улетает, знахари стараются ее поймать, предлагая ей дары.

Алиса, искусствовед из Лондона, была самой старшей в этой компании. Ее кудри уже серебрились сединой, но у нее хватало достоинства и здравого смысла не прятать глубокие морщины под толстым слоем грима: Алиса демонстративно презирала декоративную косметику. Она умела наслаждаться звучанием слова «безнадежно» и одевалась с непринужденной небрежностью молодой девушки. Ее короткие юбки, похожие одна на другую, как красные кленовые листья, открывали изумленному миру потрясающей красоты ноги.

Алиса жила в ладу со своим именем. Я легко мог представить ее в качестве участницы «безумного чаепития» или «королевского крикета»: вечная блуждающая улыбка свидетельствовала о том, что Алиса вполне способна – не намеренно, а исключительно по рассеянности! – оказаться в Зазеркалье, на мгновение приняв гладкую поверхность зеркала за дверь, ведущую в столовую.

Она была погружена в себя – не в свои мысли, мечты или воспоминания, а именно в себя, и существовал только один способ выманить ее из этого убежища, схожего не с каменным панцирем черепахи, а с хрупкой и неброской раковиной улитки: разбудить ее любопытство, дружелюбное и требовательное, как у ребенка. Мир должен оставаться забавным и разнообразным, если хочет, чтобы Алиса поддерживала с ним дипломатические отношения, – вот так-то.

Ее походка была легкой, как у привидения, она любила забираться в кресло с ногами, сбрасывая туфли, о которых вскоре забывала, и уходила в свою комнату босиком. Так что маленькая Лиза, в первый же день взявшая под опеку всех своих новых подружек, то и дело вприпрыжку мчалась через холл, размахивая черными лодочками Алисы, и громогласно сообщала этому неземному существу, что бродить по дому в одних чулках в середине января не следует.

Алиса знала, что пустые обещания пахнут пылью, как тряпье в шкафу умирающего старика, и умела безошибочно распознавать этот тлетворный аромат. Она любила неодушевленные предметы больше, чем ненадежные подвижные порождения органической материи. Радовалась мелким подаркам: нефритовой

пуговице, глиняному кувшинчику, крошечной стеклянной фигурке зебры, но оставалась равнодушной к букетам живых цветов. Шумно изумлялась, что белые ягоды на жестких оголенных ветвях кустарника почти столь же прекрасны, как холодные опаловые бусины. Украдкой гладила старинные каменные перила террасы и равнодушно отворачивалась, когда замороженные ее безразличием белки спускались на нижние ветви деревьев, настороженно поблескивая влажными искорками глаз.

Ее очарование было неотразимо и тревожило разум, как клубы дыма от костра, разведенного в конце долгих зимних сумерек на заброшенном пустыре.

9. Лиса

Широко распространены истории о превращении лисы в человека. <...> В китайской и японской традициях рассказы о лисе обнаруживают совпадения с европейскими историями о суккубах, инкубах, роковых невестах и т. п.

Никаких иных жильцов на вилле не было. Но в хрониках тех смутных январских дней фигурирует еще одно действующее лицо.

Франк говорил правду: «фукс» действительно приходил из леса. Вернее, приходила. Лиса была именно лисой, а не лисом: под густым мехом цвета красной охры билось женское сердце, и все прочие лисьи потроха находились в полном соответствии с требованиями женской природы.

Другое дело, что к исчезновению наших гусей рыжая лазутчица не имела решительно никакого отношения. Не в поисках пищи слонялась она по саду. Эта лиса вообще не слишком интересовалась пропитанием. Поесть она могла и наяву.

Да, именно.

Одни люди спят и видят сны; с другими же сны *случаются*. Становятся *происшествиями*, настолько достоверными, что, при желании, всегда можно отыскать свидетелей собственных ночных походов. С нашей гостьей именно так и обстояло: когда ей снился сон, что она превратилась в лису, ее рыжий хвост мелькал среди деревьев.

Итак, пища лисе не требовалась. Куда больше ее занимала моя персона. По ночам рыженькая подкрадывалась к веранде, толкала лапкой застекленную дверь – вотще. Дверь всегда оказывалась запертой. За этим следил Франк: старик ежевечерне совершал обход дома, погромыхая связкой медных и оловянных ключей. На первый взгляд, его возня походила на ритуал, предназначенный для развлечения заскучавших жильцов, однако Франк свое дело знал. Ни единой лазейки не оставлял он незванным ночным гостям.

Вот и лисичка моя сердито поскуливала на пороге. Я откуда-то знал, что она пришла именно ко мне, но впустить ее не мог: манипуляции с дверными замками были мне в ту пору не под силу, я и кресло-то свое покинуть не умел, даже о возможности такой не догадывался.

Лисичка уходила, разочарованно твякнув напоследок; я же прикрывал подслеповатые глаза прозрачными веками и размышлял о таинственной цели

ее визита. Упивался надеждой, что, дескать, однажды бдительный старик забудет запереть стеклянную дверь, и чудесный зверек проскользнет на веранду, юркнет в холл, забьется под мое кресло, а то и на колени вспрыгнет, превратится в прекрасную незнакомку, как это у них, лис да барсуков, заведено, и тогда я наконец узнаю, что за дело ей до меня, невесомого и почти несуществующего...

Пока я мечтал, лисичка требовательно царапала коготками дверь флигеля, где обитал Франк. Не добившись успеха, вспрыгивала на подоконник и умильно взирала на старика медово-желтыми очами. Всерьез полагала, будто ее лукавое очарование подействует на нашего строгого ключника и он наконец впустит ее в дом. Франк же лишь посмеивался в седые усы, да вертел связку ключей на смуглом морщинистом пальце: дразнился.

– Что ж ты пешком пришла? – спрашивал насмешливо. – Прилетай, тогда и поговорим.

Это был удар ниже пояса. Она и сама предпочла бы видеть сны о том, как превращается в птицу. Но такие видения пока обходили стороной ее изголовье.

10. Лопамудра

...не найдя достойной его женщины, он создает девочку необычайной красоты и ума по имени Лопамудра (от lora, «потеря», и mudra, «знак красоты»), заимствуя у каждого живого существа лучшее, что в нем есть.

Убедившись, что проникнуть в дом ей не по силам, лиса устраивалась в густом кустарнике, выбирая

местечко поближе к веранде. Сворачивалась клубочком. Слушала болтовню женщин. Покусывала кончик собственного хвоста от досады, что не может присоединиться к их беседе. Незнакомки казались ей почти сестричками, все трое. Лиса (*женщина, которой снилось, что она превратилась в лису*) то и дело узнавала в них себя. Словно была мозаикой, составленной из фрагментов их настроений, поступков, реплик, жестов и поворотов головы. Лисе хотелось прильнуть к их ногам, потереться, приластиться, чтобы скрепить телесным прикосновением смутное, неосязаемое душевное родство. Но в этих снах о доме с башенкой на вершине холма ее желания не имели никакого значения...

Пробуждаясь, она всякий раз разочарованно вздыхает: опять ничего не получилось. Но губы тут же складываются в мечтательную улыбку: не сегодня, значит потом, чуть позже. Когда-нибудь. Предначертанное всегда исполняется, поэтому нужно лишь подождать. Закрывать глаза и сосчитать до ста, как в детстве, когда хотелось ворваться в комнату, где родители наряжали новогоднюю елку: перечисление порядковых номеров от единицы до сотни было чем-то вроде входного билета и немного скрашивало ожидание. Совсем чуть-чуть.

11. Лу Бань

...когда Лу Баню минуло сорок лет, он удалился в горы Лишань и изучал секреты магии.

– А мне у Сэлинджера больше всех нравился другой рассказ, – доносится до меня тихий голос Алисы. – Там

парочка уединилась в постели, и тут мужчине звонит муж любовницы, долго и сбивчиво жалуется на жену, которая уже давно его не любит, вот и сейчас, дескать, куда-то исчезла после вечеринки. Тот его утешает, говорит: «Не беспокойся, выпей, ложись спать, она наверняка уехала с друзьями пропустить по стаканчику и скоро объявится». Рогатый муж кое-как успокаивается и прощается, любовники принимаются смущенно обсуждать ситуацию, а через несколько минут телефон звонит снова. Это опять муж женщины, он с облегчением сообщает, что *она вернулась*. И все. Представляете?! Я потом еще долго надеялась: а вдруг какая-нибудь добрая душа уже «вернулась» домой вместо меня, и, значит, мне... – она осеклась и умолкла.

– И, значит, тебе возвращаться необязательно, – в тишине голос Юстасии звучит, как приговор.

– Ну да, – задумчиво соглашается Алиса. – Лучшее, что может сделать женщина за сорок – исчезнуть, оставив вместо себя мало-мальски пристойного двойника... Только ничего не получалось. Я всегда приходила домой, и никого похожего на меня там не обнаруживалось.

Они еще какое-то время щебечут на веранде, их голоса убаюкивают меня, и я снова погружаюсь в зыбкую разноцветную реальность обманчивых воспоминаний о жизни какого-то смешного мальчика по имени Макс. Пока я сплю, подразумевается, что я – это он и есть...

12. Лха

В тибетской мифологии божества, обитающие в небе. <...> Лха бытия возник в результате

взаимодействия двух цветов – желтого мужского и голубого женского.

На сей раз пробуждение сопровождалось весьма интенсивными ощущениями – не сказал бы, что они показались мне приятными. Зато я сразу понял, на что это похоже.

Однажды очень давно (или этого вовсе не было?), когда я учился в десятом, кажется, классе средней школы (надо же, какие интересные подробности!), я всерьез разругался с родителями и временно поселился у своей старшей сестры. Ее пятилетние близнецы, мои, стало быть, племянники, обожали по утрам забираться ко мне в кровать и щекотать меня, пока я не проснусь. Этаким беспощадный «биологический будильник». Так вот, мои теперешние ощущения здорово смахивали на те, давно забытые. Только ни постели, ни одеялу с подушкой не нашлось места в моей странной жизни: я снова сидел в красном кресле, к которому так привык, что считал его почти неотъемлемой частью своего зыбкого тела.

Разумеется, никаких племянников поблизости не обнаружилось, и вообще никого не было рядом – ни в просторном холле виллы Вальдефокс, ни в общей столовой, ни на веранде, ни в темном коридоре, ведущем на кухню. Ничего удивительного: стояла глухая ночь, самое тихое время, когда неугомонные полуночники уже отправляются спать, а «жаворонки», привыкшие вставать задолго до позднего зимнего рассвета, досматривают свои сновидения, второпях, как последние страницы каталога дешевого универмага, которому суждена медленная и мучительная гибель в помойном ведре.

Щекотка тем не менее была самой настоящей. Я-то, грешным делом, уже забыл (или никогда не знал?), сколь интенсивные ощущения приходится испытывать живым людям, поэтому поначалу совершенно очумел – нечто в таком роде могло бы случиться разве что с мумией египетского фараона, если бы на беднягу вдруг обрушился приступ зубной боли. Шок, впрочем, прошел довольно быстро, но к тому моменту во мне уже произошли некие таинственные необратимые изменения.

Начать с того, что я вдруг испытал непреодолимое желание потянуться, размять затекшие конечности и чуть не заорал от удовольствия, когда сладко захрустели все мои суставы. Секунду спустя я понял, что не просто как следует потянулся, а выпрямился во весь рост, встал на ноги, так что овеществившаяся наконец задница тут же утратила возможность соприкоснуться с красной обивкой кресла. Это было восхитительно – как любая перемена участи; в то же время я испугался так, что в глазах потемнело. Страх сам по себе тоже был новым ощущением: свежим, волнующим и, что уж скрывать, по-своему приятным, хвала адреналину!

Стоило мне покинуть кресло, и волна удивительных перемен захлестнула – то ли меня, то ли темный холл виллы, а вместе с ним и весь остальной мир. Я быстро выяснил, что темнота теперь обладает свойством скрывать от меня очертания предметов – прежде, пока я сидел в кресле, у меня не возникало подобных проблем, я отчетливо видел каждую паутинку в самом дальнем углу под потолком. А когда я зажмурился, меня окружила вовсе уж непроницаемая темнота – и так, оказывается, бывает! Я сжал руки в кулаки, потом разжал, изумляясь

тому, какая дивная симфония разнообразных физических ощущений сопровождает сие незамысловатое действо.

Но проклятая щекотка – то, что я поначалу считал щекоткой – не давала мне сосредоточиться на упоительных экспериментах. Теперь этот своеобразный зуд больше походил на страстное желание сделать что-то весьма конкретное... но вот что именно?

По истечении нескольких мучительных мгновений я вдруг понял, что должен покинуть холл и подняться вверх по лестнице. Я еще не знал, куда именно мне следует попасть, и уж тем более – зачем; но был совершенно уверен, что пойму это по дороге. В любом случае я не мог оставаться на месте. Щекотка уже извлекла меня из кресла и теперь гнала вверх по лестнице, пролет за пролетом. На бегу я вдруг подумал, что нечто похожее, наверное, испытывают сказочные джинны, когда очередной повелитель начинает неистово тереть медный бок старой лампы, и громко рассмеялся – не потому, что мое открытие действительно было таким уж смешным, а просто от переизбытка сил, которые надо было как-то расходовать.

Я миновал три этажа, на которых располагались жилые помещения. Над последним этажом были надстроены своего рода антресоли, заставленные книжными полками. Я взобрался туда по узенькой деревянной лестнице, такой шаткой и скрипучей, словно чиновники мюнхенского магистрата устроили здесь своего рода ловушку для любопытствующих гостей и теперь с нетерпением ждали, когда же какая-нибудь неосторожная полузнаменитость свернет себе шею и будет погребена под обломками рухнувшего сооружения. Но я несколькими длинными прыжками преодолел

шаткие ступеньки и с восторгом ученого, совершившего эпохальное открытие, замер перед низенькой белой дверцей. Тело расслабилось в предвкушении последнего рывка к неизвестной пока, но, безусловно, единственно важной в тот момент цели. Я твердо знал, что за этой дверью меня ждет... какая разница, что именно?! Что-то. Ждет. Меня. Надо же!

Дверь не была заперта на замок – впрочем, не думаю, что меня бы это остановило. Переступив порог, я оказался в полной темноте, левая рука инстинктивно начала шарить по стене и сразу же наткнулась на выключатель. Где-то очень высоко вспыхнула тусклая лампочка, и я увидел, что стою перед очередной лестницей. На сей раз лестница оказалась узкой, закрученной причудливой спиралью, с толстыми корабельными канатами вместо перил. Преодолев сорок две изогнутые ступеньки, я оказался в маленькой комнате, освещенной бледным пламенем одной-единственной свечи.

Когда я вошел, все окна в комнате с грохотом распахнулись, стекла жалобно задребезжали, и порыв ветра чуть не сбил меня с ног, но я устоял. Свеча тут же погасла, я услышал, как катятся по деревянному полу какие-то мелкие предметы, а потом раздалось одно-единственное звонкое «Ой!», произнесенное женским голосом – хорошо знакомым мне голосом, к слову сказать. Обитательницы виллы Вальдефокс были здесь, вся троица, но пискнула только Алиса.

– Это просто сквозняк, – наконец сказала Юстасия. Ее голос звучал не слишком уверенно и не столь спокойно, как ей наверняка хотелось бы. Она взяла

свечу, чиркнула зажигалкой, и теплый оранжевый свет снова озарил помещение.

– А это тоже сквозняк? – нервно рассмеялась Лиза, тыча в меня пухленьким указательным пальчиком.

– Это не сквозняк, а посторонний мужчина, – тоном школьной учительницы объяснила Алиса.

– Смотритель? – неуверенно предположила Лиза.

– Нет, Франк другой. Он же старенький совсем, – возразила Юстасия. – Неужели ты забыла, как он выглядит? – И требовательно спросила меня: – Вы кто? Только не вздумайте сказать, что вы местный маньяк-убийца. Мы тут и сами... те еще маньячки! – И она неожиданно расхохоталась, закрыв лицо руками.

– Возможно, вы будете разочарованы, но я действительно не маньяк, – вежливо сказал я, удивляясь тому, как странно, оказывается, звучит мой голос. – И даже не посторонний мужчина. Кажется, я здешний призрак. Хотя я уже сам ни в чем не уверен...

Ветер тем временем утих, но не прекратился вовсе, а притаился в углах, словно решил некоторое время посидеть спокойно, посмотреть, как сложатся у нас дела, а уж потом продолжать свою веселую, но разрушительную игру с хрупкими оконными стеклами.

– Вы не можете быть призраком. – Алиса старалась быть рассудительной. – Призраки бесплотны, а вы...

– А я – что? А, ну да... – Я недоверчиво осмотрел свое тело (прежде мне было не до того) и с удовольствием убедился, что оно весьма похоже на настоящее. Впрочем, осмотр был пустой формальностью:

разительная перемена моих ощущений являлась наилучшим доказательством вернувшейся телесности.

– Как вы все-таки попали на виллу? И зачем?

– Понятия не имею, – честно сказал я. – Сколько себя помню, я всегда сидел в красном кресле в холле...

– Никто там не сидел, – нерешительно возразила Лиза. – Во всяком случае, с тех пор как я приехала, я ни разу не видела, чтобы кто-то...

– Перестань, детка, – вмешалась Алиса. – И вы все тоже перестаньте молоть ерунду. Девочки, вспомните, о чем мы сегодня говорили! Почему невозможно заставить себя сесть в это проклятое кресло, и все такое... И чем мы занимались, когда...

Я вдруг понял, чем именно они тут занимались, зачем им понадобилось среди ночи забираться под самую крышу, в башенку – единственное по-настоящему необитаемое помещение в доме. И почему они сидели при свече, и что за доска, наспех исчерченная буквами, лежит на полу...

– Спорю на что угодно: вы затеяли спиритический сеанс! Поздравляю вас с его успешным завершением, дорогие мои медиумы. Очевидно, я и есть ваша законная добыча.

– Но мы даже не успели начать. Мы только взялись за руки...

Все четыре окна захлопнулись с душераздирающим треском – оставалось удивляться, что стекла уцелели. Ночной ветер с торопливой настойчивостью слепого ощупал наши лица и свернулся клубком у меня в ногах. Он выжидал.

– О господи! – несчастным голосом сказала Лиза. – Честно говоря, я думала, что будет весело...

– А тебе что, скучно? – с характерным нервным смешком спросила Юстасия.

– Обхохочешься...

Я подумал, что надо бы немного разрядить обстановку. По всему выходило, что мое появление совершенно некстати, за кого бы меня ни принимали. Если подружки решат, будто я – просто посторонний мужчина... о'кей, тогда смотри длинный список закономерных рабочих гипотез: от маньяка-убийцы до тривиального квартирного воришки, и выбирай, какой пункт тебе по душе, бедняга! Порядочные люди крайне редко приходят в гости к прекрасным незнакомкам в четыре часа утра.

Если же дамы все-таки великодушно примут на веру теорию о моей, так сказать, мистической сущности... Люди, как правило, боятся призраков, даже взбалмошные барышни, коротающие досуг за спиритическими сеансами. Если разобраться, начинающие адепты столоверчения боятся призраков куда больше, чем среднеарифметический рядовой гражданин, порожденный химерами статистических выкладок. Смутная вера у них уже есть, а опыт, законный отец невозмутимости, еще отсутствует.

Я улыбнулся женщинам, стараясь вложить в эту улыбку все неизрасходованные запасы дружелюбия и нежности – единственное, что я мог противопоставить их настороженной взвинченности. Потом медленно подошел к одному из окон – тому, что выходило на юг, где линия горизонта взрывалась белыми брызгами далеких Альп, заснеженные вершины которых ежевечерне поливают

прозрачным сиропом лунного света, и открыл его, неторопливо и осторожно: грохот и звон, которые, судя по всему, весьма по вкусу ветру, не способствуют созданию теплой доверительной атмосферы.

– Не надо открывать окно. Такой сквозняк...

– Это был не сквозняк, а ветер, – мягко возразил я. – Он начнет дуть, когда захочет, окна тут ни при чем... Сегодня волшебная ночь, правда?

– Правда, – эхом повторила Алиса. Немного помолчала и спросила, испытующе заглядывая в глаза: – А ты действительно призрак?

– Ага, – подтвердил я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно и обыденно. – И вы сами это знаете. По крайней мере, чувствуете, что так оно и есть. А чему и доверять, если не собственным ощущениям – разве нет? В каждом из нас живет маленький мудрец, который всегда знает, что к чему, но ему почти никогда не дают высказаться... Так что все правда. По крайней мере, еще полчаса назад я действительно был призраком. Сидел в красном кресле в холле, дремал, а иногда просыпался и наблюдал за жильцами. В последнее время – за вами. Не сердитесь: не так уж много развлечений у призраков... Разумеется, я не знаю, чем вы занимались, когда отправлялись в свои комнаты, или уходили на прогулку. Только пока вы сидели в столовой, на веранде или проходили через холл... Замечу, что ваша беседа о Сэлинджере произвела на меня совершенно неизгладимое впечатление. Прежде я как-то не задумывался о том, куда пропал без вести первый Холден Колфилд...

– Подождите, – остановила меня Юстасия. – Вы читали Сэлинджера? Призраки читают книги? Вот это новость!

– Все не так просто. Большую часть времени я дремал, сидя в этом самом кресле, и мне снились сны. Разные сны. В некоторых снах я был настоящим живым человеком и жил довольно обычной жизнью: ел, гулял, зарабатывал деньги, веселился с друзьями, влюблялся, ходил в кино... И разумеется, читал книги. Очень много книг. Мне, знаете ли, снилось, что я – заядлый читатель... Если честно, я не уверен, что это были просто сны. Возможно – воспоминания. Как бы то ни было, моя память хранит информацию о том, что я читал Сэлинджера. А откуда взялись эти воспоминания, тут уж мне не разобраться... – Я с наслаждением вдохнул ароматный ночной воздух и улыбнулся: – Вы представить себе не можете, какое это удовольствие: быть живым человеком! Столько интересных ощущений... Взять хотя бы этот запах – господи, я уже забыл, для каких изощренных наслаждений создан человеческий нос!

– Что ж, тебе, в отличие от нас, есть, с чем сравнивать, – примирительно сказала Алиса. Мне с самого начала показалось, что уж кто-кто, а она относится к моим словам с полным доверием.

«Она старше всех и дольше всех жила в ожидании чуда, – подумал я. – Когда тебе пятьдесят, а никаких чудес в твоей жизни еще не было и вроде бы не предвидится, ожидание становится требовательным и неистовым, и разум готов в любую минуту уйти, обиженно хлопнув дверью... Так что она заранее была согласна поверить во что угодно, в том числе и в призрака, явившегося в разгар спиритического сеанса, –

почему нет? Что ж, иногда доверчивость может оказаться мудростью – если очень повезет...»

– Что это? – вдруг спросила Лиза. Она сделала шаг в сторону окна и остановилась, не решаясь приблизиться ко мне на расстояние вытянутой руки. – Там кто-то поет?

– Где? – переполошилась Алиса. Юстасия замерла, прислушиваясь.

Я тоже напряг слух: до сих пор я был так увлечен разговором, что на другие вещи моего внимания попросту не хватало. Где-то очень далеко – на другом берегу озера Шёнзее, или в лесу, за полями для гольфа, или на небе – звучали негромкие высокие, но не женские и не детские, скорее уж бесполое, голоса. Они выводили какую-то очень простую, но чарующую и смутно знакомую мелодию – я не мог толком разобрать ее рисунок, слишком уж издалека она доносилась.

– Где-то я слышала эту песню. Но... Нет, не помню!

– Некоторые вещи кажутся знакомыми – не потому, что действительно встречались нам прежде, а потому, что... не знаю, как сформулировать... Наверное, они просто совпадают с ритмом, в котором стучит твое сердце, – сиплым, прерывающимся голосом сказала Юстасия. А потом заплакала – тихо и с каким-то странным наслаждением, не прогоняя с губ улыбку. Так плачут только очень счастливые люди – счастливые настолько, что традиционные способы изъяснения чувств им уже не подходят.

– Так должны петь ангелы. – Алиса тоненько хихикнула, очевидно собственные слова показались ей слишком нелепыми, чтобы оставаться серьезной. –

Маленькие белые пупсики с золотыми крылышками на верхушке рождественской елки...

И тогда снова подул ветер, но на сей раз он не стал бить стекла и грохотать оконными рамами. Он был нежен и предупредителен: убрал в сторону упавшую на глаза серебристую прядь Алисы, высушил мокрые ресницы Юстасии, ласково обернул яркий шарфик вокруг шеи Лизы. А потом добрался до меня и – я мог поклясться чем угодно! – затаился в моем рукаве до поры до времени...

13. Лэй-Цзу

Лэй-Цзу изображали с третьим глазом на лбу, из которого лился поток света.

– А с какой стати вам взбрело в голову вызывать духов? – спросил я, когда ветер утих. – Просто так? Или вы догадались, что на вилле... – я запнулся, поскольку не знал, как определить собственное присутствие в этом доме, и за неимением лучшей формулировки добавил: – Вы поняли, что здесь *что-то* водится?

– Нет. Наверное, все-таки нет. – Алиса хмурила брови, пытаясь сформулировать ответ. – Правда, меня одолевали странные предчувствия всякий раз, когда я проходила мимо твоего кресла, но они надо мной смеялись, – укоризненный взгляд на подружек.

– Кресло, однако, мы предпочитали обходить стороной, – покаялась Лиза. И смущенно спросила: – А можно тебя потрогать? – Она быстро оттаяла и теперь светилась от любопытства.

– Трогай! – рассмеялся я, протягивая ей руки. – Сколько угодно!

Она действительно прикоснулась к моему запястью и с видимым разочарованием сообщила остальным:

– Настоящий.

– Ага, – подтвердил я. – Уже настоящий. Не знаю, как вам это удалось, но... Так почему все-таки вы решили вызывать духов?

– Сложно сказать. Ну, по большому счету, мы просто развлекались...

– Довольно странное развлечение, – заметил я. – Не самое подходящее занятие для умных деловых женщин с высшим образованием. Вот если бы вы были юными фермерскими дочками или, скажем, пожилыми индианками...

– Индейками! – вдруг некстати развеселилась Юстасия, которая до сих пор поглядывала на меня исподлобья, с явным недоверием, словно прикидывала, сколько серебряных ложек и кошельков может поместиться в моих карманах.

Я невольно последовал за ее настороженным взглядом: до сих пор я так и не дал себе труда понять, во что одет. Ничего особенного на мне не оказалось: ни тебе длинного сверкающего балахона до пят, ни тебе залатанной средневековой рясы со следами засохшей крови, ни даже каких-нибудь завалящих вериг. Всего-то обмундирования: тупоносые замшевые ботинки, умеренно пижонская жилетка из толстой свиной кожи, синие джинсы не первой молодости и еще более древний

свитер ручной вязки. Вероятно, он был рожден белым, но с тех пор многое переменялось.

– Я сама хочу понять, с какой стати нас угораздило... – теперь Юстасия добросовестно пыталась ответить на мой вопрос. – В последнее время у нас – у всех! – было очень странное настроение. Если ты действительно был призраком и слушал нашу болтовню, ты и сам мог заметить...

– Когда вы говорили, что с этой веранды можно пропасть в любой момент? И что именно поэтому в доме так тревожно и в то же время хорошо, как никогда еще не было, да?

– Да, и это тоже... Как раз сегодня вечером мы уже разошлись по своим комнатам, но никто не мог заснуть. Я зашла к Алисе, через пять минут к нам постучалась Лиза. Мы решили было вернуться на веранду и выпить еще по коктейлю... А когда мы собрались вместе, стало ясно, что очередной коктейль под звездным небом – слишком банально. Хотелось чего-то необычного. И поскольку ни у кого из нас не нашлось мази, замешанной на белладонне, чтобы немедленно отправиться на Лысую Гору...

– В конце концов мы поднялись сюда, в башенку, – подхватила Алиса, – благо это единственное мало-мальски зловещее место в доме! А поднявшись, вдруг решили попробовать вызвать духов. Дух лорда Байрона или, к примеру, короля Людовика Баварского, раз уж нас занесло в его излюбленные места... Все равно кого, лишь бы вызвать. И спросить у них, что с нами происходит и что нам следует делать дальше. Видишь ли, мы все трое, не сговариваясь, вдруг поняли – вернее, почувствовали! – что вернуться домой и продолжать жить как ни в чем не бывало... Это будет просто ужасно!

Все равно что продать бессмертную душу и тут же пропить деньги... Да знаю я, знаю, что говорю глупости. Не знаю только, почему. Мне трудно объяснить...

– Самое дурацкое в этой истории, что никто из нас понятия не имел, как именно следует вызывать духов, – буркнула Юстасия. – Только Алиса занималась этим, когда-то очень давно, еще в школе...

– То есть лет триста назад, – усмехнулась Алиса.

– А я слушала рассказы своей старшей сестры. Когда она училась в колледже, они там часто устраивали спиритические сеансы, – вмешалась Лиза. Немного помолчала и добавила: – Только я всегда была уверена, что она врет!

– Наверняка она привирала, – заверила ее Юстасия. – Знаю я, как это бывает: сама такая...

– Посмотрите, – вдруг воскликнула Алиса. Костяшки ее пальцев бились о стекло, как ночные бабочки, заплутавшие в лабиринте человеческого жилища, а голос изготовился сорваться на визг. – Посмотрите в окно! Там... Там совсем другая ночь. Там теперь все *иначе!*

Наша беззаботная болтовня умерла мгновенно, без мучений – просто оборвалась, как лопнувшая струна. Я прижался лбом к холодному стеклу. Женщины окружили меня, они стояли так близко, что я слышал взволнованный перестук их сердец. Темнота за окном действительно изменилась. Она больше не была уютной темнотой сада, ночной покой которого очерчен размытым кругом голубого света далеких огней. Теперь нас окружал лес или огромный запущенный парк, и его тьма была рыжевато-зеленой, как пучок только что извлеченных из воды морских водорослей. Не осталось

ни ограды, ни фонарей у подножия холма, ни леденцовых точек светящихся окон в городке за озером. Лишь диковинная зеленоватая луна кое-как освещала незнакомый пейзаж, приглядевшись к которому, я понял еще кое-что: совсем недавно мы находились высоко над землей, в башенке, над крышей большого старинного дома, а сейчас густая трава (откуда взялась такая свежая трава в январе?) росла на расстоянии всего-то полутора метров от подоконника.

– Действительно, совсем другая ночь, – подтвердила Юстасия. Ее сердце почти остановилось, голос угасал, как ветер в июле, а глаза, напротив, разгорались пугающим пламенем, таким же зеленым, как свет незнакомой луны, и еще более холодным.

– Эта ночь родилась из нашего бормотания, мы приворожили ее, и теперь она будет всегда, – вдруг торопливо зашептала Алиса. – Если бы не было нас, не было бы и ее. Женщины делятся на тех, кто может родить человека; тех, кто может родить чудовище; и тех, кто не может породить ничего, кроме ночи. Первые обычно исполняют свое предназначение и уходят туда, откуда пришли, спокойные и опустошенные; вторые редко решаются принять такую судьбу и тонут в омуте собственных снов, а в существование третьих не верит никто, даже они сами. Но это не имеет никакого значения: ночь все равно рождается, когда приходит ее время...

Никто не удивился ее словам. Их приняли как должное, не придавая, впрочем, особого значения: не до того было. Ветер, до поры до времени притаившийся в моем рукаве, выбрался наружу, и оконные стекла с восхищенным звоном, прозвучавшим как вздох

облегчения, наполнили темноту сияющими брызгами осколков. Никто не поранился, лишь моя щека дернулась от одного-единственного внезапного ожога, я прижал к ней ладонь и невольно улыбнулся, обнаружив, что по пальцам стекает самая настоящая кровь, теплая, ярко-алая, солоноватая таинственная влага. Алиса первой вскочила на подоконник, глаза ее были прикрыты почти прозрачными веками, тонкие руки изгибались на ветру, как ивовые ветви, и в какое-то мгновение мне показалось, что она собирается танцевать, но она просто спрыгнула вниз, и густая трава бережно приняла ее невесомое тело.

– Идемте, – нетерпеливо сказала она нам, – чего вы ждете? – И торопливо зашагала в темноту, не дожидаясь своих подружек, даже не оборачиваясь. Только сейчас я заметил, что у этой женщины забавная подпрыгивающая походка, грациозная и нелепая, как у болотной птицы.

– Что происходит? – спросила меня Лиза после того, как алая юбка Алисы и светлые волосы Юстасии превратились в два смутных пятна, поспешно сливающихся с мраком новой ночи, – так тусклые разноцветные кляксы, последние следы недавнего света, медленно растворяются в темноте под закрытыми веками.

Храброе сердце Лизы требовало, чтобы хозяйка немедленно отправилась вслед за подругами, но ее круглые карие глаза блестели от слез, а рот мучительно приоткрылся, как у ребенка, задыхающегося под тяжким бременем ночного кошмара.

– Не бойся, это окно выходит на юг. Поэтому все будет хорошо.

Я и сам не знал, откуда взял сие нелепое утверждение, но тогда оно почему-то казалось мне единственным стоящим аргументом. Я помог ей взобраться на подоконник: для маленькой Лизы он был расположен слишком уж высоко над полом. А услышав, как шуршит под ее крепкими ножками густая трава, я, не раздумывая, последовал за женщинами, поскольку оставаться на вилле больше не имело никакого смысла.

14. Лю Хай

Лю Хай притворялся безумным <...>, пел и плясал.

Франк Хоффмайстер обошел пустой дом, старательно шаркая ногами: по его глубокому убеждению, именно такая походка приличествовала старику. Вообще-то ломать комедию уже не было нужды, но Франк предпочитал не выходить из роли: осторожность превыше всего. Время от времени он останавливался на пороге одной из опустевших комнат и с равнодушным любопытством разглядывал брошенные хозяйками вещи: повисшие на спинках стульев яркие блузки Лизы, несколько пар обуви, дисциплинированно выстроившиеся у двери Юстасии, неаккуратные стопки книг на полу спальни Алисы и дорожные чеки, разбросанные по полированной поверхности ее письменного стола. Удовлетворенно кивал, осторожно запирает дверь и неторопливо брел дальше, ступенька за ступенькой, все выше и выше, пока не добрался до низенькой белой дверцы, за которой не было ничего, кроме узкой винтовой лестницы с толстыми корабельными канатами вместо перил. Его руке не пришлось шарить по стене в поисках выключателя:

Франк предусмотрительно захватил с собой длинную стеариновую свечу – белую с причудливым выпуклым узором, похожим на декоративные грозди синего винограда. Возни со спичками не предвиделось: свеча вспыхнула совершенно самостоятельно, как только нога в растоптанном домашнем башмаке нависла над первой ступенькой.

Через минуту Хоффмайстер уже был в башенке, к неудовольствию многочисленных паучков, которые только-только начали успокаиваться после недавнего вторжения шумных чужаков. Впрочем, с присутствием Франка маленькие трудолюбивые ткачи тут же смирились. В их кругу у старика была в высшей степени безупречная репутация: он никогда не рвал паутину и уж тем более не мог нечаянно ее поджечь: само понятие «нечаянно», подразумевающее некие случайные, неосознанные действия, было ему неведомо.

– Ишь ты, кружным путем пошли, через парк! – снисходительно усмехнулся старик, выглянув в одно из четырех окон – то самое, которое выходило на юг.

Что именно побудило его произнести эти слова – совершеннейшая загадка. За этим окном, как и за прочими, царила густая душистая тьма, сотканная из медленно ползущих свинцовых туч на лиловом небе и клубящейся сумятицы древесных зарослей далеко внизу.

Так или иначе, но Франк покинул башенку в приподнятом настроении, мурлыча под нос некий смутный, тягучий мотивчик и даже приплясывая. В сочетании с благообразной бюргерской внешностью и почтенным возрастом зрелище получилось нелепое, чтобы не сказать безумное. Франк отлично знал, как выглядит со стороны его сутулое туловище, грузно

подпрыгивающее на худых ногах, и был доволен. Время от времени нужно позволять себе небольшое отступление от правил, это взбадривает и освежает не хуже точечного массажа. Да и повод для веселья у него сегодня имелся. Всем поводам повод!

Он спустился вниз и тут же отправился на кухню. Его удивительная свеча уже погасла, поэтому Франк включил свет, обшарил полки, похрустел свертками, внимательно прочитал инструкцию на пакете с полуфабрикатом, задумчиво покивал, приготовил смесь, не отступая от инструкции, залил ее в форму и поставил в микроволновую печь. Некоторое время Франк сосредоточенно возился с кофейной машиной, а потом принялся готовить чай. Он рассудил, что сегодня не следует довольствоваться аккуратными бумажными пакетиками для заварки. День выдался совершенно особенный, можно сказать, торжественный, так что чай должен быть настоящим, крепким и душистым. Процесс приготовления хорошего чая немного похож на ворожбу, да и сам Франк был весьма эффектен, когда его седая голова склонилась над пузатым чайником из прозрачного стекла, а худые смуглые руки отмеряли чайные листья, скрученные в тугие хрупкие рулончики. Франк считал, что грешно пользоваться ложкой, когда имеешь дело с чаем высшего сорта, и доверял лишь собственным чутким пальцам. Разумеется, такую вольность он мог себе позволить, только если рядом не крутились какие-нибудь блюстителы гигиены, всегда готовые брезгливо поджать губы и воскликнуть: «Как?! Брать чай руками?! Ужас!» Но сейчас выдался исключительно благоприятный случай: Франк остался единственным обитателем виллы Вальдефокс, а посему мог творить все, что вздумается.

Колдуя над чайником, он тихо бормотал что-то неразборчиво-ритмичное, смутно похожее на заклинание, но если бы некий любопытствующий невидимка прислушался к шепоту, он разобрал бы слова, знакомые каждой хорошей хозяйке: «По ложечке на каждого, и одну – для чайника». Если предположить, что «ложечке» из знаменитой присказки в данном случае соответствовала щепотка, выходит, что Франк приготовил чай на четыре персоны.

Кофейная машина тем временем приветливо зафыркала, по кухне утренним туманом пополз дивный аромат свежего кофе. Потом требовательно звякнула микроволновая печь. Франк был рад удостовериться, что коржи удались: чего-чего, а вот пирогов он до сих пор не пек ни разу. Разлив чай и кофе в большие термосы, дизайн которых вполне достоверно имитировал внешний вид настоящих чайника и кофейника, он извлек из буфета банку клубничного конфитюра, тщательно намазал густую рубиновую массу на еще теплый корж, накрыл его другим, более тонким, сверху уложил аппетитные свежие ягоды, которые нашлись в холодильнике, а потом долго и старательно заливал готовый пирог взбитыми сливками из баллончика. Результат кропотливого труда он отнес в столовую и установил точно в центре большого стола. Расставил на белой льняной скатерти чашки и блюда, принес термосы с чаем и кофе; откуда-то появились сахарница, молочник и даже тарелочка с тонко нарезанным лимоном.

– Завтрак готов, – громко сказал Франк, отступив от стола на несколько шагов и удовлетворенно созерцая дело своих рук. – Завтрак для детишек, которые никогда не вернуться домой... Но если им когда-нибудь приснится,

что они все-таки вернулись домой, завтрак будет их ждать, так что добро пожаловать!

Он усмехнулся, одобрительно покачал головой и вышел в сад.

За хлопотами старик не заметил, как наступило утро. Оранжевые кляксы пасмурного рассвета усеяли восточный горизонт, словно некое неаккуратное божество расплескало свою порцию апельсинового сока. Франк был голоден и рассудил, что прежде чем отправляться в путь, следует подкрепиться. Он прислонился спиной к старому вязу, воздел руки к небу и застыл в этой позе, неподвижный, как некая садовая скульптура. Через несколько минут с дерева спустилась белка. Села на его плечо и недоуменно зацокала, словно спрашивая себя о причинах столь неблагоприятного поступка. Франк протянул руку и осторожно взял затрепетавшего от ужаса зверька, а спустя несколько секунд его острые зубы впились в дрожащее горлышко белки. Покончив с завтраком, он выкопал под корнями вяза неглубокую ямку, спрятал там линялую серую шкурку и хрупкие косточки своей жертвы, аккуратно засыпал их землей, прикрыл склизким клочком слипшейся прошлогодней листвы и зашагал к маленькому домику в глубине сада, на ходу тщательно вытирая рот клетчатый носовым платком. Вообще-то Франк с удовольствием оставил бы белок в покое, но его древнее тело наотрез отказывалось принимать пищу, которая в изобилии продается в супермаркетах и на рынках. Оно требовало свежайшего мяса и теплой крови: Франк мог есть лишь живую, судорожно сжимающуюся от последнего смертного ужаса, плоть. Обычно он покупал себе гусей или кур у окрестных фермеров, чтобы не причинять ущерба лесному зверью, которому искренне

симпатизировал, но его сарай для домашней птицы опустел еще позавчера, а времени на поездку к ближайшей ферме не оставалось. «Пора уходить, – думал Франк, – теперь уж точно пора!»

Через полчаса седой старик в неприметной охотничьей куртке цвета хаки закрыл за собой парадные ворота виллы Вальдефокс, немного повозился, прилаживая навесной замок, три раза повернул длинный серебристый ключ, аккуратно извлек его из замочной скважины. В этот момент на его седые кудри упала первая снежинка. Ключ старик проглотил с подчеркнутой невозмутимостью бывалого фокусника, хотя рядом не было ни одного зрителя, даже вездесущие вороны и воробьи куда-то подевались: печальное происшествие с белкой вынудило всю местную живность поспешно эвакуироваться на другой берег озера, от греха подальше.

Франк неторопливо пошел по Высокой улице. Миновал несколько по-зимнему пустых двухэтажных строений – виллу Вальдефокс окружали не дома местных жителей, а летние владения мюнхенских богачей, охочих до игры в гольф, – и свернул направо, в ароматные заросли вечнозеленых кустов, скрывающих почти незаметный стороннему глазу переулок. Собственно говоря, это был не переулок в привычном смысле слова, а узкая каменная лестница, с обеих сторон окруженная заборами, за которыми прятались летние домики, укрытые сиротливыми лоскутными одеяльцами по-зимнему заброшенных садов. Таблички на заборах свидетельствовали, что лестница обладает статусом полноценной городской улицы под гордыми именем «Himmelich Leiter» – «Небесная лестница», или «Лестница в небо» – кому как больше нравится. Однако

по иронии судьбы путь Франка лежал не вверх, к небу, а вниз: с вершины холма к озеру. Снег тем временем становился все гуще. Снежинки утратили свою нежную индивидуальность, слиплись в крупные влажные хлопья, и вскоре силуэт Франка Хоффмайстера окончательно затерялся в их белой сумятице, так что неизвестно, добрался ли он до самой первой ступеньки «Небесной лестницы».

М

15. Манабозо

Совершив все подвиги, Манабозо уединился на далеком острове на востоке...

Зато доподлинно известно, что через несколько дней в маленьком книжном магазинчике Шульца и Бормана на юго-восточной окраине Берлина появился новый продавец.

Владелец магазина, Шульц и Борман в одном лице (он был единственным наследником тощего угрюмого сына того самого Бормана и веселой рыжеволосой дочери того самого Шульца, которые в незапамятные времена решили заняться книготорговлей), полагал, что ему повезло: новый работник, обаятельный интеллигентный юноша, кажется даже с университетским образованием, согласился работать за почти смешную плату. Веский аргумент в его пользу, если учесть, что дела в магазине Шульца и Бормана шли неважно, причем не только в последнее время, а с момента основания.

Впрочем, у нового продавца оказалась легкая рука. Через неделю потомок Шульцев и Борманов с удовольствием заметил, что возле прилавка постоянно крутятся покупатели, вполне уже подготовленные к великому переходу в разряд постоянных клиентов. Они млели и только что не мурлыкали, когда не по годам серьезный блондин вежливо говорил им: «Добрый день, рад видеть вас в нашем магазине. Меня зовут Франк. Франк Хоффмайстер. Я, знаете ли, что-то вроде

поводыря в этом царстве прекрасной неизвестности. Могу ли я предложить свою скромную помощь?»

За словами непременно следовал почти театральный жест, намертво приковывавший внимание клиента к полкам за спиной продавца. Под «прекрасной неизвестностью», само собой, разумелась литература. Владелец магазина считал данное определение высокопарным и безвкусным, как сказки Гофмана, которые с детства терпеть не мог. Но приходилось признать, что на покупателей оно действует самым благоприятным образом, особенно на женщин. Да, на женщин – особенно...

«Надо будет увеличить его жалование, – растроганно думал Шульц-Борман. – Не сейчас, конечно. Через полгода. Или, скажем, через год... Посмотрим, как пойдут дела».

До повышения жалования, впрочем, не дошло: через десять месяцев Франк Хоффмайстер куда-то исчез, оставив владельцу магазина длинную записку с многословными извинениями, нескольких неприкаянных лунатиков из числа постоянных клиентов – тех, что восприняли отъезд Франка как личную трагедию и теперь часами бродили среди книжных полок, словно надеялись отыскать там самую подробную в мире адресную книгу, в которую уже занесены новые координаты их любимца, – и еще драгоценную репутацию лучшего книжного магазина в этой части города, хотя многочисленные новые посетители никак не могли понять: в чем, собственно, заключаются его достоинства?

16. Мбомбианда

Мбомбианда невидим, как и души, которые попадают к нему...

Мы шли по парку, озаренному лишь зеленоватым ломтиком луны, ярким, как воспоминание о приступе лихорадки. И хотелось бы лукаво объявить, будто «мы блуждали там целую вечность», но нет: время, кажется, текло как обычно, и наша прогулка длилась несколько вполне заурядных часов, не более того, никак не...

А вот с сезонными явлениями творилось что-то неладное: зеленые кроны лиственных деревьев были пышны и свежи как в начале лета; впрочем, попадались и белые облака вишневого цвета, и алые кляксы осенних кленов, и кусты ежевики, спелой, как в августе. И почему-то шел снег. Его мелкие хлопья, невесомые и теплые, как взбитые сливки, иногда таяли, соприкасаясь с землей, а иногда оседали на сочной зеленой траве, и даже на рукаве моего свитера поселилось несколько таких живучих снежинок.

Мы не разговаривали вовсе, да и говорить было не о чем: пока длилась прогулка по парку, мы отлично понимали, *что* с нами случилось, и, кажется, знали даже, к чему это приведет. Знание, впрочем, не выстраивалось в словесную последовательность, не поддавалось осмыслению (близорукий разум, дальнзоркое сердце – обычное дело), но мы и не слишком старались расшифровать птичий язык предчувствий: будь что будет, лишь бы было хоть что-то!

Снежные хлопья между тем становились все гуще и прозрачнее. Какое-то время спустя, я заметил, что никакого снега уже нет... и вообще почти ничего нет: мы блуждаем в тумане, густом, тяжелом и зыбком, как старческий разум. Три руки одновременно потянулись ко мне: Алиса церемонно прикоснулась к локтю, Лиза по-детски требовательно завладела ладонью, а Юстасия мертвой хваткой вцепилась в плечо.

Кажется, они тоже знали, что происходит: теперь мы окончательно перестали быть частью видимого мира. От гигантского мозаичного панно откололось несколько крошечных кусочков, из необъятного гобелена выдернули четыре коротенькие ниточки; при этом общая картина совершенно не пострадала. Разве что самый зоркий из тружеников-демиургов мог бы, пожалуй, случайно обнаружить новоявленный дефект, но уж никак не сторонний наблюдатель. Он, сторонний наблюдатель, и бровью не повел бы: что за дело ему до столь незначительных перемен?

Однако...

Нас больше не было – по крайней мере, *там*, где мы привыкли быть.

Это открытие вселяло в моих спутниц ужас и восторг: исчезнув окончательно и бесповоротно; почти добровольно, но и по принуждению могущественных обстоятельств вычеркнув себя из списка *действующих лиц*, они вдруг выяснили, что *исчезнуть* – вовсе не обязательно означает *утратить себя*. И это была хорошая новость.

Достаточно хорошая, чтобы вскружить голову.

Для меня же наша прогулка оказалась чредой удивительных приобретений. С каждым шагом я обрастал биографическими подробностями, воспоминаниями (память казалась мне тогда особой разновидностью телесности, чем-то вроде дополнительной мышечной прослойки между кожей и остовом) и даже, кажется, неким подобием человеческой судьбы.

Судьба эта, строго говоря, все еще не могла считаться моим достоянием. Но я ощущал себя чем-то вроде законного наследника. Завещатель пока жив, приговор врачей неоднозначен, однако необходимые бумаги заполнены, подписаны и надежно спрятаны в несгораемый сейф. Под такие гарантии можно начинать жить на широкую ногу, в долг, ибо всегда найдутся кредиторы, с оптимизмом глядящие в завтрашний день.

Мои спутницы внезапно утратили прошлое, я же лишь изготовился вступить во владение этим сомнительным сокровищем; так или иначе, но все мы испытывали скорее растерянность, чем страх или восторг. Потоптавшись на месте, мы переглянулись и решительно зашагали дальше: невозможно заблудиться, если не знаешь, куда идешь. А мы шли не «куда-то» а в «когда-нибудь», шаг за шагом приближались к тому мгновению, когда туман начнет оседать на землю крупными хлопьями, не влажными, а сухими, легкими и теплыми, как пепел.

17. Ме

В шумерской мифологии могущественные божественные таинственные силы, управляющие миром <...>. Считалось, что силами Ме могли обладать города и храмы.

Когда туман рассеялся, все, разумеется, было готово. Город предстал перед нами; если первое впечатление и есть самое верное, то наш Город был ничем иным как тенью, вернее, букетом причудливых теней, темных силуэтов на склоне горы, четко прорисованных на фоне светлеющего, уже почти бирюзового неба.

Несколько секунд спустя появились и подробности, тысячи мелких деталей, из которых, собственно, и складывается картина всякого мира; разглядеть же ее полностью не удастся, пожалуй, никому: каждый снимает сливки по своему вкусу. И порой, слушая рассказы нескольких человек, побывавших в одном и том же месте, можно решить, будто они бродили по разным городам.

Мне бросилось в глаза странное сочетание приземистых массивных зданий и хрупких, почти игрушечных башенок, и еще дом из белого кирпича на самом краю Города, на его островерхой крыше крутился флюгер в форме попугая, хотя ветра, кажется, не было. Лиза говорила о причудливой постройке, сложенной из зеленоватых камней, и теплом оранжевом свете в одном из ее окон. Юстасия утверждала, что прозрачные утренние облака над городом на какое-то мгновение в точности повторили очертания городских крыш. Алиса же клялась, что слышала музыку, едва различимую, неразборчивую, но почти наверняка танцевальную мелодию и подумала, что где-нибудь на окраине заканчивается затянувшаяся вечеринка...

– Этот город – твоя выдумка? – требовательно спросила Алиса.

Я пожал плечами: ее вопрос смутил меня и встревожил, мне не хотелось говорить на эту тему.

– Твоя, твоя, – поддержала ее Юстасия. – Сначала ты сам обзавелся телом, а теперь твои выдумки обретают плоть. – И строго, как школьная учительница, спросила: – А ты добрый волшебник?

– Я ленивый, – губы сам расползлись в смущенной улыбке. – Значит, скорее добрый, чем злой. Злым быть хлопотно...

– Это правда, – удивленный смешок.

– ...но вряд ли это моя выдумка, – решительно закончил я. – Я так недавно стал живым, что еще не успел ничего выдумать.

– Ну... – она нахмурилась, – давно, недавно... наверное, это не имеет значения. Может быть, тебе еще предстоит выдумать этот город когда-нибудь потом. Кроме линейной последовательности событий должны быть и какие-нибудь другие, правда?

– Мы пойдем туда? – нетерпеливо спросила Лиза.

– А что, есть варианты? – ухмыльнулась Юстасия. – Вернуться на виллу? Не думаю, что это возможно. Да и не нужно... хотя там, конечно, осталась моя любимая губная помада. Единственный тон, который мне действительно к лицу... Ну да что уж теперь!

...А потом все смешалось, словно азартный игрок заскучал над длинным пасьянсом и перетасовал карточную колоду, чтобы заняться новой игрой.

Мы не то чтобы *вошли* в Город – скорее, обнаружили, что уже давно тут живем. Даже не так: *мы всегда тут были*. Возможно, именно поэтому я не помню,

как мы отыскивали дом, пригодный для комфортной совместной жизни нескольких разнополых призраков, как устраивались на первый ночлег, как обживались, знакомились с соседями и уясняли основные правила поведения в местном обществе. Ничего в таком роде, вероятно, и не было: колесо судьбы не просто повернулось, а вовсе слетело с оси, оторвалось от некой непостижимой метафизической телеги, пустилось вскачь по склону холма и плюхнулось в тихий омут, где, как известно, обитают существа с непростым характером и нелегкой судьбой.

Охромевшая телега, возможно, завалилась набок или просто сгнула все в том же омуте, но мы уцелели.

И решили, что это хорошо.

18. Мидгард

Буквально «среднее отгороженное пространство». В скандинавской мифологии «средняя», обитаемая человеком часть мира на земле.

В эту ночь мой двойник (о существовании которого я в ту пору не подозревал, но в то же время всегда *знал* без тени сомнения) так и не сомкнул глаз.

Стоял у окна, прислонившись лбом к прохладному стеклу. Наблюдал, как один за другим гаснут лиловые блуждающие огоньки фонарей и леденцово-желтые прямоугольники окон в длинной девятиэтажке на противоположной стороне улицы. С ужасом и восторгом следил, как растворяются во тьме знакомые очертания предметов: медленно, неохотно, как кусочки сахара в перенасыщенном сиропе. Ждал, что будет дальше.

И дождался-таки.

Новые разноцветные огоньки, немногочисленные, но яркие, один за другим вспыхивали на склоне горы, которой, разумеется, никогда не было на этой улице. Какие уж горы на северо-восточной окраине Москвы, в пропахшем соснами, запорошенном снегом, экологически чистом, кефирном, кисломолочном, диетическом пейзаже Бабушкина?! Правильно, никаких гор. Пятиэтажные хрущобы да их унылые конкуренты, блочные высотки. Зелень и бензоколонки по вкусу. Подавать охлажденным с октября по апрель, так-то...

Он ни на мгновение не терял из виду координаты, описывающие местонахождение его собственного твердого (какого же еще?!) тела во времени и пространстве: Москва, Бабушкино, Янтарный проезд, двадцать девятое января тысяча девятьсот девяносто седьмого года, Вселенная за номером... впрочем, удачно пошутить насчет «номера» не получалось. Не то настроение. Зима. Бессонница. И никакого тебе Гомера, никаких парусов. Лишь склон горы, весь в разноцветных огнях. Волшебный город, лучший из снов, любимый, сладостный, навязчивый бред. Он полагал, будто одно прикосновение босой ступни к тамошним мостовым навсегда исцелило бы его от нескладной человеческой судьбы, избавило бы от участи прямоходящего млекопитающего склепа, во тьме которого заживо погребен – кто?

Действительно, *кто?*

О Господи.

Мой двойник предпочитал не вспоминать, что когда-то знал ответ на сей опасный вопрос. Зачарованно смотрел на открывшийся его взору нездешний пейзаж. Сознательно приподнимался на цыпочки, дабы свести к минимуму телесный контакт с земной твердью. Улыбался, по-детски приоткрыв рот, не замечал, что глаза уже давно на мокром месте, лишь досадовал, что зрение столь внезапно упало; думал: если уж даже наваждения начинают дрожать и двоиться, значит, визит к окулисту лучше бы не откладывать... а, не один ли черт?!

Один, разумеется. Вальяжный, упитанный, словно со страниц сборника карикатур сошедший чертик.

Наконец нервы не выдержали. Руки моего двойника, не дожидаясь хозяйской команды, затеребили тугую задвижку. Преодолев первое препятствие, он потянул на себя примерзшую створку окна. Борьба была долгой; не обошлось без жертв. Угол ставни разлетелся в щепки, ноготь на среднем пальце левой руки превратился в кровавое месиво, ладони заалели царапинами: одна шла параллельно линии судьбы, другая накрест перечеркнула линию жизни. Опытный хиромант, пожалуй, призадумался бы, но мой двойник отличался ослиным упрямством: он не успокоился, пока не распахнул окно настежь и...

Ну да, ну да. Все это лишь для того, чтобы убедиться, что под окном белеет сугроб, небрежно исполненная миниатюрная копия пирамиды Хеопса, чуть поодаль дремлет под снегом кривая сосна, по улице едет какой-то заблудший автобус, девятиэтажка стоит на положенном месте, и даже несколько окон ее все еще мерцают бледным голубым светом, что, несомненно,

свидетельствует об исправной работе телевизионных аппаратов.

Он мрачно ухмыльнулся, осматривая искалеченные руки. Отправился в ванную, взял с полки пузырек с перекисью водорода, ватный тампон, бинт. Сосредоточенно морщась, обработал раны, кое-как перевязал пальцы, помогая себе зубами и даже коленом. Погасил свет. Вернулся в комнату. Закурил. Сделав несколько затяжек, выбросил сигарету в сугроб и осторожно закрыл окно. Лег навзничь на узкий диван, с головой накрылся клетчатым пледом. И лишь тогда из груди его вырвался наконец сдавленный вой. Звук получился тихий, зато совершенно нечеловеческий; соседи, что жили снизу, сверху и справа не проснулись, но дружно застонали во сне, квартира же слева, по счастью, пустовала.

«Это кричал не я, – удивлено подумал человек под пледом. – Я *так* не умею, это не мой голос. И потом, я уже давно научился терпеть... Что ж, если я – очередная свинья, одержимая демоном, то демон сей, безусловно, несчастнейшее из существ».

19. Мом

В греческой мифологии божество злословия.

– Макс, утром я была на рынке... – Алиса сопровождала свое сообщение столь драматической интонацией, словно посетила, как минимум, публичную казнь.

– Угу, трудно было не заметить, – благодушно подтвердил я, демонстративно поглаживая живот. – Мой

тебе совет: повтори этот подвиг, и чем скорее, тем лучше. Я, видишь ли, как раз дегустировал твои покупки... Виноград, кстати, оказался кислым, а боххи, наоборот, переспелыми. Пришлось все это съесть, чтобы вы не мучились. Так что с тебя причитается... и не только с тебя. По моим подсчетам, я спас как минимум три человеческих жизни. А может быть, и больше: за вашими ночными гостями не уследишь...

– Спаситель ты наш! Спорю на что угодно: ты ведь даже не помыл фрукты перед тем, как отправить их в свою ненасытную утробу!

– Не помыл, – каюсь. И тут же нахожу достойное оправдание: – Микробы – очень калорийная штука, а я у нас худой...

– Нет здесь никаких микробов. Ты ври да не завирайся. И вообще, ты будешь меня слушать или нет?

– А у меня есть выбор?

– Еще чего не хватало! – невозмутимо отрезала она. – Макс, на рынке убили человека. Он выбирал вино, и торговец всего на несколько секунд отвернулся, чтобы нацедить стаканчик ему на пробу. Протягивает стакан, а покупатель уже лежит на земле, и рядом никого.

– Погоди-ка. Ты хочешь сказать, что этот человек действительно *умер*? И сейчас на базарной площади лежит труп, мертвое человеческое тело?

– Что там происходит сейчас, я не знаю, – сухо ответила Алиса (она терпеть не может, когда ее перебивают). – Пока я была на рынке, мертвое человеческое тело там действительно лежало, можешь быть уверен. Собственно, никто не мешает тебе пойти и

посмотреть. Это кресло, насколько мне известно, не намазано ни медом, ни клеем.

– Да, действительно, – соглашаюсь, не без сожаления покидая вышеозначенный шедевр мебельного искусства. – Пойдешь со мной? Показывать дорогу, держать меня за руку, подносить нюхательную соль, когда я побледнею, зашатаюсь и схвачусь за колонну...

– Нюхательную соль? – развеселилась Алиса. – Что за дрянь такая?

– Понятия не имею. Но в романах ее всегда суют под нос барышням, которым стало дурно. И не только барышням...

– А почему тебе должно стать дурно? – осторожно поинтересовалась Алиса. – Неужели ты боишься вида крови? Никогда бы не подумала.

– При чем тут вид крови? – Я рассеянно бродил по холлу в поисках своей любимой куртки. – Все гораздо хуже: это мертвое тело сводит на нет мою концепцию тутошнего мироустройства. Помнишь, какая у меня была уютная, аккуратная концепция? Твоя история про мертвеца на рынке камня на камне от нее не оставляет. Пока я понимаю сей факт лишь умозрительно, поэтому все в порядке. Как только я своими глазами увижу труп, мое личное небо обрушится на мою личную землю. Потому что концепция мира – это в каком-то смысле и есть мир, если ты понимаешь, о чем я...

– Глупости, – отрезала Алиса. – Мир – это мир, а концепция – это всего лишь концепция. Пошли уж, философ-любитель!

– Любитель и есть, зато практик, – огрызаюсь. – А этим мало кто может похвастаться.

20. Мухаммад

Мухаммад – обыкновенный смертный человек; он не учен, и от него не следует требовать чудес; он только «предостерегатель» и «вестник», «светильник освещающий»...

Литератор X был вынужден убить своего героя Y, поскольку решил расстаться с издателем Z, обладающим правами на «игрековский» сериал. Подобные производственные драмы на сцене нашего развивающегося книжного рынка пока редки, но это – всего лишь вопрос времени.

Принцип, впрочем, понятен: жизнь литературного персонажа недорого стоит.

«Добрый доктор» сэра Артур Конан Дойл, поражавший друзей-приятелей своей незлобивостью, хладнокровно прикончил беднягу Шерлока Холмса просто потому, что тот ему наскучил. Он решил, что две повести и двадцать три детективных рассказа о сыщике – более чем достаточно для «исторического романиста», каковым сам сэр Артур искренне себя полагал. «Конфликт» с издателями в его случае носил совершенно комический характер: Конан Дойл требовал непомерных гонораров, надеясь, что издатели убоятся разорения и откажутся от желания публиковать новые истории о Холмсе, а

упрямцы, вздыхая, выворачивали карманы. Пришлось пойти на убийство.

Холмс, впрочем, вскоре воскрес (благодаря не столько требованиям возмущенной публики, сколько собственной почти мистической незаменимости: выяснилось, что не только читатели, но и сам автор не может без него обойтись). Но, как и воскрешение Остапа Бендера, это уже совсем другая история.

Ильф и Петров переложили ответственность за участь сына турецкоподданного на призрачные плечи фатума: «В сахарницу были положены две бумажки, на одной из которых дрожащей рукой были изображены череп и две куриные косточки. Вынул череп – и через полчаса великого комбинатора не стало. Он был прирезан бритвой».

Полагается считать эту историю забавной; я же прочитал ее в детстве (возможно, слишком рано) и испугался. Судьба с тех пор неизбежно ассоциируется у меня с очень конкретной, почти осязаемой, а потому особенно безжалостной ильфопетровской сахарницей. Писатели, конечно, поступили остроумно, но для меня их сахарница – лишнее подтверждение того факта, что...

...жизнь литературного персонажа недорого стоит, да.

Резюме.

Кто-то пишет книгу о наших похождениях. Будем надеяться, что мы ему еще не слишком

надоели, а отношения этого таинственного незнакомца и его еще более таинственного «издателя» пока складываются благополучно. Впрочем, не следует забывать о сахарнице...

...Есть, впрочем, еще один мизерный шанс: как вы помните, и Холмс, и Бендер оказались незаменимыми – чем черт не шутит? В конце концов, «на свете смерти нет».

Макс поставил точку. На мгновение задумался и снова застучал по клавишам. Через несколько секунд на свет родился душераздирающий заголовок: «Мы убиваем, нас убивают». Чему он действительно научился за последние полгода, так это давать эффектные названия своим книжным рецензиям. Строго говоря, они и рецензиями-то не были – так, «записки у изголовья», но пока на такую писанину существовал спрос, можно было не терзать организм всяческими строгостями, а просто получать удовольствие от процесса появления букв на экране монитора.

Довольный собой, он отправился на кухню, по традиции (но не питая особых надежд) выглянул в окно, убедился, что пейзаж за окном не претерпел желанных трансформаций, затем открыл холодильник и некоторое время с легким отвращением созерцал безыскусные натюрморты на полках – вот уж воистину «бедное искусство»... Arte Povera, блин! В очередной раз (кажется, шестой за сегодняшний день) был вынужден признать, что есть не хочется. Почти машинально поставил на плиту маленькую джезву, открыл кран, чтобы наполнить ее водой, замер, заслушавшись звонким журчанием струи.

Шум проточной воды всегда оказывал на него почти гипнотическое воздействие; полчаса у водопада или даже у обычного городского фонтана в его случае были тождественны порции легкого психотропного средства. Открытие это он совершил еще в детстве, с годами же способность впадать в транс от шума воды лишь усугубилась. Повезло с организмом, ничего не скажешь!

Сейчас, однако, все обстояло иначе: почти сразу его словно бы накрыло непроницаемым войлочным колпаком темноты. Макс изумленно понял, что способность осознавать происходящее покидает его стремительно и необратимо, но не испугался, а глупо обрадовался, что еще не включил плиту, а значит, никакого пожара не будет.

«Однако у моего „автора“ начались неприятности с издателем», – вот что он успел подумать в последнее мгновение.

Факт сей, к слову сказать, позволяет предположить, что был он при жизни пижоном, каких поискать...

21. Мытарства

Пространственная зона этих испытаний – между небом и землей <...> на границе миров...

Дешевое, но веселящее сердце ситцевое великолепие городского рынка – отличное лекарство от скверных новостей. Всякий раз, оказываясь тут солнечным утром, я начинаю почти всерьез подумывать, что пора бы разделить с Алисой привилегию делать покупки. Впрочем, мне не светит: проще лишить престола английскую королеву, чем Алису – священного

права распоряжаться легкими квадратными монетками из голубого металла, которые каждое утро обнаруживаются на дне большой плетеной корзины для покупок. Она с упоением играет в рачительную хозяйку, без которой все домочадцы, по ее утверждению, «давно бы начали питаться придорожной травой».

– А почему ты никогда не покупаешь цветы? – спрашиваю, кивая в сторону цветочных рядов. – Всегда был уверен, что женщины ходят на рынок исключительно для того, чтобы как следует порыться в этой пахучей роскоши. Я ошибался?

– Наверное... Нет... Не знаю. Стыдно сказать, Макс, но, кажется, я... экономлю. И не потому, что мне жалко денег, которые невесть откуда берутся и неизвестно когда закончатся. Просто по привычке.

– Избавляйся от нее немедленно. А не то на рынок начну ходить я. Что мы будем есть, подумать страшно. Скорее всего, придется обходиться уксусом и оливковым маслом: очень уж мне нравится посуда, в которой их продают. Зато в доме будет полно цветов. Подозреваю, гораздо больше, чем это необходимо: ты же знаешь, обычно я не умею вовремя остановиться...

– Не надо, я исправлюсь, – изобразив на лице неподдельный ужас, пообещала Алиса. Ухватила меня за рукав и быстро-быстро засемила мимо прилавков, уставленных гранеными стеклянными бутылочками с ароматным уксусом и крошечными шкатулками с приправами.

Под ногами у покупателей крутилась большая собака с короткой рыжеватой шерстью и волчьим хвостом. Она не лаяла, а тихонько поскуливала, вопросительно заглядывая всем в глаза, – одним словом,

вела себя так, словно потеряла хозяина. Влекомый неукротимой Алисой, я не успел обойти пса стороной, толкнул его коленом и машинально извинился, как если бы имел дело с человеком: «Прости, дружище!» Собака обрадовалась вниманию и тут же увязалась за нами, не предпринимая более попыток наладить контакт с прочими двуногими. «Если не отстанет, придется ее покормить, – обреченно подумал я. – А то и в дом взять. Впрочем, зверь вроде симпатичный... Ладно, там видно будет!»

Наконец мы свернули в тупичок, где под разноцветными навесами в окружении деревянных бочек и керамических кувшинов восседают немногочисленные городские виноделы, важные и величавые, как римские сенаторы. Идиллию на сей раз изрядно портил труп, рыжеволосый, худой мужчина в белой куртке (судя по непрезентабельному виду, скорее домашней, чем выходной) и – подумать только! – голубых джинсах. Эта подробность меня сразу насторожила: до сих пор я полагал себя единственным обладателем блеклого порождения практической сметки мистера Страусса. Раритет сей мирно покоился в шкафу, поскольку у меня не было желания по несколько раз на дню отвечать на расспросы общительных горожан: что за штаны удивительные, да откуда такие берутся – нет уж, благодарю покорно!

Мертвец лежал на земле, лицом вниз, в окружении небольшой, но сплоченной группы оцепеневших свидетелей происшествия. Прореха на куртке и кровавое пятно на спине не оставляли особых сомнений касательно причины его прискорбного состояния: «Убит посредством порчи тела, а именно протыкания задней части спины с применением холодного оружия», – как

писали когда-то полуграмотные, но цепкие сельские парни в милицейских протоколах. Для того чтобы составить сие умозаключение, помощь судмедэксперта мне не требовалась, – даже если бы представители этой почтенной профессии и водились в наших краях. А они тут не водятся, равно как и полицейские, судьи, прокуроры и адвокаты. Здесь даже частных сыщиков отродясь не было: до сегодняшнего дня жителям Города в голову не приходило, что некоторые странные люди способны тратить время на такую ерунду, как убийства, ограбления, изнасилования и прочие подсудные дела. Почему они столь невинны – отдельный вопрос, ответ на который я до сих пор не спешил окончательно сформулировать... опасался сформулировать, откровенно говоря.

А сейчас на лицах зевак было выражение – нет, не ужаса, не возмущения, а глубочайшей растерянности. Никто не предпринимал попыток проверить, жив ли пострадавший, никому в голову не приходило разыскать убийцу. Об активных действиях вообще речи не шло: горожане предавались созерцанию. Некая фундаментальная программа их бытия дала сбой, жизнь остановилась.

– Надо ведь что-то делать, да? – Алиса требовательно заглядывала мне в глаза. – Установить личность, найти его родственников или друзей, попытаться понять, кто убийца, или хотя бы просто устроить похороны... Нельзя ведь, чтобы он лежал здесь всегда, правда, Макс?

– Даже не знаю, что тебе сказать, – вздохнул я. – Наверное, ты права. Наверное... Ну давай перевернем тело, может быть, кто-нибудь его узнает.

– А ты сам не справишься? – робко поинтересовалась Алиса. – Я, знаешь ли, пока психологически не готова к возне с трупами.

Пока мы топтались на месте, все глубже увязая в собственной неуверенности, сопровождавшая нас собака неторопливо подошла к мертвецу, ткнулась носом в его плечо, коротко бухнула и требовательно посмотрела на меня. Крошечные огненно-золотые зрачки в темной, болотной радужной оболочке – никогда прежде я не видел таких глаз!

– Получается, это его собака? – удивилась Алиса.

Наш четвероногий спутник тем временем занялся делом. Ухватив зубами куртку покойника, помогая себе головой и лапами, собака перевернула тело. Снова уставилась на меня и завывала – в лучших традициях третьесортного ужастика.

Мне, впрочем, было не до критического осмысления реальности: я во все глаза глядел на лицо мертвеца, которое оказалось точной копией моего собственного.

– Макс, это ты?! – испуганно взвизгнула Алиса.

– Хороший вопрос, – нервно рассмеялся я. – Какой ответ тебя устроит? «Да», «нет», «не знаю»? Выбирай, не стесняйся.

Собака перестала выть. Подошла ко мне, ткнулась носом в колени. Потом положила передние лапы мне на плечи, благо размеры ей это позволяли, коротко зарычала и лизнула в нос – при этом зверюга настойчиво сверлила меня отнюдь не собачьим взглядом. Нервы мои не выдержали, я зажмурился, чтобы не видеть огненные искры песьих зрачков... чтобы вообще ничего не видеть.

22. Мэнь-Шэнь

В китайской мифологии духи-хранители ворот.

– Это твой труп – сам и выпутывайся, – решительно заявила Стаси.

– Спасибо, – ответствовал я. И язвительно добавил: – Всегда знал, что мне есть на кого положиться в трудную минуту!

– Не говори чушь, – вспылила она. – Что значит – «положиться»?! – Ее голос был пронзителен, как птичий крик; руки металась у лица, словно изготовились начертать охранительные знаки, да в суматохе изменили каноническую траекторию движения. – Ты что, всерьез полагаешь, будто мы можем тебе хоть чем-то помочь? За кого ты нас принимаешь? Думаешь, мы какие-нибудь добрые феи? Хрен тебе – феи! Мы – обыкновенные женщины, которые случайно оказались в чудесном месте. Ты сам нас сюда привел, ты забыл? И мы до сих пор не понимаем, что это за место. Не понимаем, как мы сюда попали. Мы не знаем даже, живы мы или нет. Лично я подозреваю, что нет, и стараюсь думать об этом пореже... И тут приходишь ты – тот, на ком все держится, – и просишь о помощи. Ты представляешь вообще, что наделал?! Зачем вы с Алисой притащили домой этот труп, Макс? Вы не могли кинуть его в какую-нибудь канаву?

Алиса метнула на нее негодующий взгляд, но промолчала.

В гостиной воцарилась тягостная тишина – не то тихий ангел пролетел, не то просто будущий страж

порядка родился – поди разбери! Лиза, насупившись, сидела на корточках подле моего мертвого двойника. Юстасия взобралась на подоконник и демонстративно разглядывала полуденные облака, переводя дух после давешнего пламенного выступления. Идиллия нашего совместного существования рухнула, будто картонный домик; теперь происходящее было куда больше похоже на обычную жизнь, чем на сладкий сон.

– Извини, Стаси, но у меня нет привычки кидать свои трупы в канаву, – сухо сказал я. – Не то воспитание. Это раз.

– Надеюсь, аргумент за номером два будет более веским, – фыркнула она.

– А вот тебе и аргумент за номером два. Вряд ли на мне все действительно «держится». Напоминаю: мы пришли сюда вместе. Никто никого не «вел». Более того, все началось с того, что вы меня разбудили. Не знаю уж как, но вы сделали призрака живым человеком. Потом случились всякие-прочие чудеса, и мы оказались в этом городе. Я не раз пытался обсудить с вами некоторые странные особенности этого места, но вы с Лизой не хотели говорить на эту тему. Ладно, не хотели, и не надо. Ваше дело. Алиса вполне способна заменить полсотни собеседников, поэтому я оставил вас в покое...

– Макс, это был комплимент? – кокетливо поинтересовалась Алиса.

– Нет, констатация факта... Дай договорить.

– Можешь не договаривать, – буркнула Юстасия. – И так понятно. Сейчас ты скажешь, что этот город – не твоих рук дело, и ты сам ни хрена о нем не знаешь, не понимаешь и вообще подозреваешь, что все чудеса

совершили мы сами, без твоего участия. Этого я и боялась... Ладно, ты прав, а я – сука вздорная. Так и запиши... нет, я настаиваю, именно запиши! Где в этом доме бумага?! Хоть один сволочной обрывок сволочной бумаги?..

– Не истери, – попросил я. – Ничего страшного пока не случилось. В конце концов, я принес в дом свой труп, а не твой.

– Вы бы себя со стороны послушали, – вздохнула Лиза. – Совершенный абсурд. Ионеско отдыхает. Но вы не обсудили главное: этого мертвого человека следует где-нибудь закопать. В смысле – похоронить. То, что он твой двойник, Макс, это, конечно, возмутительно. Но он ведь не может навсегда остаться у нас в гостиной, правда?

– Он-то может, – ехидно возразила Стаси. – Это мы не можем... Вернее, можем. Но не хотим. По крайней мере, я не хочу, чтобы он тут лежал. И вообще...

Дверь бесшумно отворилась, в комнату вошел пес с волчьим хвостом. Молча сел у моих ног.

– А это что за зверь? – умилилась Лиза. – Это ты его привел, Макс?

– Он сам пришел. Подозреваю, что он намерен отзываться на имя Анубис, иным звукорядом его не приманишь...

Пес невозмутимо кивнул. Мои подружки растерянно его разглядывали.

– Анубис – это остроумно, – нерешительно похвалила меня Лиза.

– Боюсь, не так уж остроумно. Зато соответствует истинному положению вещей, – вмешалась Алиса. – Этот пес заставил нас с Максом принести труп домой. По крайней мере, у меня сложилось впечатление, что он каким-то образом руководил нашими действиями.

– Если бы он еще объяснил, что нам теперь с этим делать, – тоскливо сказал я. – Потому что я ничего не понимаю. Помню только, что встреча с двойником считается опасным эпизодом в большинстве культурных традиций. Увидеть двойника – значит встретить смерть... Но что означает встреча с мертвым двойником?

– Встреча с мертвым двойником означает, что ты идиот, – подсказала Стаси. – Потому что только идиот мог влипнуть в такую идиотскую историю!

– Спасибо, я тоже тебя люблю, – кивнул я.

– Юстасия, да что с тобой? – наконец рассердилась Алиса. – С чего ты взъелась на Макса?

– А с того, что я ничем не могу ему помочь! Если он умрет, он... Он все испортит! В моем представлении Макс – это та самая черепаха, на которой стоят киты, поддерживающие земную твердь. Возможно, мы и есть эти киты. Но! Без черепахи мы не обойдемся. Я паникую, да. Я ору на Макса, как кит орал бы на черепаху, которая собралась дезертировать... – Она виновато исподлобья покосилась на меня и буркнула: – Я не хотела тебя обидеть, Макс. Кого угодно, но только не тебя. Ты же знаешь.

– Разумеется, – примирительно сказал я. – Не страшно, Стаси. На твоём месте я бы и сам устроил истерику. Я бы её и на своём месте устроил, да Анубис не велит.

– Собака, что ли?

– Ну да, собака, – вздохнул я. Пес адресовал мне укориженный взгляд. Дескать, не мели попусту.

Я покорно умолк: его глаза оказывали на меня почти гипнотическое воздействие.

Мой четвероногий повелитель тем временем занялся наведением порядка – как он это себе представлял. Ухватил зубами куртку моего мертвого двойника и принялся таскать его по полу. Женщины молча наблюдали за его действиями. Наконец пес расположил труп почти в центре комнаты, головой к окну, ногами к выходу. Улегся рядом, уместил косматую башку свою на грудь мертвеца и адресовал мне требовательный взгляд. Я сразу понял, чего он хочет: у этой странной твари не было проблем с невербальной коммуникацией.

– Сейчас нам следует спокойно обсудить ту самую тему, которую вы так не хотели поднимать с тех пор, как мы здесь появились, – сказал я женщинам. – Лучше поздно, чем слишком поздно.

– О Городе? – прищурилась Стаси.

– О Городе, – эхом откликнулся я.

– А что о нем говорить? – испуганно спросила Лиза. – По-моему, и так все понятно, разве нет?

– Вот и расскажи, что именно тебе понятно, – вздохнул я, подвигая кресло Алисе: та как застыла на пороге, прислонившись к дверному косяку, так и стояла соляным столбом, пока мы с Юстасией вели свою нелепую перепалку. – Потом выскажутся остальные. И я тоже расскажу, что мне «понятно», а что – не очень.

Возможно, в финале мы будем знать чуть-чуть больше, чем сейчас. Возможно – нет.

– Мне понятно, что мы находимся в каком-то другом мире, – смущенно начала Лиза. – Это довольно дико звучит, но, кажется, именно так и обстоят дела. Мне также понятно, что никаких особых перемен во мне самой не произошло: изменились лишь обстоятельства, причем самым благоприятным образом: все мои тайные желания, даже те, о которых я не подозревала, вдруг разом исполнились. «Когда стану богатой, построю себе небольшой белый город где-нибудь в горах, и там будет рай», – так я думала в детстве. Но даже строить не пришлось: он сам откуда-то взялся... Мне нравится, что здесь можно бездельничать и не нужно заниматься карьерой. Мне также нравится, что здесь мне никто не докучает, даже мои любовники появляются лишь тогда, когда я хочу их видеть, и уходят, не успев надоест. И никакой корреспонденции в почтовом ящике! Собственно, и ящика-то нет. Вопросов вроде: «Как мы сюда попали?» и: «Живы мы или умерли?» – я себе не задаю. Они не имеют практического значения. Скорее всего, это наша коллективная греза, какой-нибудь солипсизм или другая разновидность «сборки мира вручную» – не знаю, но мне хорошо, я довольна. Это все.

– Спасибо, – улыбнулся я ей. – Эгоизм – действительно одна из разновидностей мудрости... Только один вопрос, Лиза. Почти бестактный.

– Бестактных вопросов не бывает, – безмятежно откликнулась она. – Бывает лишь неадекватная реакция на ответы, но с тобой мне это не грозит, правда? Спрашивай на здоровье.

– Ты сама сказала, что у тебя тут появились любовники...

– Тоже мне тайна! – пренебрежительно фыркнула Лиза.

– Не в этом дело. Мне интересно: они похожи на каких-нибудь мужчин, с которыми ты была знакома прежде?

– Ни в коем случае. – Она энергично затрясла головой. – Еще чего не хватало!

– Ясно. А на твои личные представления об идеальном мужчине?

– Разумеется. В противном случае зачем они были бы нужны? Здесь, слава богу, не приходится заводить любовника ни для карьеры, ни просто приличия ради – чтобы, к примеру, не ходить в одиночку в кино...

– Ясно, – кивнул я. – Кто теперь?

– Ты сам обещал высказаться, – напомнила Стаси.

– Обещал. Просто у нас с Алисой самые тяжеловесные версии. В отличие от вас мы все-таки чуть ли не семинары на эту тему устраивали. Поэтому наши выступления лучше оставить на закуску, чтобы не сбивать вас с толку.

– Ладно, тогда я, – хмуро кивнула она. – Не торговаться же с тобой... У меня две версии. Обе мне не очень нравятся, но тут уж ничего не поделаешь. Первая: мы все умерли в ту ночь на вилле и теперь находимся... ну, в раю, что ли. Город не похож ни на одно из классических описаний загробного мира, но это как раз не удивительно: пресловутые классические описания – всего лишь интерпретации смутных догадок. Вторая

версия: умерла только я, и вы мне мерещитесь в посмертном сне, что, в общем, вполне закономерно, если учесть мою к вам привязанность. Обе версии, кстати сказать, подразумевают, что заведешь этим «раем» ты, Макс.

– Почему именно я?

– Потому что все случилось сразу после того, как ты появился. Потому что ты – призрак виллы Вальдефокс, присутствие которого мы ощущали, пока там находились. Все вполне логично: призрак пришел за нами или только за мной, чтобы увести за черту... Романтично до безвкусицы, не спорю, но иных предположений у меня нет.

– Ладно, но тогда почему ты так испугалась, когда я приволок этот труп? – изумился я.

– Твой мертвый двойник – дурной знак, – упрямо сказала она. – А что плохо для тебя – плохо для всех нас.

– Но если мы все уже умерли, что еще может с нами случиться? – растерянно спросила Алиса.

– Все что угодно. Может оказаться, что этот городок – всего лишь короткая предсмертная галлюцинация перед небытием. Такое явление описывается некоторыми специалистами. Откуда мне знать, что правда, а что нет? Когда все настолько хорошо, начинаешь панически бояться перемен. Думать о них не могу! Не хочу покидать этот солнечный Лимб. И не хочу расставаться с вами. В том числе и с тобой, Макс. Достаточно?

– Вполне. Скажи только: я правильно понимаю, что этот, как ты говоришь, «посмертный сон» полностью

соответствует твоим представлениям о том, какой должна бы быть райская жизнь?

– У меня, знаешь ли, никогда не было представлений о райской жизни. Впрочем, я понимаю, что ты имеешь в виду. Да, здесь все именно так, как мне хотелось бы. Вернее, почти все. Например, ты, Макс, не всегда ведешь себя так, как я считаю нужным. Но это лишь подтверждает мою версию: ты – не часть наваждения, ты – сам по себе.

– Когда это я веду себя «не так»? – я почти возмутился.

– Периодически. Я как-нибудь на досуге составлю список, если тебе действительно любопытно...

– Чушь! Я совершенно уверена, что жива, и вы все – тоже... Ну, по крайней мере, за себя я ручаюсь! – вдруг рассердилась Лиза. – Но вести теоретические споры не хочу и не буду. Я с самого начала решила, что с нами произошло настоящее большое чудо: мы попали в волшебное место. А чудеса нельзя пытаться объяснять, они от этого портятся... Знаете, когда я была маленькая, мне подарили говорящую куклу: по тем временам почти чудо! И, конечно же, я...

– Разобрала ее, чтобы посмотреть, как устроен механизм? – понимающе улыбнулась Алиса. Я догадался, что от ее нежных ручек в свое время приняло смерть немало хитроумных устройств.

– Хуже. Гораздо хуже. Я не сумела разобрать куклу, и мне пришлось разрезать ее кухонным ножом. Я не рассчитала свои силы и вместо того, чтобы сделать аккуратный надрез, разрезала куклу на две половинки. Потом долго рассматривала механизм, но все равно

ничего не поняла. Так и сидела весь день наедине с неразгаданной тайной и разрезанной куклой. Еще и мама огорчилась до слез: кукла была дорогая... С тех пор я стараюсь просто пользоваться вещами, а не разбираться, как они устроены.

– Солнышко, ты явно не находилась к психотерапевту! – расхохоталась Стаси.

– Я к нему вообще не ходила. Еще чего! Это занятие для вялых вареных огурцов!

– Для кого? – опешил я.

– «Вялые вареные огурцы» – так мы с подружками называли обеспеченных домохозяек, – улыбнулась она. – Рядовых представительниц среднего класса, так сказать.

– Какая прелесть!..

– Алиса, теперь ты, – потребовала Стаси. – Рассказывай, до чего вы с Максом договорились.

Я всегда поражался ее феноменальной способности перехватывать инициативу. Сейчас Юстасия вела себя так, словно все эти месяцы настойчиво пыталась вынудить нас поговорить о Городе и вот наконец-то добилась своего.

– Мы-то как раз не договорились, – вздохнула Алиса. – У меня на этот счет свое мнение, а у него – свое.

– Иначе и быть не могло. Ну же, не томи!

– Начну с того, что мне вовсе не кажется, будто мы попали в некую «волшебную страну», «загробное царство» – называйте как угодно. Это – не тот мир, в котором мы родились, тут не поспоришь. Однако он не менее реален, чем, к примеру, вилла Вальдефокс, где мы

все встретились. Я много общалась с местными жителями, заходила к ним в гости... будете смеяться, я даже стала кем-то вроде крестной матери: здесь, оказывается, есть обычай в день рождения младенца выходить на улицу и приглашать в дом каждую восьмую из встреченных женщин; отсчет прохожих продолжается, пока их не наберется ровно восемь. Считается, что эти случайные гости – что-то вроде добрых фей, которые, сами того не ведая, одарят малыша удачей и прочими благами... Ну вот, один раз я оказалась восьмой по счету. Меня звали в дом, весь вечер угощали вином и сладостями... Очень милый обычай, правда?

– Милый, милый... И что с того?

– Эти люди никак не могут быть нашими наваждениями, – упрямо заключила Алиса. – Скорее уж мы – их наваждения. Образцовые городские привидения, достаточно нахальные, чтобы появляться на людях даже при свете дня. А что? Живем мы замкнуто, ведем себя, как правило, странно – это не мое мнение, а *общественное*, имейте в виду. Впрочем, нас в городе любят такими, какие мы есть, и перевоспитывать не собираются, так что все в порядке... Ах да, чуть не забыла. Знаете ли вы, что дом наш то появляется, то исчезает? То есть его не всегда видно. Это стало мне известно со слов наших ближайших соседей: они тактично пытались выяснить, что у нас происходит.

– Вот это новость! – нахмурилась Юстасия. – Дом исчезает, говоришь? Странно, что мы ничего не замечаем...

– Уверен, что дом исчезает в тех случаях, когда мы спим, причем все четверо одновременно, что, согласитесь, случается не так уж часто, – вмешался я.

– Вот как? – протянула Лиза. – Что ж, все может быть...

– Рассказывай теперь свою хитроумную теорию, – подмигнула мне Алиса. – Уверена, что моя версия будет признана более удачной. Хотя бы потому, что, в отличие от твоей, она простая и понятная.

– Моя тоже простая и вполне понятная, – сделал сие официальное опровержение, я умолк. Это моя вечная проблема: никогда не знаю, с чего следует начать монолог. Даже когда собираюсь ознакомить восхищенную аудиторию с оптимальным способом приготовления яичницы в домашних условиях – всего лишь!

Гайто Газданов писал о полупрозрачной непроницаемой пленке, словно бы обволакивающей глаза людей, не привыкших мыслить; думаю, он наверняка сравнил бы этот почти невыразимый эффект с некой особенной разновидностью контактных линз, если бы в сорок первом году, когда он писал «Ночные дороги», контактные линзы уже были изобретены... Так вот, глаза здешних горожан тоже кажутся мне покрытыми своего рода пленкой, но не тусклой, а, наоборот, слишком яркой. Такие глаза могли бы быть у святых или у джиннов, отпущенных на волю из ламп и бутылок. Порой я думаю, что они вообще ничем не являются и сияние их глаз – лишь зеркальное отражение моей давней невысказанной мечты о месте, где людей с тусклыми зрачками попросту нет...

Да, пожалуй, начну именно с Газданова, как это ни нелепо в данных обстоятельствах... вот именно, в *данных*. В обстоятельствах, данных нам не то свыше, не то в ощущениях, не то в долг.

Пес, о котором мы уже почти забыли, вдруг тихо зарычал, исподлобья уставившись на меня.

– Он... она... Макс, эта собака хочет, чтобы ты молчал!

Стаси оказалась неплохим переводчиком, но ее вмешательство не требовалось: я и сам понял, что мне следует держать язык за зубами.

Почему-то.

Наш четвероногий друг окончательно свихнулся. Нарезал круги по комнате, постепенно приближаясь к мертвецу, ритмично подвывая и поскуливая; результат больше походил на варварские напевы какого-нибудь лесного колдуна, чем на обычные собачьи страдания. Мы молча наблюдали за ним, не в силах сдвинуться с места. По моей спине ползла тонкая струйка холодного пота, скользкая и подвижная, как гадюка. Тело обмякло, приготовившись не то хлопнуться в обморок, не то покорно подставить шею под жертвенный нож – как прикажете, мой господин, с любовью и удовольствием!

– Он умер не в срок, – вдруг сипло сказала Юстасия; тонкий указательный палец с полированным полуптичьим когтем устремился в направлении трупа.

– Как можно умереть не в срок?

– Не знаю. Очевидно, он гений.

– Среди удобрений... Ой, это мы в школе так говорили...

Они нервно хихикают.

– Почему ты это сказала, Стаси?

– Откуда я знаю? Само сказалось...

– Он умер не в срок, он умер не в срок, он умер не в срок, – теперь они смакуют эту дурацкую фразу на несколько голосов. Сумасшедший дом!

– Макс, слышишь, ты даже умер не в срок, бестолочь!

– Не говори так. Макс не умер.

– А чей это труп, по-твоему?

– Это не он. Просто двойник. Брат-близнец.

– А что мы знаем о двойниках?

– О двойниках? Ничего.

– Правильно, ничего.

– Мы знаем, что мы ничего не знаем, это же классика! – снова вымученный смех. Будто их кто-то щекочет.

– Надобуус пок оить сянем огум нест рашноипо томус мешнонет нуж новзя тьсе бяврук инуво тибе рияян емо гу. – Я внезапно осознал, что не понимаю больше их речь, только слышу голоса, слившиеся в единый убаюкивающий гул... Даже не так, не слышу, а вижу. Обнаружилось вдруг, что мир состоит из нескольких слоев: на самой поверхности – тонкий целлофан знакомых голосов, под ним – скользкий шелк солнечного света, еще глубже – непрочный, но целебный марлевый бинт привычного домашнего интерьера, а под ним – толстый войлочный слой небытия, темноты, которую ощущаешь не глазами, а всем телом...

Спина моя наслаждается соприкосновением с упругим ворсом ковра; надо понимать, я уже не стою, а лежу. Рядом мерцают янтарные песьи глаза – не добрые, не злые, не равнодушные даже, – *никакие*. Где-то

вдалеке непропеченными солнечными зайчиками светятся лица: раз, два, три... Нет, не три, а четыре, так-то. Я лежу на ковре, а тот, чье место я занял, стоит в дверном проеме, пытается успокоить моих подружек и выпроводить их из гостиной, потому что нам...

Да, как ни странно, нам следует кое-что обсудить.

23. Мяцкай

В мифологии тобольских татар <...> дух умершего колдуна, покинувший кладбище и продолжающий жить среди людей.

Когда мы остались одни (пес улегся на пороге, его рыжее тело стало своего рода шлагбаумом между миром живых и миром мертвых), ко мне тут же вернулась полуденная ясность бытия – словно некий невидимый душитель передумал и убрал тяжкую войлочную подушку с моего лица. Впрочем, встать я по-прежнему не мог. Очевидно, одному из нас полагалось сохранять неподвижность – регламент!

Мой двойник подошел поближе, присел на корточки и теперь внимательно меня разглядывал. Никаких признаков смятения на его физиономии я не обнаружил. Он сохранял совершенное, я бы сказал, противоестественное спокойствие. Поэтому я заговорил первым:

- Что происходит?
- Уже ничего.
- Совсем?

– Совсем. Когда встречаешь себя, мир пропадает. В сущности, он больше не нужен...

– Поэтому и считается, что встреча с двойником – это смерть?

– Поэтому и считается, да.

– А почему нас двое? Откуда ты взялся? Или откуда я взялся? Кто из нас настоящий?

– Хороший вопрос. Хотел бы я это знать... А ты сам что думаешь?

– Ну, честно говоря, у тебя больше шансов оказаться «настоящим»: не так давно я был призраком на вилле Вальдефокс. Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Черт его знает. «Вальдефокс» – где это? Германщина какая-нибудь?

– Да. Городок называется Шёнефинг. Из Мюнхена на электричке за час можно доехать. Это если останавливаться у каждого телеграфного столба, на машине гораздо быстрее...

– Стоп, вспомнил. Однажды я был там проездом, но никаких призраков не видел... – смеется. – А знаешь, для баварского привидения ты слишком худой. И где, скажи на милость, твои кожаные шорты и тирольская шляпа с пером удода?

– Считаю, что оставил преемнику... Почему именно «удода»?!

– Слово хорошее.

– А ты кем был? Что говорит тебе твоя память?

– Память... Она много чего говорит, с нею не соскучишься! Знаешь, я как раз дописал эссе о смерти

литературных героев и тут же умер сам. Идиотизм какой-то... Я не был призраком, если тебя это интересует. Нормальный живой человек – насколько нахх может быть нормальным...

– «Нахх»? Что это такое?

– Самоназвание такое дурацкое... Коротко говоря, нахх – это тот, кто смотрит в темноту... Сложно сейчас объяснять. Потом. Сам разберешься.

– «Потом»? В данной ситуации это слово неуме...

– Вполне уместно. Тебе предстоит прожить мою жизнь. Может быть у тебя получится выправить курс...

– Что?!

– Ну... Изменить направление судьбы. Не умереть на собственной кухне в возрасте тридцати двух лет. Прожить этот день до конца. Тогда для нас с тобой наступит еще одна осень, и все будет хорошо.

– «Хорошо» – это как?

– Пока не попробуешь, не узнаешь.

– Ладно... А как мне следует прожить твою жизнь? Ну, я имею в виду, что именно нужно сделать, чтобы *курс выправился*?

– Знал бы прикуп...

– Ну да, ну да... А какой ты был? Хотя что-то о тебе я должен знать.

– Ты никому ничего не должен.

– Хорошо, не должен. Но я *хочу* знать о тебе хоть что-то.

– «Хочу» – это уже лучше.

– Не придирайся. Что ты любил?

– Любил? Странный вопрос.

– Почему? Самый простой способ узнать человека: выяснить, что он любит.

– Ты так думаешь? Забавная теория! Ладно, если ты так хочешь... Я люблю зверей. Всяких, даже крыс, пауков и гадюк. И растения люблю – все без исключения. Бродить по лесу, а еще лучше – лечь на траву, уткнуться лицом в мох и лежать долго-долго... Воду люблю. Плавать в море, а возле реки – жить. Смотреть на реку. Ветер тоже люблю, даже когда он зимой в морду дует. Люблю ходить босиком. Возвращаться домой летом на рассвете и знать, что там никого нет и можно лечь спать... Есть ежевику с куста. Да, если уж речь зашла о гастрономических предпочтениях, нельзя не упомянуть кактусовый чай, эфиопский кофе и тоник.

– С джином?

– И с джином, и без. Но обязательно с лаймом. И лед. Много льда... Не перебивай.

– Не буду. Что еще?

– Ночевать под открытым небом. Быстро-быстро ехать в автомобиле по загородной дороге. Можно, впрочем, и по городу, если он большой: тут важно знать, что еще нескоро приедешь. Хорошую обувь. Улиток. Гулять по незнакомому городу. Цветные стекла. Стрелять из лука или пистолета. Из ружья, кстати сказать, не люблю, ибо мажу... Запах дыма. Бродить в тумане. Кататься на качелях. Воровать арбузы с бахчи. Уезжать на поезде, особенно ночью и в люксе... из чего, кстати, следует, что я люблю комфорт. И еще собирать грибы, камни, ягоды, листья, дрова – просто что-нибудь

собирать. Проснуться утром, посмотреть на часы и обнаружить, что еще рано и можно спать дальше. Кедровые орешки. Зеленый цвет. Внезапно обнаруживать «своих»: по сиянию глаз, по ненароком брошенному слову или жесту. Сны. Сумерки. Смотреть на огонь или на текущую воду. Гулять под снегом с плеером. Выйти из дому в первый раз после простуды. Тратить деньги. Завалиться на диван с детективом. Кормить уток и вообще всяких птиц. Бежать вниз по склону холма. Крутиться, задрав голову, пока не упадешь – лучше бы в траву, чем на асфальт, конечно... Я вообще очень люблю жизнь – со всеми вытекающими последствиями.

– Это заметно. Хотя корректнее было бы употреблять глагол в прошедшем времени.

– В задницу твои глаголы! Скажи лучше, как поживает твоя теория? Ты теперь хорошо меня знаешь?

– Лучше, чем хотелось бы. Подойди к окну. Видишь стопку бумаг на полке возле подоконника? Славно. Там наверху должны лежать несколько исписанных листочков бумаги в клеточку.

– Есть!

– Выбери тот, где самые жуткие каракули.

– Ага... У меня тоже отвратительный почерк...

– Ни на секунду не сомневаюсь. Начинай читать. Вслух, пожалуйста.

– Ладно. *Я люблю зверей. Всяких, даже крыс, пауков и гадюк. И растения люблю – все без исключения. Бродить по лесу, а еще лучше – лечь на траву, уткнуться лицом в мох и лежать долго-долго... Воду люблю. Плавать в море, а возле реки – жить. Смотреть на реку.*

Ветер тоже люблю, даже когда он зимой в морду дует...
Ч-ч-черт! Мои слова сами записались на бумажку?

– Да, причем дня три назад. Лиза попросила нас всех составить список: кто что любит. То ли игра такая, то ли она решила сделать нашу жизнь еще приятнее, хотя куда уж дальше... Ну, мы и написали. Лично я чувствовал себя идиотом, но ей ведь невозможно отказать!

– Лиза – это толстушка? Да, она славная...

– Они все славные... Теперь мы оба точно знаем: ты – это я. Или наоборот...

– А ты сомневался?

– Не сомневался. Надеялся.

– Ну-ну... Впрочем, я тоже.

– Я сейчас отсюда исчезну?..

– Не знаю. Проснешься, небось, в моей шкуре...
Где-нибудь, когда-нибудь.

– Твоя жизнь мне уже снилась. Не так уж и плохо...

– Согласен, не так уж и плохо.

– Слышишь? Море шумит.

– Здесь нет моря. Ты засыпаешь.

Вместо лица двойника надо мной нависла песья морда. Янтарные глаза – два светильника, но ведь у меня нет огнива, а если бы и было, что толку? Мне не нужны монеты, ни медные, ни серебряные, ни золотые, мне не нужна прекрасная принцесса, потому что темнота (или это была собака?) слизнула меня влажным своим языком, и я растаял...

Н

24. Нагльфар

В скандинавской мифологии корабль, сделанный из ногтей мертвецов; на нем мертвецы приплывают из царства мертвых Хель...

Открываю глаза и тут же поспешно их закрываю: немилосердная настольная лампа изливает огненные лучи прямо на нежную радужную оболочку.

Перечень телесных неприятностей на этом, надо отдать должное, не заканчивается. Во-первых, болит голова. Во-вторых, прочая утроба тоже ноет как-то противно, словно бы меня не слишком жестоко, но добросовестно били на протяжении последних полутора часов. В-третьих, в-четвертых, в-пятых – да в каких угодно! – У-МЕ-НЯ-БО-ЛИТ-ГО-ЛО-ВА!!! Как некий гигантский гнилой зуб ноет эта злокозненная дрянь. Теоретически говоря, именно так она и должна болеть с похмелья. И это несправедливо, ибо с зеленым змием я вроде бы давненько не якшался. Расплата за ночные бдения и несколько часов беспокойной послеполуденной дремы? Похоже на то, хотя опять же несправедливо: мне уже воздалось ночными кошмарами. И какими! Кровавые убийства, мертвые двойники, прекрасные, но сердитые женщины, волшебный пес с огненным взором и задушевное общение с собственным трупом – приснится же такая пакость! Бр-р-р-р...

Ползу на кухню, пока варится кофе, пью воду из-под крана жадными глотками – не захлебнуться бы!

Заодно и умываюсь холодными брызгами. Тело понимает, что вода – это хорошо. Просится в душ. Обещает не поддаваться общей слабости, не терять равновесия и не падать на скользкий кафель. Делаю вид, что верю, ибо не могу вот так взять и отмахнуться от собственных телесных причитаний. Веду капризный организм в ванную, мою его липовым мылом. Кофе повел себя вполне интеллигентно: он, конечно, сбежал, но лишь в самый последний момент, когда мы с телом, мокрые и слегка посвежевшие, уже переступили порог кухни. Так что дело ограничилось несколькими густыми кляксами на плите, а на такую неприятность можно забить.

Впрочем, забить можно практически на все, чем я успешно занимаюсь в последние го...

Стоп.

А чем я, собственно говоря, занимаюсь?

Нет ответа. Живу... наверное.

Хорошенькое дело!

Сажу в собственной (вероятно) кухне, пью кофе, закусываю цитрамоном, благо упаковка таблеток обнаружилась среди чистой посуды. Сажу, надо сказать, дурак дураком. Не знаю даже, моя это квартира или съемная. Не помню, как давно здесь поселился. Понятия не имею, каким образом заработал денег для оплаты своего пребывания под этим потолком цвета светлой охры. Нужно ли мне сегодня куда-нибудь идти? Или кому-то звонить? Или ждать звонка? А завтра? Есть ли поблизости люди, с которыми меня связывают некие обязательства? А может быть, я, чем черт не шутит, женат? И сейчас сюда придет женщина, связавшая свою судьбу с идиотом, который не помнит о себе ничего,

кроме давешнего кошмара, да и тот, честно говоря, весьма смутно...

Нормально. Приехали.

Несколько минут (и несколько глотков кофе) спустя голова моя начала наконец освобождаться от докучливой боли и заполняться полезными мыслями. В частности, я сообразил, что можно провести расследование. Осмотреть квартиру, порыться в шкафу, почитать бумаги, изучить документы, ежели таковые найдутся. И, таким образом, узнать о себе хоть что-то.

Следствие на первом же этапе показало, что никакой жены у меня нет. Подружки, кажется, тоже. По крайней мере, в этой квартире я до сего дня жил один. И, смею заметить, неплохо одевался: одежный шкаф заполнен исключительно предметами мужского гардероба; отдельные экземпляры мне захотелось немедленно примерить. Несколько пар обуви, обнаруженные в коридоре, окончательно примирили меня с необходимостью жить дальше. Память – черт с ней, зато какие ботинки!

В комнате не было ни телевизора, ни радиоприемника. Впрочем, обстановка отнюдь не вопила о нищете: в одном углу помещался навороченный музыкальный центр, а в другом тихо гудел компьютер. Я машинально щелкнул мышью, темный монитор неохотно вышел из спячки и явил мне короткий текст под названием «Мы убиваем, нас убивают». Попытка прочитать написанное вернула к жизни головную боль, и я счел за благо отложить литературные штудии на неопределенное «потом». Для начала достаточно знать, что грамоте я, оказывается, обучен. Уже хорошо.

Сие фундаментальное знание пришлось как нельзя более кстати, когда я принялся разбирать документы. Несколько ламинированных пропусков в какие-то загадочные места, водительские права, два паспорта, причем один – заграничный. Если верить лиловым, зеленым и малиновым оттискам на соответствующих местах, я, как минимум, четыре раза пересекал разнообразные государственные границы. Что ж, неплохо. Было бы и вовсе распрекрасно, если бы я смог вспомнить хотя бы одну из этих гипотетических поездок. Но как ни понукал воображение – вотще. Только смутные воспоминания детства в заграничном военном городке поднялись было на поверхность, издали жалобный крик о помощи, помахали слабыми ручонками и благополучно ушли на дно. Ну, не очень-то и хотелось...

Мне требовалась более актуальная информация. Скажем, квартирные книжки, выписанные на имя какой-то посторонней женщины. Поскольку в доме не нашлось ни единой женской тряпочки, да и в паспорте никаких брачных отметин, очевидно, квартира все-таки съемная. Интересно, сколько с меня за нее дерут? Ответ на этот вопрос поджидал меня на ближайшем повороте: квартирная хозяйка, оказывается, оставляла мне расписки. Ага, в последний раз она получила от меня сто пятьдесят долларов. Наверное, это недорого... Или как? И когда грядет следующая расплата?

Еще через несколько минут я нашел собственный бумажник, изучил его содержимое и остался доволен. Понял, что полторы сотни в месяц – вполне посильная для меня сумма. И на том спасибо.

Все эти мелкие бытовые открытия дарили положительные эмоции, но каким-то образом уводили

меня в сторону от поставленной цели. Выводы, основанные на наблюдениях, возможно, были верны, но воспоминаний не пробуждали. Моя жизнь по-прежнему оставалась глубокой темной лужей, на самом дне которой копошились какие-то смутные образы – не более того.

Поэтому телефонному звонку я обрадовался как благовесту. Решил почему-то, будто живая человеческая речь окажет на меня более мощное воздействие, чем копошение в вещественных доказательствах. Взял трубку, вежливо сообщил: «Я слушаю».

– Это хорошо, что слушаешь. Куда подевался-то? Уезжал? Я уже начал думать, что ты сменил квартиру.

Голос был незнакомый. Но, судя по интонациям, мне звонил близкий друг. На худой конец, очень хороший приятель. Возможно, даже брат... впрочем, братьев у меня все-таки, кажется, не было. Хотя...

Я все взвесил и решил, что нужно рискнуть. Признаться этому гипотетическому другу-брату, что у меня проблемы. Серьезные, весьма вероятно. Пусть приедет и расскажет мне, как я жил в последние дни, недели, месяцы. Возможно, годы. Деваться все равно некуда. Того гляди, завтра начнут звонить совсем посторонние люди – и как я, спрашивается, буду поддерживать разговор? То-то же.

– Это кто? – спросил я на всякий случай. В надежде, что имя моего собеседника станет толчком к пробуждению памяти. Однако не вышло. Он, кажется, даже обиделся.

– С каких это пор ты меня узнавать перестал? Веня это, Веня. А ты думал, кто?

– Я ничего не думал, – признаюсь удрученно. – Веня, у меня, кажется, проблемы. Ты не мог бы ко мне приехать?

– Запросто. Затем и звоню, между прочим. Бо маю вильну годину, та й натхнення^[3].

– Это хорошо, – улыбаюсь невольно. – Это просто замечательно. Тебя когда ждать?

– Если не будет на проспекте Мира пробок, значит, через полчаса. Если будут – сам понимаешь... У тебя закуска-то есть? Учти, я везу бутылку джина. И два литра тоника.

– У меня, – говорю, – есть кофе, сахар и цитрамон. Очень хорошие, питательные таблетки от головной боли. И еще какая-то заскорузлая дрянь в холодильнике, но к твоему приезду я ее выкину, обещаю.

– Понял. Аскетический подвиг продолжается, – ржет мой будущий спаситель. – Значит, жди меня через час, не раньше. Придется тебя не только спаивать, но и кормить. Мои отцовские инстинкты будут в восторге.

Он кладет трубку. Я смеюсь от облегчения. Все еще надеюсь, – да какое там, почти уверен! – что увижу сейчас знакомое лицо, и все встанет на свои места.

Отворачиваюсь от телефона, рассеянно выглядываю в окно: дескать, что там у нас происходит с окружающим миром? И тут-то земля окончательно уходит у меня из-под ног, не оставив на прощание даже коротенькой записки с извинениями.

³ Ибо имею свободное время и вдохновение (искаженный украинский).

Потому что вместо обычного городского пейзажа, к виду которого я уже успел привыкнуть и даже душой прикипеть, пока сидел на кухне, пытаюсь привести себя в чувство, за окном сейчас возвышались горы. Не слишком высокие, округлостью очертаний напоминающие Карпаты, но не столь лесистые. На склоне ближайшей горы толпились причудливые тени, горели оранжевые и зеленые огни, затмевающие тонкий серп ущербной луны, – неужели город?

Конечно, город, что же еще. И уж его-то, в отличие от сгнувшего незаконного пейзажа, я узнал сразу.

Сочетание приземистых массивных зданий и хрупких, почти игрушечных башенок, дом из белого кирпича, на островерхой крыше которого крутился флюгер в форме попугая. И еще мне показалось, будто я слышу музыку, едва различимую танцевальную мелодию, словно на городской окраине в разгаре вечеринка...

– Вот! – тихо говорю сам себе. – Там-то я и жил. А здесь жил кто-то другой. И значит, никакие кошмары тебе не снились. Эх ты, жопа! Сон от жизни отличить не можешь, горе мое...

Поспешно открываю окно, понимаю, что могу сейчас вернуться домой, и все, вероятно, будет в порядке... Или все-таки не будет? Ну, пока не попробуешь – не узнаешь.

Значит надо попро...

ТЬфу ты, господи!

Стоило распахнуть окно, и пейзаж разительно переменился. Обычный московский двор, цветущий каштан, длинная панельная девятиэтажка через дорогу. Оглушенный, я мотал головой, как мокрая собака. Давешнее озарение касательно обстоятельств моей

прежней жизни теперь больше походило на приступ безумия, по счастью, не слишком продолжительный.

Не в силах созерцать унылую реальность, пришедшую на смену волшебному моему видению, я рухнул на диван, натянул на голову плед. И вдруг вспомнил, что уже не раз поступал таким образом. Спасался под одеялом от мук разочарования, от тоски и от собственной двойственности. От того Макса, который знал, что безымянный город в горах – часть его судьбы, а вот обычный законный пейзаж – не более чем назойливое наваждение. От себя самого – того себя, которому мой давешний кошмарный сон сулил перемену участи, не то прискорбную, не то чудесную – кто знает, дорогой Ватсон, кто знает...

Я вылез из-под одеяла. Сел, подтянув колени к подбородку. Задумался. Со мною творилось нечто неладное – что ж, не впервой, справимся. Я сошел с ума? Наверняка, но это не беда: безумец вполне может выжить среди нормальных людей, если научится держать себя в руках и притворяться «своим». Изменница память пошла на уступки и теперь льстиво подсказывала, что я всю жизнь только этим и занимался: притворялся «своим» среди чужаков. Судя по всему, небезуспешно: ведь не в дурдоме же я сегодня проснулся, а на собственной, приватной, временно оккупированной территории. И то хлеб.

Прежде всего, однако, мне хотелось понять, наяву или во сне состоялась моя встреча с убиенным и тут же воскресшим двойником. Он толковал что-то об обмене судьбами: дескать, теперь мне придется залезть в его шкуру и прожить его жизнь. Ну а он великодушно

займется моими делами. Хитрец, он наверняка заранее представлял себе, насколько выгоден такой обмен!

Ладно. Кусать локти будем позже. Для начала нужно... ну хотя бы бросить монетку. Не то чтобы я действительно полагал, будто примитивнейшее из гаданий откроет мне истину, но, пусть, по крайней мере, подскажет, как относиться к нахлынувшим воспоминаниям о городе в горах и мертвом пройдохе-двойнике. Орел – сон, решка – явь. Как скажете, так и будет, я парень покладистый. Мне бы ночь простоять, да день продержаться.

Извлекаю из кармана металлический рубль. Подбрасываю в воздух. И становлюсь свидетелем настоящего чуда: монетка падает на ребро, крутится волчком и наконец замирает, так и не явив моему взору ни орла, ни решки.

Я бы, пожалуй, закатил истерику, да телесная слабость тому препятствует. Оно и к лучшему. На фигу мне истерика? Мне гостя ждать надо. И молить небеса о снисходительности. Пусть гость окажется другом. Пусть он захочет мне помочь. И пусть, черт побери, он придет как можно скорее! Потому что я больше не могу сходить с ума в одиночестве. Мне срочно требуются болельщики – ну хоть один, для начала.

25. Нгектар

В тунгусо-манчжурской мифологии мир нерожденных душ. <...> Души – они жили на ветвях деревьев. На землю они попадали в виде пушинок и хвоинок.

Небеса были милосердны: в ту же минуту затренькал дверной звонок. На пороге обнаружился невысокий худой синеглазый человек в светлом джинсовом костюме. В руках – объемистый пакет, из коего кокетливо выглядывает горлышко двухлитровой пластиковой бутылки с тоником, как и было обещано.

– Веня?..

– Ну, слава богу, вполне живой и все еще похож на человека, – ухмыляется гость. – Посторонись, горе мое. Дай пройти. Я твердо намерен тебя спасти, а такие вещи на пороге не делаются.

– Спасать, – говорю, – дело хорошее. И своевременное.

С а м ч у т ь н е п л а ч у о т д о с а д ы :
ни-че-го-не-вспо-ми-на-ет-ся! Хоть убей, ничего. Однако даю гостю дорогу. Тот ломится на кухню, по-хозяйски распахивает холодильник, отправляет в морозильную камеру стеклянную бутылку с джином и пластиковую с тоником, ритуально содрогается при виде пустых полок. Взирает на меня с упреком:

– Ты с каких это пор без денег сидишь?

– Да нет, я вроде с ними сижу. Просто не лежит душа к товарно-денежному обмену, – объясняю виновато.

Чувствую себя конченным засранцем. Ей богу, словно папа в гости зашел... Вот интересно, кстати, есть ли у меня настоящий папа? Когда-то в детстве, очевидно, был, а теперь как? Впрочем, это сейчас не самое главное... А что главное-то?

Эх!

– А к чему она у тебя лежит? – деловито осведомляется гость.

– Кто – она? – пугаюсь.

– Душа. Душа, которая, если верить твоим же словам, не лежит к товарно-денежному... впрочем, я уже понял, что ты не в форме. Что случилось-то? Судя по выражению твоего лица, все умерли.

Хорошее наблюдение. Точное. Однако соглашаться с ним погодим. Для начала надо бы найти подходящую формулировку для описания сути моей проблемы. «Спасите, люди добрые, у меня амнезия!» – так, что ли? А хотя бы и так...

– Налей-ка мне джина с тоником, – говорю. – Не такой я мастер на жизнь жаловаться, чтобы делать это на трезвую голову.

– И то правда. Только первая порция получится теплой...

– Ну и хрен с ней. Я тоже теплый и ничего.

– Аргумент, – уважительно кивает синеглазый незнакомец, позиционирующий себя в качестве моего старшего товарища и заодно спасителя. Смешивает коктейль. Стремительно добывает откуда-то маленький зеленый лимон, жестом фокусника извлекает из кухонного шкафа нож, ароматный ломтик цитруса медленно погружается в шипящую жидкость. Опаньки!

После первого глотка я еще не готов к исповеди, но после четвертого – пожалуй.

– Тут вот, – говорю, – какое дело. Не помню я ничего с тех пор, как проснулся. То есть часа два уже. Или даже три... То есть нет, не так. Кое-что помню

все-таки. Например, как меня зовут. Детство свое немножко помню, сны какие-то кошмарные и не очень, гору книг прочитанных как наяву вижу, цитаты могу наизусть шпарить... Но это, пожалуй, все. Мне пришлось порыться в документах, чтобы выяснить, что это – не моя квартира, а съемная. Я прав?

Гость кивает. Хмурится. Но тут же старается улыбнуться, чтобы я не спешил падать духом. Получается довольно фальшиво, но все равно, очень мило с его стороны.

– Я даже тебя не помню, – вздыхаю. – Теоретически понимаю, что мы, наверное, друзья. Но это умозаключение, а не воспоминание. Надеялся, что увижу тебя, и в голове хоть что-то прояснится. Но нет. Пока не сработало.

– Хорошо хоть «теоретически» ты что-то понимаешь, – ворчит. – Хотелось бы надеяться, что ты меня разыгрываешь. Но... нет. Кажется, нет.

– Нет, – мотаю головой. – Не разыгрываю. Мне помощь нужна, Веня. Я, как ты понимаешь, не очень хочу пользоваться услугами современной медицины. Пусть себе кого-нибудь другого обслуживает, ну ее... Поэтому мне требуется мое подробное жизнеописание. Перечень деяний и имен. Чтобы впросак не слишком часто попадать. Чего я там не видал, в этом «просаке»?..

– Словарный запас твой, как я погляжу, не пострадал, – замечает он с некоторой осторожностью. Словно бы все еще надеется, что я ломаю комедию.

– Да вроде бы не пострадал. И это вполне согласуется с моей дикой теорией.

– Могу я ознакомиться с твоей дикой теорией прежде, чем эта бутылка опустеет? Хотелось бы сохранить свежесть восприятия и хоть какое-то доверие к собеседнику.

– Налей мне еще джину, всего-то на полпальца, и будет тебе теория. Учти: такие вещи даже наедине с собой вслух не проговариваются. Поэтому не могу я это совсем уж на трезвую голову излагать.

– На полпальца, пожалуй, налью... Погоди-ка, сначала сожри что-нибудь, для моего спокойствия. Зря я, что ли, по супермаркету рыскал?

– Не зря.

Послушно вскрываю упаковку ветчины и с фальшивым энтузиазмом сую в рот тонкий розовый ломтик мяса. Жую. Глотаю, не ощущая ни вкуса, ни аппетита. Вот и молодец. Теперь можно выпить. И поговорить со своим старым другом Веней, которого я, судя по всему, вижу впервые в жизни. Потому что...

Потому что я – копия. Макс, который дружил с этим синеглазым дядей, в настоящее время, вероятно, проживает один из моих дней. А я, соответственно, тут за него отдуваюсь. Когда-то он родился вместо меня, а за это попросил оказать ему ответную услугу: побыть живым вместо него. Такие пирожки. С котятами.

Стараюсь очень спокойно, без лишних восклицаний и тем более жестов объяснить это Вене. Дескать, я ни на чем не настаиваю. Сам понимаю, что идея совершенно дикая. С другой стороны, я как-то слишком уж хорошо помню все свои сны: и о том, как был призраком, и о женщинах, устроивших спиритический сеанс, и о путешествии в Город, и чудесное воскрешение

собственного двойника, и так далее, и чем дальше, тем больше воскресает в моей памяти живописных деталей и подробностей... Все это прекрасно, но о событиях, имевших место наяву, я по-прежнему не имею ни малейшего представления. Так что – вот.

– Ясно, – в тон мне, спокойно, флегматично даже, резюмирует Веня. – Если бы Алиса стала ксендзом, и Шалтай-Болтай пришел бы к ней на исповедь, она, возможно, могла бы услышать нечто подобное. Но мне даже нравится. Придает некоторый шарм суровым будням.

– Жаль, – улыбаюсь, – что я ни фига про тебя не помню. Хорошие, наверное, воспоминания.

– А то! – ухмыляется.

Я ему верю.

26. Ненкатакоа

В мифологии чибча-муисков бог ритуальных попок и хмельного напитка чичи. <...> Помогал <...> тем, что устраивал перемежавшиеся с физической работой попойки.

– А теперь рассказывай, – говорю. – Ты давно меня знаешь? И, думаю, неплохо. Как я жил-то? Чем занимался? Адреса, пароли, явки и прочее дерьмо.

– Будут тебе пароли, будут и явки, да и дерьма не пожалею. Но сначала выпьем, – отвечает Веня. – Надо же мне в себя прийти после твоего официального заявления... Ужас в том, что я уже привык жить с

мыслью, что от тебя можно ожидать чего угодно. Поэтому – почти верю.

– Вот как?

Надо бы принять это к сведению. Со мною он имел дело или с моим двойником, но репутация у меня, кажется, та еще...

Бутылка тем временем пуста уже наполовину. Мне стало полегче. Уже почти все равно, какая именно у меня была биография. Сейчас все неплохо – вот и ладно. Что будет потом, никому на фиг не ведомо, а что было... Что было, это мне сейчас Веня расскажет.

– Мы с тобой встретились летом девяносто второго года, – неспешно начинает он. – Мы с моей подружкой Раисой тогда занимались книжным бизнесом, и ты познакомился с нею на улице, возле одного из наших лотков. Райка ругалась с продавцом, а ты, если верить ее рассказу, подошел, чтобы погадать на книгах. Заодно и ей погадал. И продавцу. Выяснил, что он у нас ворует. Раиса была просто счастлива: она его давно подозревала, да все никак за руку поймать не могла...

– Вот оно как, – изумляюсь. – Значит, я у нас маг и ворожей, ага. Хорошо хоть не народный целитель.

– И целитель тоже, – серьезно говорит Веня. – Иногда, под настроение. Только не перебивай, ладно? Я и так чувствую себя идиотом, когда рассказываю тебе про тебя.

– Извини. Налей мне еще, и я заткнусь.

– Слово скаута?

– Честное пионерское.

Через час мы отправляемся к ближайшему киоску за добавкой. Возвращаемся. Лыко, как ни странно, все еще вяжется – со страшной, между прочим, силой. Веня рассказывает. Я слушаю. Его истории не пробуждают во мне ни единого живого воспоминания, но мне интересно. Чрезвычайно интересно. Начинаю понимать, что предстоящее существование будет непростым, но чертовски увлекательным. И на том спасибо!

27. Нирвана

По теории буддизма, о нирване нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что это состояние свободы, покоя и блаженства (хотя все эти слова неадекватны для описания нирваны).

На исходе второй бутылки мы мирно засыпаем. Веня – на моем диване, я – на ковре. Мне, к слову сказать, ничего не снится, и это – лучшее, на что я смел рассчитывать.

28. Норны

Норны определяют судьбы людей, вырезывая руны. <...> При рождении героя прядут нить его судьбы, предсказывая славное будущее.

Пробуждение приносит похмелье Вениамину, мне же – лишь очередное напоминание о вагоне и маленькой тележке свалившихся на меня проблем, душевную смуту на фоне абсолютного физического благополучия. Мы

завистливо косимся друг на друга: чужой жребий всегда кажется слаще.

Варю кофе. Веня разбавляет свою порцию жалкими остатками вчерашней аквавиты. Ну и правильно. Вместо двух прямоходящих приматов, обремененных печалью, у нас в наличии снова всего один. В точности как вчера, в самом начале нашего микрозагула.

– У тебя есть хоть какие-то планы? – спрашивает Веня. – Я, как ты понимаешь, имею в виду не метафизическую, а сугубо практическую сторону дела.

– Даже не знаю. Понятно, что нужно попробовать пожить дальше. Осторожно, как младенцы ходить учатся... Для начала хорошо бы сменить квартиру. Неуютно мне здесь. Пока ты рядом, еще ничего, но одному тут сидеть не хочется. Может быть, не в квартире дело? Просто мне сейчас в одиночестве лучше не оставаться?

– Очень может быть, что лучше не. Квартиру найти – дело не такое уж хитрое. Хочешь, поживи пока у меня.

– Я тебе мешать буду. Тебе свою жизнь проживать надо, а тут я под ногами путаюсь...

– Ну уж – под ногами! Ты, ясен хрен, не помнишь, но у меня четыре комнаты. Одна – на отшибе, на другом конце коридора. Можешь там поболтаться пока. Если хочешь, конечно. А потом найдешь новое жилье... да и крыша к тому времени, может, на место встанет, – без особой уверенности добавляет он.

Насчет крыши я и сам не питаю иллюзий. Другое дело, что я, наверное, быстро привыкну. Я довольно

быстро ко всему привыкаю и приспосабливаюсь. Живучий, змей. Повезло.

– Спасибо, – улыбаюсь. – Постараюсь быть не слишком докучливым жильцом. Играть на дутаре после полуночи не стану, котят помойных коллекционировать не начну, нетрезвых женщин старше шестидесяти водить не буду...

– Вот! – Веня многозначительно поднимает палец. – Старше шестидесяти не води, это важно. Только младше. В любых количествах.

– Кстати. Ты мне вчера так и не рассказал: девушки-то у меня были? – спрашиваю осторожно. – Или хотя бы одна девушка? Неужели монахом жил?

– Ну, пожалуй, не монахом. Но ничего заслуживающего внимания не припоминаю. По крайней мере, ничего продолжительного... Вот когда ты только-только появился в поле моего зрения, в девяносто втором, летом, тогда у тебя, кажется, случился некий выдающийся роман. Но в ту пору мы были едва знакомы, поэтому я не в курсе. Знаю только, что ты казался мне очень счастливым и очень невыспавшимся... Раиса говорила, что время от времени на склад звонила женщина с красивым хриплым голосом. Спрашивала тебя. Пару раз Райка видела во дворе некое умопомрачительное, по ее словам, белокурое привидение и подозревала, что это – твоя гостья. Потом, осенью, ты стал выглядеть более отдохнувшим и менее счастливым. Впрочем, не могу сказать, что ты походил на страдальца... Примерно тогда, перед Новым годом, мы с тобой и подружились. Затеяли аферу с твоими фотографиями, выдумали их мертвого автора – ну, все это я тебе уже рассказывал вчера. Надеюсь, ты хоть

что-то запомнил. Ибо исполнять эту песнь о Гильгамеше по второму разу – нема дурных.

– Да нет, – говорю, – все в порядке, твой монолог попал в хорошие руки... Мне бы теперь про это «белокурое привидение» хоть что-нибудь разузнать. Она – единственное, что я хоть немножко помню. То есть, помню, что была некая удивительная женщина; помню, что она не ушла от меня, а просто исчезла, пообещав, что будет мне сниться – и это все. Ни имени, ни, ясен пень, адреса. Никаких подробностей: ни лица не помню, ни тела, даже на уровне «блондинка-брюнетка» не могу ее классифицировать. Глухо! Но я знаю, что она – очень важная подробность. Возможно, единственно важная.

– Тут я тебе не помощник. – Веня пожимает плечами. – Сам виноват, не фиг было партизаном жить.

Тут он прав, конечно.

– Сейчас я на пару часов оккупирую твой телефон и как следует поработаю, – деловито говорит мой опекун, расправившись с последним глотком кофе и чуть ли не пятнадцатым по счету бутербродом. – А ты пока собирайся. Может, в процессе найдешь еще что-нибудь интересное, кто знает...

Он уединяется на кухне с телефонным аппаратом и тут же начинает орать, рычать и хохотать, как свихнувшийся ученый попугай, а я приступаю к следующему этапу расследования. Рассовать по сумкам одежду и обувь – дело нехитрое; самое любопытное в этом процессе – обыск карманов, где, впрочем, не обнаруживается ничего сверхъестественного, кроме нескольких визиток да мятых записок с именами, телефонами и даже адресами. Их складываю в отдельную стопку. Как-нибудь на досуге надо будет

позвонить по всем этим номерам, сказать: «Привет, это Макс», – и послушать, что мне ответят. Да и по адресам поездить не помешает. Чем черт не шутит, может быть найдется среди них некий заповедный участок пространства, где... Стоп. Не мечтать! Это приказ.

Выключаю компьютер, кое-как, путаясь в проводах, отсоединяю системный блок от монитора. Заворачиваю эти сокровища в клетчатый плед: кажется, он все-таки мой, а не хозяйский. Завершающий этап – книги. Их в доме немеряно, они обнаруживаются не только на книжных полках, на, за и под диваном, но и на подоконниках, на полу, на антресолях. Везде. Начинаю понимать, что отведенные на сборы «пара часов» – краткий миг по сравнению с вечностью, которая требуется мне для упаковки собственной библиотеки. Обреченно вздыхаю, но достаю с антресолей пару пустых коробок – очень своевременная находка! – и берусь за дело.

Теоретически говоря, книги могут поведать о своем владельце куда больше, чем, скажем, блокнот, ежедневник и даже интимный дневник, какового у меня, увы, отродясь не было. Но сейчас я бы предпочел несколько дополнительных конкретных деталей глобальному абстрактному знанию о собственном внутреннем мире. Потому книги исследовал скорее на предмет записок, визиток и прочих закладок: такой разгильдяй, каким я себя ощущал, должен был совать что попало куда попало, в том числе и в книги. Отчасти ожидания оправдались: в толстом томе Уайлдера хранились мои сбережения (по счастью, отнюдь не жалкие). Под суперобложкой «Избранного» Борхеса обнаружился древний блокнот, вдоль и поперек исписанный именами и координатами каких-то

родственных душ. «Книга перемен» таила несколько линованных страничек с коряво начертанными гексаграммами – вероятно, результаты гаданий, с которыми надо бы разобраться отдельно, ежели будет на то досуг и соответствующее настроение. Двухтомник «Мифы народов мира» показался мне особенно примечательным: никаких записок там не нашлось, зато названия отдельных глав были помечены карандашными подписями, по большей части – именами. В частности, над статьей «Ипполит» я обнаружил имя «Веня». Прочитал статью, пожал плечами: если подразумевается тот самый Веня, который сейчас насилует мой телефон, значит, я ничего не понимаю. Ни-че-го-шень-ки! Ладно, потом... Все – потом.

Прочие книги кидаю в коробки без дополнительного обыска. Веня здесь со мной трое суток сидеть, небось, не будет. А оставаться в одиночестве я пока не готов.

Очистив полки, обнаруживаю тайник: выдвигной ящичек в глубине книжного шкафа. Открываю. Обретаю своего рода клад: кожаный мешочек с рунами, самодельная шкатулка с колодой карт Таро и еще одна карточная колода, испещренная какими-то дурацкими многозначительными надписями, вроде: «Это не то, о чем думают варвары», «Запасной рай» и «Становитесь в очередь». Ну да, ну да, я ведь у нас оракул, ни дня без прорицания, ни ночи без пророчества... Под стопками карт покоится самодельная книжка-брошюрка, склеенная из машинописных страниц. Екклесиаст – м-да, ничего себе самиздат, да еще и с дарственной надписью: «Максу, лекарство от жизни»...

Там же – сложенный вчетверо кусок оберточной бумаги с загадочными надписями: «22.02.62»; «Ужгород,

семья воен.»; «с/ш only»; «серд. приступ»; «Фрай». Еще один долбаный ребус... Впрочем, Веня вчера рассказывал, что несколько лет назад мы с ним сочинили некоего мертвого фотографа, моего тезку с немецкой фамилией Фрай, специально для выставки серии душераздирающих фотографий, о создании которых я, разумеется, тоже ни фиги не помню... А это, наверное, его краткая биография. Можно будет проверить догадку, как только Веня по телефону наговорится всласть – ну и отлично! Хотя что-то можно сделать не когда-нибудь потом, а очень, очень скоро.

Напоследок уступаю искушению, повинуюсь внезапному порыву, открываю наугад самодельную книжечку, дареное «лекарство от жизни». Веня говорил, что гадать на книгах, можно сказать, моя основная специализация. Ну вот, сейчас и проверим. Неплохо бы, конечно, получить дельный совет или хоть грозное предостережение: я же как котенок слепой пока. Тычусь носом, не знаю куда, нахожу там неведомо что – а толку-то от таких находок? Отчаянно устремляюсь перстом куда-то в нижний край страницы, читаю: *«Нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это – доля его...»*

– Что ж, – говорю себе. – Если это действительно пророчество – не так уж плохо. Буду наслаждаться своими делами. Во всяком разе, попробую.

– Ты меня звал? – Из кухни высовывается Веня.

– Нет. Просто всякий уважающий себя шизофреник обязан время от времени обсуждать с собой, любимым, текущие проблемы. Стараюсь соблюдать правила игры.

– А, – понимающе кивает он. – Ты как, собрался? Потому что можно бы и отчаливать помаленьку.

– Считай, что собрался... Барахла куча, и это мне не нравится. Такси, что ли, по телефону заказать?

– Такси ему... Ишь, барин! А «Ниву» свою я на фига тебе сбагрил? Правильно, чтобы ты меня катал, когда я в похмелье... Вон она у мусорного бака стоит – сладкая парочка!

– Значит, у меня еще и машина есть, – радуюсь. – Повезло с кармой. А ведь мог бы и прокаженным сиротой в средневековом Китае родиться... Думаешь, я помню, как приводить ее в движение?

– Практически уверен, что да. Это же память тела, а не башки твоей дырявой.

– Ладно, попробую, – обещаю без особого энтузиазма. – Мне бы еще ключи от нее найти...

Ключи от машины обнаруживаются в кармане старой джинсовой куртки, которая мирно дремлет на вешалке в коридоре. Зато ключей от квартиры нет нигде. Я нарочно перерыл все щели, вплоть до холодильника, еще раз перетряхнул карманы упакованных уже вещей – пустой номер! Невелика беда, конечно: дверь можно просто захлопнуть. Но мне происходящее показалось своего рода знаком, предзнаменованием, если угодно, эпитафией ко всему, что со мною случилось.

29. Нум

Нум – демиург, находящийся в отдалении от созданного им мира.

– У тебя нет ключей от собственного дома, приятель, да и дома-то, кажется, тоже больше нет, – говорю своему зеркальному отражению, небритому, но бодрому и вполне готовому начать новую жизнь, не слишком сокрушаясь о былом. – Это, вероятно, и есть условие задачи, в финале которой пешеход, вышедший из пункта А, сможет воочию убедиться в том, что сей пункт А действительно существует. Если же нет...

Окончание фразы предпочитаю проглотить вместе с горькой слюной, скопившейся под болтливым моим языком.

30. Нфанва

Сначала Нфанва населил землю духами и чудовищами.

Что касается «памяти тела» – тут Веня был абсолютно прав. Я и сакральный смысл дорожных знаков как-то инстинктивно угадывал. Зато куда следует ехать, не имел ни малейшего представления, даже из собственного двора без руководящих указаний не выбрался бы, пожалуй.

– Начинаю думать, что тебя действительно подменили, – смеется мой спутник. – Прежде ты просто бесился, когда кто-нибудь начинал квакать под руку: здесь налево, там направо... Даже – заметь! – если впервые ехал этой дорогой, а рядом сидел выдающийся знаток местных подворотен.

– Ну, значит, дурак был, – отзываюсь флегматично. – Элементарных вещей не понимал.

Великая удача следовать незнакомым маршрутом с опытным проводником. Всегда бы так!

Через час поездка успешно завершилась во дворе старинного трехэтажного дома где-то в центре Москвы. Местная топография была для меня теперь тайной наукой: ничего я не смыслил в хитросплетениях московских перекрестков, да и сами названия улиц пленяли воображение новизной звучания.

– Ничего не узнаешь, да? – сочувственно спросил Веня, помогая мне разместить багаж в небольшой квадратной комнате с белыми стенами и расчерченным на мелкие разноцветные многоугольники потолком. – А ведь сколько раз ночевать оставался...

– Ничего не узнаю, ничего не вспоминаю и ничего не понимаю, – жизнерадостно отозвался я. – И уже начинаю смиряться с таким положением вещей. Могло быть и хуже. Например, если бы ты мне вчера не позвонил.

– Ну, ты всегда был везучий, – отмахивается он. – Кстати о твоём везении. Погоди-ка...

Уходит куда-то, через минуту возвращается с небольшим свертком. Сует его мне.

– Что это?

– Сам посмотри. Твое ценное имущество. Надеюсь, не бомба. Когда ты вернулся из Германии летом девяносто пятого, всучил мне этот пакет и попросил поддержать его у себя.

– Без комментариев?!

– Почти. Это был очень странный разговор. Ты ничего не объяснил, только заверил меня, что там нет

ничего криминального, и сказал, что я должен отдать тебе сие сокровище, если увижу, что твои дела идут совсем плохо. По-моему, сейчас вполне такой момент. Не в гроб же тебе его класть...

– Не в гроб, – повторяю машинально.

Вскрываю пакет. Достāju оттуда фотоаппарат «Nikon F2 Photomic AS» какого-то семьдесят мохнатого года выпуска. Почти антиквариат, но в приличном состоянии. Ну да, я же у нас, кроме всего, еще и фотограф. Весьма вероятно, практикующий. Веня не в курсе, чем именно я в последние месяцы занимался, но зимой еще вроде бы брал какие-то заказы, жил не тужил. Да и только что две сумки с профессиональными причиндалами на себе из машины тащил – какие еще доказательства требуются?

– Да, – вздыхаю, – дела... Приятно, черт побери, получать от себя дружеские приветы, только вот записку оставить я тогда не додумался. Жопа. С ушами.

– Не могу с тобой не согласиться, – сочувственно ухмыляется Веня. – Учти: я со своей порцией дел на сегодня справился. Могу нянчиться с тобой, сколько душа пожелает.

– Душа моя сейчас страстно желает обедать. Поскольку, пакуя книги, я нашел пиратский клад, могу угостить черствой коркой собственного спасителя.

– Макс, – проникновенно говорит он, – давай наоборот. Ты еще одну важную вещь забыл: я у нас богатый. А ты – так, погулять вышел. Меня раскулачивать надо в режиме нон-стоп, чтобы не лопнул.

– Раскулачить всегда успеется. А обедать будем за мой счет. Ты не понимаешь, это ритуал, – говорю упрямо. – При чем тут какое-то богатство?

– Ну, разве что, если ритуал... Хотя мне не очень понятно, в чем тут фишка.

– Да ни в чем. Просто некий загадочный нравственный инстинкт требует, чтобы я символически выразил благодарность за свое спасение, чем скорее, тем лучше, поскольку никогда не знаешь, на каком повороте куда занесет.

Я и сам не в восторге от столь нелепого аргумента, но уж – чем богаты, иных формулировок у меня в запасе нет.

– Ты, случайно, не в курсе, где я люблю обедать? Потому что даже это сокровенное знание мне сейчас недоступно.

– Есть такие места, и их немало, – раздумчиво сообщает Веня. – Ближайшее носит гордое имя «Мусхэд»^[4].

– То есть «лось»? – по-детски радуюсь, опознав иностранное слово.

– Ага, английский ты у нас мала-мала помнишь. Лось, лось. Канадский бар. Насколько мне известно, ты был в восторге от их манеры подавать чили с картошкой, хотя, на мой вкус, это одно из величайших кулинарных грехопадений... Но я могу заказать их фирменные куриные крылья. И пиво – это сейчас особенно актуально.

⁴ Был такой бар на Большой Полянке, да закрылся в 2001 (кажется) году.

– Раз так, показывай дорогу. Пешком мы туда дойдем? Потому что я планирую еще немного поспиваться. Мне понравилось.

– Только пешком и дойдем. На машине будем полчаса по переулкам ползать, да и то не факт, что выползем, куда требуется. Повсюду царит первозданный хаос, почему-то именуемый строительством.

– Очень хорошо.

За обедом с любопытством расспрашиваю Веню о его делах. Он хмурится, сетует, что снова чувствует себя идиотом, но рассказывает. От книготорговли он благополучно избавился вскоре после того, как я отошел от дел, решив, что смогу перебиться гуманитарными заработками: макулатурный бизнес давно уже перестал быть Клондайком. Мутит что-то с компьютерами. Месяца два назад, оказывается, просил меня погадать, стоит ли вкладывать деньги в интернет-провайдинг. Моя оккультная таможня дала добро, в связи с чем Венина жизнь на какое-то время стала чрезвычайно хлопотным процессом. А в общем, если верить самому Вене, ничего интересного не происходит. Особенно с тех пор, как Раиса уехала в Австралию с мужем, который вдруг решил, что пора бы и ему начать новую жизнь... Без нее стало как-то не так. Хорошо хоть письма пишет. Благослови, боже, изобретателя электронной почты и всех примазавшихся!

– Но это все равно не то. Для дружбы тоже требуется некая телесная близость. Слова на экране монитора – как-то слишком уж пресно. Тут все же в глаза смотреть надо, дыхание слышать.

– Пожалуй, – соглашаюсь сдержанно.

Про себя думаю, что с такой тоской в глазах не письма писать надо и, тем паче, не старинным другом прикидываться, а ехать за любимой на край света и силой ее оттуда увозить. А там – по обстоятельствам. Кто не рискует – сам дурак. Губ, однако, не размыкаю. Не мне, почти новорожденному, к взрослым людям с советами лезть.

О себе я из Вениного рассказа ничего нового больше не узнал. Как он уже вчера сообщил, в последнее время мы виделись нечасто. Он подозревает, что я сидел в Бабушкине затворником. Писал и фотографировал для каких-то журналов, а на досуге, вероятно, «дурью маялся» – ежели судить по результату... Ну и ладно. Ночью подключу компьютер, посмотрю, что я там писал. Глядишь, сделаю пару-тройку удивительных открытий. А пока можно расслабиться и выполнить несколько тысяч жевательных движений, благо аппетит наконец появился, впервые с момента вчерашнего странного пробуждения.

Одолев полкружки пива, отправляюсь в закономерном направлении, со всеми вытекающими – вот именно! – последствиями. Менее всего в этот момент я был готов к сюрпризам, поскольку любой горожанин в глубине души полагает свою уборную чуть ли не самым безопасным местом на земле. На комфортные туалеты в приличных барах, ресторанах и клубах это безосновательное, в сущности, убеждение почему-то тоже распространяется.

И совершенно напрасно.

Я всего-то и хотел – завершить гигиеническую процедуру мытьем рук. Над умывальником, как водится, висело большое зеркало. В его сверкающую поверхность

и уперся мой бессмысленный, как у всякого сытого-пьяного бездельника, взор. Но вместо собственной благодушной рожи я увидел в зеркале грузное бесформенное тело существа, более всего похожее на тело белой лягушки, страдающей ожирением. Туша поросла пучками отвратительной, живой, шевелящейся шерсти; такая же флора-фауна окружала и рот чудовища, темный, влажный, такой притягательный, что...

Я взял себя в руки и отвел глаза. Какую-то долю секунды потратил, чтобы удостовериться: мое тело по-прежнему хранит антропоморфные очертания; следовательно, чудище в зеркале может быть чем угодно, но не моим отражением. И на том спасибо!

Потом я совершил подвиг. Настоящий, вполне достойный почетных званий, бронзовой дуры на родине героя и прочих высоких наград. Я не заорал, не позвал на помощь, не попытался выскочить в окно. Не нарушая общественного спокойствия, открыл дверь и вышел в холл. Неторопливо проследовал в зал. Сел рядом с Веней, попытался сделать вид, будто меня по-прежнему интересует чили, понял, что с этим спектаклем следует погодить, медленно отодвинул тарелку. Закурил. Желание устроить истерику не проходило, но я понял, что вполне способен жить дальше, не давая себе воли. Еще чего!

– У тебя веко дергается, – мягко сообщил пронцательный Веня. – И руки дрожат. Неужели вспомнил что-то?

Я молча помотал головой. Внутренне содрогнулся перед необходимостью говорить вслух. Наконец понял,

что от его пламенного взора у меня сейчас волосы дымитесь начнут, и объяснил:

– Одно из двух: или в местном туалете водятся привидения – что сомнительно! – или я действительно серьезно влип. Глюк мне только что явился. Страшенный... Куда уж там Иоанну с его всадниками!

– В туалете? – деловито уточнил Веня.

– Ага. В зеркале. Такое чудовище на меня оттуда уставилось – мама дорогая! Еще парочка таких видений, и я, пожалуй, пойду-таки сдаваться добрым докторам, на опыты. А все, что останется, завещаю государству. Не жалко...

– Ну-ну. Если ты не возражаешь, давай туда еще раз зайдём. Вместе. Вдруг и я увижу? А если не увижу, может быть, ты успокоишься. Поймешь, что ничего страшного не случилось. Подумаешь – приглючилось разок, с кем не бывает.

– Ты, наверное, святой, – смеюсь нервно. – Или психиатр по образованию... Одно другому, впрочем, не мешает.

– Именно. Хотя, по образованию я скорее пациент... Пошли. Проводи немощного старика к теплomu клозету. Когда еще выпадет возможность совершить столь доброе дело?

Топаем обратно. Рядом с Веней мне более-менее спокойно. Я уже почти уверен, что зеркальная гладь явит нам качественную копию наших рыл и ничего более. А как еще? Отрывать взор от кафельного пола тем не менее не спешу: мало ли.

– Ну вот, ничего страшного, – с явным облегчением говорит Веня.

Интересно, неужели он и правда ожидал увидеть в зеркале мое чудовище? С какой стати? Неужели не понимает, что я просто окончательно и бесповоротно сошел с ума?.. С некоторым облегчением поднимаю глаза, но вместо наших отражений вижу волосатую белую тушу. Ну все, пиздец.

– Пиздец! – вслух говорит Веня.

В другой ситуации я бы порадовался такому единому сердцу, но сейчас мне, мягко говоря, не до того. Оборачиваюсь к нему, вижу зеленое от ужаса лицо, расширенные зрачки, дикую улыбку. Не тратя время на раздумья, волоком вытаскиваю его за дверь.

– Тихо, – говорю. – Будем сходить с ума цивилизованно, ладно? Идем за столик. Старайся делать вид, что все в порядке.

– А все и есть в порядке, – тихо хихикает Веня. – Просто я увидел твой глюк – делов-то! Где-то я читал, что существует гипотеза о вирусной природе шизофрении. Думал – глупость, шутка первоапрельская...

– Опиши, что ты видел, – требую.

– Дрянь какую-то жирную, волосатую. Богомерзкое создание, но смотреть на него почему-то было приятно. Если бы не ты, я бы до сих пор там топтался, наверное... Макс, нам с тобой выпить надо. Срочно. И не пива, а чего-нибудь покрепче.

– Ну, если надо...

Сам себя не узнаю: паника сменилась абсолютным спокойствием. Мне скорее любопытно, чем страшно, и

это, пожалуй, самое странное. Веду себя, как человек, для которого увидеть чудовище в уборной московского бара – обычное дело, и лишь некоторые нюансы давешнего опыта требуют дополнительного исследования.

– Сначала ты ничего особенного не увидел, да?

Веня только что залпом выдул сто граммов виски. Для него – детская порция, особенно после такого адреналинового залпа. Я же ограничился одним обжигающим глотком: сначала – допрос свидетеля, а нажираться в стельку будем на досуге, победив всех демонов и чудовищ в ближайшем квартале. А то распоясались, понимаешь...

– Сначала в зеркале были только мы с тобой, как и положено, – неохотно сообщает мой «свидетель». – Чудище появилось потом, ни с того ни с сего.

– Когда я поднял глаза, да?

– А черт тебя знает... Ну да, ты же сначала в пол уставился, точно. Значит, так все и было.

– Как?

– Ну, как ты говоришь... Не знаю, тебе виднее. Это же твой глюк!

Именно. Мой и есть. Такой, понимаете ли, достоверный глюк, что его можно показывать всем желающим. Даже за деньги. А что, нормальный бизнес, не хуже других.

– Ладно, – говорю. – Проехали. Постараюсь больше не выпускать на тебя своих чудовищ. Давай-ка расплатимся и пойдем отсюда...

– Пока то волосатое уебище из туалета не выбралось, – понимающе кивает Веня. – Дома занавешу все зеркала, так и знай!

– Что ж, такая предосторожность не помешает.

31. Ньямбе

...он не разрешил им спать, когда луна находится на небе...

– Давай только не будем делать вид, что у нас все в порядке, – говорит Веня.

– Давай не будем.

Мы сидим в его кабинете. Кожаные кресла, кофе, коньяк, сигары и прочие приятные понты. Два сытых джентльмена наслаждаются послеобеденной жизнью, пролетарии всех стран имеют полное право схватиться за свои булжники. Вот только перед тем, как впустить меня в квартиру, Веня поднялся сюда один и зачехлил все зеркала. Словно бы в доме покойник. Но мне и самому по душе такие предосторожности.

– На самом деле, – вдруг заявляет эта невинная жертва моих персональных кошмаров, – именно чего-то в таком роде я от тебя всегда ждал. Вот только забыл обрадоваться, когда все началось... Ну да ничего, наверстаю.

– Чего ты от меня ждал? – изумляюсь. – Чудовищ в зеркале? А чему надо радоваться? Что-то я не понимаю.

– Или прикидываешься... Ладно, не раздувай ноздри. Верю, что не понимаешь. Тогда попробую объяснить. Мне всегда, с первого дня нашего знакомства,

мерещилось, что ты не так прост, как кажется. Вернее, совсем непрост. Сформулировать трудно, но, если говорить совсем примитивно, я был уверен, что жизнь твоя среди нас – лишь видимость, что на самом деле она полна чудес и прочей метафизической хренотени. Я сказал себе, что в твоих делах сам черт ногу сломит, но стоит попробовать просто держаться поблизости. Следить за тобой, как Алиса за Белым Кроликом: авось попадетя на нашем общем пути некая диковинная бездонная нора. Теперь вижу, что так оно и есть. Кажется, мне выпал шанс обнаружить целый лабиринт бездонных нор. И сигать там Мартовским Зайцем до окончания времен... Правда, я как-то не подумал, что волшебное путешествие начнется с чудовищ. И не подозревал, что ты сам можешь оказаться новичком, без карты, компаса и прочих причиндалов. Ну и ладно... Помнишь, что ты сказал, когда мы «Твин Пикс» смотрели?

– Веня, – говорю укоризненно, – повторяю три тысячи девятьсот восемнадцатый раз: я ничего не помню. В том числе и «Твин Пикс». Это что? Кино?

– Именно. Чтобы не вдаваться в подробности, скажу лишь, что там фигурировал некий Черный Вигвам, средоточие злых сил, общежитие для ночных кошмаров местных жителей. Так вот, посмотрев последнюю серию, ты заявил: «Лучше Черный Вигвам, чем никакого!» Я, пожалуй, был склонен с тобой согласиться. И, что самое удивительное, так и не переменил мнения. Хотя, казалось бы... Но нет. Я почти мечтаю о продолжении.

– Странно, – улыбаюсь. – Я-то думал, ты сейчас не знаешь, куда бы смыться от меня и...

– Ага, и от твоих волосатых зазеркальных друзей. Ничего, ничего, я любопытный. Мне уже интересно, что будет в следующей серии. Откуда что поналезет. Из кухонной раковины? Из окна? В дверь постучится?

– Ну тебя! – сержусь. – Не нагнетай обстановку. Как мы спать-то будем?

– «Как?» – неправильная постановка вопроса. Спроси лучше: «Когда?» – и я скажу тебе: утром. Когда рассветет. Благо светает сейчас рано. Часов в пять можно отрубаться.

– Тоже верно, – соглашаюсь. – А пока...

– А пока, – перебивает Веня, – пороемся в твоём компьютере. Может быть, найдем ответы на некоторые вопросы. Не сердись, что я так бестактно лезу в твои дела, но меня, как ты понимаешь, они теперь тоже касаются.

– Отвернись, – говорю сурово.

– Зачем? – изумляется.

– Затем, что я сейчас буду рыдать от облегчения. Возможно, даже от счастья. А настоящий мужчина, хоть бревном его перешиби, нипочем не станет рыдать при посторонних.

32. Нэ-Но Катасукуни

Из упоминаний в разных литературных памятниках складывается представление, что это – большая, далекая страна, расположенная в глубине земли или на дне моря...

Помимо моральной поддержки, Венино участие избавило меня от необходимости собственноручно подключать системный блок к монитору и все это вместе – к электрическим розеткам. Разобрать-то я эту конструкцию разобрал, ломать – не строить, дурное дело нехитрое. Но что касается сборки – я не обманывался на свой счет. Понимал, что помочь мне может лишь случай. Или, еще лучше, грамотный специалист.

Пока грамотный специалист возился с моим носителем информации, я курил и нервничал. Подключение заняло минуты две, не больше, но мне казалось – вечность. Сам не знаю, чего я больше боялся: обнаружить секретную папку с какими-нибудь устрашающими откровениями или вовсе не найти ничего интересного.

– Опа! Приехали, – внезапно огорчился Веня. – У тебя хватило ума запаролить эту адскую машинку. И пароля ты, конечно же, не помнишь.

– Конечно, не помню, – отвечаю с достоинством.

– Можно зайти и так. Но тогда есть шанс, что не все файлы будут доступны. А нас это, как я понимаю, не устраивает.

– Правильно понимаешь. Может, попробую угадать?

– Попробуй. Логин zair, если тебе это хоть о чем-то говорит.

– А что, может, и говорит, – улыбаюсь. – Попробуй пароль «Тлён». Только я не знаю, как его писать: кириллицей? Латиницей?

– Щас выясним. Эмпиздрическим путем, – азартно заявляет Веня. – «Тлён», говоришь? А почему не

«Алеф»? Борхеса под подушкой прячешь, небось? Это хорошо, это правильно... Но «Тлён» нас ни к чему путному не привел. Сейчас, подожди-ка... Ага, «tlen» тоже не катит. Умлаутов у тебя, как я и предполагал, нетути. Ладно. Предпоследняя попытка. «Tljon». Макс, ты был прав. Он меня пустил! Но ты-то каков извращенец, такое хорошее слово так погано, прости господи, писать!

– Так я угадал? – радуюсь.

– Как видишь. За такое дело и выпить не грех.

– Конечно, не грех. Скорее даже духовный подвиг.

«Духовный подвиг» наш свершался на скорую руку. Мы сгорали от любопытства. Веня, впрочем, находился в более выгодном положении: ему было просто интересно, а мне еще и жутковато. Кто его знает, что за зверь оскалится на меня из-за безобидных буковок? То-то и оно...

Поначалу мы столкнулись с довольно неожиданным препятствием: я, как выяснилось, успел понаписать чертовски много коротеньких текстов^[5]. И сохранить их во множестве файлов, а те – распихать по разным папкам, чтобы мало не показалось. Чтобы в глазах рябило и ум мутился.

– Нужна какая-то система, – резюмировал Веня, когда мы с недоумением дочитали подробное описание правил игры в длинные нарды. – Аналогичное пособие для желающих стать шахматистами я не осилю.

⁵ Тексты эти собраны и изданы под общим названием «Книга для таких, как я» – ежели кому интересно.

– Я, пожалуй, тоже. Но единственная возможная система – читать все подряд. Мы же сами не знаем, что ищем.

– Да, но... Просмотри, пожалуйста, все названия файлов. Вдруг где-то сердце екнет. А если не екнет – что ж, тогда – все подряд, согласно приговору.

Следую его совету. И почти сразу же взор мой цепляется за папку под лаконичным названием «Моё».

– Может быть, это? – говорю. – Надеюсь, тут не список карточных долгов...

– А ты что, игрок? Вот уж не знал.

– Да я и сам не знаю. Я ничего о себе пока не знаю, кроме того, что ты рассказал. Зато какой простор для гипотез!

– А, ну да...

Открываю папку. Там всего три файла. Первый называется «Нижний Город», второй – просто «Город», третий – «Автоответчик».

– Господи, – бормочу, – что же это? Что это, господи?

– Понимаю, что вопрос не ко мне, но на твоём месте я бы просто открыл файл, – невозмутимо советует Веня.

– Д-д-д-да. Конечно. Да.

Первый текст оказывается совсем коротеньким.

О Нижнем Городе я не знаю практически ничего, кроме того, что он есть. Это важно.

Где? – на этот вопрос нет ответа. Но туда можно попасть. Во сне – довольно легко, наяву – непросто, но, кажется, тоже возможно. Это вселяет надежду, хоть я и не понимаю: надежду – на что?!

Мне не раз снилось, что я еду в Нижний Город на троллейбусе. Один раз такой троллейбус подобрал меня наяву; правда, довез до дома. Откуда он меня вывез – предпочитаю не задумываться. Вскоре после этого приключения я удрал в Москву, и Нижний Город перестал мне даже сниться.

В этом, к слову сказать, есть нечто неправильное. Я никогда не любил сны о Нижнем Городе, но без них жизнь как-то менее осмысленна.

Почему мне кажется, что Нижний Город – это так важно?

Потому, что кроме меня там бывала Ада. И когда мы расстались, она как раз намеревалась отправиться туда наяву. Почему-то я не сомневаюсь, что ей это удалось.

Что такое Нижний Город?

Не знаю, не понимаю. Может быть, не хочу знать?

Похоже на то.

Ада говорила, что кроме Нижнего Города, есть много удивительных мест, но все дороги туда идут именно через Нижний Город. Она полагала, что Нижний Город – это своего рода магистральная развязка. Очередной перекресток между мирами? Или как?

Нет ответа. Надо было Франка спросить, когда выпал случай. Но я не спросил.

Поэтому знаю только одно: мне обязательно нужно туда попасть. Все прочие варианты судьбы не имеют смысла.

33. Нюй-Ва

...когда обрушились четыре предела земли, Нюй-Ва расплавил разноцветные камни и зачинила дыру в небе....

– Ты хоть что-то понимаешь? – встревоженно спрашивает Веня.

– Почти ничего. Но я начинаю думать, что Ада – и есть та самая женщина, которую мне обязательно нужно найти... Или нет? Скорее все-таки она. По крайней мере, меня колбасит от одного ее имени... И, как ни странно, я, наверное, знаю, кто такой Франк. Вернее, я помню одного человека... нет, пожалуй, не человека. Некое существо по имени Франк. Я ведь говорил тебе вчера, что мне снились странные сны. Будто я призрак на какой-то вилле... Помнишь?

– Да. И что? Этот Франк – персонаж из твоего сна?

– Ага. Он был местным сторожем... нет, не так. Привратником. Впрочем, и не привратником. Управляющим? Ну, не дворецким же... Не знаю, как в точности называлась его должность. Но на нем все держалось. Он за домом ухаживал. Штопал местный микрокосм, когда тому случалось прохудиться. Запирал и отпирал двери, следил за отопительными приборами, возился в саду, присматривал за уборщицей и прачкой. Взимал плату за телефон. Решал мелкие проблемы. Встречал и провожал гостей. Раз в неделю, по средам,

устраивал для всех торжественный завтрак в общей столовой. Такое светское мероприятие, никому, в сущности, не нужное, однако – традиция!

– И что?

– А то, что этот Франк не был живым человеком. Скорее уж призраком, как и я сам. Только его все видели. И никто, конечно, не догадывался о его природе. Кроме меня. Но я-то, сам понимаешь, не в счет...

– Ну да. Особенно, если учесть, что тебе все это снилось, – вздыхает Веня. – Не обижайся, но на улице уже темнеет, так что я попробую побыть скептиком. А то совсем свихнусь.

– Конечно, – улыбаюсь понимающе. – Будь скептиком, пока получается. Это даже полезно. Один вдохновенный идиот, готовый поверить в любой бред, в твоём доме уже имеется.

О

34. Оаннес

Возможно, рассказ об Оаннесе связан с <...> представлением об абгалях <...> существах, подвластных богу Энки и считавшихся основателями многих городов...

– До сих пор я как-то иначе представлял себе «вдохновенных идиотов». Для человека, на которого столько всего сразу навалилось, ты очень неплохо держишься... Я, впрочем, тоже нехуёвенько держусь, – ржет, довольный, что удалось вовремя избавить свою речь от пафоса.

– Я с тобою никогда прежде о Нижнем Городе не говорил? – осведомляюсь осторожно. Мало ли что...

– Ага, как же! Молчал как партизан, – запоздало обижается Веня. – Не думаю, что ты считал меня близким другом. Так, приятелем... Впрочем, иных отношений с людьми ты, насколько мне известно, не заводил.

– Да? Вообще-то я, кажется, вполне себе рубаха-парень, душа нараспашку...

– Ага! Это сейчас, когда тебя к стенке приперло, не знаю уж что или кто, но дело свое оно знает крепко.

– Кто – «оно»? – пугаюсь.

– Которое приперло. Не хипеши. Я не в курсе твоих дел. Так, примазался. Постарайся смириться с мыслью, что я скорее болван-захребетник, чем мудрый наставник.

– Сейчас, – говорю, – смирюсь. Вот покурю и сразу смирюсь. Честное слово.

– Ну покури, дело хорошее. И давай, открывай следующий файл. Не растягивай удовольствие. Чего уж там!

– Действительно, – киваю обреченно.

Щелкаю мышкой, открываю файл под названием «Город». Мне почему-то страшно. Как в зеркало посмотреть. Или даже хуже, не знаю.

Я не уверен, что о Городе можно писать. Вот так взять и написать, черными буквами по белому полю, не зашифровав, не позаботившись даже спрятать этот файл поглубже, подальше от чужих глаз. Если сейчас вырубится нафиг электричество, или полетит хард-диск, или даже обрушится потолок, я не удивлюсь. Скорее мне спокойнее станет, если меня остановит какая-нибудь грубая внешняя сила.

Нет, поди ж ты, не останавливает. Ну ладно. Попробую.

В общем, так.

Есть некий город в горах. Без названия – просто Город. Мое фирменное наваждение, персональная фата-моргана, сладостный, пугающий мираж. Надеюсь хоть не фамильное проклятие, это было бы совсем уж нелепо.

Хроники помешательства.

Май 92-го. Я ехал на поезде. В Москву, между прочим – вот, по всему выходит, что доехал и даже как-то прижился. Мне попался странный (это еще слабо сказано!) попутчик. Но поначалу мы вроде как поладили и стали играть в нарды. А потом он предложил мне выглянуть в окно. Я выглянул. Открывшийся ландшафт никак не мог существовать на обширной территории между моим родным городом и Москвой. Потому хотя бы, что территория эта равнинная, а за окном я увидел горы. На склоне ближайшей горы толпились причудливые тени, четко прорисованные на ультрамариновом фоне ночного неба, горели оранжевые и зеленые огни, затмевающие тонкий серп ущербной луны. Город.

Мне бросилось в глаза странное сочетание приземистых массивных зданий и хрупких, почти игрушечных башенок, и еще дом из белого кирпича, на островерхой крыше которого крутился флюгер в форме попугая.

Ясен пень, я испугался. Все известные мне географические карты многомиллионным хором массовых тиражей свидетельствуют: никакого города там быть не могло. Гор, впрочем, тоже. Мне полагалось созерцать совсем иной, скучненький ночной пейзаж: степь да степь кругом, сиротская темнота пашен, узкие полосы лесопосадок, редкие огоньки станционных будок. Но я видел город в горах, даже музыку, кажется, слышал. Какие-то сладостные обрывки старинных танцевальных мотивчиков. Прекрасный мелодический вздор.

Так страшно мне, кажется, еще никогда не было. Почему – не могу сформулировать. Не сейчас.

А в ту ночь, в поезде, я вдруг вспомнил, что этот самый город в горах часто снился мне прежде; всякий раз, оказываясь там во сне, я знал, что попал домой. Ни больше и ни меньше.

На меня тут же обрушилось множество щемящих подробностей: узкие тротуары; переулки-лестницы; цветные лоскуты бесчисленных вывесок; полосатые тенты над длинными уютными верандами; пахучая зелень живых изгородей; плетеные гамаки в садах; сладкий ванильный дух из кондитерской на центральной площади; неспешный говор завсегдатаев кофейни с огромными окнами, прозрачными, но искажающими силуэты, как озерная вода; изящно изогнутый мостик через узкую горную речку, разделяющую город на две неравные части. И еще один мостик с гладкими деревянными перилами, и ароматный дым ритуальных охранительных костров на городской окраине, и еще... И еще, и еще, и еще.

С ума сойти можно!

С ума сойти можно хотя бы потому, что снов о городе в горах я до той ночи не помнил напрочь, да и когда увидел его за окном, не встрепенулся, хмелея от узнавания. По крайней мере, поначалу – не встрепенулся. Обычно-то я запоминаю все, что мне снится; в свое время даже придумал способ ловить ускользающее сновидение. Для этого,

проснувшись, надо осознать себя бодрствующим, но всего на краткий миг. Потом следует снова закрыть глаза и задремать, но не заснуть, а именно задремать, нащупать границу между сном и явью, и тогда – хлоп! – Макс хороший охотник, полузабытый уже сон занимает свое место в активной памяти. По крайней мере, вспомнить его теперь будет столь же просто, как любое другое недавнее событие.

Но вот обнаружилось, что самая ценная добыча до сих пор обходила мои капканы стороной.

Теперь главное.

Сны о Городе вернулись ко мне. Более того, в последнее время Город стал чуть ли не единственным местом, куда я могу попасть во сне. Теперь мне не приходится прикладывать усилия, чтобы вспомнить сны о Городе. Трудность лишь в том, чтобы хоть как-то отделить их от событий, которые происходят со мной наяву. Пока худо-бедно справляюсь, но...

В общем, я и записку-то эту составляю на тот случай, если все окончательно смешается. Протягиваю руку помощи себе, безумному, сую спасительную конечность в бездну, которую люди, лишённые воображения, буднично именуют «будущим».

– Какой же я молодец, – бормочу. – Вот и пригодилась эта записка. Не могу сказать, будто мне

теперь все понятно, но... Хотя что-то! По крайней мере, я очень хорошо знаю, о каком городе речь...

Веня вопросительно поднимает брови. Позиционируется в качестве свидетеля монолога. Напоминает, что у меня есть слушатель. Повезло, нечего сказать. Причем обоим. Хотите, доктор, я вам все объясню? Только чур потом локти не кусать.

– Мне кажется, что я провел там несколько месяцев или лет – с восприятием времени у меня, как ты понимаешь, вообще полная лажа... И у меня была теория. Хорошая такая теория, фундаментальная. Дескать, я сам его и выдумал. А он, выдуманный мною город, каким-то неведомым образом *осуществился*. Мне все казалось – еще немного, и я пойму механизм этого чуда, буду точно знать, стечение каких обстоятельств необходимо для овеществления мечты... Сложносочиненный такой бред, да? Все люди как люди, ежели с ума сходить – так мания преследования какая-нибудь простенькая и понятная, на худой конец – голоса или там инопланетяне. А я выпендрился...

– Знаешь, я бы, пожалуй, съездил на экскурсию в этой твой бред, – вдруг заявляет Веня. – Красиво излагаешь, собака! Мне бы там, наверное, понравилось.

35. Оборотничество

При прибытии в место обитания своей суженой (часто относящееся к хтоническому миру) герой <...> переживает действительное или мнимое состояние немощности («полусмерти»)...

Молча киваю. Да, наверное. Понравилось бы. Если бы... Если бы да кабы во рту выросли грибы. Галлюциногенные. Вот, у меня уже, кажется, выросли. Хорошее объяснение. Наилучшее из возможных.

– И надо бы открыть третий файл, – говорю, наконец, – да вот рука не поднимается... Блин. Налей мне, что ли. Для храбрости.

– «Автоответчик» называется, – утешает меня Веня, протягивая бокал. – Все же не «Апокалипсис». Не «Рагнарёк» даже. Там, наверное, что-нибудь совсем безобидное и нафиг нам сейчас не нужное. Может быть, ты просто коллекционировал смешные монологи чужих автоответчиков? Или на свой собирался что-то остроумное наговорить. А?

– Сейчас, – вздыхаю, – проверим. Храбрости, правда, ни в одном глазу... Но одной рюмкой природу не исправишь.

– Рюмкой – нет. Тут иной тарой надо оперировать.

Вместо того чтобы «оперировать тарой», открываю наконец файл. Читаю. Поначалу не понимаю ничего.

24.09.92

Вчера какая-то старушка в булочной обозвала меня пижоном, вдохновившись не то брусничным оттенком моего плаща, не то формой твоих любимых солнцезащитных очков (кстати, и не надейся, что я верну их тебе в ближайшее время: во-первых, они дают мне возможность смотреть на мир как бы твоими глазами, а во-вторых, я в них неотразим). И стало мне хорошо, и ушел я вприпрыжку, прижимая к груди увядающий батон.

А потом я спросил себя, почему так обрадовался этому упреку, и, кажется, нашел ответ. Я и правда хочу быть (или хотя бы слыть) пижоном, поскольку в глубине души уверен, что отчаянное, упрямое сопротивление миру – это и есть пижонство, самая редкая и благородная его разновидность. Возможно, самая опасная, но единственная сулящая надежду. Можно перевернуть мир, не имея даже пресловутой «точки опоры» – из чистого пижонства. Ага?

– Очень мило, – говорю растерянно. – Хорошо излагаю, да. Но к чему это? И при чем тут «автоответчик»?

– Ты меня спрашиваешь?

– Нет. Того хмыря, который отражается в оконном стекле.

– Кто еще?! – Веня дикими глазами смотрит на окно.

– Да нет. Никаких чудовищ. Я себя имею в виду. Себя.

– Тоже ничего себе Годзилла! – К моему другу-брату-ангелу-хранителю возвращается хорошее настроение. – А дальше там есть что-то?

– Там до фига всего есть. Пара десятков страниц.

– Ну вот и...

– Сейчас.

Послушно читаю дальше, спотыкаясь о пробелы.

Пижон ты и есть, кто ж еще!

Очки забирай, не жалко. Но учти, они вышли из моды еще в прошлом году. Что, уже передумал? Вот и молодец.

Теперь о главном. Что касается увядшего батона – неужели его дела действительно так плохи? Это прискорбно. Ибо я сегодня объявлюсь не позднее девяти вечера. Но боюсь теперь, что ты принудишь меня к совместному угрызанию твоей вчерашней добычи.

Ну, в общем, ты того... Мороженого, что ли, даме купи. И Лао Цзы с ним, с батоном-то.

– О, да это не монолог, – изумляюсь. – Диалог, точно. Вот только с кем? Голос бы услышать. Но фиг мне, да?

– В сентябре девяносто второго еще продолжался твой таинственный роман, – напоминает Веня. – Примерно к этому времени относятся Райкины сплетни, я точно помню. Вернулся из Крыма в конце сентября, и она мне новости рассказывала...

– Да, – замираю. – Конечно. Вот черт! Это мы так общались по телефону через автоответчик, наверное. А потом я, сентиментальный бугай, перевел эту интимную переписку в письменное состояние. Может такое быть?

– Если ты не мог ее забыть – вполне. – Таково заключение эксперта.

Читаю дальше. Ничего особенного. То предупреждаю, что поздно с работы вернусь, то о жизни ради собственного удовольствия разглагольствую, то Карлсона поминаю ни к селу ни к городу. И собеседница моя производит примерно такой же милый

культурно-бытовой лепет. Интимное воркование счастливых образованных пустозвонов.

– Вот, подожди, – бормочет Веня из-за моего плеча. – Ох, как хорошо сказано! Не ожидал. Даже от тебя не ожидал.

– Что именно – хорошо?

– Ну вот же!

Читает вслух:

Мир, в котором мы живем – удивительное место; всякий человек – не просто прямоходящий примат, а усталое и разочарованное, но все еще могущественное божество; каждый город – священный лабиринт; докучливые условности в любое мгновение могут стать всего лишь правилами игры, трудной и опасной, но чертовски увлекательной, да?

– Ничего себе «автоответчик»! – добавляет Веня.

– Все это хорошо, но... Мне нужны ключи. Даже не мне. Нам обоим, раз уж ты так с тем зеркалом вляпался. А это – так, цацки. Клевые, да. Но цацки.

– Ты дальше листай. Где им и быть, твоим ключам, если не в коробке с такими цацками!

Про себя думаю, что Венин оптимизм – хрупкое дитя алкоголя, жизнь его будет яркой, но недолгой. Однако читаю дальше: действительно любопытный документ. И полезный. Позволяет проникнуться симпатией к себе, а такое дело никогда не помешает.

И в финале обретаю ужасающую награду за упорство.

Макс, милый Макс, так странно звонить тебе отсюда. Так странно, что здесь есть телефон. С другой стороны, а почему бы ему и не быть, телефону-то? И уж совсем странно, что я собираюсь тебе сказать: «Не волнуйся, я исчезаю, со мной все будет хорошо»... Нет, не так, я обхожусь с глаголами как иностранка. На самом деле хорошо не «будет», а «есть», и я не «исчезаю», а уже исчезла. Тут требуется прошедшее время, совершенная форма глагола. Самая совершенная из глагольных форм... А если бы мы с тобой были великими британцами, вышло бы еще лучше. Можно было бы использовать Past Perfect, поскольку я исчезла ДО ТОГО, КАК... До того, как – что? А просто – до того, как.

– Веня, – говорю, – отвернись, пожалуйста. Кажется, это очень личное. Совсем. Хуже семейного порно... Если очень захочешь, потом сам прочитаешь. Когда меня рядом не будет. Потому что – не-вы-но-си-мо!

Кивает. Отворачивается. А я читаю дальше. Каждая строчка – осиновый кол в сердце.

По большому счету, я исчезла задолго до того вечера, когда ты увидел меня на улице. И все-таки ты меня увидел, вот что славно! Но быть исчезнувшей – мое призвание, мания, мечта и единственное предназначение. Поэтому меня всегда тянуло куда-нибудь уехать: отъезд очень хороший выход для того, кто пока не научился исчезать, но непременно научится. Вот и я наконец научилась. В этом доме, куда ты меня привел,

можно очень быстро научиться самым важным на свете вещам. Раз – и все.

Ты, конечно же, будешь в шоке от моей выходки. Не знаю, что бы со мной творилось, если бы ты исчез, а я осталась. Тому, кто остается, всегда трудно, а тому, кто исчезает – легко. Мне повезло, я исчезла первой. А ты остался. И я не знаю, как это можно исправить. Как сделать, чтобы тебе не было грустно без меня. Потому что ты все еще есть, и окно твое светится сейчас прекрасной бледно-изумрудной поганкой, как блуждающий огонек в московском болоте. Не грусти, не грусти, не грусти. В отличие от тебя я сейчас знаю, что расстаемся мы ненадолго. Вернее, мы вовсе не расстаемся. Потому что кроме этой судьбы, есть еще и другие, предназначенные для таких встреч, что по сравнению с ними наш московский роман – скучная, сентиментальная пьеска. Когда ты сам исчезнешь, ты поймешь, что я имела в виду. А ты непременно исчезнешь, иначе быть не может. Для того мы с тобой и родились, чтобы однажды исчезнуть.

Поэтому – ты уже понял, да? – я не приеду к тебе ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Никогда. Зачем приезжать, если мы и так вместе? Всегда, везде вместе, только ты этого пока не знаешь, а я уже знаю.

И поэтому я не прощаюсь.

– Точно, точно, – бормочу как безумный. – Она исчезла! Помню. Это – помню. Не ушла от меня, не

уехала, вещи не собрала, а просто исчезла. А после – позвонила. Не до, после. Оттуда. Откуда? Понятия не имею. Но там, по ту сторону жизни, на перекрестке миров есть телефон. Усратья можно. Можно ведь? Здесь и сейчас, а?

Я ни жив ни мертв, так – хлам человеческий, неразумный. Веня ведет себя как опытная сиделка. Плещет в лицо водой, вводит мне живительную влагу орально, потом заставляет запить ее коньяком, подавившись которым, я кашляю, чихаю и плююсь, и наконец внезапно успокаиваюсь. Сработало.

– Макс, – спрашивает он, – ты что, действительно все вспомнил?

– Не все, – жалобно мотаю головой. – Почти ничего. Только ее. Женщину со множеством имен и судеб, фею-лису. Она была и исчезла. С тех пор иногда является мне во сне. Но редко... Иногда это бывает очень мучительно: я знаю, что она кружит где-то поблизости, но не подходит. То ли не хочет, то ли не может. Не пускает ее что-то... Может быть, потому, что она должна сниться не мне, а тому, другому Максусу?

– То есть ты уверен, что вас именно двое? – деловито уточняет Веня.

– Понимаешь... Больше всего на свете я хочу думать, что я один. Парень, который слишком часто видел странные сны, временно потерял память, маленько рехнулся, но держит себя в руках. Я, как видишь, стараюсь жить, словно так оно и есть. Но... Чудовище в зеркале было?

– Было.

– Ты его видел?

– Сам знаешь.

– А если так, то возможно все. Вообще все. И нужно иметь в виду, что любая, самая нелепая возможность однажды окажется единственной правдой.

– Не вижу логики.

– А ее и нет. Вернее, есть, просто иная какая-то.

– Нелинейная?

– Ага.

– Хорошо, – кивает Веня. – Будем иметь в виду все возможности. Но знаешь что? Попробуй еще какое-то время побыть Максом. Моим старым приятелем, который слишком часто видел странные сны и временно потерял память. Я к нему как-то уже привык... В общем, с ним мне проще.

– Мне тоже, – хмуро соглашаюсь я. – Этот вариант дарит мне надежду, что все устаканится. Рано или поздно, так или иначе.

36. Овца

Именно овца чаще всего выступает как образ жертвы...

На неделю я зарылся в собственные архивы. Компьютер, несколько блокнотов, коробка из-под обуви, набитая фотопленками, несколько толстых папок с отпечатанными снимками, немногочисленные таинственные надписи на страницах книг. Странное

занятие: знакомиться с собой в возрасте тридцати двух лет. Скорее, впрочем, приятное, чем нет.

Веня погрузился в дела. Сбежал, по его собственному выражению, от метафизических проблем в пространство профанной суеты. Взял тайм-аут. Зеркала в доме, впрочем, не расчехлил и мне запретил строго-настрого. Соблюдать сие табу, по правде говоря, было легко и приятно.

По вечерам мы принимали коньяк как лекарство. Порции рассчитывались с фармацевтической точностью: чтобы на столах голыми не плясать и песен не орать, а лишь слегка развеселиться, прикормить друг друга занимательными байками, чуть-чуть отупеть, как следует расслабиться, уснуть и не видеть снов. Никаких чертовых снов. Если бы у меня была привычка молиться на ночь, я бы, несомненно, просил только об этом.

Немудреные наши ухищрения, надо сказать, возымели положительный эффект. Я чувствовал себя много лучше, чем неделю назад. Привык к мысли, что жизнь придется начинать если и не вовсе с нуля, то с какой-то весьма приближенной к нему метки. Наловчился умирять свое заполошное сердце, а разум отпускать на прогулку только в наморднике. Память так и не вернулась, но я понемногу учился обходиться без воспоминаний... и заодно без зеркал: борода мне, говорят, к лицу, да и хлопот меньше. Освоил высокое искусство получать удовольствие от всякой бытовой малости: сварил поутру кофе, вышел с чашкой на балкон, сам живой, погода прекрасная, голубь толстый на перилах воркует, еще один день наступил – вот и будь счастлив. Чего тебе еще?

Веня, кажется, был мною доволен. И собой заодно. Нами обоими. Говорил, ему нравится, что мы ходим с ума, не теряя достоинства и чувства юмора.

На восьмой день он снял покрывала с зеркал. Сказал, что вполне готов к новым чудесам, хоть и уяснил навсегда: это заманчивое словцо имеет общий корень с «чудовищем».

Никаких монстров, однако, мы не узрели, как ни пялились в полированную бесконечность. И так обрадовались, что отправились не то обедать, не то ужинать – файв-о-клокничать, так, что ли? Но, конечно, не в «Мусхэд». Настолько мы еще не обнаглели, чтобы бешеному лосю в пасть соваться.

Идем по Пятницкой. Я глазею по сторонам, как типичный неискушенный провинциал, поскольку предыдущий опыт жизни в Москве, ясное дело, коту под хвост. Снова все в диковинку: и магазин с австралийскими пирожками, и словно бы опытным дизайнером разделенный на белую и серую половины бобтейл, ведомый суровой блондинкой в пончо, и лотки-киоски; даже огромная красная буква «М» над входом в метро привлекла мое внимание. Я буквально купался в живописных подробностях после нескольких дней добровольного заточения в Вениной цитадели. Но дальнорский левый глаз (правый-то близорук и потому почти равнодушен к деталям) внезапно обломал мне этот невинный кайф.

– Погоди-ка, – тяну за рукав своего спутника. – Смотри, что это? Как такое может быть?

Чуть не силой волоку его в направлении книжного развала.

– Опять гадать будешь? – огорчается он. – А потом, небось, на работу наймешься? Чтобы пройти этот путь еще раз? Не советую: где ты еще таких патронов, как мы с Райкой, найдешь? Времена романтического капитализма давно миновали.

– Не гадать, – отмахиваюсь. – Я тебе показать кое-что хочу. Сейчас...

Проталкиваю к прилавку – время-то самое людное, покупателей и без меня полно. Выуживаю книжку в гляцевом переплете. На обложке изображены какие-то разноцветные уроды с волевыми подбородками, сразу видно – ширпотреб. Но это фигня, прикалываться по поводу творческой мощи художника будем чуть позже. После того, как в этом удивительном мире отыщется добрая душа, которая объяснит мне: почему на жуткой обложке написано имя из моих архивов? «Макс Фрай» – так, вероятно, называется автор этого молодежного бестселлера. Или не бест. Просто селлера. Хрен их разберет...

– Веня, – спрашиваю с неподдельным ужасом, – я, что, еще и книжки писал от имени этого нашего мертвого фотографа? Неужто все так запущено?

– А, это... Да не вращай белками, все в порядке. Я забыл рассказать тебе этот эпизод... Ничего ты не писал. И я не писал. Пару месяцев назад мы с тобой уже видели эту книжку на лотке и затеяли расследование. Правда, я быстро похерил наши изыскания в угоду Мамоне, а потому понятия не имею, чем дело завершилось. Ты, как я понимаю, тоже не в курсе – теперь-то!

– Значит, придется начать по новой, – вздыхаю. – Это же действительно черт знает что! Мы с тобой этого

мужика придумали специально для выставки моих старых фотографий, ты сам мне рассказывал. Так ведь?

– Именно.

– И вдруг выясняется, что он у нас книжки пишет! Ишь, какой самостоятельный! Живет, понимаешь ли, насыщенной творческой жизнью. Псевдоним хренов...

– В прошлый раз ты возмущался примерно в тех же выражениях, – смеется Веня. – А еще говорил, дескать, я не я, и карма не моя... Да не стой ты столбом: у Лота, насколько мне известно, не могло быть бородатой жены. Идем жрать. Я тебе по дороге расскажу, что вспомню.

– Сейчас пойдем. Только книжку куплю.

– А ты ее уже покупал. Тогда, два месяца назад.

– Среди моих книг ее не было. Я бы обратил внимание, не сомневайся.

– Ну да... Тогда купи еще газету. Завернуть этот ужас. Все же в приличное место идем.

– Я куплю самую толстую газету. Чтобы наверняка. Картинки, конечно, – это нечто... Если бы это была *моя* книжка, мне бы пришлось сделать харакири.

– Сколько лет торговал книгами, никогда не верил в принцип: чем хуже выглядит – тем лучше продается, – вздыхает Веня. – А Райка верила. И, черт побери, была права. Потому-то мы и не разорились, что закупками она занималась.

Я его почти не слушаю. Я иду по улице Пятницкой и несу под мышкой пухлую уродливую книжку, аккуратно завернутую в «Независимую газету». Полезная мышца по имени сердце бьется о ребра с таким нечеловеческим темпераментом, что можно подумать, будто их у меня

целых две штуки. Мне почему-то страшно. Как жертвенному барану, возложенному на алтарь божества, которому он, кудрявый заложник чужих таинств, никогда в жизни не молился, о чьем существовании не подозревал даже – и вот, поди ж ты, как все нескладно получилось...

37. Огма

Уши стоявших рядом с ним людей соединялись с языком бога тонкими цепочками.

Я весь – внимание, я готов слушать, я даже почти готов понимать, но...

Но друг мой молчит. Идет себе по улице Пятницкой и, понимаете ли, молчит.

Веня – добрый человек, не злодей, не садист. И мучает он меня, конечно же, не намеренно. Но все же молчит, сволочь. С мыслями собирается, мать его...

– В прошлый раз мы с тобой эту книжку на Люсиновской увидели, – сообщает, наконец. – Возле метро «Добрынинская».

Чрезвычайно ценная информация, конечно...

– Ты тогда тоже переполошился, – вздыхает Веня. – А я не мог понять почему? И сейчас не очень понимаю. Смешно ведь. Мы про нашего мертвого фотографа почти забыли, а тут такой сюрприз! Есть одна, как мне кажется, вполне разумная версия, но тебя она почему-то не устроила.

– Какая версия?

– Что автор этой книжки был когда-то на нашей выставке. Упер каталог. А потом, несколько лет спустя, решил, что имя покойника вполне может украсить еще одну обложку... И то верно: должно же ее хоть что-то украшать!

– Хорошая версия, – соглашаюсь. – Логичная. Если она меня не устроила, значит... Значит, была у меня, в голове дырявой, некая дополнительная информация. В компьютере и в бумажках ничего на эту тему нет. Жаль.

– Там какие-то посторонние люди указаны в качестве обладателей копирайта. Тогда, весной, ты решил их разыскать. Удалось тебе это или нет – не знаю. Ты не рассказывал, а я не спрашивал, ибо занят был. Да и виделись мы реже, чем хотелось бы. Совсем не виделись, если называть вещи своими именами... Нет, лучше так: если называть вещи. И все, точка.

– Пусть будет точка, – соглашаюсь рассеянно. – И что – это все? Больше ничего не знаешь? Книжку-то хоть читал?

– Начал было... Прочитал пару страниц, не покатило.

Вид у Вени при этом виноватый. Словно бы это и правда *моя* книжка. Будто он хвалить ее должен. Идиотская ситуация.

– То есть ерунда? – уточняю.

– Да говорю же тебе: не знаю. Не покатило, и все. А после двух страниц мнение составить невозможно.

– Ну да... О чем хоть?

– Фэнтезюха, кажется... Да что ты меня расспрашиваешь? Дома сам считаешь.

– Стрёмно мне, – признаюсь неохотно. – Сам не знаю почему, но... Жуть!

– Ну, у тебя сейчас период жизни такой стрёмный, – успокаивает меня Веня. – И у меня тоже. За компанию. Поэтому давай хоть пожрем спокойно, а?

– Давай, – вздыхаю. – По крайней мере, стоит попробовать...

38. Один

Один под видом странника Гримнира, захваченный в плен <...> мучился между двух костров...

Потом уже, вечером, когда Веня доставил меня домой и отправился на некое, кажется, романтическое свидание, я довольно долго не решался открыть книжку.

Сперва от корки до корки прочитал газету, в которую она была завернута. Добив первую полосу, понял, что газеты я ненавижу – все, огульно, без разбору, как культурное явление, как повод для создания определенного рода текстов, как принцип их организации. Однако в сторону не отложил. Куда там! Обеими лапками вцепился в спасительное чтиво: обладание газетой словно каким-то непостижимым образом давало мне право оттягивать момент, когда придется открыть книжку под названием «Лабиринт». Именно что «придется». О таких понятиях, как «желаю», «жажду», «не терпится», – и речи не шло.

Я прекрасно понимал, что на самом деле не хочу получать ответы на бесчисленные свои вопросы. Что мечтаю оставить все как есть. Выбросить проклятую книжку в мусоропровод. Выпить коньяку и лечь спать.

Проснуться, позавтракать, как-то скоротать время до вечера. Пожить еще недельку-другую у доброго дяди Вениамина, потом снять квартиру, спрятать блокноты, фотографии и прочие свидетельства забытой старой жизни куда-нибудь на антресоли, занять себя какой-нибудь полезной высокооплачиваемой деятельностью, с девушкой хорошей познакомиться и...

И?

Да какая, к чертям собачьим, разница, что там, после союза «и»? Мне бы намеченные планы воплотить, спокойно, последовательно, без метафизических помех, а там – видно будет.

Но в то же время было совершенно очевидно, что ничего у меня не получится. Я знал, что сейчас потяну еще время: ну, полчаса, в лучшем случае, час, а потом открою книжку, прочитаю ее от корки до корки, и... Ох! Даже если окажется, что она не содержит ни крупицы интересующей меня информации, буду копать дальше, звонить в издательство, искать настоящего автора, выяснять, почему придуманное мною когда-то имя оказалось на обложке, тыкаться во все темные углы, пока не узнаю... Не узнаю – *что?* Ответ на этот вопрос не поддавался формулировке, но определенно существовал. А мое желание докопаться до истины походило на настоятельную потребность гусеницы свить кокон: невозможно противостоять зову собственной природы. Не факт ведь, что гусеница хочет, мечтает, торопится стать бабочкой. Возможно, ей так же страшно, как мне. Но она *не может* иначе.

Вот и я.

Открыл.

Наконец.

Книжку.

39. Ой Иясе

Ой Иясе ночами, невидимая, бегаёт по дому, шуршит, плачет, всячески беспокоит людей.

И прочитал: «*Никогда не знаешь, где тебе повезет...»*

Такое начало меня вполне устраивало. Я расслабился и попробовал просто получить удовольствие от чтения. Худо-бедно получалось. Не шедевр, конечно, но... Довольно увлекательно. Да и главный герой, от лица которого велось повествование, был мне весьма симпатичен. Даже более чем. Практически любовь с первого взгляда.

Пушной зверь песец подкрался незаметно. Он подождал, пока я схожу на кухню, заварю себе чай, утяну из буфета плитку шоколада, устроюсь поудобнее в глубоком кожаном кресле – словом, утрачу бдительность. И вот тогда-то оный пушной зверь плотоядно облизнулся и ринулся в атаку.

Выглядело это следующим образом. Я добрался до страницы за номером 57 и прочитал:

В темноте того, что мы принимали за зеркало, что-то шевельнулось. На нас уставились странные холодные глаза, мерцающие тем же бесцветным холодом, что и паутина. Их свет слегка приоткрыл перед нами нечто похожее на морду дохлой обезьяны. Особенно отталкивала и в то же время

завораживала влажная темнота провала на том месте, где у млекопитающих обычно располагается рот. Провал обрамляло нечто вроде бороды, но, приглядевшись, я с отвращением понял, что «борода» живая. Вокруг омерзительного рта существа шевелились заросли каких-то паучьих лапок: тонких, мохнатых и, кажется, живущих своей собственной жизнью.

Я повел себя вполне достойно. То есть обошлось без испачканных штанов, сердечных приступов и утробного воя. А что потом холодным облился – так ведь это, можно сказать, мое личное, интимное, телесное дело... Ну да, обошел дом, повернул все выключатели, по-детски полагая, что в освещенном помещении ничего страшного случиться не может. Ну, начал набирать номер Вениного мобильного телефона, было дело, но ведь на четвертой уже цифре заставил себя опустить трубку на рычаг. Вот еще – человека в разгар свидания из постели выдергивать. Новость литературно-мистическую сообщить? Так ведь успеется еще. А если не успеется, значит, так тому и быть. И, ради бога, не тяни ты дрожащие свои лапки к телефону. Отойди от аппарата. Да не на шаг, а на три метра хотя бы. Вот так, молодец. Сядь. Подыши диафрагмой. Медленно и торжественно, ага. Продолжай, у тебя неплохо получается.

Смешно сказать, но именно так я и привел себя в порядок. Внутренний педагог успокоил внутреннего ребенка. Я наблюдал за их диалогом не без удивления: вот уж не ожидал, что в критических ситуациях мне есть на кого положиться. Оказывается, на себя, любимого – вполне можно. Он молодец, этот Макс.

У меня даже хватило выдержки снова взяться за книгу и еще раз перечитать страшный фрагмент. Дабы не вышло потом, что меня подвело разыгравшееся воображение. Нет, вроде бы описание чудовища действительно в точности совпадало с моими воспоминаниями о прекрасном видении в уборной канадского бара. Никаких объяснений этому феномену я искать не стал, а просто, хвала дыхательным упражнениям, взял себя в руки и дочитал повесть до конца. Убедился, что все закончилось хорошо. Чудовище сдохло, герои отправились праздновать победу. Ну и мне, соответственно, полегчало. Даже на зеркала взирал теперь без страха. Почему-то решил, что если уж книжное зазеркальное чудовище окочурилось, значит, и у нас тут все будет в порядке. Непрошенные гости не станут шлепать босыми щупальцами в полумраке широченного коридора. Никто не придет, чтобы съесть нас на рассвете. Даже от помощи платных уфологов и экстрасенсов мы, возможно, гордо откажемся. Сами справимся как-то. В случае чего, провернем описанный в книжке фокус, подсунем монстру второе зеркало – и пусть разбирается со своим двойником...

Двойником?

Ну да. Отражением.

И тут я вспомнил собственного двойника – то ли из сна, то ли из не-сна, черт не разберет, что это было. Он был насмешлив и печален, говорил, что написал эссе о смерти литературных героев, и тут же умер сам; предлагал мне пожить вместо него и попробовать «выправить курс» – что за нелепое выражение...

И тогда я испугался еще раз.

По-настоящему испугался.

Никаких логических построений я не производил, но вывод сделал: со мной что-то не так. Ох, не так!

40. Окно

Окно, как нерегламентированный вход в дом (вместо двери), согласно мифологической традиции, используется нечистой силой...

Поскрипев зубами душевного равновесия ради – если так и дальше пойдет, я их, пожалуй, в крошку истолку! – я принялся за вторую повесть. Залпом проглотил третью, четвертую и пятую, продемонстрировав гипотетическому невидимому наблюдателю чудеса скорочтения. Принялся за шестую.

Теоретически говоря, это была довольно веселая книжка. Я, наверное, мог бы даже отметить места, где надо смеяться. Персонажи то и дело попадали в нелепые ситуации, зубоскалили, подшучивали друг над другом, старались для меня, долдона неблагодарного. Вотще: я изучал их диалоги с угрюмой рожей студента, приговоренного к созданию реферата. Мне было не до смеха: читал-то по нужде, из практических соображений. Чтобы составить полный список чудовищ, которые в ближайшее время заявятся по мою душу.

Список, кстати, получился не слишком устрашающий. Давешняя зазеркальная обезьяна, на мой вкус, была наихудшим из зол. Мне не понравилось лишь, что многие опасности подстерегали моего симпатичного тезку во сне. Сны и без того меня страшили, а уж теперь...

Пришлось прибегнуть к испытанному средству: в последнее время я на практике убедился, что алкоголь избавляет меня от сновидений. Волшебная микстура от иной реальности наличествовала в этом доме почти в промышленных масштабах. Я выпил залпом полстакана коньяку, подождал десять минут, ничего не почувствовал, удивился и повторил подвиг. После третьей порции я мирно заснул, сидя в кресле, с книжкой на коленях, не дождавшись ни рассвета, ни Вениного возвращения. Спал чутко, сквозь сон слышал, как хлопает на летнем ветру оставленное открытым окно. Сквозь сон же вспоминал, что именно из открытого окна приходил к книжному герою страшный призрак-фэтан из второй по счету повести. Но беспокойства почему-то не испытывал, а, напротив, пребывал в равнодушно-счастливом настроении, как человек, выздоравливающий после затяжной, мучительной, возможно, даже опасной для жизни болезни. Знал откуда-то, что все будет хорошо, рано или поздно, так или иначе, но будет, будет хорошо, непременно. Ритмичный стук оконной ставни оказался славной колыбельной. Я и надеяться не смел на такое завершение ночи.

41. Олорун

...божество, не вмешивающееся в дела людей...

Когда в половине девятого утра заявился Веня и вежливо поинтересовался, соблаговолю ли я составить ему компанию за завтраком или приму наконец горизонтальное положение, я решил не рассказывать ему пока про книжное чудище. Во-первых, грех это –

хорошего человека с утра пораньше грузить. А во-вторых, я откуда-то знал, что с историей этой мне придется разбираться самостоятельно. Некоторые разновидности нош нельзя перекладывать на чужие плечи. Некоторые дела следует улаживать в одиночку. Некоторые страницы собственной биографии не положено мусолить в присутствии посторонних. Так уж все устроено.

42. Омоиканэ

...этому богу «наказали размышлять»...

Мне казалось, что я примерно представляю, с чего начинать расследование. Найти настоящего автора книжки. Попробовать с ним встретиться. Возможно...

Все возможно, вот именно.

И в любом случае к чему бы ни привели эти поиски, не помешает съездить в город, откуда я, если верить документам, родом. Провести полевые исследования. А там – *по обстоятельствам*. Любимая моя формулировка...

Самое нелепое, что я сам не очень-то знал, чего хочу добиться. Понять, кто я такой? Откуда взялся, зачем живу, как устроен и чем дело кончится? Ну, так почти любой человек, вероятно, не отказался бы получить столь ценную информацию о себе.

Отделить, наконец, сны и наваждения от событий, случившихся со мной наяву? Так и это, пожалуй, мало кому удастся. Мой случай лишь потому интересен, что я, в отличие от своих коллег по земному бытию, *осознаю*, что запутался.

Разобраться с зачарованными городами? Вернуться в свой пряничный городок в горах? Или, чего доброго, отыскать путь в загадочный Нижний Город? Честно говоря, я не был уверен, что действительно этого хочу. Я здорово опасался, что мои волшебные города – своего рода метафора посмертного бытия. Вероятно, у меня просто не хватало воображения, чтобы отвести им какое-то иное место в актуальной картине мира, и без того чрезвычайно запутанной.

Забить на все и зажить нормальной человеческой жизнью? Соблазнительный вариант, но какая-то заповедная часть моего существа истерически сопротивлялась такой идее. Она, эта сволочная часть, обладала латинским темпераментом, визгливым, пронзительным голосом и замашками начинающего фюрера. Игнорировать ее регулярные выступления на моих внутренних митингах не представлялось возможным. Надеяться, что она в ближайшее время утихомирится, было бы нелепо.

Отыскать женщину, с которой я когда-то вел столь сладостные и странные телефонные разговоры? Которая однажды сообщила моему автоответчику, что намерена исчезнуть. Которая... Эх, да что там! Я не помнил о ней ничего. Ни-че-го-шень-ки.

Теоретически-то и канувшее во тьму прошлое, и хрупкое настоящее, и феерические сны, и утробные страхи, и обаятельная улыбка моего двойника, и знакомое имя на глянцевой книжной обложке, и все прочие тайны – не стоили розового ее ноготка. Так лопотал мой падкий на романтику разум, но, откровенно говоря, персона загадочной незнакомки, Дамы Иксов и Игреков, вызывала у меня скорее любопытство, чем

смятение чувств. Ничего похожего на любовное томление я не испытывал. Память – необходимое и достаточное условие тоски, а у меня не сохранилось ни единого мало-мальски стоящего воспоминания. Почему? Бог весть.

И в то же время я откуда-то знал, что без нее мне не обойтись, что сам по себе я – лишний, необязательный фрагмент в картине мира и в любой момент могу оказаться в мусорной корзине – за ненужностью. Это была дурацкая, иррациональная уверенность, скорее инстинкт, чем плод размышлений. Знает ведь откуда-то перелетная птица, что должна каждую осень фигачить с севера на юг, за несколько тысяч километров от родного гнезда; ей, возможно, совершенно не хочется совершать тяжкий этот марш-бросок, но птица снимается с места и летит, потому что иначе – гибель.

– Ну, вот и ладненько, – сказал я себе. – Делай что хочешь, душа моя, хоть на юг лети, хоть в космос отправляйся, если припечет. Только на месте не сиди. Тебе это, кажется, не на пользу.

– Медитируешь? – наконец интересуется Веня, утомленный моей утренней молчаливостью.

– Да нет, просто размышляю. О том, как жить дальше... и ближе. О том, как жить сверху, снизу, справа, слева, впереди и сзади. И, конечно, о том, как жить прямо здесь, – для наглядности похлопываю себя по ребрам.

– Ну-ну, – кивает он, не то удивленно, не то одобрительно.

43. Онары

Леса были им по колени, они вырывали дубы с корнями...

После завтрака Веня деловито испарился, так и не поинтересовавшись, с какой стати я спал, сидя в освещенной гостиной. И про книжку ничего не спросил. Он думает, у нас впереди куча времени, а потому не спешит. Я же знаю, что период нашей совместной жизни и странной, но целительной для меня дружбы может завершиться в любое мгновение: по меньшей мере один из нас – исчезающая величина. Знаю – и тоже не спешу. Когда времени совсем не осталось, торопиться бессмысленно. Уже бессмысленно.

Примерно час я слонялся по дому, силясь подготовиться к беседе с сотрудниками питерского издательства. Сочинял сценарий, старался предусмотреть неожиданности.

Я не сомневался, что нужный телефон без труда разужнаю в местной справочной: все же не секретный институт какой-нибудь. Но, вопреки здравому смыслу, тут-то меня и поджидал облом. Нет, – говорят, – в нашем городе такого издательства. Изумляюсь: как это нет?! Книжка с выходными данными есть, адрес даже имеется, а издательства нет?

В общем, выяснилось, что справочная служба города Ленинбурга располагает лишь устаревшей информацией времен чуть ли не взятия Зимнего дворца. А телефоны организаций, возникших в последние годы,

известны лишь узкому кругу посвященных и примазавшихся. Бардак!

Следующим шагом был, разумеется, звонок Вене. Опять облом. Когда мой друг завязал с книжным бизнесом, этого издательства еще в помине не было.

– Они же плодятся и дохнут как мухи, – объяснил он. – Кроме нескольких китов, которым уже ничего не страшно, но киты-то как раз наши, московские... Ты на «Олимпийский», что ли, съезди. Там знающие люди табунами ходят.

– Что за «Олимпийский»?

– Ну да, ты же не помнишь ни фиги... Книжный рынок в здании спортивного комплекса «Олимпийский», возле станции метро «Проспект Мира».

– А это где? Рядом с твоим домом?

– Не совсем. Привыкай к мысли, что в Москве вообще мало что бывает рядом с домом, в том числе и с моим. Купишь карту, разберешься, не маленький... Кстати, лучше, если ты попадешь туда до двух. Позже не имеет смысла.

По счастью, я азартен. Трудности стимулируют мою умственную деятельность и ускоряют обмен веществ в организме. Десяти минут хватило, чтобы принять душ, одеться, рассовать по карманам кожаного жилета деньги, документы и прочие полезные мелочи, запереть массивную металлическую дверь и выйти на улицу. Спустя еще пять минут я обнаружил киоск, торгующий газетами, журналами и – ура мне! – атласами. На всякий случай я приобрел не только карту Москвы, но и атлас автомобильных дорог России. Немного подумал и прибавил к своим покупкам карту Европы. Поскольку

карты иных вселенных в продажу не поступали, можно было считать мою подготовку к предстоящим путешествиям завершённой.

До проспекта Мира я доехал без приключений; там, правда, немного покружил в поисках нужного разворота, благополучно застрял в каком-то тупике, метрах в пятистах от искомого сооружения, смирился с судьбой, втиснулся между устрашающим грузовиком и желтым «фольксвагеном»-жуком, предусмотрительно переписал на бумажку наименование улицы, пожелал себе удачной охоты и отправился дальше пешком.

В «Олимпийском» все пошло как по маслу. Обаяв нескольких книготорговцев и купив десяток ненужных гляцевых книг, я стал счастливым обладателем целого списка телефонных номеров искомого издательства. Три питерских, один московский – торгового представительства. Чего ж мне еще?

44. Опс

Окружавшая ее культ таинственность вызывала представление об Опс как о богине, покровительнице Рима, имя которой было табуировано.

Я вернулся домой и перво-наперво сварил кофе в самой большой, полулитровой джезве – пригодится! Проанализировав причины внезапной душевной смуты, я обнаружил, что не слишком люблю говорить по телефону с незнакомыми людьми. А кофе, напротив, люблю. Всякий кнут должен уравниваться пряником – примерно так я представляю себе идеальную формулу самодисциплины.

Наполняю чашку, набираю номер. Стоило так волноваться: короткие гудки. Все четыре номера, включая московский, ответили мне жизнерадостными короткими гудками. Кофе в чашке уже подошел к концу, я прикурил вторую сигарету, а эти коммуникабельные гады продолжали трепаться с более удачливыми абонентами. Когда телефонная трубка начала, наконец, протяжно подвывать, я даже не сразу понял, что добился успеха.

Первым сдался московский филиал. На том конце провода обитал мужской тенор, то ли усталый, то ли нетрезвый – поди разбери! Оба варианта казались мне не слишком благоприятными для предстоящих деликатных переговоров, но выбирать не приходилось.

Выступление мое было тщательно продумано; легенда казалась беспроегрешной. Я поздоровался, представился независимым литературным обозревателем, пишущим для разных изданий (если верить содержимому папок в моем компьютере, я говорил чистую правду). Сказал, что хочу взять интервью у писателя Максима Фрая. Просто жажду, черт побери, побеседовать с вышеупомянутым литератором. Мне, глупому, казалось, что это заявление вызовет на другом конце провода бурный энтузиазм: реклама-то им нужна? Нужна. Ну и вот.

Однако фиг мне.

– А он не дает интервью, – весело сообщил мне невидимый собеседник. – И правильно делает. Если бы я такое дерьмо писал, я бы тоже от всех прятался.

– Ну почему же «дерьмо»? – оторопел я.

– А что же еще? Конечно, дерьмо! – все так же приветливо откликнулся представитель издательства. – Народ прется, особенно детишки, но мы-то с вами образованные люди, мы-то понимаем...

Дальше я не слушал. Мучительно соображал, как бы все же выдавить из словоохотливого собеседника хоть несколько капель полезной информации.

– Я, – говорю, – в данной ситуации человек подневольный. Я заказы выполняю. А мне заказали интервью с Фраем. Может быть, все-таки, в виде исключения, подскажите, как его найти?

– Да я бы подсказал, не жалко, только сам понятия не имею, где он. Вроде он не в Москве живет. И вообще не в России. Кажется, в Германии. Ну, в смысле, эмигрант, из наших... А хотите, я вам вместо него интервью дам? Приколемся...

От такого предложения я совсем растерялся.

– Нет уж, спасибо. Мне бы с настоящим автором книги побеседовать.

– Ну тогда ничем не могу помочь.

– Подождите, – прошу, – не бросайте трубку. Я правильно понимаю, что Фрай – это псевдоним? Там ведь под значком копирайта фигурируют какие-то другие фамилии...

– А, – отмахивается, – не парьтесь. Это какие-то знакомые нашего директора. Вроде так проще было договор оформить. Он ведь иностранный гражданин, автор-то... Ну, мне что-то подобное говорили.

– То есть, – я холодею, – вы хотите сказать, что автора книги действительно зовут Максим Фрай?

– Да не знаю я, как его зовут. Может – так, может – не так. Вы поймите, я здесь, в Москве, просто книжками торгую. Что у них там, в Питере, творится – не мое горе.

Его признание дарит мне надежду, что разговор с северной столицей окажется более внятными. Поспешно прощаюсь и начинаю штурмовать бастион междугородной связи. После получаса непрерывного насилия над телефонным аппаратом слышу наконец нежный женский голосок. Спасибо тебе, господи. Можешь ведь, если хочешь! Как сказала бы о тебе любая школьная учительница: способный, но ленивый. Именно.

Выкатываю на дамочку все ту же телегу про интервью. Это, кажется, не производит на нее особого впечатления. Все же меня не отправляют в паломничество к окраинам мужских гениталий, а после долгих уговоров любезно соединяют с главным редактором издательства. Это, наверное, очень круто. Да здравствую я!

У главного редактора бодрый голос, хороший темп и лаконичная манера изъясняться. Выработал, наверное, в ходе многолетнего общения с занудами-литераторами. Нет, Макс Фрай не встречается с журналистами. Да, я могу написать ему письмо на адрес редакции. Нет, электронной почтой он не пользуется; редакция, впрочем, тоже. Нет, он не живет в Москве. И в России тоже не живет.

Редактор уже готов прощаться, но я иду ва-банк. Рассказываю официальную версию истории фотографа Макса Фрая, моего якобы земляка и друга. Заслуженного покойника изящных искусств, если на то пошло. Сообщаю о его посмертной выставке в Москве, которая (некоторое преувеличение не повредит) прошла в свое

время с грандиозным успехом. Спрашиваю: неужели полный тезка? И имя, и фамилия совпадают. А может быть, мой покойный друг еще и книжки тайно пописывал? И теперь очередной душеприказчик их публикует? Может такое быть? Теперь вы понимаете, как много значит для меня эта встреча?

Мой собеседник, кажется, растерялся. Медлит, собирается с мыслями. Но через несколько секунд решительно говорит: нет, ерунда. Автор книг жив и здоров. Вот как раз третьего дня звонил, обещал новую книжку прислать. Ну, не встречается человек ни с прессой, ни с читателями – у всех свои причуды, свои жуки в голове, не хоронить же его теперь... А что до чудесных совпадений, тут я могу расслабиться. «Максим Фрай» – это псевдоним, слово чести. Может быть, автор действительно побывал в Москве в 1993 году и посетил эту памятную выставку. Может быть, просто в газете о ней прочитал, а необычное имя фотографа запомнилось и потом, несколько лет спустя, стало псевдонимом. В общем, ничего необъяснимого не случилось. Вопросов больше нет?

Я понимаю, что меня прокатили. Заморочили голову. Информации не будет. Ни имен, ни явок, ни паролей, хоть ты тресни. Но на всякий случай предпринимаю последнюю, отчаянную попытку достучаться до редакторского сердца.

Ладно, говорю. Имена, фамилии, псевдонимы, совпадения, мертвецы, интервью, о'кей, все это пустяки. Согласен. Но поймите меня правильно, я не фанат какой-нибудь малолетний, не подросток экзальтированный. Взрослый дядька, занятой по горло столичный житель... Но ведь он, автор этот ваш,

мерзавец, сны мои в своих книжках описывает. Понимаете вы теперь, что мне позарез нужно с ним увидеться? Или не понимаете? Что ж мне, лоб расшибить о телефонную трубку?

Но мой монолог не производит на жизнерадостного главного редактора никакого впечатления. Ну, почти никакого. Он с удовольствием смеется: вот оно что, и вы про сны вспомнили. Оказывается, я не первый. Многие читатели пишут письма и даже звонят в издательство. Говорят, что этот Фрай их собственные сны описывает. Тем он их и подкупает, наверное. Вот где, оказывается, зарыт секрет успеха. Забавно.

Действительно забавно. Обхохочешься.

– Я вам не советую его искать, – вдруг вкрадчиво говорит мой далекий собеседник. – Поверьте мне, вам не это сейчас нужно. У вас ведь других забот по горло, правда?

– Откуда вы знаете? – я в недоумении.

Он не отвечает на вопрос. Тихо, но настойчиво продолжает:

– Займитесь своими делами. Съездите, например, в отпуск, на юг, к морю. Приведите в порядок свою жизнь. Не такая важная вещь книги и их авторы, чтобы из-за них с ума сходить. Уж поверьте моему опыту.

– Это... Что вы... Это вы? Или кто-то другой? – лопочу.

– Это я. И кто-то другой, – невозмутимо отвечает главный редактор книжного издательства. И кладет трубку.

45. Орест

... сам он изображается душевнобольным человеком...

Я остаюсь один. Опасливо отодвигаюсь от телефонного аппарата, словно бы трубка его пропиталась ядом во время этой нелепой беседы. Оказываюсь напротив зеркала и вижу, что мое отражение истерически хохочет, закрыв лицо руками. Сам же я спокоен. Смотрю на него, болвана зазеркального, и думаю устало: надо все же себя в руках держать. Понимаю, что трудно, но нужно хотя бы стараться. Брал бы с меня, что ли, пример...

46. Осса

Обычно Осса быстро приносит людям известия от Зевса...

Память (тела?) услужливо подсказывает, что есть один простой и приятный способ привести себя в порядок. Пару часов покататься по городу, благо он мне теперь почти незнаком; заехать, куда московский автодорожный леший заведет, а потом взяться за карту и попробовать выбраться из этой глухомани. Почему-то я заранее не сомневался, что занесет меня именно в глухомань. Уж, по крайней мере, не на Красную площадь...

Чего проще-то? Выхожу, сажусь за руль, еду. Езда по Москве – почти экстремальный вид спорта, боевое искусство даже, этакое не то чтобы восточное, но вполне

евразийское единоборство. Требует полной самоотверженности, предельной концентрации внимания и прочих психофизических подвигов. Именно то, что мне требуется.

Уже минут через пять я понял, что это было хорошее решение. Еще через четверть часа остановился у первого попавшегося киоска, купил хот-дог, сожрал его с младенческим аппетитом, сам себе удивился, но отправился за вторым. Хороший признак. Очухался, значит. Восстал из пепла. Смирительную рубашку можно убрать в комод за ненадобностью.

Расправившись с горячими (между нами говоря, едва теплыми) собаками, закрепляю достигнутое. Катаюсь. Застряв в пробке, глазею по сторонам. Потом опять куда-то еду. Чувствую, что уже вполне освоился на московских улицах. Это мне льстит. Какая-никакая, а все положительная эмоция...

Время летит незаметно. Сумерки летом наступают очень поздно, но, судя по количеству автомобилей, час пик уже миновал. Значит, дело к ночи. Славно. Можно бы, пожалуй, возвращаться, но... от добра добра не ищут. Мне хорошо – зачем же что-то менять?

К этому времени я заехал в какую-то откровенную жопу. Индустриальный пейзаж не баловал взор разнообразием. Только и радости, что фабричные трубы. Из некоторых валили столь густые и плотные клубы дыма, что создавалось впечатление: именно так и появляются облака и тучи небесные. Вероятно, в каждом городе есть специальные предприятия, производящие облака. А работают там, вероятно, ссыльные ангелы – кто ж еще?..

Впрочем, облака облаками, но удручающий вид московской окраины быстро меня утомил. Теперь, останавливаясь на светофорах, я внимательно разглядывал своих попутчиков. Вернее, их автомобили. На некоторые иномарки облизывался даже, делал зарубки в памяти: дескать, на такую красоту не грех бы и пересест в обозримом будущем. Упивался собственным легкомыслием, радовался возможности побыть немного завистливым мечтательным дурачком – вот ведь до чего дошел.

Изумрудно-зеленую «восьмерку» в левом ряду я заметил, понятное дело, лишь по причине яркой окраски: сама по себе эта марка не вызвала у меня никаких эмоций. Но цвет ее не просто бросался в глаза, он, казалось, пронзительно вопил, с младенческой бесцеремонностью оповещая мир о своем существовании. Вот и я, позабыв о соблазнительных железных инородцах, уставился на целительное пятно зелени, словно бы покрывшее некую гипотетическую царапину на коленке реальности. Только на четвертом, кажется, по счету светофоре я обратил внимание на женщину за рулем. Не так уж много я разглядел, честно говоря: коротко стриженные светлые волосы, взъерошенные, как птичьи перышки, надменный профиль, напряженная улыбка, тонкое запястье... Но сердце мое рухнуло куда-то в темную глубину утробы, кровь так пульсировала в висках, что чуть не лопнули нежные вены. Где-то я ее уже видел... и не просто видел. Не помню, абсолютно ничего не помню, но знаю, что эта встреча куда важнее всех книжных тайн и прочих дивных совпадений; важнее, чем обе мои жизни: та, которую я забыл, и та, которая мне примерещилась...

Тут наконец загорелся зеленый свет, и «восьмерка» рванула с места, словно ее хозяйка почуяла тяжесть моего взгляда и решила удрать подобра-поздорову, от греха подальше. Я, разумеется, отправился в погоню: а что еще делать? Была надежда, что на следующем светофоре она остановится, и я успею выскочить из машины, подойти: а ну как она меня узнает, и все само собой прояснится? Может ведь – нет, *должно!* – оказаться, что мы знакомы. А если нет... что ж, дурак буду, если не сумею исправить столь прискорбное положение вещей.

То есть, по большому счету, настроен я был чрезвычайно оптимистично. Верил, что за тридцать секунд сумею подобрать ключик к сердцу удивительной женщины в зеленом автомобиле – если его вообще придется подбирать.

Я уверенно висел на хвосте у прекрасной незнакомки. Не так уж она и лихачила, честно говоря. Километров девяносто в час, никак не больше, так что тут проблем я не видел. Плохо другое: светофоры нам теперь попадались сплошь зеленые. Как назло. Нетерпение мое было столь велико, что несколько раз я решился посигналить в надежде, что незнакомка в изумрудном автомобиле расшифрует мое унылое «бу-бу» как предложение притормозить: а ну как номер отвинтился, или колесо спустило, а добрый попутчик решил ее об этом своевременно предупредить.

Куда там! Никакого внимания на жалобные завывания моей «Нивы» она не обращала. Неслась как угорелая, то и дело перестраиваясь из ряда в ряд, словно бы и правда играла в погоню. Наконец мы въехали под какой-то мост, где моя незнакомка, недолго думая,

описала плавную дугу, вылетела на то самое шоссе, по которому мы только что ехали, и бодро помчалась в противоположном направлении. Тут я уже призадумался. Одно из двух: либо она, как и я сам, просто катается по городу, либо заметила «хвост» и хочет – если уж не избавиться от назойливого маньяка, то, по крайней мере, утвердиться в своих подозрениях. Что ж, этот вариант тоже небезнадежен. На улице светло, полно машин и прохожих, бояться особо нечего – почему бы ей не остановиться, к примеру, возле какого-нибудь поста ГАИ для пущего спокойствия и убедиться, что я отправился своей дорогой. Вот тогда-то я и получу шанс выйти из машины и объясниться. Что, собственно, и требуется...

Но она и не думала останавливаться. Ехала себе вперед, скорость не сбавляла, но и не увеличивала, даже из ряда в ряд скакать почти перестала, словно желая облегчить мне задачу. Я был окончательно сбит с толку: экое кокетство. Или же я все выдумал, и она меня по-прежнему не замечает? А, к примеру, просто вспомнила, что не выключила утюг. И решила вернуться. А что, вполне правдоподобная версия.

Впереди уже клубились свежайшие изделия московской фабрики облаков, когда зеленая «восьмерка» неожиданно, не поморгав предварительно правым поворотником, свернула в какой-то пустынный, на первый взгляд, совершенно непроезжий переулок. Я едва успел сообразить, что происходит. В последний момент притормозил и вписался в поворот под негодующее гудение сбитых с толку автолюбителей.

Некоторое время мы тряслись по ухабам. Переулок петлял так, словно его прокладывали по следам удирающего от погони зайца, вопреки практическим

соображениям, требованиям ландшафта, логике и здравому смыслу. По обеим сторонам проезжей части громоздились заборы, ветхие фабричные корпуса, ржавые гаражи. На отдельных участках природа уже победила цивилизацию: складские руины утопали в зарослях могучего бурьяна, молодые березки росли прямо на крышах одноэтажных бараков, сквозь щербатый асфальт пробивалась сизая, колючая, живучая трава. Незнакомка в зеленой машине, кажется, неплохо знала здешние места: во всяком случае, она почти не сбавляла скорость, хотя я, будь моя воля, полз бы по этим буеракам со скоростью 40 километров в час. А то и 30, благо все равно никто не видит. Некому здесь наблюдать за нашей «Формулой-1», кроме разве что крупных задумчивых ворон, обильно облепивших древесные ветви.

Очередной крутой поворот привел нас в еще более узкий переулочек. Здесь, к моему изумлению, обнаружилось несколько жилых домов в деревенском стиле: невысокие деревянные заборы, металлические гаражи-«ракушки», садовые участки, густые кроны фруктовых деревьев окружали одно-двухэтажные строения, крытые черепицей. Где-то вдалеке еще и петух орал. А ведь вроде бы черту города мы не пересекали. Напротив, развернувшись под мостом, в сторону центра поехали – если, конечно, мой внутренний компас хоть на что-то еще годится...

Вождеденная «восьмерка» наконец притормозила у зеленого деревянного забора, на котором белела надпись корявыми крупными буквами: «Ост. пр-д 3». В глубине сада возвышался двухэтажный дом, ветхий, но

симпатичный, с сияющими изнутри цветными оконными витражами.

«Точно ведь уютг забыла выключить», – подумал я. И только что не расхохотался вслух от облегчения: из нас двоих, оказывается, только я участвовал в погоне, а таинственная незнакомка просто ехала домой.

Она, к слову сказать, не спешила почему-то выходить из автомобиля. Но медлить было нельзя. Я выскочил из своей «Нивы», удивленно отмечая, что не так-то просто бывает справиться с собственными коленями после нескольких часов, проведенных за рулем. На полусогнутых ногах подкатился к объекту преследования. И застыл как громом пораженный. Это я еще герой, что застыл, впору было в обморок грохнуться! В машине никого не было. Ни-ко-го. Коротенькое, всего три слога, словцо не способно, пожалуй, передать кошмарный идиотизм ситуации. Никого, блядь, в жопу, не было, на хуй, в этом ёбаном драндулете – такая формулировка, пожалуй, чуть более точно описывает мое тогдашнее состояние.

Чуть позже, когда тошнотворная рябь прекратила наконец мельтешить у меня перед глазами, я увидел, что на водительском сиденье лежит листок бумаги, исписанный зелеными, в тон автомобильной масти, чернилами. Все еще не соображая, что происходит, я машинально подергал дверцу. К моему изумлению, она тут же открылась, и сигнализация не завывала, оповещая окрестных жителей о моих первых успехах на поприще мелкого взломщика. Трясущимися руками я взял листок. Поднес к глазам. Прочитал:

Самое трудное уже позади: ты здесь. Теперь попробуй зайти в дом. Если не получится,

*постарайся просто запомнить это место:
Остаповский проезд, дом 3. Записку не
выбрасывай, а положи в карман. Это важно.*

P. S.

Ты там держись, ладно?

47. Отхан-Галахан

*Его блеск достигает неба, дым проникает сквозь 99
небесных слоев (или покрывает их), жар пронизывает
насквозь землю, согревает ее 77 слоев.*

Теоретически говоря, я бы должен то ли выматериться с досады, то ли кулаком со всей дури врезать по ветхому заборчику – чтобы в щепу! То ли, на худой конец, огласить округу безумным, ухающим хохотом. Но нет, в душе загорланил вдруг сводный хор несовершеннолетних ангелов; земное тяготение, кажется, утратило власть над моей тушкой; даже неугомонный разум притих, лишь приподнялся на цыпочки и замер, ошеломленный, как ребенок, впервые в жизни попавший на карнавал. Мир померк, и я приветливо улыбнулся ему на прощание. Жидкая кровь, бежавшая прежде по венам, стала густой и горячей, бурлящей вулканической лавой; мгновение, и я ощутил, что соткан теперь из живого огня – еще немного, и задымится сухая трава под ногами, вспыхнет листок бумаги, зажатый в руке, пальцы которой, кажется, уже превратились в раскаленные лучи. Оглушенный, но и восхищенный дивными этими переменами, я столбом стоял у зеленого забора, чувствуя себя не то блудной

кометой, не то просто на совесть разведенным высоким (сигнальным?) костром.

Вечность спустя я обнаружил, что тело мое, мясное ли, огненное ли – отдельный вопрос, – по-прежнему вполне способно перемещаться в пространстве и выполнять некоторые другие простые действия. И тогда я осторожно отворил калитку и по усыпанной гравием подъездной дорожке зашагал к дому, не чуя под собою ни ног, ни земли. Судьбы своей – и той не чуя.

48. Офаним

...они не дремлют...

Франк отвернулся от окна. Снисходительно ухмыльнулся и тут же стер с лица неуместную гримасу. Он был растерян, даже сбит с толку, чего, откровенно говоря, давненько уже не случалось.

– Все-таки она его сюда заманила. Теперь мой сценарий насмарку, – вздохнул он.

Реплика эта не была предназначена ни собеседнику (Франк пребывал в одиночестве), ни гипотетическому «невидимому свидетелю» (таковые в его дела обычно не лезли), ни даже себе. Просто – само сказалось, вырвалось нечаянно. Не гоняться же теперь по дому за слабыми отголосками звуков...

Согласно режиссерскому замыслу Франка эта встреча должна была состояться несколько позже. Он, как никто другой, понимал нелепость определения «не вовремя»: все всегда случается лишь в назначенное время; другое дело, что predetermined ход вещей не всегда согласуется с планами, человеческими... и не

только. Что ж, Ключник тоже может ошибиться. Не так уж часто это случается и, следует признать, освежает. Этакая зарядка для души, шарада, дарованная свыше.

– Парень теперь совсем свихнется, небось. – Франк махнул на все рукой и тихонько засмеялся. – Вот ведь влип! Мало того, что ничего не помнит, ничего не понимает и слишком многое предчувствует, так теперь еще и сюда забрался. И ведь невозможно не пустить! Вон как глаза горят. Такого поди не пусти, он от дома пепелище оставит... Ладно. Пусть себе погуляет по коридору. А я тут посижу, погляжу, как у него это получится. От задушевной беседы пока воздержимся. Будем считать, что меня вовсе нет дома. Вышел, скажем, за хлебом и спичками. Так даже забавно...

Подкрепляя слова делом, он запер дверь своей комнаты на ключ. Ключ, как всегда проглотил – не потому что питал слабость к цирковым фокусам (вообще-то питал). Просто самые ценные вещи следует хранить под сердцем. Для Франка это была не метафора, а мелкая профессиональная тайна. Одна из множества.

49. Охин-Тенгри

...чтобы подать весть о себе, пишет свое имя на крыле луны, почитавшегося <...> священной птицей.

Накрыв ладонью дверную ручку, обнаруживаю, что можно, оказывается, стать законным владельцем двух противоречащих друг другу воспоминаний.

С одной стороны, я совершенно точно знал, голову мог дать на отсечение, что никогда прежде здесь не был. В то же время я отлично помнил (все ту же

многострадальную голову все на ту же неприятную процедуру готов был прозакладывать), как однажды стоял на этом самом крыльце. Только в тот раз (если он вообще существовал, сей гипотетический «тот раз») я почему-то робел, не решался войти, а сейчас если и волновался, то скорее от радости, словно бы домой вернулся.

По большому счету, лишь это ощущение и имело значение, а противоречивые воспоминания – так, пустяк, острая приправа к основному блюду. Пусть будут, если это кому-нибудь нужно. Мне все равно. Я – *дома*.

И не в том вовсе дело, что я помню расположение комнат или, скажем, знаю заранее, какого цвета будет коврик в коридоре (не помню, не знаю и знать не хочу). Просто мне вовсе не требуются доказательства такого рода. Нет нужды проверять себя, отгадывать загадки, копить улики, заглядывать озабоченно в конец задачника, где опубликован список правильных ответов. Я *знаю*, что вернулся домой, этого достаточно.

Вхожу. Первое, главное, единственно безошибочное впечатление – запах. Я – обонятельное существо, чуткий зверек. Не сказать, чтобы я так уж хорошо распознавал ароматы; носу моему далеко до хитроумного дегустаторского устройства, о собачьих же талантах и мечтать не приходится. Просто запахи имеют для меня первостепенное значение. Они важнее всех прочих сигналов извне, они – фундамент моих инстинктов, которые превыше логики. Скажем, если бы мне пришлось выбирать, где прятаться от преследователей-убийц, я бы вопреки здравому смыслу предпочел затаиться в ярко освещенной стеклянной кондитерской, среди ароматов выпечки, ванили и шоколада, а не за надежной стальной

дверью, охраняющей, к примеру, вход на какой-нибудь фармацевтический склад. «Потому что идиот», – так объясняет этот феномен мой разум, но тело-то отлично знает, что место, благоухающее корицей, кофе и ромом, не допустит батальных сцен с летальным исходом, а вот в ядовитом тумане лекарственных испарений можно окочуриться совершенно самостоятельно, не дожидаясь стороннего вмешательства.

Итак, здесь, в доме, пахло свежеструганным деревом и сладким трубочным табаком, молотым кофе и пихтовым лаком, чуть-чуть сыростью, чуть-чуть чайными розами и еще почему-то малиновыми леденцами. Мой нос утверждал, что это – одна из лучших смесей, какие ему когда-либо доводилось вдыхать. Инстинкты тут же расслабились и с восторженным визгом разбежались по организму: они мгновенно уверовали, что здесь мне ничего не угрожает; более того, если и существует где-нибудь во Вселенной абсолютно безопасное для меня место – то вот же оно!

Разум же, напротив, предпочел оставаться настороже. Для равновесия. Он, разум, предлагал мне постоять на пороге, оглядеться и только потом (а еще лучше – никогда) топтать дальше. Насчет «никогда» я с ним, понятно, не мог согласиться, но оглядеться – почему бы и нет?

Оглядываюсь.

В коридоре не горят лампы, но я все же могу различить темные и светлые полосы ковра под ногами, несколько бледных пятен входных дверей по обеим сторонам прохода, геометрическую конструкцию (вешалку?) в углу. Все вроде бы.

Зачем-то поднимаю глаза к потолку и обнаруживаю там ночное звездное небо. Причем близко совсем, метрах в четырех-пяти над собственной макушкой, никак не выше. В то же время не чувствую ни дуновения ветра, ни уличного шума, ни иных каких-нибудь доказательств, что в помещении действительно нет крыши. Напротив, абсолютно очевидно, что я нахожусь в замкнутом, закупоренном пространстве, надежно отгороженном от внешнего мира... Вот именно. Возможно, даже слишком надежно отгороженном. Так мне почему-то кажется.

Впрочем, я почти тут же вспоминаю, что однажды видел уже эти звезды над головой и точно так же удивлялся, недоумевал. Сердился даже.

– Одежаветь можно, – говорю вслух.

Демонстративно пожимаю плечами, словно бы подвожу черту под сумбурным вступлением к *настоящему событию*. И открываю дверь, ведущую в одну из комнат. Сколько можно топтаться на пороге?

Вхожу. Здесь не так темно, как в коридоре, но и не слишком светло: окна закрыты ставнями. Сквозь щели, правда, пробиваются яркие солнечные лучи. В коридоре было звездное небо, а тут – солнце. Ладно, пусть будет солнце, если так надо. Я сегодня на диво покладистый.

Ароматы кофе, сырости и малиновых леденцов ослабли, зато деревом, лаком и трубкой здесь пахнет куда сильнее, чем прежде. Скорее не комната, а мастерская. Пол устлан некрашеными досками. Большой рабочий стол, на краю столешницы закреплены тиски, на противоположном конце стола аккуратно разложены какие-то столярные инструменты, баночки, кисти. Вдоль стен – стеллажи, на полках – все та же ремесленная утварь, лишь на самом верху – чучело белой совы,

единственное украшение интерьера. В углу свалены обрубки древесных стволов, ветки, дощечки и прочая мелочь. Чувствую, что в этом помещении мне нравится. Здесь хорошо и спокойно. Легко на сердце, да и разум, наконец, угомонился. Вопросов больше не имеет, хотя должен бы их накопить, теоретически говоря. Как минимум, сотню.

Подхожу к окну, открываю ставень. И то, и другое – почти машинально, без конкретной цели. Если бы меня спросили: зачем? – ответить было бы нечего.

Сначала вижу кустарник неведомой породы. Красновато-зеленые листья, мелкие лиловые цветочки, похожие на карликовые анютины глазки, – никогда прежде не видел таких растений. Это, впрочем, не вызывает у меня особых подозрений: в ботанике я слаб, да и с памятью в последнее время проблемы. Где уж мне кустарники распознавать, когда я собственную мать, если, конечно, таковая у меня обнаружится, вряд ли узнаю...

Но куст – лишь первая, незначительная странность. Выглянув в окно, я обнаруживаю, что небо над головой выглядит как-то не так. Цвет небесной тверди лазурным не назовешь. Белобрысая, обесцвеченная бесконечность сияет над моей головой. Все бы ничего, но в солнечную погоду небо должно быть голубым. Вот в пасмурный зимний день такая бледность была бы вполне уместна. Но цветущий кустарник, горячий воздух, оранжевый шарик солнца, преодолевший половину положенного пути не то к зениту, не то к горизонту, – все это требует сапфировой синевы, ультрамарина, бирюзы... Впрочем, ладно. Не мне соваться в дела небесные. С земными бы разобраться.

Что касается земных дел, тут тоже все непросто. Вместо зеленого забора, сельских домишек на фоне индустриального пейзажа и металлических гаражей, передо мною открывается изумительной красоты панорама. Вид с холма на густые сады, роскошные виллы под островерхими крышами, блестящую полосу реки, гибкие мосты... А на другом берегу, кажется, раскинулся настоящий город-музей: отсюда я могу разглядеть лишь острые шпили да причудливые башни. «Господи, как же там, наверное, здорово!» – невольно думаю я, впиваясь пальцами в подоконник. Не знаю, с чего я это взял, но в тот момент мне было совершенно ясно: там, в этом городе, мне будет так хорошо, как никогда и нигде еще не было... Наваждение какое-то!

Соблазн вылезти в окно велик, однако я не спешу. Я еще ничего не понимаю, но уже начинаю предчувствовать, что всякое мое действие может стать необратимым. Что вскоре непременно выяснится: любая дверь, любое окно может служить здесь или входом, или выходом, а не тем и другим одновременно, как это обычно бывает. Что в пространстве этом невозможно вернуться к исходному пункту, что даже понятие «возвращение» отсутствует в здешней системе символов. Что нет иной точки отсчета, кроме самого путника, а значит, возвращаться некуда, кроме как к самому себе. На смену привычному кругу пришла искривленная восьмерка, не то математический символ бесконечности, не то схематический портрет ленты Мёбиуса.

В общем, я откуда-то знал, что должен выбирать: оставаться в доме или углубиться в сад. Или одно, или другое.

– Наверное, все-таки погуляю там, – говорю нерешительно вслух. – А то ведь локти потом изгрызу...

Чучело совы вдруг втягивает голову в плечи, белые перья на загривке птицы встают дыбом. Она хлопает крыльями и повелительно мотает головой из стороны в сторону. Совершенно отчетливый отрицательный жест. Ставень с глухим стуком захлопывается. Но мне уже не до законного рая. Я смотрю на птицу, которую только что считал мертвой тушкой, пыльной деталью интерьера. Мне не померещилось. Не померещилось ведь? Сова живая?! Просто спала? Или ожила только что специально для того, чтобы запретить мне покидать дом? Ну ни фига себе метаморфозы!

Чтобы окончательно развеять мои сомнения, птица срывается с места, тяжело взмахивая крыльями, облетает комнату и опускается мне на правое плечо. Пушистые перья щекочут ухо и щеку. «Сейчас ведь клюнет, – обреченно думаю я. – Хоть бы глаза не выклевала!»

Но птица не нападает. Просто сидит на моем плече, слегка царапает его коготками сквозь плотную джинсовую ткань. Я чувствую, как она копошится, устраиваясь поудобнее. Наконец сова замирает. Я стою столбом, боюсь пошевелиться: а вдруг все же клюнет? Хищник ведь, не воробей какой-нибудь...

Спустя примерно четверть часа понимаю, что нужно как-то менять ситуацию. Потому что я не могу посвятить этой сове остаток жизни. У меня нет таланта к работе птичьим насестом. В этом смысле я совершенно бездарен: мне даже на протяжении минуты трудно сохранять неподвижность. И осваивать это непростое искусство, честно говоря, не хочется. По крайней мере, не сейчас.

«Надо, – думаю, – пошевелить плечом. Может быть, сова решит, что родной стеллаж лучше, чем я? И полетит на место... А если обидится и клюнет? Херово будет, другой. Ой, херово...»

В поисках выхода обшариваю комнату глазами. Наконец обнаруживаю на нижней полке жестяное ведро. Вот и решение проблемы.

Очень аккуратно, стараясь не потревожить раньше времени взгромоздившуюся на меня птицу, тянусь за ведром. Оно совсем близко, только присесть чуть-чуть надо, чтобы его достать. Присесть так, чтобы задремавшая на плече птица ничего не заметила – упражнение непростое, но иного выхода нет. Медленно-медленно сгибаю ноги в коленях. Протягиваю к ведру свободную левую руку – ага, есть! Молниеносным движением нахлобучиваю ведро на голову и тут же отчаянно дергаю правым плечом: даю сове понять, что близость со мною не принесет ей ни покоя, ни комфорта. Чувствую, что плечо свободно, но вместо шума крыльев слышу лишь глухой стук. В обморок она, что ли, грохнулась? Изумляюсь, но с ведром не расстаюсь еще секунд десять. Потом, наконец, любопытство пересилило нерешительность. Я не стал снимать ведро с головы, а лишь сдвинул его так, чтобы иметь возможность снова нахлобучить в случае опасности.

Сова неподвижно лежала на полу. Господи, неужели умерла? От страха, когда я плечом дернул? Секунды полторы сутулюсь под бременем вины, а потом до меня доходит, что сова – птица серьезная. Не канарейка какая-нибудь. Ее такой ерундой до ручки не доведешь, пожалуй.

Опускаюсь на колени, чтобы получше разглядеть птицу. И вижу перед собой пыльное чучело со стеклянными глазами. Именно чучело, а не труп. В некоторых местах швы разошлись, из них торчат стружки, так что – никаких сомнений.

– И кто же тогда по комнате летал? – спрашиваю жалобно, ни к кому не обращаясь.

Нет ответа. Впрочем, я и не надеялся.

Прикоснуться к чучелу мне не хочется, но оставлять после себя бардак – совсем уж свинство. Придвигаю к стеллажу деревянный табурет и ставлю сову на место, на самую верхнюю полку. Колени все еще дрожат, поэтому, слезая с табурета, спотыкаюсь, одной рукой хватаюсь за стеллаж, а другой – за собственную куртку. Бестолковый, но символический жест: за кого и хвататься в безвыходной ситуации, если не за себя самого? То-то же...

На ногах я все же устоял, ничего не разрушил, даже табурет не уронил. И то хорошо. А вот из кармана куртки вылетела скомканная бумажка. Ну да, конечно, та самая записка из зеленой машины, из-за которой я, собственно, и поперся в этот дом. Записка с чудесным постскриптумом: «*Ты там держись, ладно?*»

Я решил спрятать ее понадежнее. В нагрудный, скажем, карман. И на пуговицу его застегнуть. А для начала надо бы сложить аккуратно драгоценный листок. А то скомкал, как грязную промокашку. Засранец.

Расправляю записку и вдруг вижу, что содержание ее переменялось.

Я не хотела тебя пугать. Просто тебе пока нельзя вылезать в это окно. И в другие окна тоже

не нужно вылезать: заблудишься, заплутаешь. Если уж смог зайти в дом, постарайся тут оставаться, пока не захочешь спать. Очень будет здорово, если ты тут уснешь. Сам увидишь.

А вот постскрипtum на месте: «*Ты там держись, ладно?»*»

Ладно. По крайней мере, буду стараться. Сделаю, что могу и еще немножко. А потом – поглядим.

50. Очокочи

Очокочи лишен дара речи, но звуки его голоса наводят на людей панический ужас.

Сидеть в одной комнате с чучелом совы я, однако, не намерен. Предвижу, что спать мне в этом помещении захочется ох как не скоро.

В окно, впрочем, не лезу. Если уж выпало мне невероятное счастье получать хоть какие-то инструкции, буду им следовать. Иду к двери, почему-то на цыпочках. Словно боюсь потревожить сову. А ну как...

Нет. Даже думать об этом не стану.

И вот, когда десница моя опускается на дверную ручку, позади раздается ухающий, клекочущий хохот. Не птичий, но и не человеческий. Даже так: *нечеловеческий*. Одним, то есть, словом. Без пробела.

Коротко взыв от ужаса, тяну дверь на себя. Без толку. Уханье за спиной становится более искренним, в нем появляются теплые, издевательские нотки. Кажется, неведомое чудище от души потешается над моей глупостью. Это отчасти успокаивает. Думаю: возможно, я

настолько смешон, что меня не съедят сразу. Пищи вокруг – завались, а хорошие комики – на вес золота, поэтому самый смешной персонаж всегда умирает последним, а то и вовсе не умирает, и это мой единственный шанс...

Ну то есть, честно говоря, ничего такого я не думал тогда, не до думанья мне было; забавная формулировка родилась позже, когда не только гипотетическая опасность миновала, но и восторги по поводу чудесного избавления схлынули. Но сознание собственной нелепости действительно оказало на меня благотворное действие. Я не то чтобы успокоился, но хоть в состояние контролируемой истерики эволюционировал. То есть перестал выламывать дверную ручку. И даже попытался найти и опробовать какой-нибудь альтернативный вариант поведения. Например...

Ну да. Естественно.

Секунду спустя я обнаружил, что, как всякий уважающий себя комический персонаж, тянул дверь не в ту сторону. Она открывалась не внутрь, а наружу, в полном соответствии с правилами пожарной безопасности.

Выскочив в коридор, я захлопнул дверь и для надежности навалился на нее спиной. Постоял, обливаясь холодным, шипящим, газированным потом. Прислушался. Вроде тихо. Смешливые обитатели преисподней не спешили снаряжать за мной погоню. И то верно: на кой я им сдался? У них там, если верить суровому Данту, и без меня такая VIP-тусовка собралась – закачаешься.

51. Ошхамахо

В адыгской мифологии <...> местопребывание богов.

Следующим номером программы у нас значилась внутренняя борьба. В красном углу – страстное желание убежать куда глаза глядят, оглашая окрестности жизнерадостным воем перепуганного младенца тридцати с лишним лет от роду. В синем углу, соответственно, топчется облаченное в махровый халат любопытство. Оно не рвется в бой. Ощущает себя боксером, которого по ошибке выпустили на ринг в составе другой весовой категории. И надо бы указать гражданам арбитрам на вопиющую их ошибку, но...

Обреченно махнув рукой, любопытство мое разоблачается, принимает боевую стойку и... побеждает нокаутом в первом же раунде, к изумлению публики и играющего тренера в моем лице.

Я, оказывается, храбрый. Я остаюсь.

И даже решаюсь приоткрыть следующую дверь.

Там хорошо. Там пахнет сандаловыми благовониями, сухими розами и морскими водорослями. В комнате почти нет мебели, зато пол устлан ковром и усыпан пестрыми подушками в духе «Тысячи и одной ночи». В ближайшем ко входу углу припаркован чайный столик на колесиках. Он немного выбивается из общего стиля, зато чертовски удобная вещь: вместо того чтобы тянуться за посудой и прочими предметами, ленивые гости могут добродушными пинками гонять полезную тележку от одного алчущего к другому. Вспоминаю, что у

меня самого был когда-то подобный столик, только вот где, когда? Нет ответа. Очко достается команде соперников. И черт с ним, с очком...

В комнате никого нет, зато окно распахнуто настежь. Из сада доносятся негромкие голоса. Вполне человеческие голоса, не клекот какой-нибудь потусторонний. Поэтому я решаюсь пересечь комнату, подойти к окну и прислушаться. Странное дело: голоса звучат довольно отчетливо, обладатели их, вероятно, где-то рядом, но мне не удается различить ни слова. Даже на каком языке они говорят, не понимаю.

Усаживаюсь на подоконник, осторожно высовываюсь в окно. Памятуя о давешнем предостережении, даю себе честное слово, что не вывалюсь наружу. Только принохаюсь, посмотрю и послушаю – вдруг там, за соседним углом диктуют сейчас ответы на все мои вопросы, а я, дурак, тетрадку не приготовил – записать.

Стоило высунуться наружу, и картина разительно переменялась. Теперь я отчетливо видел компанию из пяти человек, развалившихся в шезлонгах, метрах в пяти всего от распахнутого окна, в тени высоких деревьев с белой корой и алыми, как у осенних кленов, кронами. Да и толмач мне больше не требовался: я отлично все понимал, кроме разве что фраз, произнесенных совсем уж интимным шепотом на ушко соседке.

Компания была та еще.

Номер первый. Лысый, загорелый моложавый бугай, одетый, как приехавший на курорт спецназовец: выдавшие виды камуфляжные шорты, безрукавка цвета хаки, тоже пятнистая, но от пота; голые ноги обуты в пудовые армейские ботинки. В зубах погасшая сигара, на

плече татуировка, изображающая красивого вампира женского пола. И лишь на левом запястье неожиданное цветное пятно: тонкий бисерный браслет, вроде тех, что носят студентки-первокурсницы, временно очарованные не столько идеологией, сколько эстетикой хиппи.

Номер второй. Хрупкая старушка в белом платье, похожем на скромный свадебный наряд: кружева на подоле, рукава-фонарики, белая тряпичная роза на поясе. В смуглых морщинистых руках – еще одна белая роза, на сей раз живая. Третий цветок, кажется, склеен из бумаги и размещен на красной соломенной шляпке. Из-под платья выглядывают острые носочки красных лакированных туфель. Трогательную картинку несколько нарушают крутые мотоциклетные очки ультрамодного дизайна с черными зеркальными стеклами. Слово бы у внука взяла примерить, смеху ради, да забыла вернуть.

Номер три. Изящная блондинка средних лет в синем рабочем комбинезоне, надетом, кажется, прямо на голое тело. Голову ее украшал венок из желтых кувшинок, на коленях лежал чудовищный старый баян. Время от времени блондинка разводила меха и даже исполняла несколько пронзительных аккордов, словно бы дополняя музыкальным визгом свою тихую, ровную речь.

Номер четыре. Невысокий худощавый мужчина с аккуратной, коротко подстриженной бородкой. С виду – типичный кандидат каких-нибудь гуманитарных наук. Невзирая на летнюю жару, он кутался в длинное зимнее пальто с каракулевым воротником. Из-под пальто, впрочем, выглядывали босые ступни. Время от времени он с удовольствием шевелил пальцами ног, по-обезьяньи длинными и подвижными.

Номером пятым значилось существо неопределенного пола. Не то худощавая девочка, не то красивый мальчик. Крупные, но тонкие черты лица, волосы, собранные в хвост, джинсовая куртка и светлые льняные брюки, длинные узкие кисти рук могли принадлежать кому угодно. Прекрасный андрогин не принимал участия в разговоре. Отстраненно улыбался и покачивал головой в такт одному лишь ему слышной музыке, обитавшей, вероятно, в серебристых наушниках карманного плеера. Но и тут не обошлось без странностей. В руках у этого совершенного создания природы был небольшой кокосовый орех. Время от времени создание с громким треском откусывало от него кусочек вместе с твердой мохнатой скорлупой.

Тем не менее компания в саду мне скорее понравилась. Эти люди производили впечатление актеров, собравшихся на второе, или, скажем, третье чтение пьесы о сумасшедшем доме: уже начали понемногу осваиваться с новыми ролями, даже костюмы примерили, но до полного слияния с образом требовалось еще много времени и усилий.

– О! – торжественно сказала блондинка, поднимая указательный палец. И уставилась на меня: – У нас гость! – Баян в ее руках тут же пронзительно замаякал некое подобие туша.

– Только сиди, где сидишь, – поспешно предупредила старушка. – Целиком в сад не вылезай пока: заблудишься. Мы и сами здесь заблудились когда-то, было дело...

– Вас можно поздравить, – улыбнулся мне лысый «спецназовец». – Вы прекрасно освоились в доме, если смогли обнаружить наше убежище.

Вопреки моим ожиданиям у него оказался тихий бархатный баритон, а интонации напоминали учительские. К тому же он единственный из всей компании обращался ко мне на «вы» и церемонно раздвигал уголки губ, сопровождая всякую фразу вежливой, ни к чему не обязывающей улыбкой.

– Как настроение? – добродушно поинтересовался дядечка в зимнем пальто.

– Да ты на нас погляди, сразу поймешь, какое у него настроение! – расхохоталась блондинка. – У меня теперь есть баян, видишь? А Триша как одета – хоть сейчас под венец! А ты сам – босяк. Умора! – Она повернулась ко мне и заговорщически подмигнула: – Думаешь, мы и правда такие придурки? Не-е-етушки! Это ты нас так разукрасил. Настоящий художник, что с тебя взять!

– Не смущайтесь, – сочувственно сказал мне «спецназовец». Он явно взялся меня опекать. – Просто наш внешний вид и правда отчасти зависит от наблюдателя. Вы увидели нас симпатичными, но довольно нелепыми людьми. Это значит, что в настоящее время вы испытываете некоторый душевный разлад, но природное легкомыслие и привычка видеть вещи в комическом свете помогают вам держаться на плаву. Это неплохо для начала. Очень неплохо.

– И как тебе нравится быть живым? – вдруг спросил андрогин, не оборачиваясь ко мне и не снимая наушники. Очевидно, вопрос был риторическим. Ответа от меня никто не ждал. Но я все же ответил: надо же с чего-то начинать разговор.

– Мне очень нравится быть живым, – говорю. – Думаю, в ближайшие годы это станет моим основным занятием. Очень уж увлекательно.

Я-то хотел вложить в свое заявление максимальную дозу сарказма, но оно прозвучало на удивление серьезно. Этакая декларация о намерениях. Внимайте и трепещите.

П

52. Паук

«Я был хитер, я придумал хитрость».

К моему удивлению, незнакомцы не подняли меня на смех, а серьезно покивали и уставились на меня с удвоенным любопытством. Только андрогин равнодушно хрупнул ореховой скорлупой в наступившей тишине.

– Это хорошо, что тебе нравится, – наконец сказала блондинка. – Другой на твоём месте взвыл бы, небось: из хрустального-то поднебесья – да в земную, как говорится, юдоль. А ты молодец. Не ноешь.

И я чувствую, что у меня начинает сладко дрожать и таять сердце. Не от похвалы её, конечно. От внезапно обретенной смутной надежды.

– Так оно было, – спрашиваю, – это «поднебесье»?

– А как ты думал? – строго смотрит на меня «доцент» в пальто.

Отвечаю честно, как на исповеди:

– Думал, что мне приснился странный сон. Настолько правдоподобный, что пробудившись, я забыл жизнь, которая была до этого сна. Впрочем, сон тоже забыл – отчасти. Осталось несколько прелестных, бессвязных обрывков. Примерно так как-то я себе все объяснял.

– Ты не так уж много забыл, – качает головой старушка в мотоциклетных очках. – Так, несколько лиц и

имен, десяток-другой эпизодов да пару ключевых фрагментов финального диалога. Впрочем, тебе и забывать-то было почти нечего... Но это не значит, что тебе нечего вспоминать. Теперь только этим и будешь заниматься: таскать чужие воспоминания из соседского сада. Тебе понравится.

– Чужие – чьи? – Я действительно ничего не понимаю.

– Того хитреца, который всучил тебе свою человеческую судьбу.

– А есть где-то такой хитрец? – изумляюсь.

– Есть, конечно. Иногда ты видишь его в зеркале. То есть не всякое отражение – портрет твоего хитроумного двойника, но иногда он все же выглядывает. Любопытно ему, знаешь ли. Впрочем, всякому на его месте было бы любопытно...

– Стоп. – Я невольно прикрываю руками лицо, словно бы защититься стараюсь от избыточной информации. – Я ничего не понимаю. У вас тут не заседание клуба любителей Кэрролла случайно? Имеете в виду: Алиса из меня фиговая. Маленькие девочки обычно сообразительнее и храбрее, чем взрослые дядьки...

– Удивительно верное наблюдение, – перебивает меня «спецназовец».

Его дружки тихонько хихикают, «доцент» извлекает из-под пальто бутылку шампанского и предлагает тост за маленьких девочек, блондинка выжимает из полумертвого баяна припев песенки про отважного капитана, равнодушный ко всему андрогин с грохотом пожирает кокосовую скорлупу. Я смущенно умолкаю.

Вдруг стало понятно: мне тут нечего ловить. Только голову заморочат, а то и защекочат чего доброго, как русалки одинокого путника, с них станется. Психи. Уроды.

53. Петр

«Я сделаю, что вы будете ловцами человеков».

Спрыгиваю с подоконника, пересекаю комнату, выхожу в коридор. Открываю следующую дверь. Передо мной – детская спальня. На обоях нарисованы кораблики, якоря и пингвины, на полу проложены рельсы игрушечной железной дороги, по стульям тусуется разнокалиберный взвод плюшевых мишек. В центре комнаты – двухэтажная кровать, заоблачная мечта любого ребенка.

При всем при том компания садовых психов уже здесь, в полном составе. Устроились в детской кроватке: внизу – «спецназовец» в обнимку со старушкой, наверху – блондинка с баяном, «доцент» и андрогин. Все хохочут, натянув одеяла до подбородков. Им кажется, вероятно, что это – лучшая шутка недели, вершина хит-парада домашних развлечений. Мне бы надо испугаться, но я, кажется, сержусь.

– Тьфу ты, блядство какое! – говорю в сердцах.

От избытка эмоций слюна вылетает изо рта вместе с фразой и с шипением падает на ковер.

Смотрю и глазам своим не верю: на полосатом половичке образовалась небольшая, но заметная прореха. Рваные края кажутся оплавленными. Тупо разглядываю дыру, не в силах поверить, что моя

собственная слюна каким-то образом причастна к ее образованию. Еще один дурацкий розыгрыш?

– Что ж ты, падла, коврик дитю испортил? – укоризненным басом спрашивает старушка. В наступившей тишине ее голос звучит, как труба архангела.

Придурки под одеялами стонут от смеха. А меня почему-то охватывает ледяной, неописуемый, ни с чем не сравнимый ужас. Причем боюсь я не веселых своих знакомцев, а себя. Точнее, быть собой. Даже не так: мне страшно *находиться внутри себя*. Это похоже на острый приступ клаустрофобии: собственное тело представляется мне чем-то вроде непрочного фанерного ящика, выброшенного в открытый космос с борта орбитальной станции. Мало того, что мне тесно, неудобно и холодно, – я, кроме всего, знаю, что непрочная эта конструкция совершенно не приспособлена к космическим путешествиям. А значит, скоро, очень скоро, в темнице моей закончится воздух, и...

И все, собственно. Чего ж еще?

Отступаю назад, захлопываю дверь, бегу по коридору. Возможно, даже кричу. Или просто хочу закричать. Хрен поймешь, что я там на самом деле вытворяю. Но мне кажется, что именно бегу и кричу. Пока не утыкаюсь носом в еще одну дверь. Но не отпираю ее, а плачу, как ребенок, горько, взхлеб. Долго. Это, к слову сказать, работает: я вдруг понимаю, что ужас ушел. Остался обычный бытовой страх растерянного человека, попавшего в невероятные обстоятельства. Но ледяного, жгучего, живые внутренности пожирающего ужаса больше нет. И это

славно. Так славно, что я продолжаю хлюпать носом – теперь уже от облегчения.

Дверь отворяется сама. Чьи-то сильные руки обнимают меня за плечи, нежно влекут за собой. «Я тебя поймала!» – торжествующе объявляет звонкий мальчишеский альти.

Я не решаюсь поднять глаза. Во-первых, мне страшно: неизвестно еще, что там за лик меня ждет... А во-вторых, очень стыдно. Одно дело – реветь в полном одиночестве. И совсем другое – в постороннюю женскую грудь покрасневшими, сырыми органами зрения да обоняния уткнуться. Нехорошо получилось.

– Вот так примерно и выглядит честный ответ на мой вопрос, – говорит великодушная незнакомка.

Я наконец набираюсь мужества посмотреть в лицо обладательнице сильных рук и размеренно тикающего сердца. Без особого удивления понимаю, что передо мной – то самое существо, которое я называл про себя «андрогином». Все-таки девушкой оказалась эта безучастная любительница музыки и кокосовой скорлупы.

– Не понимаю, – вздыхаю, имея в виду не то ее странную реплику, не то общее состояние дел.

– Я задала только один вопрос: нравится ли тебе быть живым. И ты что-то такое невразумительное мяукнул. Конечно, настоящий ответ там и близко не валялся. Но теперь ты сам знаешь, что такое быть живым. Быть живым очень страшно, правда? Быть живым – это значит содрогаться от невыразимого ужаса, вслепую метаться по темному коридору, кричать и не докричаться, ослабеть от слез и обнаружить, что слабому

– легче, потому что настоящий ужас требует много, очень много сил... И – если еще повезет! – случайно уткнуться носом в нужную дверь. Тебе повезло, ты уткнулся туда, куда требовалось.

– Почему «повезло»? – спрашиваю.

Мне, в общем, все равно, ответит она или нет. Я пока скорее голосовые связки тестирую, чем осмысленно общаюсь. Но она ответила.

– Потому что в этой комнате нет места дурацким розыгрышам. Это – библиотека. Вообще-то предполагалось, что сюда ты не забредешь. Не в этот раз, по крайней мере: слишком уж далеко от входа. Но ты так скакал по коридору...

Я невольно улыбаюсь. Звук ее голоса влияет на меня благоприятным образом. Успокаивает, но не убаюкивает. Даже способность соображать возвращается ко мне помаленьку. И это славно: я ею весьма дорожу.

– Именно «скакал»? – повторяю машинально.

Сам понимаю, что чушь мету. Исправляюсь. Спрашиваю о том, что меня действительно беспокоит:

– Это ведь не ты была в зеленой машине? Там сидела какая-то другая женщина.

– В зеленой машине? – хмурится она. – Вряд ли. Потому что я не понимаю, о чем речь...

– Я имею в виду зеленую машину, за которой гнался. И приехал сюда. За рулем была женщина, которая показалась мне знакомой. Я очень хотел с ней поговорить: я ведь действительно ничего не помню. Все забыл, как отрезало... И вдруг знакомое лицо! Я решил ехать следом. Машина остановилась у вашего забора, я

тоже, но, когда я вышел, женщины уже нигде не было... Думаю, это все же не ты.

– Не я, – соглашается равнодушно. – Более того, я по-прежнему не понимаю, о чем ты говоришь. Я, видишь ли, не знаю всех подробностей вашего нынешнего бытия... Машины какие-то зеленые, рули, заборы, – вздыхает она. – Зачем они нужны? Впрочем, должно же быть хоть что-то! Некий набор исходных образов для коллективных манипуляций...

Больше всего на свете мне сейчас хочется демонстративно сунуть палец в нос и замычать нечто невразумительное. Дескать, нам, великовозрастным сельским дебилам, все нипочем. Нет, ну в самом деле! Если уж берешься читать лекцию для одного слушателя, позаботься, чтобы несчастный понимал хотя бы половину твоих тезисов.

– Это пустяки, – смеется девочка-мальчик, – просто мысли вслух. – Кажется, она почувствовала мое возмущение и нашла его забавным. – Извини, не хотела тебя путать. Ты уже и без моей помощи запутался.

– Именно, – ухмыляюсь. – Началось с потери памяти. Потом чудища из зеркал полезли. Потом...

– Не нужно мне все это пересказывать. – Она поднимает руку, словно бы желая возвести некий материальный барьер, сквозь который не проникнет моя бессвязная, но обильная информация. – Пустая трата времени – рассказывать о себе, оказавшись в единственном месте, где о себе можно слушать, а не говорить... Ну да, ты еще не понял. Повторяю: тебе повезло. Ты попал в *библиотеку*. Это – единственное место в доме, которое обязывает нас быть внятными. В библиотеке никто не смеет морочить другому голову.

Есть шанс узнать некоторые вещи, которые покажутся тебе важными. Более того, возможно, они действительно являются важными. Вполне, знаешь ли, возможно.

На сей раз до меня наконец дошло. Я молча кивнул, огляделся в поисках места для долгой беседы. Но комната была абсолютно пуста. Я так и не понял, почему она называлась «библиотекой»: ни книжных стеллажей, ни самих книг тут тоже не было. Ну да я уже понял, что в этом монастыре не только мой устав не работает, здесь на свои-то собственные уставы давно забили...

– Можно сидеть на полу, – советует девушка. – А еще лучше – лежать. Самые лучшие разговоры случаются, когда собеседники лежат. Не знаю уж почему, но это так.

54. Письмена

Это сообщение может быть обращено к другому или самому себе (запись на память, т. н. меморат), но, строго говоря, не предполагает непременно дешифровки. <...> Многие письма долгое время оставались или остаются нерасшифрованными, что не мешает им быть элементами мифопоэтической системы...

Послушно укладываюсь на пол. На живот, как пляжник. Подпираю подбородок кулаками. Действительно, вполне комфортная поза. Да и пол теплый, словно оборудован специальным подогревом. Дурацкая, впрочем, идея: откуда бы взяться всяким буржуйским технологиям в этой пустой комнате, под неровно окрашенными досками цвета засохшего меда?

– А почему «библиотека»? Здесь ведь нет книг.

– Почему же, – смеется девочка-мальчик, усаживаясь по-турецки напротив меня, так, что ее лицо белеет теперь над моей головой, как исхудавшая луна. – Здесь хранятся книги, которые пока не написаны. Многие, впрочем, не будут написаны никогда. Знаешь, как это бывает: люди часто думают, что неплохо бы написать книжку о том, как... – далее следует короткий, в несколько слов втиснутый, или путаный, многословный замысел. Иногда сочиняют название, порой даже персонажей придумывают. Некоторые успевают сотворить несколько абзацев и только потом отказываются от своей затеи. Эта комната – своего рода лимб для ненаписанных книг. Единственное место, где они воплощены. Просто ты их не видишь, как и многих других вещей здесь, в доме. Вот существо, которое еще недавно сидело в красном кресле – о, оно могло бы даже прочитать эти книги! Но эта способность когда-нибудь к тебе вернется... наверное. Гарантий, как ты понимаешь, в таких делах никто дать не может.

– Существо в красном кресле? Кто оно?

– Ты был им, – говорит женщина. – Неужели забыл? Должен бы помнить.

Мне хочется возразить. Дескать, что значит – «был»? Да, нечто в таком роде мне снилось, но с каких это пор видеть во сне и «быть» – одно и то же? Но я благоразумно помалкиваю. Ответ и без того известен: в твоём случае, дружище, видеть во сне – и значит «быть». Другого способа «быть» для тебя пока не предвидится. Эх ты, морок хренов...

– Почему? – спрашиваю. – Почему все так по-дурацки? Почему все запутано? Какого хрена я ни фига не понимаю? Кто я? Зачем? Откуда взялся? И если

уж получается, что я – невесть кто, чудище марсианское, нелюдь замысловатая, то почему чувствую себя, как самый обыкновенный человек, глупый, беспомощный, да еще и полусумасшедший?!

– Да потому, что ты – «нелюдь», обменявшаяся судьбами с человеком. Так уж тебе повезло: двойник твой – недобрый колдун и веселый хитрец, ты и сам не заметил, как он всучил тебе московские тротуары вместо уютного твоего Поднебесья и человеческие глаза, способные смотреть, но не видеть. А сам, понятно, был таков. Впрочем, он ведал, что творил, а посему – заслужил. Что сделано, то сделано. Теперь уж терпи! Впрочем, вам обоим это на пользу. Куда как лучше, чем сниться друг другу всю жизнь да из зеркал изредка переглядываться...

Разум мой захотел было изумиться, да вовремя передумал. Тут уж одно из двух: или визжать, заткнув уши, или расслабиться, да на ус мотать непрошенные эти откровения, ответы на вопросы, которых я не задавал. Поза, которую я принял: лежа на брюхе, с расслабленными мышцами и полузакрытыми глазами, – predetermined choice. Мне говорить-то было лень, какой уж там визг...

– Зачем все так сложно? – вздыхаю сонно. – Причудливая картина мира получается: какой-то двойник, какой-то обмен судьбами, таинственные намеки, смутные воспоминания, вещие сны. Для истории болезни – в самый раз. А вот для жизни на земле – не знаю... Зыбко, громоздко, избыточно.

– Зыбко, это правда. Потому мы и разговариваем здесь, в библиотеке, – говорит она. – Ты ведь, как и наши книжки, выдуманное, недо воплощенное существо –

был. Теперь-то все, воплотился по самое не могу! Вон какой тверденький, крепенький, хоть дрова на тебе вози!

Ее смех похож на лисье тьяканье. Неприятные звуки. Неужели она тоже на взводе? Лучше бы утихомирилась. Невмоготу слушать.

– В конце двадцатого века перевозка дров – бессмысленное использование рабочей силы, – огрызаюсь, чтобы сменить тему.

Но тема меняться не желает.

– Неужели даже не спросишь, кто тебя выдумал? И зачем? Это же классический вопрос!

– Уши заткну, если рассказывать начнешь.

– Как знаешь.

– Меня интересует только одно: цель. Смутно припоминаю, что когда-то давно, возможно, именно в этом доме кто-то говорил мне, что нет более паскудного словечка, чем вопрос: «Зачем?» Но это единственный вопрос, ответ на который мне сейчас нужен. У меня под ногами топь вместо твердой почвы, память забита трухой вместо фактов, а сердце – предчувствиями вместо желаний. Не человек, а шпионская шифровка, причем связной, знавший ключ, судя по всему, скончался, не оставив завещания... Хорошо, пусть так. Я больше не хочу знать, кто я такой и откуда взялся. Это ничего не изменит. Бегать с криком «Мама, роди меня обратно!» – я и так могу. Вон, к небу обращусь, ему не привыкать... Обозначь цель, укажи направление и оставь меня в покое, ладно? Я как-нибудь справлюсь.

– Эк тебя прорвало! – удивляется моя собеседница. – Что ж, хороший вопрос заслуживает

хорошего ответа. Цель – ключ. Тот самый, о котором ты говорил. Связной, к слову сказать, живехонек, не обольщайся... Направление – юго-запад.

Она встает и выходит. Я остаюсь один. Спустя какое-то время переворачиваюсь на спину. В записке было сказано, что я должен заснуть в этом доме. Что ж, глаза уже слипаются. И вместо положенного смятения чувств меня охватывает безмятежный покой. «Необъятный простор и ничего священного», – вспоминаю вдруг вычитанную где-то^[6] фразу. И с этой, невесть с какого потолка взятой формулой нового бытия засыпаю сладко, как младенец с возлюбленной своей пустышкой.

55. Плеяды

Зевс <...> вознес их в виде созвездия на небо.

Не наяву, не во сне, а на перепутье, у подножия мифического камня, где, к слову сказать, еще и некое третье направление должно быть указано, чувствую, что я уже не один в этом мире. Двое нас. И больше никого – за ненадобностью. Теплая, живая тень женщины окутывает меня, как облачное одеяло. Телесность ее несомненна, но в то же время она рассеяна и вездесуща, как туман. Она повсюду: сверху, снизу, вокруг и внутри; я окружен и заполнен ею. Вдыхаю едва уловимый аромат чужой кожи и понимаю наконец, за кем гнался сегодня,

⁶ Ну, положим, не «где-то», а на сайте «Индоевропейский диктант»: <http://www.russianresources.lt/dictant/>. Там, впрочем, сказано, что фраза сия – ответ Бодхидхармы на вопрос императора Лян Уди о главной истине Учения.

кто привел меня сюда, и кого я, оказывается, искал в этом доме.

Зачем обманывать себя: звездный потолок в коридоре, волшебные города за окнами, мудреные ответы на вопросы, неопределенные обещания и эксцентричные выходки здешних насельников были мне пока без надобности. Я пришел сюда для того, чтобы она меня обняла. Этого достаточно. Все прочее – что ж, пусть будет, заверните. Возьму с собой, как еду для собаки из ресторана.

Кто она такая и что значит для меня эта встреча, я понял сразу. А через несколько минут я ее *вспомнил*. И тихо рассмеялся от облегчения. Самое главное про жизнь, доставшуюся мне с чужого плеча, я теперь знаю: что бы ни случилось, я был и буду сказочно, головокружительно, фантастически счастлив, даже если ничего, кроме воспоминаний об этой женщине, у меня не останется: их вполне достаточно. И сейчас к этим драгоценным воспоминаниям прибавится новая глава. Уже, собственно говоря, прибавляется. Здесь и сейчас.

– Как тебя теперь зовут? – спрашиваю. – Тебе ведь не нравилось имя Маша...

– Меня никак не зовут. Я сама зову, если мне кто-нибудь понадобится.

Горячий шепот щекочет не то мое ухо, не то мой сон об ухе. Мне снится, что я улыбаюсь. Снится, что и ее губы приоткрываются в улыбке. И мне приходит в голову, что, если в этом сне у нас обоих есть губы – глупо использовать их лишь для улыбок. Найдется и иное применение теплым нашим губам, во сне ли, наяву ли, но найдется, к гадалке не ходи!

Чудесное видение не возражает. Для того она и пришла, как не раз приходила прежде, открывая мою дверь своим ключом.

– Ты бы, – говорю вслух, – сделала для меня дубликат этого чертова ключа. Я-то свой потерял, а у тебя он целехонек...

Она сразу понимает, о каком ключе речь.

– Что-то в таком роде я для тебя и делаю. Ты ведь уже меня вспомнил, правда? Неплохо для начала.

– Это неплохо и для конца. Разве, кроме тебя, было еще что-то, заслуживающее внимания? Не верю.

– Просто ты соскучился, – смеется она. – На самом деле в твоей жизни и без меня было немало интересного. И будет, конечно...

Мне-то все равно, что будет, чего не будет, чем дело кончится и сердце успокоится. Нет у меня иного пикового интереса, кроме как быть тут, сию секунду, таким способом, каким я есть. Застрять в тягучем, темном янтаре этого сновидения – не дохлой мушкой, крошечной искоркой живого огня, что испепеляет меня изнутри и снаружи. Древние греческие мифы из толстой книжки с картинками, по которой я учился читать и мечтать, внезапно обретают актуальный смысл; теперь я знаю, как чувствуют себя герои, ставшие созвездиями по воле изобретательного Зевеса: пылают во тьме, как я (как *мы*) сейчас и, подобно нам, не желают ничего иного.

56. Похьела

В финской и карельской мифологии северная страна, иной мир...

К списку Екклесиаста хорошо бы добавить еще несколько пунктов.

Есть время гореть и время догорать, время быть и время существовать, время поднимать веки и время отверзать уста, время забывать слова и время к ним возвращаться.

Пожалуй, достаточно. В остальном список безупречен.

Поэтому теперь мы разговариваем.

В этом сне я на удивление хорошо соображаю. Или просто знаю больше, чем наяву. Мне сейчас ничего разъяснять не нужно, и так все понимаю. Ну, почти все.

– Тебя теперь только в этом доме можно найти? И только во сне? Наяву, в Москве, тебя не будет?

– Да уж, наяву, в Москве, не будет, пожалуй, – шепчет она. – Но не только в этом доме: есть немало других мест, где я люблю назначать свидания. Дом этот, как ты, наверное, уже догадываешься, не человеческое жилье, но и не убежище каких-нибудь ссыльных богов. Просто – дверь. Возможность уйти, возможность вернуться, возможность потерять себя и встретить кого-то иного. Вообще – *возможность*. Хорошее место.

– Перекресток судеб, – вспоминаю не то собственную, не то чужую чью-то, но точную формулировку. – Судьбокресток на пустыре между Мирами.

– Правильно. И таких мест – великое множество.

– А лоцию, небось, никто нарисовать не удосужился? – смеюсь.

– Почему же, – серьезно возражает она. – Были попытки. Ни одна из них, впрочем, успехом не увенчалась. Тайна-то из числа тех, что любой посвященный за счастье почтет разгласить: единожды попробовав на вкус неизвестность, понимаешь, что этот напиток надо бы разделить поровну между всеми жаждущими, но несведущими. Да только карта у каждого своя. По чужим маршрутам можно после воскресного обеда прогуливаться, со всем семейством: ни один завалящий демон из-за угла не выскочит, как ни зови его...

– И что, часто зовут? – спрашиваю.

– Ты не поверишь, как часто. И ведь солидные, благополучные люди, никому и в голову не придет их в метафизической тоске какой-нибудь заподозрить... Но почти всякое человеческое сердце хоть однажды, да заходилось истошным воем по несбывшемуся. Так-то! Очень важно, чтобы ты об этом не забывал...

57. Пространство

К центру ведет путь, т. е. то, что связывает самую отдаленную периферию, во-первых, и все объекты, заполняющие пространство, во-вторых, с высшей сакральной ценностью.

– ...Слышишь? Повторяю: важно. Чтобы. Ты – именно ты! Не. Забывал.

– Именно я?

– Ага. Такое вот специальное полезное знание для отдельно взятого тебя. Этот дом... точнее сказать, эта *ВОЗМОЖНОСТЬ*, – существует по милости Ключника. Он называет себя именем Франк и, кажется, привязан к этой последовательности фонем... Наш Франк, понятно, не единственный. Ключников не сказать, чтобы много, но несколько сотен по миру сейчас бродит. Предполагается, что ты – такой же, как он. Потенциально. То есть, может быть, когда-нибудь, а может быть, никогда, бла-бла-бла... – тут сам Франк непременно добавил бы, что гарантий в таком деле не бывает. Но все же. Ты – такой же.

– И?..

– Не знаю. Это тебе Франк когда-нибудь расскажет, что происходит с такими, как вы, после союза «и», я не специалист... Но я знаю другое. Ключники затем лишь нужны, чтобы открывать двери для людей... Чтобы давать нам *ВОЗМОЖНОСТЬ*. Чтобы у каждого, кто в отчаянии призывает своего демона, был шанс докричаться до этой твари и посмотреть, что будет...

– Благородная профессия, – смеюсь тихонько.

Вопросов у меня по-прежнему нет, вот что удивительно. Казалось бы, такую невнятицу несет прекрасное мое наваждение, – но нет. Мне все понятно. Даже чудится, будто я знаю куда больше, чем она мне поведала. А что не могу пока это знание расшифровать, перевести на понятный мне самому язык – так то пустяки, дело наживное. Расшифруется, небось, когда время придет...

– Это на самом деле была не столько лекция, сколько нотация, – признается она. – Ты всегда был очень высокомерным, Макс. Считал, что это лишь перед

тобой в темноте, под опущенными веками, бездны разверзаются. А прочие – так, свинствуют помаленьку... Они-то, возможно, и свинствуют, но не твоего ума дело выставлять им оценки. Высокомерие – роскошь, которую Ключник не может себе позволить. Вы и правда могущественные существа, избранники. И бездны ваши поглубже наших будут, все это так. Но вы – обслуга... Не хмурься, слово, конечно, дурацкое, зато – производная от «служить». Жизнь Ключника – бесконечное служение. После того как вы открываете дверь, мы уходим так далеко, что вам и не снилось... А вы, избранники судьбы, остаетесь на границе. Так уж все устроено. Поэтому завязывай со своим высокомерием, ладно?

– Ладно, – соглашаюсь легко. – Но почему ты говоришь: «вы», «мы»? Разве мы с тобой – не одно и то же?

– Нет, что ты. Природа у нас разная. Я – одна из человеческих детенышей, которым повезло встретить своего Ключника. Ты сам привел меня сюда, к Франку, помнишь?

– Помню. Смутно, но помню.

– Хорошо. В тот день я нашла свою *ВОЗМОЖНОСТЬ*, а ты – своего учителя. Мне фантастически повезло. Тебе... – уж не знаю!

– И теперь ты – своего рода связной между нами обоими? Моя Лестница в небо?

– Угадал. – В награду за сообразительность меня снова заключают в объятия.

Мне бы не слушать, мне бы растаять, мне бы умереть от счастья и ужаса, но я все же слушаю.

– Ко всему, я еще и заложница. Пока я тут, Франк может быть уверен, что и ты от него никуда не денешься. Вернешься. Рано или поздно, так или иначе, ты или другой...

58. Психея

По Пифагору, Психея питается кровью; кровь – «седалище души».

– Подожди, ты говоришь «другой»?!

Я почти кричу, потому что наихудшие из моих предположений всплывают на поверхность, мутят хрустальные воды дивного сна, превращают его в кошмар.

– Но я и есть «другой», – добавляю шепотом, словно бы в надежде, что, убавив громкость, превращу чудовищную догадку в некое подобие глупой шутки.

– И не подумаю ждать. Успокойся. «Другой» он, видите ли... Ты – это ты. Твоя кровь отравлена памятью обо мне. Меня это вполне устраивает – чего ж тебе еще?

59. Птицы

Обские угры считали, что у человека несколько душ: одна из них <...> «уходящая по реке душа» <...> другая – «сонная» душа (приходящая к человеку только во сне) предстает в виде «птицы сна»...

Просыпаюсь от воя сигнализации. Воеет моя собственная «Нива». Не понимает, дура, своего счастья. Не ведает, что я – не снаружи, а внутри. Хорош, конечно,

ничего не скажешь. Заперся в машине, зачем-то поставил ее на сигнализацию, спрятал ключи в самый дальний, заповедный карман и завалился спать. Словно бы заранее все просчитал и решил подарить себе, любимому, генеральную репетицию пробуждения накануне Страшного Суда.

Ключи я все же нашел. С пятой примерно попытки. Заткнул крикучую тварь. Несколько секунд наслаждался тишиной. Потом огляделся.

Автомобиль мой был припаркован у обочины длинной узкой свалки, которая в былые годы, вероятно, считалась переулком. Или даже улицей – кто ее разберет! Но дни культурного расцвета этого места давно миновали. Теперь здесь обретались гнилые доски, ржавая арматура, пустые пластиковые ящики и примерно полтора миллиона банок от пиво-колы – а как еще сей легкий прохладительный жанр обозначить? Из-под постиндустриального ужаса кое-как пробивалась живучая сивая трава. Вдалеке топорщились бетонные заводские заборы. По небу метались облака, мятые, как больничные простыни. Ущербная луна заливала этот трэш жидким молочным сиропом. Создавалось впечатление, что небесное тело действует продумано и профессионально, как опытный осветитель, привыкший работать на малобюджетных ужастиках: если бы не бледные его лучи, пейзаж получился бы уродский, но квелый и невнятный. А так – настоящая, добротная жуть. Уважаю.

По всему выходило, что отсюда надо убираться. Чем скорее, тем лучше.

Я завел машину. Фары высветили полустертую надпись на обломке металлических ворот, который

пережил не только вторую створку, но и саму ограду, и теперь торчал из земли, как гнилой, но несокрушимый зуб. «Ост. пр-д» – вот что там было написано. Я кивнул: да, правильно. Уж этот адрес я на всю жизнь запомню... А что пейзаж переменялся – так на то и место зачарованное.

Я был абсолютно спокоен. Прекрасно помнил все свои похождения, да и сладостный сон, привидевшийся мне в пустой библиотеке, запечатлелся в памяти до мельчайших деталей. И ожившие старые (вероятно, все же *чужие*) воспоминания никуда от меня не делись. Сидели смирно на привязи, как одомашненные, до утраты основного инстинкта откормленные волчата. Если полагать картины прошлого сокровищами, то я вошел в этот дом нищим, а покинул его – ну, не миллионером, положим, но на жизнь, пожалуй, хватит.

Что же касается содержания обретенных воспоминаний, оно меня почему-то больше не пугало. Не озадачивало даже. И не вызывало внутреннего протеста. Удивившись собственному спокойствию, я еще раз прокрутил перед внутренним взором дикую эту концепцию. Ну, хорошо, положим, я – невесть откуда взявшаяся копия живого когда-то человека, обитатель чужих снов, жилец зазеркальный, не то Ка, не то Ба древнеегипетское, обнаглевшее, да еще и сверхзадачей какой-то невнятной обремененное... И что, топиться теперь? Некоторые вон двухговыми телятами рождаются. Или бородатыми женщинами. Так что мне еще повезло...

Мой разум, вероятно, просто устал истерить по поводу всякого завалящего чуда. Сидел смирно, привыкал к мысли, что концепция сменилась. Теперь

истерить будем только в том разе, ежели чудеса вдруг закончатся, что, впрочем, сомнительно. Вот и ладно.

Я сверился с картой. Убедился, что Остаповский проезд действительно существует. Правда, на схеме он выглядел куда опрятнее, чем в жизни. Ну да ладно, машина у меня – практически вездеход, выберусь как-нибудь.

60. Пуса

В китайском буддизме святые <...> не ставшие буддами, а посвятившие себя вспомоществованию и защите всех живущих.

Через пять минут я был на Волгоградском проспекте и уверенно двигался в сторону центра. Минут сорок поплутал, конечно, по улицам и переулкам, но благополучно добрался до Вениного дома. Приветливо покивал снизу окнам гостиной: распахнуты настежь, свет горит, да еще и Дитер Маер^[7] на весь двор нечто жизнерадостное бубнит. Поднявшись, убеждаюсь, что Веня сидит по-турецки в своем любимом кресле и деловито смешивает джин-тоник. Поскольку его стакан вполне себе полон, новая порция, вероятно, предназначена мне. Полководец переходит вброд Великую Реку. Счастье.

– О, нашлась пропажа, – радуется мой друг. – Я уже говорил, что ты пробуждаешь во мне отцовские инстинкты? Вот сейчас мне очень хочется спросить, где

⁷ Это значит, что Веня слушает один из концертов уже не остромодной в те годы, но все еще вполне культовой группы «Yello». И правильно делает.

ты, блин, шлялся почти двое суток? И почему не позвонил? Первый вопрос, так и быть, замнем. Захочешь – сам расскажешь. А вот второй остается в силе. Я нервничал. Думал: а ну как очередное чудище из зеркала тебя сожрало?

– Вместе с машиной? – смеюсь виновато. – Я бы позвонил, да телефона под рукой не было. И, конечно, я не в курсе, что прошло двое суток. Думал, мы с тобой виделись сегодня утром.

– Вчера. Впрочем, нет, позавчера: уже за полночь... А ты выглядишь довольным, – констатирует мой наблюдательный опекун. – Что-то хорошее случилось?

– Да, – говорю, обрушиваясь прямо на ковер. – Случилось. Хорошее и... Всякое. Я тебе буду рассказывать понемножку – что смогу. Чего не смогу – не расскажу, соответственно. А смогу не слишком много, ибо счастлив, аки последняя скотина, слившаяся на миг с Мировым несуразумом. Хочется разорвать себя на мелкие клочки и раздать человечеству, на бутоньерки. Ты, к примеру, забирай мои руки, загреби ими столько жара, сколько потребуется. Излишки же раздай нищим духом, ибо их блохастый верблюд навеки перегородил все игольные ушки... Хук. Первая часть показательного выступления закончена. Давай стакан. Сейчас напьюсь, спляшу на столе, доживу до рассвета, а там – по обстоятельствам.

– Красиво излагаешь, собака. За такое и стакан не жалко – заметь, не отдать! Передать во временное пользование.

– Страсти какие. Трудно с вами, бизнесменами, дело иметь. Все нашего брата облапошить норовите... Однако

джин-тоник по-царски смешан! Беру свои слова обратно. Если разобраться, ты святой.

– Ты тоже, – ухмыляется Веня. – По меньшей мере, блаженный.

– То есть оба придурки изрядные, – заключаю жизнерадостно. – Слушай, я тебе все собирался сказать, да не выговаривалось как-то... Здорово, что ты мне тогда позвонил! В смысле – здорово, что позвонил именно ты, а не какой-нибудь посторонний хмырь... Я сейчас понимаю, что мог бы совсем свихнуться, если бы ты в тот вечер в Бабушкино не приехал. А так – свихнулся в пределах санитарной нормы. По крайней мере, на людей не бросаюсь. Повезло.

– А я с ужасом понимаю, что мог бы остаться абсолютно нормальным, если бы тогда тебе не позвонил, – вздыхает мой друг. – Нормальным жизнерадостным лысым мудаком в самом расцвете сил. Так что не знаю, кто кому еще задолжал...

61. Пхатувчунг

Открывший глаза Пхатувчунг вынул из своей груди бога Кхунтхивкхама.

– Ну уж – мудаком...

Веня лишь равнодушно отмахнулся от моих возражений. Дескать, сиди, не квакай, обойдусь как-нибудь без дружеских заверений в собственной социальной состоятельности. И правда, обойдется.

– Ты что, нашел эту чувиху? – деловито, с нарочитым небрежением спрашивает он. – Которая исчезла?

– Что, на лице написано?

– На лице у тебя много всякого написано. Причем арабской вязью: фиг разберешь! Но в целом... да, похоже, что ты со свидания вернулся. Кроме общего безумия, наблюдается в твоих очах некая томность. Как у голодного кота, который неделю во дворе пропадал и вот, приперся, понимаете ли... Только на кухню почему-то не бежишь. И это настораживает.

– Я бы побежал, да лень, – признаюсь. – Так хорошо я к твоему ковру прилип... Будь другом, пихни мне под морду миску с какими-нибудь рыбьими головами, а?

– Рыбьих голов не держим-с. Зато есть клубника и копченые ребрышки. И ни куска хлеба. Переживешь?

– Я не просто переживу. Я их сожру: ребра – с костями, а клубнику – с хвостиками. Меня в цирке показывать можно, честное слово!

– Любопытно будет поглазеть, – соглашается Веня и отправляется на кухню.

Пока он гремит там посудой, я окончательно вхожу в роль, начинаю кататься по ковру и орать по-кошачьи. Мне кажется, что это – неплохое развлечение. О том, что за стенами спят ни в чем не повинные люди, я предпочитаю не задумываться. С другой стороны, чем я хуже дворовых котов, которым позволено не обременять себя заботами о покое окружающих? Я – лучше! Следовательно, тоже могу не обременяться...

– Нет, в цирке тебя нельзя показывать. Туда же дети ходят! – Веня качает головой. – Даже я испугался бы... если бы не был хорошо подготовлен. Ты смотри, не превратись в тигру какую... Жри лучше. Голодные хищники мне тут не нужны.

– Ладно, – я не спорю, благо дикая смесь клубничного и мясного ароматов щекочет не только ноздри, но и нежные стенки пустующего желудка. – Будет тебе сытый хищник.

– Если ты ее действительно встретил, тогда я не понимаю, почему ты так быстро вернулся, – меланхолически замечает мой кормилец, пока я терзаю кости. – Два дня – далеко не предел, насколько мне известно...

– Все сложно, – мычу с набитым ртом. – Я ее встретил, да. Но не так, как обычно люди встречают друг друга. Я попал в странное место. Очень странное. Не могу описать... или не хочу пока. Скорее второе, если честно. В общем, все хорошо, просто замечательно. Но не от меня зависело, сколько там оставаться. Я же говорю: думал, что сегодня вечером на улицу вышел.

– Никак в Зазеркалье какое-нибудь забрел? – щурится Веня.

– Ну... Что-то в таком роде. В дом, который то появляется, то исчезает. Глюк, можно сказать. Но очень полезный глюк. Я там довольно много вспомнил, кстати. Не все, наверное, но немало. В частности, тебя... По этому поводу налей-ка мне еще выпить.

– Что, правда, вспомнил? – радуется он.

– Ага. Но ее, конечно, в первую очередь. Женщину из автоответчика.

– То есть она нашлась?

– Почти. Не настолько, чтобы я мог собрать манатки и переехать. Просто теперь она иногда будет мне сниться.

– Сниться? И все?!

– Пока – да. Но в моем случае это не так уж мало. Мне все, можно сказать, снится. С той или иной степенью достоверности. Вот ты, например. И эти твои копченые ребрышки. Хороший, качественный, достоверный сон. Большое тебе за него спасибо... Так что все в порядке.

– Ясно. Ты попал в лапы секты солипсистов, и они тебя охмурили, – ржет Веня. – Так бы сразу и сказал!

– Я сам себе секта солипсистов, – ворчу. – Сам кого хошь охмурю... Видишь ли, дружище, весь дебильный ужас происходящего состоит в том, что я и правда сон твоего старого приятеля Макса. Возможно, тот самый, которого вы с ним на пару выдумали. Или не тот... Но если «не тот», тогда сюда рано или поздно заявится некто третий. А это уже перебор, не находишь?

– По мне, и то, что ты сейчас несешь, перебор.

– Понимаю. Если бы мои кошмары не начали скалиться на тебя из зеркал, я бы молчал, как партизан. Но теперь лучше называть вещи своими именами и надеяться, что ты не сдашь меня докторам на опыты.

– Не сдам. Ты мне самому на опыты понадобишься. К тому же теперь на меня не только твои кошмары, как ты выразился, «скалятся».

– Было еще что-то? – я подскакиваю, как ужаленный.

– Да, – кивает Веня. – Единственное, что меня греет: в случае чего моих сбережений хватит на несколько лет комфортного лечения в отдельной палате со всеми удобствами. Дальше я пока не загадываю.

62. Пэнлай

Всего, по даосским верованиям, насчитывается 36 небесных пещер и 72 счастливые страны. <...> Среди них Пэнлай является самым знаменитым местом...

– Все так хреново? – спрашиваю.

– Ну, не сказал бы, что именно хреново... Ты, кстати, до конца это прочитал? – машет он перед моим носом уродской книжкой за подписью «Макс Фрай».

– Почти. Меня только на последнюю повесть не хватило.

– Вот! А меня, представь себе, только на нее и хватило: люблю книжки с конца читать.

– Когда ж успел? – дивлюсь.

– Прошлой ночью. Ты загулял, а мне не спалось... Не нужно так виновато моргать: я редко рано ложусь.

– Я по другому поводу моргаю. Это ж до какого состояния должен дойти человек, чтобы читать книжку, которая ему с самого начала не покатила... Я – редкостная свинья.

– А... Да нет, последняя повесть как раз ничего. То есть была бы ничего, если бы не...

Веня умолк. Кажется, даже гудит тихонько. Формулирует. Я жду.

– Помнишь, мы в твоём компе файл нашли про города? – спрашивает он.

– Ну да. Такое поди забудь...

– Город в горах помнишь? С канатной дорогой.

Молча киваю. Ещё бы я не помнил!

– На, читай! – он сует мне под нос сей шедевр книгопечатания, открытый, как я понимаю, на некоей судьбоносной странице. Тычет пальцем в буквенную гущу.

Читаю.

Я огляделся, и сердце снова отчаянно гроыхнуло о ребра, но скорее от радости, чем от ужаса, хотя было тут и то, и другое... В нескольких метрах от меня маячила посадочная площадка канатной дороги, а впереди... Город в горах, дивный, почти безлюдный город в горах из моих снов, без сомнения, это были силуэты его массивных домов и хрупких, почти игрушечных башенок, знакомый мне белый кирпичный дом на окраине, на крыше которого даже в безветренную погоду крутился флюгер в форме попугая... Этот фантастический город был уже близко, и можно воспользоваться канатной дорогой, единственным средством муниципального транспорта, как я отлично помнил, а ещё я помнил, что никогда не боялся высоты, сидя в не внушающей особого доверия хрупкой кабинке... Я с облегчением рассмеялся, забрался в медленно проплывающую мимо меня кабинку и через десять минут уже стоял

на узенькой кривой улочке, отлично знакомой мне с детства.

Р

63. Ратнасамбхава

...«тот (из которого) возникают драгоценности».

– У тебя подробностей побольше было. – Веня нетерпеливо отбирает у меня книжку. – Но, по-моему, это он. Ты-то как, узнаешь?

– Узнаю, – киваю. – Канатная дорога и флюгер – такое, пожалуй, ни с чем не спутаешь...

– И это еще не все. Ты, помнится, говорил мне, что у тебя имеется некая безумная теория. Будто ты сам его и выдумал. А выдуманный тобой город каким-то образом осуществился. Говорил ты такое?

– Говорил, наверное... Снимите меня с дыбы, дяденька инквизитор! Я вам и так все про шабаши на Лысой Горе расскажу!

– Веселимся, значит. Ну-ну. Сейчас я тебя еще больше развеселю. Видишь ли, герою этого макулатурного сериала, твоему, стало быть, тезде, между делом разъясняют, что он – демиург. И начал свою профессиональную деятельность в этом качестве именно с сотворения города в горах. Эта метафизическая лекция тонет в куче никому не нужных подробностей. Ну, знаешь, всякие там рыцарские подвиги, безумные колдуны, пирожки, бла-бла-бла... Я бы внимания не обратил, если бы не твой блядский файл. И еще одно обстоятельство. Чтобы мало не показалось...

– Сейчас ты скажешь, что видел его за окном, – вздыхаю я.

– С чего ты взял? – вскидывается он.

– Ну а если не видел, с чего бы тебе так глазами вращать?

– Резонно.

– Что, правда, видел?

– Ну да. Красота неопиcуемая. Но я чуть в штаны не навалял. И чуть не сдох заодно. Появился бы ты в тот момент, я бы тебя голыми руками придушил...

– Никогда не поздно, – утешаю.

– Я передумал, – мрачно говорит Веня. – Мне уже нравится быть сумасшедшим. Я, знаешь ли, привык к этому безумию, оно мне теперь дорого, как память о бесцельно потерянном разуме... Знаешь, а я бы еще раз поглазел на этот твой городок. Желательно изнутри. Если это рай, завязываю грешить.

– Думаю, это как раз не обязательно. – Я невольно улыбаюсь, силясь представить себе впавшего в аскезу Вениамина. – А поглазеть изнутри – это и я не прочь. Может быть, он до меня когда-нибудь доберется?

– Ты уж тогда вызов пришли, – серьезно говорит Веня. – С ОВИРа́ми поднебесными, конечно, будут проблемы, но я – опытный отказник. Придумаю что-нибудь.

Некоторое время мы молчим. Не каждый о своем, как это обычно бывает. Мы молчим о Городе.

– Макс, – мой друг первым нарушает молчание. – Ты сам-то в курсе, что с тобой... или теперь уж с нами – происходит?

– Нет, – мотаю из стороны в сторону глупой своей башкой. – Знаешь, мне кажется, что со мной ничего не происходит. Скорее уж я происхожу. Не человек – сплошное событие... Но мой тебе совет, не трать свои сбережения на врачей.

– Что, они мне не помогут?

– Да нет, почему. Возможно, помогут. Но ты сам говорил, что когда-то решил бежать за мной, как Алиса за Белым Кроликом... Было дело?

– Было. И дело было, и слово...

– Ну вот, – развожу руками, – прибежали куда-то. И, заметь, не то чтобы в жопу. А скорее на перекресток. Глупо было бы останавливаться.

– По меньшей мере, непрактично, – спокойно соглашается Вениамин.

64. Рефаим

Их подземные судороги – причина землетрясений.

– Ты в издательство-то дозвонился? – вдруг вспоминает Веня. – Узнал что-нибудь про автора этой книжки?

– Дозвонился. Аж до главного редактора добрался. Но почти ничего не узнал. Меня заверили, что «Макс Фрай» – это псевдоним. Сказали, что автора нет ни в Москве, ни в России, но жив, здоров, даже звонил третьего дня, обещал прислать продолжение... А потом

главный редактор издательства заговорил чужим голосом и посоветовал мне прекратить поиски. Велел съездить к морю и привести в порядок свою жизнь. Я склоняюсь к тому, чтобы последовать его советам – всем до единого. Вот сяду да поеду. Направление – юго-запад. То, что доктор прописал.

– Поищешь свои следы на исторической родине? – понимающе кивает Веня. – Дело хорошее.

– Ты-то как? – спрашиваю осторожно. – Справишься тут с остатками моих глюков?

– И хотел бы я сказать тебе: но пасаран! – да не стану врать. Но это фигня, ни с чем я справляться не собираюсь. Возьму да дезертирую. Сделаю вид, что у меня отпуск. Дела – хер с ними, да и лето все же... Раиса вон к себе зазывает. Поеду, покормлю кенгуру недельки две. А там – видно будет.

– Хорошее дело.

– Да, ничего себе... Я вот все думаю, может, отбить ее у мужа на старости лет? Или еще подождать?

– Чего ждатель-то? – изумляюсь бестактно.

– Ну, видишь ли... Единственное, что я могу сделать в сложившейся ситуации, – это постараться испортить ей меньшую половину жизни. Чем меньше лет ей придется провести рядом со мной, тем благороднее я буду выглядеть в собственных глазах. Поначалу я планировал совершить сие безумство, когда нам лет по шестьдесят стукнет... Но в последнее время все думаю: нет ведь никаких гарантий, что мы с Райкой непременно дотянем до этого срока. С чего я вообще взял, будто у нас впереди куча времени?

– Это из-за меня тебе такое в голову лезет?

– Все из-за тебя, – невозмутимо соглашается Веня. – Вообще – все. Жизнь наизнанку вывернулась, швами наружу торчит. Но мне, знаешь ли, нравится. Все познается в сравнении, а быть старым психом оказалось гораздо веселее, чем самодовольным козлом.

– Ну, если клиент доволен...

65. Рита

...она управляет и вселенной, и ритуалом...

– Клиент сам не знает, – ржет Веня. – А ты возьми книжку, погадай и узнаешь: доволен клиент или нет. Мне заодно расскажешь.

– Хочешь воскресить старый ритуал?

– Не такой уж старый. Да и не умирал он, насколько я помню...

– Как скажешь. Давай книжку какую-нибудь.

Веня поспешно сует мне в руки предмет моего не слишком удачного расследования. Адресую ему вопросительный взгляд: мало того, что гадать, так еще по *этой* книжке?! Провокатор азартно кивает. Уроды с обложки насмешливо пялятся на меня. Что, дескать, слабо?

А вот ни фиги не слабо!

Беру жуткую книжку. Главное, ни о чем не задумываться. Сконцентрироваться, сформулировать вопрос. Но вместо четкой словесной конструкции в

темноте под опущенными веками пульсирует невнятное: «Как у нас дела?»»

Что ж, вполне актуальная конструкция.

Открываю наугад, тычу пальцем куда-то вбок. Открываю глаза. Читаю:

Люди, с которыми все правильно. Понимаешь? Не «хорошо» и не «плохо», а правильно.

– Класс! – Веня тут же воспрянул духом. – Просто класс!

– Да, – соглашаюсь сдержанно. – Могло быть и хуже.

66. Рокапи

Наказанный богом Рокапи прикован к железному шесту, вбитому глубоко в землю. Рокапи каждый год пытается вырвать шест и освободиться из плена, но когда это ему почти удается, на шест садится птичка; Рокапи замахивается на нее палкой, птичка улетает, а шест снова уходит в землю.

Отъезд мой откладывается на несколько дней. Нутро ноет, требует немедленной перемены участи. Но совесть велит сперва проводить Веню. Усадить его в самолет, отправить на далекий континент, под защиту плюшевых мишек-коал и прочих сумчатых. Почему-то я уверен, что там с ним все будет в порядке.

У другого человека подготовка к поездке на край света наверняка отняла бы как минимум месяц. Но тут мне повезло: мой друг обладал недюжинным талантом решать экстремальные бытовые проблемы. Через пять

дней у Вени уже была виза; после обеда он позвонил мне из Шереметьева.

– Билеты на сегодняшней вечер есть, багаж куплю прямо в дьюти-фри, – бодро отрапортовал он. – Сиди дома, никуда не уходи. Сейчас приедет Лидочка, привезет тебе мой телефон. Потом отправляйся на все четыре измерения. Или сколько их там у тебя...

– погоди, – я в растерянности. – Какая Лидочка? Какой телефон? Номер твой у меня и так есть...

– Лидочка – секретарь. И просто хорошая девушка. Телефон мобильный. Мой. У меня их каким-то образом три штуки скопилось. Один для Москвы, другой для поездок, а этот – для понтов, запасной. Возьмешь его себе. Номер почти никто не знает, так что тебя не будут дергать. Не забывай заряжать и выключай пореже. Я вряд ли стану надоедать тебе звонками, но мне будет приятно жить, зная, что это принципиально возможно. Ты не против?

– Конечно, нет. Звони хоть каждые полчаса.

– Обойдемся без крайностей.

Он кладет трубку, а я начинаю собираться. Кидаю в рюкзак сменное белье, запасную пару штанов и прочую полезную ерунду. Долго и с удовольствием выбираю кассеты: не всякая музыка способна выдержать испытание долгой дорогой. Между делом впускаю в дом Лидочку, каковая оказывается восхитительной рыжекудрой валькирией. Обретаю первый в своей жизни сотовый телефон: прежде как-то деньги жалел тратить на удобное средство связи. Радуюсь, как ребенок, заполучивший новую игрушку. Звоню Вене, отчитываюсь:

дар богов доставлен в целостности и сохранности, в количестве одна штука. Мой друг уже на нейтральной полосе, по ту сторону действительности, между небом и землей. Оставляю его наедине с зубными щетками, среди коих он вознамерился найти новую спутницу жизни. Угощаю прекрасную посланницу кофе, осторожно испытываю на ней свое гипотетическое обаяние: работает? не работает?

Результат следует признать удовлетворительным: Лидочка не предпринимает пока активных попыток броситься мне на шею, зато и уходить не спешит. Если бы я предложил ей поужинать, дело было бы в шляпе. Но шляпы у меня нет. К тому же сегодняшнюю ночь я намерен встретить в нескольких сотнях километров от Москвы, а потому ужин отменяется. Лидочка наконец понимает, что ни третья, ни четвертая чашка кофе не нарушит шаткого равновесия, и уходит. Да и я задерживаюсь всего на четверть часа: вымыть посуду, пересчитать и рассовать по карманам деньги, прибавить к багажу теплый свитер – пожалуй, все.

По лестнице не иду – лечу. Ветер дальних странствий кружит голову, холодит разгоряченное лицо, веселит сердце.

Завожу машину и вдруг, без видимых причин, тяжелая смрадная волна ужаса накрывает меня с головой. Я уже никуда не хочу ехать. Я больше не понимаю, зачем это нужно. Что за странная идея: путешествовать в поисках новых кошмаров, от одного наваждения к другому, от мало-мальски контролируемого сумасшествия к абсолютному безумию?!

В этот момент я не верю себе. Давешние дивные события кажутся мне навязчивым бредом. Чувствую себя

внезапно исцелившимся. Поскуливаю от желания немедленно зажить нормальной человеческой жизнью. Пойти в магазин, купить ящик пива, выдуть его в одиночестве, а завтра, с похмельной, но поумневшей головой окунуться в дела.

Меня спасло врожденное упрямство. Стиснул зубы так, что от нежной эмали откололся микроскопический кусочек. Резкая боль немного привела меня в чувство. Я закурил, подождал, пока она утихнет, а потом аккуратно вырулил из забитого дорогим частным транспортом двора. Остановился у аптеки на углу, купил пачку обезболивающего, на тот случай, если ночью, где-нибудь в чистом поле раненый зуб захочет оказаться в центре внимания. И неторопливо, памятуя о прискорбном состоянии собственных нервов, покатыл в сторону области.

Часа полтора спустя, преодолев несколько заторов и отъехав километров на сорок от кольцевой дороги, я наконец понял, что спасся почти чудом.

67. Рупавачара

Рупавачара не нуждаются в <...> доме (который возникает одновременно с их рождением).

Поездка вышла чрезвычайно приятная. Этакое неспешное летнее путешествие, с ночевками в лесу, сбором земляники на завтрак, бурными купаниями в окрестных водоемах и сердечной дружбой с прекрасными пейзажами столетней выдержки, которые поили меня парным молоком и без особой надежды пытались обрести

в моем лице оптового покупателя сельскохозяйственной продукции.

Я-то, признаться, предполагал, что на пути моем встанут какие-нибудь огненноокие демоны, разверзнутся бездонные пропасти, заворкуют сирены, прольется смоляной дождь, стирающий тело человечье с лица земли, словно бы плоть наша – кособокий детский рисунок мелом на жестяной стене гаража. На худой конец, думал я, все окрестные маньяки выйдут на трассу, одержимые идеей автостопа, и станут набиваться мне в попутчики, а придорожные лесопосадки заполнятся неопознанными летающими персонажами «Секретных материалов». Но ничего в таком духе не случилось. Ехал, ехал и наконец приехал – вот и вся моя одиссея.

Приморский город, который, согласно документам и некоторым смутным воспоминаниям, я должен был полагать своей родиной, поначалу произвел на меня препоганое впечатление. Жарко, пыльно, хотя время вроде бы близится к закату. Да и пейзаж унылый: скверно оштукатуренные жилые бараки перемежаются тюремного вида заборами и ветхими корпусами промышленных предприятий. Толстые тетki в ярких платьях, с блестящими от пота лицами, несут в прозрачных пластиковых пакетах кровавые комки мяса и увядшую зелень; загорелые, жилистые, словно бы провяленные на солнце мужчины пьют вино в тени чахлых акаций; дети орут так, словно игра для них – сущая мука.

Я совсем было затосковал, но по мере продвижения от окраины к центру бараки сменились пяти- и девятиэтажками, деревья излечились от чахотки, а нестройные колонны распаренных теток украсились

длинноногими красотками в куцах, едва прикрывающих грудь маечках. Отвращение мое сменилось вполне лирической скукой.

Исторический центр выглядел почти буржуазно: первые этажи элегантных построек XIX века были отданы под магазины и рестораны, тротуары пестрели зонтиками уличных кафе, а по мостовой сновали древние, но живучие «тойоты», «опели», «фольксвагены» и даже – мать божья! – «мерседесы». Другое дело, что богатство здесь соседствовало с упадком, а роскошь с убожеством: на углу прекрасно отреставрированного дома, вмещающего, если верить вывескам, ювелирный магазин, стриптиз-клуб и салон эксклюзивного дамского белья, приютился пункт приема стеклотары; в центре вымощенного розовой брусчаткой тротуара помещался ржавый, смердящий мусорный бак, а прекрасная обладательница невесомой блузки от Диора и бриллиантовых серег сидела на террасе ресторана, демонстрируя праздношатающимся эстетам загорелые ножки в резиновых шлепанцах-вьетнамках с пластиковыми ромашками.

Все это вместе создавало пленительную атмосферу задушевного распиздяйства. Что ж, решил я, где и разыгрываться моей любительской драме метафизических исканий, как не в этом захолустном театре абсурда...

Что касается сценария, его у меня не было. Всю дорогу я почему-то не слишком верил, что доберусь до места, а добравшись, показал себя стойким последователем Винни-Пуха. Решил, что для начала надо как следует подкрепиться. Заодно и план ближайших действий составить. Например, понять, где я буду

ночевать. Дома-то у меня тут нет... Или все же есть? Хороший вопрос.

Заведение, на полупустой террасе которого я углядел безумицу в бриллиантах и шлепанцах, показалось мне вполне привлекательным: деревянные столешницы, гигантские подсолнухи-мутанты в напольных вазах и их миниатюрные копии в керамических кувшинах, свечи, алые салфетки и тонкое стекло стаканов. Да и запахи, доносящиеся с кухни, меня заинтриговали. Мясо и кофе здесь, кажется, готовили неплохо, прочее я счел несущественным.

Минут пять я потратил на поиски места для парковки: ресторан с террасой располагался на углу обычной улицы с двусторонним движением и пешеходной зоны, поэтому желающих пристроить свой автомобиль хватало. Пришлось чуть ли не квартал пятиться задним ходом в поисках свободного пространства, но я победил.

Выхожу на тротуар, с наслаждением топочу по щербатому асфальту истосковавшимися по ходьбе ногами, тяну спину, разминаю плечи – благодать! И вдруг чувствую, что должен перейти на другую сторону. Почему – не понимаю. Вроде бы ресторан, в котором я собрался кормиться – вот он, в сотне метров, зачем через дорогу скакать? Но идти по этому тротуару – невыносимо.

Я все же нашел некий компромисс, пошел по мостовой. Благо автомобилей тут немного, да и те не носятся, а ползают туда-сюда в надежде обрести временный приют. Иду осторожно, оглядываясь по сторонам, ключи от машины на пальце верчу демонстративно: дескать, я свой, не пешеход

какой-нибудь, мне можно тут ходить. Коллеги относятся с пониманием, аккуратно меня объезжают.

«С чего это у тебя нервы расшались? – спрашиваю себя строго. – После лесного воздуха да парного молока? Ты сейчас должен быть спокоен, как буддийский монах, ясно тебе, придурок?»

«Придурку» ни хрена не ясно. Он сам в недоумении. И рад бы успокоиться, да не выходит. Приблизившись наконец к ресторану, где сейчас должна состояться умиротворяющая церемония наполнения брюха, «придурок» видит наконец табличку с названием улицы. Она поименована в честь видного поэта-футуриста Маяковского. Казалось бы, название как название, ничего из ряда вон выходящего. Не «проезд Люцифера» и не «переулок Зла», даже не «Зазеркальный тупик» какой-нибудь. Но узнав название улицы, мой внутренний придурок холодеет. Он почти готов завизжать тоненьким детским голосом и призвать маму.

Что ж, решаю я, тем любопытственнее. Беру себя за шкуру и насильственно водворяю на тротуар, прогулка по которому мне так не понравилась. Она мне по-прежнему не нравится, но тварью дрожащей быть не имею права. Поэтому неторопливо добираюсь до угла, сворачиваю, поднимаюсь на террасу ресторана и занимаю место за угловым столиком. Так, чтобы наблюдать милое глазу, безопасное для пешеходов прогулочное пространство, но и напугавшую меня улицу Маяковского из виду не выпускать. Весьма, надо сказать, символическая позиция.

Черноокая дивчина в накрахмаленной блузе и форменной мини-юбке с разрезом чуть не до пояса принесла меню, любезно подождала, пока я определюсь

с заказом, законспектировала мои гастрономические фантазии и оставила меня наедине с бокалом минеральной воды. Я залпом выдул сверкающую влагу, с удовольствием закурил и ехидно поздравил себя: «Ну вот ты и дома». Сердце, как и следовало ожидать, не заняло от сладких воспоминаний: и дом не мой, и воспоминания ворованные, да и я – не то чтобы я...

Такое положение дел вполне меня устраивало.

68. Рыба

...известны изображения рыбообразного Эа у постели больного ребенка.

– Господи, Макс, это ты?!

Гляди-ка, кажется, любительница бриллиантов и резиновой обуви решила, что мы – старые друзья. Я не возражал: у нее было милое, немного беспомощное лицо, хрупкое детское тело и полужнакомый голос. Да и весь ее облик показался мне почти знакомым. Словно бы приснилась она однажды, когда-то давно, и вот вдруг появилась наяву.

– Меня так зовут, – отвечаю. – А ты?..

– Неужели так изменилась? – она не то радуется, не то обижается. – Я Наташка. Вспомнил?

– Ташка! – Тут срабатывает не память, а некий условный рефлекс, который велит сократить ее имя, выкинуть нафиг начало. Какое такое «на»?!

– Вспомнил, – радуется прекрасное видение. – Ты давно вернулся?

Смотрю на часы, отвечаю честно:

– Минут сорок назад, если считать от дорожного указателя с надписью...

– Только что?! Фантастика! Значит, никто-никто не знает, что ты вернулся, а я тебя уже встретила! Вот это повезло!.. А где ты остановился? Ты знаешь, что твою комнату забрали родственники? Там теперь твой племянник с женой живет. Я однажды увидела свет в окне, зашла, а там чужие люди... Ты им хоть разрешил?

Пожимаю плечами. Может быть, разрешил, а возможно, меня никто не спрашивал – откуда мне знать? Во всяком случае, дико и странно обнаружить, что у меня, оказывается, есть некий женатый племянник. Хорошо, что я встретил старую подружку. Теперь, по крайней мере, можно избежать встречи с родственниками, наличие каких-то внушало мне почти мистический ужас.

– Я еще не знаю, где остановлюсь, – говорю. – Ну, наверное, теперь в городе полно гостиниц? Капитализм все-таки...

– Если хочешь, можешь поселиться у меня на даче. Там сейчас никто не живет: мама прошлым летом умерла, а у нас и без того дом между морем и Ботаническим садом. Та же дача, только со всеми удобствами... А на даче удобства, как ты понимаешь, во дворе, и душ теплый, только если вода в баке от солнца нагреется. Зато до моря – десять минут пешком. Правда, от центра далеко. Но такси – гораздо дешевле, чем гостиница.

– Я на машине приехал. Так что даже такси не понадобится...

– Так ты согласен? – радуется она.

– Что ж я, дурак, от счастья своего отказываться? – смеюсь. – Десять минут от моря – о таком я всю жизнь мечтал.

– Ой, как хорошо... – лицо у Ташки при этом страдальческое, зато голос веселый. Она трет виски, словно бы обилие положительных эмоций вызывает головную боль. – Макс, как же все славно сложилось! Как мне тебя не хватало, ты не представляешь. Мне уже года три поговорить не с кем по-человечески... Все умерли. Некоторые умники, вроде тебя, просто вовремя уехали.

– Понимаю.

– Нет. Не понимаешь. То есть ты понимаешь – отчасти. Но все куда хуже... Впрочем, нет. Жаловаться буду потом. А то ты решишь, что я стала невыносимой несчастной курицей, и сбежишь. Не хочу. Вот, тебе несут еду, а я выпью, пожалуй, для храбрости. Знаешь, как мне страшно?

– Почему страшно? – удивляюсь.

– Потому что ты изменился, – просто объясняет она. – И я изменилась. А хочется, чтобы все стало как раньше. Ясно, что в точности как раньше – не получится. Но я стараюсь создать хотя бы сносную имитацию... Господи, что я мету!

– Нет, что ты. Прекрасно излагаешь. О таких вещах вообще трудно говорить связно, – утешаю я свою старинную подружку.

Утешаю, надо сказать, с набитым ртом, ибо уже начал терзать бифштекс. Терпеть нет мочи: с утра не ел, а уж мясо вообще хрен знает когда украшало мою жизнь.

В последний раз я пожирал труп млекопитающего дня три назад, в Москве – если, конечно, город с таким названием есть на планете. Я даже в этом не слишком сейчас уверен.

Пока я жую, Ташка оглашает длинный список наших общих знакомых. Я понимаю, что узнавать меня на улице почти некому. Добрая половина разъехалась по миру; из тех, кто остался, выжили немногие. В южном городе наркотики чрезвычайно дешевы, но и соотношение цена-качество соответствующее. Все это вместе формирует некий своеобразный стиль бытия: живут тут, вопреки известной формуле, медленно, но умирают тем не менее молодыми. Дотянуть до тридцати – почти неприлично. Оно, возможно, и хочется, но – что люди скажут?!

– Грустно все это, – говорю. Не потому, что действительно грустно, просто – надо же что-то сказать.

– Не ври, – вздыхает Ташка. – Ни фиги тебе не грустно, знаю я тебя. Рыба ты, мокрая и холодная. И по гороскопу, и по жизни.

– Ты умница. Не грустно. Во-первых, я все еще не понимаю, что такое смерть. Грустно это или нет? Правда, не знаю. Да и не помню я почти никого и ничего. Столько с тех пор утекло влаги, живительной и не очень...

– Меня-то хоть помнишь? – настороженно спрашивает она.

– Тебя поди забудь! – смеюсь.

Этому заявлению она, по счастью, верит.

В машине Ташка тут же начинает набивать папиросу. Травкой она всегда была не дура побаловаться. Зато уколов и прочих медицинских процедур боялась, как ребенок. Потому, вероятно, и жива до сих пор. Даже, кажется, процветает: дачи вон всякие, бриллианты опять же в ушах мерцают... Причем вряд ли это существо способно добывать материальные блага тяжким трудом. Сами придут, принесут, и еще уговаривать будут, – так она всегда полагала. Впрочем, я никогда не сомневался, что она удачно выйдет замуж, имея в виду самую что ни на есть прагматическую трактовку этой формулы.

Высказываю последнее соображение вслух. Не без злодейской задней мысли: в свое время я Ташку этим пророчеством дразнил, а она ужасно обижалась. Даже ревела пару раз от злости после неудачных попыток разmozжить мою твердую башку бытовыми приборами.

– Ты был прав, – равнодушно кивнула она. – Я очень удачно вышла замуж. У меня богатый, нежадный и незлой муж, который к тому же все время где-то мотается: то в Сибирь ездит, то в Канаду летает. По нашим временам – дикое счастье... Олла, впрочем, тоже была права.

– Олла? – от этого имени меня бросает в дрожь.

Все правильно, еще одна прореха в памяти. Теперь – только теперь! – я вспоминаю, что была ведь еще и гадалка. После визита к которой я, собственно, и удрал из города. О том, что к гадалке ходил, строго говоря, не я, сейчас думать не будем. Любую жуткую правду о себе можно при желании упростить до бытовой банальности – для повседневного пользования. Дабы крыша уезжала не каждые пять минут, а строго по расписанию. Например,

по вторникам и четвергам. Сегодня, впрочем, и есть четверг. Вот о чем важно помнить...

– Олла – очень хорошая гадалка, – твердо заявляет Ташка. – Впрочем, ты сам знаешь, я же вас и свела... Она не велела мне выходить замуж, если ты помнишь. Не помнишь? Ну, не важно. Много раз говорила: ты – «девочка, с которой ничего не случится», как Алиса, у Булычева, ага... Дескать, мне все можно, все с рук сойдет, нигде не пропаду. И будет эта лафа продолжаться, пока я не выйду замуж. После этого, дескать, стану слабым, невезучим, зависимым существом... Все правда, Макс! Блядская правда.

Она закуривает наконец свою папиросу. Жадно глотает густой пряный дым, потом передает косяк мне. Беру, затягиваюсь – скорее из вежливости. Со старыми друзьями после долгой разлуки нужно обходиться бережно, как с больными детьми. С *чужими* старыми друзьями – тем более.

69. Рюбецаль

Являлся людям в образе серого монаха <...> сбивал с пути, заманивал в пропасть.

– Все плохо? – спрашиваю, отдавая ей папиросу.

– Наверное, нет. Наверное, все хорошо. – Ташка сердито сплевывает слова на замызганное лобовое стекло. – Давай до дачи доедем, ладно? Если я начну объяснять, что мое нынешнее «хорошо» – хуже любой гибели, некому будет показывать дорогу. Нужна некая линейная последовательность действий... И еще нужно купить чего-нибудь выпить. Обязательно.

Это ее пожелание исполнить несложно. Магазинов в центре теперь больше, чем жилых домов – так мне, по крайней мере, кажется. Беру бутылку джина и упаковку тоника для себя и несколько бутылок сухого игристого вина по заказу Ташки. Обилие спиртного внушает мне некоторый ужас, и я покупаю гроздь спелых бананов да два килограмма иссиня-черной черешни, словно в надежде, что витамины каким-то образом уравновесят грядущий загул.

Потом мы очень долго куда-то едем. Мне то и дело кажется, что город уже закончился, – но нет, дачные участки вдруг сменяются урбанистическими пейзажами, а в зарослях фруктовых деревьев утопают трамвайные рельсы. В какой-то момент новостройки окончательно уступают место садам, выплескивающимся на проезжую часть из-за низких деревянных заборов, и вот тут-то начинается абсолютный бред, обусловленный, впрочем, не какими-то метафизическими причинами, а Ташкиным топографическим идиотизмом.

Она очень старалась стать хорошим проводником, пялилась, сощурившись, в чернильную муть за окном, не отвлекалась на постороннюю болтовню, даже вторую папиросу отложила на сладостное «потом». Вотще: часа полтора мы кружили среди утопающих во тьме палисадников, застревали в тупиках, утыкались бампером в гнилые доски чужих сараев. Когда я начал думать, что в гостинице мне было бы, мягко говоря, комфортнее, Ташка вдруг захлопала в ладоши.

– Мы победили! Видишь эту помойку?

– Хочешь сказать, это все, что осталось от твоей дачи?

– Почти. Зато я теперь все понимаю. Мы с самого начала пропустили нужный поворот... Ну да, я пропустила, я, не смотри на меня зверем! Зато теперь налево – и до большого каштана. Он там один такой на всю улицу. Как раз перед нашими воротами.

С

70. Сати

С обгоревшим телом Сати Шива долго блуждал по миру...

Крошечный двухэтажный домик состоял всего из трех помещений. Внизу располагались тесная, плохо освещенная жилая комната и просторная, захламленная кухня. Зато наверху, в мансарде, было почти пусто и очень уютно: низкая, узкая тахта, почти игрушечный столик, несколько книжных полок и целых две лампы: антикварная керосинка на подоконнике и красный фонарь над дверью – хоть сейчас пленки проявляй!

– Видишь, цел твой подарок, – гордо указала на него Ташка. – Сколько лет прошло... Правда, повесить его тут мне удалось только месяц назад. Мама, как ты понимаешь, этот фонарь ненавидела больше, чем всех моих кавалеров, вместе взятых. Мол, нечего из ее дачи публичный дом делать... А ты не стой, а садись. Или ложись, если устал. Только сначала открой хоть одну бутылку.

Я, разумеется, слушаю и повинуюсь. Джинн из меня вышел бы знатный.

– Может быть, тебе домой позвонить нужно? – спрашиваю тактично. – У меня мобильный телефон есть, не стесняйся, если что.

– У меня тоже есть телефон. Только звонить никуда не нужно. Дома никого, Витька позавчера улетел на

неделю... Я же говорю: не семейная жизнь, а счастье. Не-че-ло-ве-чес-ко-е! Тут мне и правда повезло. Что хочешь, то и твори. Всего-то труда: несколько дней в месяц вести себя прилично...

– По-моему, неплохо. Это ведь ты говорила мне, будто готова терпеть все, что угодно, лишь бы не изо дня в день?

– Я. Но прими во внимание: изо дня в день я терплю себя.

– Заметь: тебе достался не худший вариант.

– Наверное... Не знаю. Ничего я уже не знаю, Макс. Теоретически говоря, у меня все так хорошо – обалдеть! Только мне от этого не легче. Ничего мне уже давно не хочется, ничего не нужно, на все насрать... Вон, видишь, сегодня в тапочках из дома вышла. И не по рассеянности, а просто так. Потому что без разницы. Олла была права: нельзя мне мужней женой быть. Ни при каких обстоятельствах. Причем никто не виноват. Витька – меньше всех. Он очень хороший, мне с ним повезло. Просто надо было вовремя испугаться и оставить его в любовниках. Но мне так надоела вся эта долботня: дескать, такая красавица, и жизнь не удалась, в девках засиделась... Ха, нашли «девку»!

– Ты давай, по порядку рассказывай, – прошу. – Мне пока ничего не понятно. В чем надрыв?

– По порядку не могу. Нет никакого порядка. И надрыва тоже нет. У меня все очень хорошо, Макс. Только вот меня – той, кому, теоретически говоря, должно быть хорошо – нет больше. Есть некая зажавшаяся тетка тридцати с лишним лет, которая с жиру блажит... А меня – нет.

– «С жиру» – это сильно сказано, – смеюсь, стараясь обратить ее признание в шутку.

– А, ерунда, – она хлопает себя по поджарому животу. – Ну да, повезло мне с фигурой, даже тихая семейная жизнь ее не берет... Но все равно я чувствую себя грузной старой бабой. Бывает ведь и душевное ожирение, Макс. В этом смысле у меня пять сальных подбородков и... и больше ничего!

Теперь она рыдает навзрыд, а я с ужасом понимаю, что совершенно не умею успокаивать плачущих. Всегда был уверен, что человеку нужно дать возможность реветь, сколько влезет, – если уж начал. Рано или поздно сам успокоится. Но взирать на плачущую Ташку – невелико удовольствие. Очень уж жалобно выскуливает она невнятные формулы своих печалей.

– Вот, еще не напилась, а уже реву, – наконец резюмирует она, хлюпая носиком. – Что ж дальше-то будет? Подумать страшно...

– А что Олла по этому поводу говорит? – интересуюсь. – Может быть, можно еще все поменять?

– Я к ней несколько раз заходила, но мне никто не открыл. Знаешь, я ведь и правда потеряла удачу. Поскольку мне, как ты понимаешь, не приходится бороться за выживание, это не очень заметно. Но застать кого-то дома стало почти невозможно. Да и дозвониться никому никогда не могу. Порой целый день сижу с телефонной трубкой, кнопки нажимаю и слушаю гудки... Тебя вот, правда, встретила сегодня случайно. Давно со мной такого не было: случайно встретить на улице старого друга. Иногда нарочно весь день по центру брожу – никого! Можешь ты себе такое представить?..

– Но ты же сама говоришь: многие уехали, прочие – умерли.

– Все-таки живых пока тоже хватает... Знаешь, я иногда думаю: а вдруг это я умерла? А все остальные живы...

– Странная идея, – вздыхаю.

Ташкины проблемы кажутся мне, мягко говоря, преувеличением. Сходит с ума от скуки, как многие обеспеченные домохозяйки. А поскольку девочка всегда была незаурядная, обычная дамская депрессия приняла столь замысловатую форму...

Часа через два усталость моя преодолевает вежливость, и я заваливаюсь спать на узкую тахту.

– А я рядышком посплю, можно? – робко просит Ташка. – Внизу неудобно... Я имею в виду: просто посплю. Как с плюшевым мишкой. Трахаться не будем, это мы уже проходили когда-то, и нам не понравилось...

Предпочитаю поверить ей на слово: сил нет доказывать обратное. Я проснулся на рассвете, проехал несколько сотен километров, одолел полбутылки джина, да еще и эти ее папиросы бесконечные... Ничем иным, кроме как «плюшевым мишкой», я в эту ночь быть не способен.

71. Сваха

«Жертвуй это!»

Проснувшись, я решил, что мое одиночество – наказание за излишне крепкий сон. Действительно свинство: всю ночь дрыхнуть в объятиях очаровательной

женщины да еще и уход ее проморгать. Бревно бесчувственное. Урод. Ненавижу.

При солнечном свете уютная мансарда производила не лучшее впечатление: пыльное, нежилое помещение, в котором лучше бы не задерживаться. Покрывало на тахте пахнет пылью и тленом, словно его постелили в позапрошлом году, и комнату с тех пор ни разу не проветривали. Возможно, впрочем, именно так и обстояли дела. Из моей старинной подружки вряд ли могла получиться хорошая хозяйка...

Спустившись вниз и совершив краткую познавательную экскурсию по дому, я решил перебраться в гостиницу. Море в десяти минутах ходьбы, еженощные дружеские попойки и экономия средств – это, конечно, круто, но чистые простыни, горячая вода и душевный покой привлекают меня куда больше.

Ташки в доме не было. Я взял купленную вчера черешню и отправился в сад. Никого. Уселся на крыльцо, вяло склевал несколько ягод. Есть не хотелось. Вообще ничего не хотелось, кроме как сматываться из этого унылого храма старой дружбы. Оставляю Ташке записку. Сама, в конце концов, виновата, что смылась с утра пораньше. Разбудить меня трудно, но вполне возможно. Стараться надо было!

Тем временем вокруг меня начали собираться независимые наблюдатели. Две старушки в ситцевых халатах и ветхих соломенных шляпках тусовались у калитки. Делали вид, что увлечены болтовней, а сами то и дело стреляли глазами в мою сторону. Еще одна, в зеленой шерстяной кофте и белой косынке, больше похожей на бинт, выгуливала вокруг уличного каштана хромую черную козу. Четвертая приветливо улыбалась

мне из-за соседского забора. Она выглядела гораздо моложе своих соседок: не старушка даже, просто милая дама лет пятидесяти с хвостиком, с добрым лицом всеобщей тетушки и величественной осанкой школьной учительницы. Увидела, что я на нее смотрю, и помахала рукой, как старому знакомому.

– Хотите, кофе, молодой человек? – приветливо спросила она. – Только не вздумайте стесняться. Вы же мой новый сосед, я правильно понимаю?

– Еще не знаю, – неопределенно ответил я. – Но кофе – это слишком большое счастье, чтобы от него отказываться.

– Ну тогда идите сюда. Вам через забор проще лезть, чем мне: вы все же в брюках.

Метнувшись в дом за нетронутой гроздью бананов (не с пустыми же руками в гости идти!) возвращаюсь в сад. Забор между садовыми участками – скорее формальность, чем преграда. Он едва достает мне до пояса. Чуть-чуть подтянуться на руках, поочередно перекинуть ноги – и мы с бананами уже на чужой территории.

Ташкина соседка хлопчет на веранде. Машет мне оттуда, но я и сам скачу галопом на дивный кофейный аромат. Понимаю, что она его ВАРИТ! Не верю собственной удаче: я-то думал, что меня сейчас будут пичкать какой-нибудь растворимой бурдой, но даже такой печальный расклад был готов принять с благодарностью. А уж теперь-то... Усаживаюсь на табурет, получаю необъятную чашку цвета небесной лазури с небольшой трещинкой на позолоченной ручке.

Из такой, конечно, не кофе бы пить, а компот. Ну да где наша не пропадала!

– Кофе вроде бы удался. Только сервиз у меня дачный, – смеется моя благодетельница, придвигая к себе пиалу, расписанную маками. – Знаете, что такое дачный сервиз? Это посуда, которую невозможно терпеть дома, но все еще жалко выбросить... Давайте-ка сюда ваши бананы. Я их обожаю, но сама не покупаю никогда. Слишком калорийная пища. Но если уж вы их принесли, я отказываюсь отвечать за последствия...

Она ловко, как ученая обезьянка, чистит банан и с удовольствием его ест. Я маленькими глотками пью кофе и уже планирую попросить добавку: чашка-то велика, но наполнена хорошо если на четверть. Да и напиток не тот, чтобы ограничиться одной скромной порцией...

– Да, надо ведь познакомиться, – спохватывается моя новая знакомая. – Меня зовут Мила, Людмила Исаевна; впрочем, меня все зовут Милой. Даже мои дети и внуки.

Сообщаю свои паспортные данные. Понимаю, что это только начало: за божественный утренний эликсир надо платить информацией. Что ж, я готов. Придумаю что-нибудь. Скажу, что я – дальний родственник Ташкиного мужа. Из меня выйдет отличный двоюродный племянник, таких типичных двоюродных племянников еще поискать!

– Вы купили дачу покойных Тиньковых? – любопытствует Мила. – Или просто сняли на месяц?

– Почему «покойных»? – переспрашиваю осторожно. – Я знаю, что Вера Федоровна умерла в

прошлом году. Но мужа у нее, кажется, не было. Или был?..

– Мужа не было, – горестно кивает Мила. – Только дочка. Та еще три года назад умерла. Вы не знали? Такая красивая девочка! Такое несчастье, она как раз только-только замуж вышла, жизнь, можно сказать, началась... Вера тогда постарела буквально за день: утром ей сказали, а вечером по саду уже бродила седая старуха. А ведь она на два года моложе меня была... Потом уже видно стало, что не жилица. Моя старшая, Оленька, на нее посмотрела, сказала: двух лет не протянет. И оказалась права... Вы дачу-то у ее сестры покупали? Или у Виктора? Не знаю, как они там наследство поделили...

– Я... да, я с Виктором... С Наташиным мужем, – лепечу что-то невразумительное, лишь бы не молчать.

– И он вам не сказал, что у него жена умерла? – Мила неодобрительно качает головой. – Ну да, он не любит о ней говорить. До сих пор себя винит. Не уехал бы тогда в командировку, было бы кому «скорую» вызвать, глядишь, и спасли бы... Да только никто не виноват. Он – мужчина, ему сам бог велел работать, а не дома сидеть. Да и дома мог бы проспать, ничего не услышать. Уж кому что на роду написано...

Она что-то еще говорит про судьбу, от которой не убежишь. Но я почти не слушаю. Ее наивный фатализм не даст мне ответа ни на один из вопросов. Кто, черт побери, привез меня вчера на эту дачу? Чьими жалобами на жизнь я закусывал хвойный аромат джина и хининовую горечь тоника? Чьи острые коленки упирались мне в живот, когда я спал на узкой тахте? Что вообще происходит?!

Стараюсь вести себя так, словно бы ничего не случилось. Надеюсь, что мой потерянный вид сойдет за печаль. Не улыбаться же до ушей, когда тебе рассказывают о мертвых владелицах дома, в котором ты провел ночь... За умелую имитацию скорби получаю еще одну порцию кофе. Это спасает мой рассудок: невозможно сойти с ума за чашечкой кофе, раскуривая первую утреннюю сигарету да еще и прикидывая, не рассердится ли на меня хозяйка веранды, у которой я забыл спросить разрешения.

Мила не рассердилась. Но диалог наш агонизировал: после рассказа о покойницах она сочла своим долгом печально умолкнуть, мне же, понятно, было не до разговоров. Я спросил, как проехать в центр, получил вполне внятные разъяснения, поблагодарил за кофе и распрощался.

«Скорее отсюда! – думал я, спускаясь в сад. – Сейчас сяду в машину и попробую сделать вид, будто только что приехал в город. Словно бы вчерашнего дня вообще не было. Невелика потеря, этот самый вчерашний день...»

72. Сел-Аня

...когда умирает старая ведьма-босоркань...

Навстречу мне по садовой тропинке идет женщина в ярко-красных джинсах и алом замшевом жилете, надетом прямо на голое тело. Лямки тяжелого рюкзака натирают нежные плечи, по вискам стекают тонкие струйки пота. Копна рыжих кудрявых волос, темные глаза, затейливые спирали веснушек, высокие скулы, маленький бледный

рот – удивительное лицо. Такое, однажды увидев, не скоро забудешь. Вот и я, кажется, уже видел ее однажды – но где, когда?

– Так, – она говорит очень тихо, почти не размыкая губ. – Я тебе гадала, помню. Очень хорошо. Я маме продукты привезла. Сейчас отдам и поедем в город. Вместе. По дороге поговорим. Это ведь твоя «Нива» в соседнем дворе? Вот и жди меня там.

Я не успеваю ответить, а она уже поднимается на веранду. Вот такие, значит, дочери у симпатичной тетушки Милы. Никогда бы не подумал...

Машина раскалилась на солнце до состояния геенны огненной. Опускаю все окна, включаю вентилятор и дезертирую в тень. Растягиваюсь на траве под жасминовым кустом. Закрываю глаза. Единственное, что я могу сейчас сделать, – постараться не мешать тому, что происходит. Все равно оно уже начало происходить, теперь не остановится, пока не доберется до последнего жеста. Так что лучше бы мне не сопротивляться.

Там, под кустом, меня и нашла гадалка Олла.

– Машина уже остыла – более-менее, насколько это вообще возможно. Поехали.

– Я уже понял, кто ты, – говорю, поднимаясь. – И это, пожалуй, единственное, что я понял.

– Сейчас расскажешь, – кивает она. – Я и сама вижу: что-то тут не так... Маме ты понравился. «Такой хороший мальчик!» – Олла скорчила умильную рожицу и на мгновение стала похожа на мать. – Хороший-то хороший, только вряд ли «мальчик». И вряд ли настоящий, как я понимаю.

– Да нет, вполне настоящий. Ну, был я когда-то призраком, так что ж теперь, вешаться в сортире? Мало ли, кто кем когда-то был...

– Хорошо излагаешь. – Олла смеется, показывая мелкие острые зубки. – Давай, выезжай за ворота и сразу направо. Как отсюда выбираться, ты, конечно, не помнишь?

– Странно было бы, если бы я помнил. Учитывая, что я приехал сюда ночью, и дорогу мне показывала женщина, которая, как теперь выясняется, умерла три года назад... Кстати, никогда не знал, что вы с Ташкой соседки по даче.

– Не мы, а наши мамы. Впрочем, именно тут мы и познакомились... Так, говоришь, она тебя сюда привезла? А утром ты проснулся целехонек, а рядом – никого? Очень странная история. Можешь рассказать подробно и по порядку?

Рассказываю подробно и по порядку. Спидометр отсчитывает не то проеханные метры, не то произнесенные слова. Я стараюсь ничего не упустить. Даже про «вьетнамки» Ташкины рассказываю. Забитые ею папиросы на пальцах подсчитываю. И, конечно, особое внимание уделяю ее нытью.

– Именно поэтому мне трудно поверить, что я имел дело с мертвой, – говорю. – Неужели покойница может жаловаться на депрессию, как обычная домохозяйка? Сетовала, что ей уже несколько лет поговорить по-человечески не с кем – теперь понятно, почему... Кстати, она сообщила, что ты ей не велела замуж выходить. И, дескать, была права.

– Я всегда права. Но мало кто меня слушает. Ты...
вернее, тот, кто одолжил тебе свою жизнь, – оказался приятным исключением из правила.

– И его исключили из всех правил за непристойное поведение, – вздыхаю, тормозя перед светофором. – И что, Ташка действительно умерла три года назад? Какая нелепость...

– Да нет, не нелепость. У нее в натальной карте, на обеих руках, да чуть ли не на лбу было написано: эта женщина умрет вскоре после замужества. Причем к утрате девственности, как ты понимаешь, сие указание никакого отношения не имело. Ее смерть дожидалась именно перемены социального статуса... Тебя мама кофе угощала? Видно, пожадничала: сонный ты какой-то. Твоему сердцу после такого-то приключения положено выдавать не менее двухсот ударов в минуту. А оно – хорошо, если свои жалкие девяносто выстукивает...

– Разве это приключение? – говорю спокойно. – Так, очередной мелкий сюрприз... Но если ты предлагаешь заехать в какую-нибудь кофейню, я буду счастлив. Твоя мама – щедрая хозяйка, но она не знает, что с похмелья я эту пакость ведрами пью. А наша шустрая покойница напоила меня вчера до безобразия. Джин и игристое вино – представляешь?

– Она тебя спасти хотела, – серьезно объясняет Олла. – Остановливайся вон на том углу, видишь? У них такой хороший кофе, что даже я его иногда пью...

– От чего она меня хотела спасти?

– Ну... Вы ведь были любовниками когда-то?

– Очень давно. И недолго. Так вышло, что нам больше понравилось просто дружить.

– Все равно. Когда мужчина и женщина встречаются после долгой разлуки, это обычно заканчивается постелью. А спать с покойницами, мягко говоря, не слишком полезно для здоровья. Знал бы ты, скольких бывших любовников она приводила на эту дачу! Пользовалась тем, что они, как и ты, приезжали сюда после нескольких лет отсутствия и ничего не знали... Ташка, вероятно, очень нежно к тебе относится. И поэтому быстренько напоила тебя до свинского состояния. Так, чтобы ты ничего не смог, даже если вам обоим очень захочется.

– Она меня еще и укурила на всякий случай, – киваю, останавливаясь возле рекомендованной кофейни. – Знает ведь, что я от этого зелья засыпаю почти мгновенно... И, к слову сказать, она почти объяснила мне, что происходит. Завела такой странный разговор: дескать, иногда мне кажется, что все живы, а вот я – умерла. Я подумал – блажит... Но зачем она охотится на бывших любовников? Насколько я знаю, Ташка относилась к своим «бывшим» с равнодушной нежностью. Смерть делает человека злым?

– Ну что ты. Почему «злым»? Просто ей нужно чем-то питаться, а старый приятель для мертвеца слаще, чем незнакомец – не знаю уж, по какой причине...

– А почему она... Ну, почему она – *такая*? Это ведь, кажется, не со всеми после смерти происходит?

– Не со всеми. Но некоторые женщины только в момент смерти осознают, что были рождены ведьмами. Это, знаешь ли, дает некоторые дополнительные

возможности, от которых ни один мертвец не откажется. Вот и она не отказывается.

73. Сигурд

Пробудив валькирию, Сигурд получает от нее мудрые советы...

В кофейне прохлада и полумрак, за стойкой сутулится лысый седобородый старик с орлиным профилем, а столики составлены так тесно, что спинки стульев соприкасаются: вероятно, заведение неплохо подготовлено к небывалой популярности. По счастью, сейчас здесь почти пусто.

– Это потому что полдень, – объясняет Олла. – Здесь по утрам и вечерам аншлаг.

Киваю. Молчу. Жду обещанного кофе. Пробую. Тут же требую вторую порцию: действительно шедевр.

Олла ждет, пока я опустошу чашку. Забирает ее, переворачивает вверх дном, ставит на блюдце. Ну да, она ведь, небось, и на кофейной гуще гадает, а не только в натальных картах роется...

– Извини, – говорит серьезно. – Я веду себя бестактно: ты ведь не просил меня тебе гадать. Но я умираю от любопытства.

– Да нет, все в порядке, – вздыхаю. – Я тоже умираю от любопытства... А где-нибудь рядом с этой кофейней есть гостиница? Я бы поселился поблизости и ходил бы сюда завтракать. Дивное местечко.

– Спроси у дедушки Арно. – Она кивает на старика за стойкой. – Он только с виду хмурый, а на самом деле

общительный. Все тебе расскажет: и про ближайšie гостиницы, и про меню соседних ресторанов, и про своих внуков, и про международную политику. Ничего не утаит. Такой умный станешь – подумать страшно.

У меня пока нет настроения общаться с незнакомым дедушкой Арно. Но я понимаю, что Олла хочет побыть одна. Помедитировать над моей чашкой. Имеет полное право. Да я и сам заинтересован в результатах ее метафизического расследования.

До международной политики дело не дошло, поскольку старик решил лично заняться моей жилищной проблемой. Неподалеку обнаружили целых две гостиницы: одна – совсем близко, через дорогу, наискосок. Хорошая, но довольно дорогая. Другая, попроще и подешевле, – в двух кварталах отсюда. Администраторы обеих были завсегдатаями кофейни, и дедушка Арно тут же принялся им названивать. В результате переговоров для меня забронировали два места сразу: комнату с душем в конце коридора за десять долларов в сутки и апартаменты с телефоном и ванной – за пятьдесят. Выбор был ясен заранее: во мне бушевал недорезанный буржуй, желающий мыться пятнадцать раз на дню, к тому же не слишком уверенный, что непременно доживет до завтра, а потому утративший потребность экономить. Но старик решил, что выбрать дешевый номер мне не позволяет гордость, одобрительно усмехнулся и забронировал оба. Дескать, посиди, попей кофе, подумай еще.

Рассыпавшись в благодарностях и поклявшись выпивать в этом благословенном месте не менее дюжины чашек кофе в сутки, возвращаюсь к Олле. Сразу понимаю, что гадалка успела узнать обо мне много

нового и интересного. Прежде она разглядывала меня с уважительным любопытством, теперь же в ее взоре напряженное, тревожное восхищение, словно бы я – не блудный псих, не варяжский гость, запутавшийся в собственных галлюцинациях, а посланец небес с запыленными крыльями и вспотевшим от полуденной жары нимбом.

– Ага, – смеюсь, – вот щас допью кофе и благовещать начну!..

– Ну, это вряд ли, – спокойно возражает Олла. – Не сейчас. Ты – не свершившийся факт, а обещание, возможность. Но без клятв и гарантий – пока. Впрочем, даже это – больше, чем я смела надеяться.

– Сейчас пойду в гостиницу, запрусь в своем номере и стану рисовать плакат. Напишу крупными буквами: «НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮ». Буду ходить с ним по городу, чтобы не долдонить одно и то же по всякому поводу...

– Понимать – не твоя забота, – улыбается Олла. – Твое дело – действовать по обстоятельствам и смотреть, что будет... Впрочем, кое-что я тебе расскажу. И даже покажу. Смотри.

Она показывает мне чашку. Белый фарфор измаран неопрятной кофейной жижей. Потеки, впрочем, образуют вполне внятные картинки, даже слишком внятные для этого материала. Я не раз видел, как гадают на кофейной гуще, и знаю, что изображения больше похожи на кляксы Роршарха, чем на четкие силуэты театра теней. Но сейчас – совсем другой коленкор.

– Женщина и ключ – это я, наверное, понимаю... Они расположены рядом, но не соприкасаются – так и должно быть, наверное... Но эта штуковина, почти на дне

чашки, похожа на... неужели фотоаппарат? Вот этого я не могу расшифровать. При чем тут фотоаппарат? Да, я был когда-то фотографом или выдавал себя за такового – неужели это так важно?

– Все важно. Дело, думаю, не в профессии. Расположение картинки означает, что ты упустил фотоаппарат из виду. Не то чтобы совсем о нем забыл, но не придаешь ему значения. Не используешь. И совершенно напрасно.

– Наверное, – соглашаюсь растерянно, вспомнив сверток, который вручил мне Веня. Дружеский привет мне от меня самого, посылка, вскрыть которую мне предложили (я же и предложил), когда дела пойдут из рук вон плохо.

Вскрыть-то я ее вскрыл, но, вероятно, выбрал не самый удачный момент. Старый «Nikon» не вызвал у меня особого интереса. Я, конечно, собирался его осмотреть, сделать несколько пробных снимков, разобраться, зачем он мне нужен, но слишком уж много других забот было у меня в те дни. И фотоаппарат отправился в один из Вениных шкафов. До лучших ли, до худших ли, но до иных каких-нибудь времен.

74. Сказки и мифы

Чудесные силы вообще как бы отрываются от героя и действуют в значительной мере вместо него.

– Видишь, тут, на картинке, маленький такой значок? – Олла осторожно, чтобы не размазать кофейную гущу, подносит к изображению узенький ноготок мизинца.

– Загогулинка?

– Не загогулинка, а руна Перт. Эк ты ее неуважительно!.. Одно из ее значений – мешок колдуна. Как по-твоему, что хранится в мешке колдуна?

– Всякое волшебное барахло, – говорю глубокомысленно. – Черепа кошачьи, хвосты змеиные, нерожденные младенцы и, конечно, корень мандрагоры – как же без него...

Я дразнюсь, но Олла не сердится. Знает, с кем связалась.

– Да уж, по крайней мере, не картошка, припасенная на зиму... – отвечает она мне в тон. – Надеюсь, ты все понял. Волшебная вещь этот твой фотоаппарат. А ты, соответственно, растяпа. Волшебная вещь, предмет, который способен соединять тебя с миром чудесного просто в силу своей природы, вне зависимости от твоего сиюминутного состояния, настроения, невзирая на твои личные намерения даже, – большая редкость. И величайшее счастье иметь ее в своем распоряжении.

75. Слейпнир

Сын Одина Хермод скачет на Слейпнире в царство мертвых хель, чтобы вернуть оттуда своего брата Бальдра.

– Значит, придется вернуться в Москву, – вздыхаю. – Фотоаппарат там остался.

– Тебе в любом случае придется туда вернуться. И не раз. Вся твоя жизнь сейчас – сплошная дорога.

Вернее, много дорог. Мотаться будешь, как челнок. Между городами, между мирами, между явью и сном, между жизнью и смертью. Но тебе ведь по душе дорога?

– Думаю, да. Поездка из Москвы мне очень понравилась. Никаких событий, кроме самого пути. В голове – только дорожные знаки. Закаты часа на полтора, бабушки с клубникой на обочине, ночевки в лесу. Порошковый концентрат счастья.

– Ну видишь, повезло. Не всякому выпадает судьба по вкусу. Это я тебе как гадалка говорю.

– Дальняя дорога, значит. Метафизический туризм, между жизнью и смертью – лихо закручено!.. А чем дело-то кончится? Это ты мне можешь как гадалка сообщить?

– Ишь чего захотел... В твоих делах не один черт ногу сломит. Могу сказать одно: если все пойдет правильно, дело не кончится. Вообще. Никогда.

76. Смерть

Люди когда-то тоже умели сбрасывать кожу и омолаживаться, но утратили это умение и умирают.

– «Он – бессмертный!» – провозглашаю пафосно, с завыванием, старательно пародируя начало телевизионного сериала «Горец».

Дедушка Арно смотрит на меня из-за стойки со снисходительным любопытством, словно ожидая продолжения спектакля. Я смущаюсь, а потому сержусь.

– Хорош издеваться, – мрачно говорю Олле. – Что значит – «никогда не кончится»?!

– Не знаю, – гадалка безмятежно улыбается. – Я – не теоретик. Могу лишь напомнить, что «жизнь» и «смерть» – категории нашего здешнего, человеческого бытия. Предполагается, что этот способ существования для тебя – лишь эпизод. Что ты вдруг переполошился? Чего испугался?

– Только одного, – вздыхаю. – Что наша беседа окажется пустопорожней болтовней, мои приключения – горячечным бредом, а я сам – свихнувшимся мужиком тридцати с гаком лет.

– Может и так сложиться, – кивает она. – Есть такая вероятность. Но тут все от тебя зависит. Испугаешься, станешь топтаться на месте, бляя что-то невразумительное о сомнениях своих, как сейчас, – что ж, тогда не обессудь... Тебе придется стать очень хорошим игроком в кратчайшие сроки. Времени у тебя всего ничего: только это длинное лето да сентябрь...

– Время ветра и спелого винограда, – подхватываю.

Слова выговариваются сами собой, словно я уже не раз произносил или даже писал эту фразу, хоть и не слишком похожа она на мой личный типовой набор художественных приемов.

Грозные предупреждения гадалки почему-то меня не пугают. Напротив, раззадоривают. Вероятно, я уже становлюсь хорошим игроком, превращаюсь в него, не откладывая, прямо здесь и сейчас, в уютной пустой кофейне дедушки Арно, в полдень.

Иду к стойке, беру нам еще по чашке кофе. Возвращаюсь к Олле. Усаживаюсь не напротив, а рядом: мне сейчас не лицо ее видеть нужно, а локтями

соприкасаются, запах волос ощущать, вдыхать воздух, который она выдыхает. Это почему-то важно.

– И что же, – спрашиваю, – будет, когда закончится сентябрь?

– Не знаю, – шепчет она. – За ответом на такой вопрос не к гадалке ходить надо. Одна надежда, что ты сам мне об этом когда-нибудь поведаешь – если сбудешься.

77. Сома

В «Рамаяне» рассказывается, как Равана <...> приближается к обители Сомы, как он, скованный холодом луны, пускает стрелы в нее...

Нам обоим понятно, что такой диалог может завершиться только поспешным, молчаливым прощанием. Олла уходит; я задерживаюсь в кофейне лишь для того, чтобы дать ей возможность прокатиться по серому асфальту ослепительной алой капелькой, словно город поранился, забавляясь с остриями солнечных лучей. А потом гадалка смешивается с пестрым ручейком загорелых тел, пересекает улицу, на мгновение сливается с тенью огромного платана, заворачивает за угол и наконец исчезает из моей жизни.

Я ставлю на стол пустую чашку, прощаюсь со стариком и отправляюсь прямехонько в рекомендованный им караван-сарай для буржуев. Планы мои просты и невинны: принять душ и поспать еще пару часов. С похмелья на меня все действует как снотворное. Даже крепкий кофе и задушевные разговоры о суровой метафизической действительности.

Уладив немногочисленные формальности, запираюсь в гостиничном номере. Так и не добравшись ни до душа, ни даже до постели, падаю на ковер, перекатываюсь на бок, потом – на другой, валяюсь в ногах у тутошной мебели, с наслаждением вытягивая конечности, и судорожно, по-рыбьи зеваю. Засыпаю и лишь потом вспоминаю, что надо бы закрыть глаза. Но поздно, дело сделано, и я сплю, глядя на сочащуюся солнцем бледную штору. Это зрелище заменяет мне сновидения, а потому три часа спустя я просыпаюсь в прекрасной форме. Именно в такие минуты и следует переворачивать мир, если очень приспичило.

Но у меня на сегодняшний вечер совсем иные планы.

Иду в душ, одеваюсь, не потрудившись обсохнуть: куда бы я ни пошел, путь мой будет пролегать через настоящее пекло. К четырем часам пополудни в южном городе начинает плавиться асфальт, небо утрачивает цвет, а тени – очертания. Поэтому, добравшись до стойки дедушки Арно, я заказываю одну микроскопическую порцию кофе и три стакана ледяной воды. Первый выпиваю жадно, залпом, как пес, чудесным образом излечившийся от водобоязни. Вторым запиваю кофе. Третью порцию медленно цежу сквозь зубы, словно бы стараюсь запастись холодом впрок, промерзнуть – не до костей даже, до воспоминаний.

Как ни странно, мне это удастся: последний глоток воды вызывает у меня легкий озноб. Довольный результатом, выхожу на улицу. Есть надежда, что первые полторы минуты скитаний по раскаленным тротуарам я как-нибудь выдержу.

В синем киоске с древней, давно уже утратившей актуальность, надписью «Союзпечать» покупаю карту города. Толстая женщина, помещенная внутри этой действующей мини-модели адского котла, вероятно, ведет свой род от саламандр: я руку обжег о прилавок, а ей – хоть бы хны...

Устроившись в тени облезлого платана, «бесстыдницы», как называли его местные старики в годы моего-чужого детства, определяю собственное местонахождение. Обнаруживаю, что ехать никуда не нужно: я почти в самом центре. До улицы Маяковского, по которой я твердо вознамерился прогуляться, рукой подать. Хорошая новость. Меньше всего мне хотелось бы сейчас помещать собственное белковое тело в доменную печь автомобиля, который все это время простоял на солнцепеке. Металл пока не начал капать на тротуар, но к тому явно шло.

Примерно уяснив маршрут, прячу карту в нагрудный карман. Поднимаюсь, иду по солнечной стороне улицы (а что делать, они обе – солнечные). Несколько кварталов спустя с удивлением понимаю, что так и не вспотел. Мне по-прежнему не жарко. Напротив, меня все еще знобит, как в кафе, после третьего стакана воды. Странная, но приятная несообразность. Возможно, мне досталось тело со встроенным кондиционером, а я, дурак, не заметил. Недооценил своего двойника. Он был парень не промах. Знал, что по-настоящему важно, а что – суета.

Задумавшись, сворачиваю на улицу Шевченко. У ступенек, ведущих в некое хтоническое заведение – не то подземелье гоблинов, не то просто пункт приема стеклотары, – толкнутся измятые, нетрезвые богочеловеки. В прозрачных очах изнуренных жарой

алкашей таятся такие бездны – куда уж нам, дешевым призракам, недоосуществившимся вероятностям...

Ирония моя была скорее защитного свойства: прежде я и правда высокомерно воротил рыло от человеческого мусора, но сейчас вдруг загравком почувствовал подлинность их скудного бытия, достоверность душевной муки, искренность бушующих здесь страстей. Содрогнулся, осознав, что никчемные пьянчужки нередко получают из наилучшего человеческого материала, из великого обещания, которому не удалось сбыться. После этого, вероятно, включается программа самоистребления. Собственно, всякий человек – саморазрушающаяся конструкция, просто у этих ребят она работает в интенсивном режиме.

Мне хотелось не то плакать, не то молиться, но, разумеется, я не сделал ни того, ни другого. Лишь немного замедлил шаг, вглядываясь в одутловатые, бессмысленные лица. «Смотри и запоминай, – говорил я себе, – так выглядят люди, которым не удалось разбудить своих демонов. Которым не посчастливилось докричаться...»

Один из алкашей, грузный, сутулый, лысый, одетый в реликтовые джинсы и нечистую голубую майку, словно бы прочитал мои мысли и с ужасом отшатнулся, давая мне дорогу. Оступился, упал кверху брюхом, нелепо раскинув дряблые руки. Его товарищи сипло загоготали. Мне немного полегчало, и я отправился дальше.

Прошагав еще несколько кварталов, я обнаружил, что окончательно замерз. Невероятно, но факт: по мере приближения к улице Маяковского я покрывался гусиной кожей. Ни единой капли пота не выступило на моем лбу,

хотя, теоретически говоря, температура была градусов сорок в тени. Ну, тридцать восемь – минимум.

Ну да. Обычно, когда игрок приближается к цели, ему говорят: тепло, еще теплее, горячо! В моем случае все наоборот. Вероятно, просто потому, что теплее, чем есть, быть не может, – примерно так я объяснил себе этот феномен. Не могу сказать, будто ответ меня удовлетворил, но меньше всего на свете хотелось мне сейчас докапываться до истины. Отмазался – и ладно...

78. Спандармет

...земля – постоянный двор бога...

Мимо знакомой веранды безымянного ресторана, где, как выяснилось, любят коротать вечера местные мертвые девушки, я пролетел пулей, стараясь не задерживать взор на силуэтах немногочисленных посетителей, да и своего лица им не показывать. Общение с дружественными трупами не входило в мои ближайшие планы. Дурная трата времени. Не все чудеса нуждаются в тщательном исследовании. Только некоторые.

Сегодня я был намерен сконцентрироваться на изучении улицы Маяковского. Я смутно помнил, что она каким-то образом связана с Нижним Городом, о котором я, в свою очередь, не знал почти ничего.

«Магистральная развязка», «перекресток между мирами» – такие определения содержались в одном из секретных файлов моего компьютера. Этого было достаточно, чтобы начать путешествие «не знаю куда», неведомо зачем именно с улицы Маяковского. Больше

неоткуда. «Если даже ничего здесь мне не откроется, пусть это место станет точкой отсчета», – думал я.

С такими мыслями я ступил на проезжую часть улицы. Зашагал неторопливо по разделительной полосе, благо охотников ездить на автомобилях в этот знойный час не было вовсе.

79. Сраоша

Он воздвиг особый дом...

Прогулка по полустертой границе между *тем* и *другим* пошла мне на пользу. Еще одна прореха в памяти затянулась тонкой розовой кожей и, как всякая заживающая рана, зудела, не позволяя отвлечься. Я вспомнил, *что* это была за улица.

Теперь мне казалось, будто я всегда знал, что одна сторона улицы Маяковского – сейчас она была слева – в это время суток обычно выглядит людной и оживленной. Летом здешнее небо пестреет лоскутами парусиновых тентов, земля же уставлена столиками кафе. Между небом и землей, соответственно, помещаются голуби, воробьи, вороны, дети, старушки, собаки и городские бездельники, чей имущественный статус не позволяет прожигать жизнь в более пафосных местах.

Эти кадры из моих личных архивов примерно соответствовали актуальному положению дел. Разве что кафе уже не слишком походили на пристанища для бедных студентов, да окрестные торговки не сидели больше на своих табуретах: то ли убогий их товар перестал пользоваться спросом, то ли городские власти сочли, что мешки семечек и розовых вареных рачков

скверно сочетаются с гламурными витринами новорожденных бутиков.

Противоположная же сторона улицы Маяковского всегда оставалась пустынной: ни кафе, ни детей, ни старушек. Даже воробьев и голубей здесь почему-то не было. Только унылого вида жилые бараки из серого ракушечника, облицованная кафелем пятиэтажка, металлические прутья заборов, да крошечный, ветхий костел, у ворот которого я, кажется, отродясь не видел ни единой живой души. Прохожие избегали ходить по этой стороне улицы, а рискованные городские предприниматели до сих пор не открыли там ни кафе, ни магазина. Странно, если учесть, что сейчас, например, там была тень, а через дорогу, на обжитой территории – пекло.

Слева от меня настойчиво загудел ярко-алый «Опель». Не так уж я ему мешал, честно говоря: бреду себе по разделительной полосе, никого не трогаю, резких движений не совершаю. Оглянувшись, вижу растерянное лицо прекрасной водительницы заокеанского транспортного средства. Кажется, она и сама не очень-то понимает, какого хрена расшумелась.

Но я счел незначительное сие происшествие знаком свыше: хватит, значит, по лезвиям бритвенным скакать. Пора тебе, братец мой, то ли в пропасть головой, то ли на обочине пикничок какой затеять... Ну и куда теперь?

Я выбрал «обочину». Решительно свернул налево. Не потому даже, что правая сторона улицы Маяковского по-прежнему будила во мне первобытную жуть. Просто стараюсь быть последовательным в похвальном своем стремлении повиноваться знакам судьбы: бибикнули-то на меня слева? Слева. Ага.

Да и выпить мне, честно говоря, не помешало бы, – думаю я, опускаясь на свободный пластиковый стул под зеленым тентом. Выпить. Покурить. Подумать. Полюбоваться как следует на изжелта-сизые стены домов на противоположной стороне. Привыкнуть к мысли, что в сумерках мне придется отправиться туда на прогулку. Пятиэтажка значится в моих планах первой остановкой. Теперь припоминаю, что всегда косился на нее с особым, утробным ужасом.

Ну и вот...

80. Старкад

Тор <...> предрекает, что Старкад <...> не запомнит ничего из сочиненного им <...>.

Рыжий мальчишка, наверняка старшеклассник, подрабатывающий в кафе во время каникул, приносит меню. Не открывая клеенчатую папку, требую стандартный летний набор удовольствий: джин-тоник и какой-нибудь овощной салат. Юный раб чьей-то лампы кивает и оставляет меня в одиночестве – если, конечно, можно счесть одиночеством такое положение тела в пространстве, когда локоть сидящего за соседним столиком африканца то и дело задевает плечо, ноздри терзает терпкий запах духов близлежащей матроны, а под моим собственным стулом спасается от жары чей-то блудный кокер-спаниель. Пространство здесь используется экономно, ибо всякий квадратный метр обязан вместить максимально возможное число потенциальных кутил. Но я не досажую на тесноту, не раздражаюсь, не оглядываюсь по сторонам в поисках менее обитаемого островка; даже нос, чувствительный

обычно к чужим телесным испарениям, делает вид, будто утратил былую чуткость. Я терпим и великодушен с тех пор, как окончательно уразумел, что мне нечего делить с другими людьми: зона моих насущных интересов находится по ту сторону вещей.

Сижу, жду. Понятно, чего – сумерек.

Время теперь течет не то слишком медленно, не то, напротив, чересчур стремительно. Так всегда бывает, если на горизонте маячит некое малоприятное Важное Событие, вроде визита к дантисту или посещения паспортного стола; событие, которое и отсрочить, оттянуть, отложить на неопределенное будущее хотелось бы, но и проскочить поскорее, не приходя в сознание, было бы неплохо.

Рыжий мальчик возвращается. Приносит мой заказ. Я без особого энтузиазма уродую вилкой яркую поверхность салата, словно бы исполненного по эскизам Матисса. Пробую джин-тоник. Слабенький совсем состав – ну да все к лучшему. Такой бурды можно выпить очень много, сохранив трезвую голову, холодные руки и разбитое на две половинки сердце. В одной его части оборудовали Комнату Страха, в другой – Комнату Смеха, королевство кривых зеркал.

Ловлю себя на том, что думаю – как пишу. Не довольствуюсь косноязычным внутренним монологом, где большая часть высказываний – по ту сторону слов, а собираю воедино ватные комочки смыслов и цветные стеклышки образов, старательно, как домовитая птичка, мастерю из них гнездо, хоть и знаю, что мне в этом уютном убежище не усидеть. Даже в памяти вряд ли останется хоть что-то из слов, только что слепленных

воедино в темноте, под прикрытыми веками. Для кого стараюсь? Неведомо.

81. Судьба

Судьбы ведут того, кто хочет, и влачат того, кто не хочет.

Кожа моих рук становится бледно-лиловой, и я понимаю, что наступил вечер. Кажется, я спал сидя, с открытыми глазами: вот и салат мой нетронут почти, и стакан еще полон, а кафе уже опустело. Рыжий мальчишка смущенно мнетя в отдалении: я – последний посетитель, если бы не моя нерасторопность, он бы уже мог собираться домой. Но понукать клиентов официантам, вероятно, запрещают: в условиях дикого, необъезженного рынка мы – кормильцы и благодетели, нам можно все.

Устыдившись, требую счет. Чек приносят не на блюде, а в специальной книжице – все как у больших, с ума сойти можно! Разглядывая фирменную эмблему, выясняю название заведения, где благополучно доклевал носом до темного времени суток. Конечно же, кафе именуется «Фортуна». И, конечно же, на визитной карточке написано: «Счастливого пути». С некоторых пор я не даю себе труда делать вид, будто подобные выкрутасы меня удивляют. Понятно ведь, что это – в порядке вещей. Теперь всегда так будет. Или еще как-нибудь. Или вовсе никак не будет.

И хуй с ним.

Оставляю щедрые чаевые, покидаю нейтральную территорию кафе, пересекаю проезжую часть и

оказываюсь наконец на противоположной стороне улицы Маяковского. Чешу прямехонько к зловещей пятиэтажке. Мне почему-то не страшно. Впрочем, и какого-то особенного душевного подъема я не испытываю. Мне не радостно, не весело, не слишком интересно даже. Мне – никак.

Знаю просто, что все идет правильно. Так надо. Так было задумано. А чем дело кончится да чем сердце успокоится – дурацкие вопросы. Не кончится, не успокоится. В каком-то смысле я теперь всегда буду пересекать эту чертову улицу, переходить с одной стороны на другую, отсюда – туда, из света – в тень, из сбывшегося – в несбывшееся, из огня да в полымя...

Я иду.

82. Сфинкс

Сфинкс расположилась на горе близ Фив и задавала каждому проходившему загадку <...>. Не сумевшего дать разгадку Сфинкс убивала.

– Сколько времени?

Именно так. Не интеллигентное «Который час?» – но и не привычный уху причерноморский говор: «Скока время?» «Сколько времени?» – то ли философский вопрос, то ли экзаменационный тест, то ли требование назвать некий заветный пароль. В иной ситуации я бы, пожалуй, не обратил внимания на такую тонкость, но сейчас я шагаю по *теневой стороне* улицы Маяковского, и всякая незначительная подробность представляется мне событием, заслуживающим пристального, настороженного внимания. Я бы, пожалуй, и зудящую

песню одинокой мясной мухи выслушал с почтительным содроганием, а уж речь человеческая, внятная, и вовсе показалась телеграммой растревоженных небес.

Дорогу мне заступила всклокоченная нетрезвая старуха. Седые кудри щедро усыпали перхотью ворот рваной вязаной кофты; верхние пуговицы не то расстегнулись, не то вовсе оторваны, и взгляду моему приоткрывается жуткая, мятая, голая грудь. Могучий торс, костистые ноги в стоптанных туфлях – что за фея преградила мне путь!

– Сколько времени? – настойчиво повторяет старуха.

– Времени, – отвечаю, – нет. Закончилось время.

Она молча разглядывает меня бледными, слезящимися очами. Наконец неохотно отступает в сторону. Дает мне пройти. Вернее, протиснуться в узкую щель между створками ржавых железных ворот, отгораживающих территорию, прилегающую к возлюбленной моей пятиэтажке, от прочих фрагментов видимого мира.

83. Сырдон

Узрев в нем что-то дьявольское, хитрое...

Я почти не удивился, обнаружив, что попал не во двор, а на улицу. Кажется, снова на улицу Маяковского. По крайней мере, табличка с соответствующей надписью услужливо предьявляет моему взору сию сомнительную топографическую истину. Только теперь тротуары пустынно, вывески кафе и магазинов погасли, да и окна

в домах тоже темны, словно бы в округе внезапно разразился энергетический кризис.

Действующий фонарь здесь только один. Зато он стоит в нужном месте. Бледного сияния пыльной лампы достаточно, чтобы разглядеть троллейбусную остановку, древний автомат с газированной водой и афишную тумбу. Поблекший от регулярных свиданий с хлябями небесными рекламный плакат предлагает мне посетить туристическое агентство «Франк и С^о».

Как же, как же. Старина Франк. Вижу тебя, блин, как наяву... Что до «компании» – могу себе представить!.. Заинтересовавшись, с трудом разбираю мелкие строчки. Оказывается, Франк сотоварищи сулит мне «путешествия по Европе на троллейбусах». Что ж, по крайней мере, вполне смешно. И на том спасибо. Уважили.

84. Сэйси

...встречает праведников и сопровождает их в рай «чистой земли».

Добродушный рогатый перевозчик появляется не то чтобы сразу, но и на томительное ожидание меня не обрекли. Всего-то несколько минут отплясывал я ритуальный танец вокруг фонаря, подражая мельтешению комариного облака, окружившего единственный на всю округу источник света и тепла. Мною кровопийцы, по счастью, брезговали. Оно и верно: не так уж много во мне человеческого, чтобы телесные мои выделения могли заинтересовать комариных самок!

Троллейбус замедлил ход, приближаясь к остановке. Номер маршрута, ясен пень, неразборчив, зато на синем боку намалеван яркий рекламный слоган: «Все радости. Ада». Именно такая пунктуация; точка была размером с полновесную букву и имела вид мишени. Стилистически надпись, надо сказать, не слишком отличалась от привычной взору рекламы жевательной резинки или стирального порошка.

Расписное транспортное средство наконец останавливается. Задняя дверь распаивается с приветливым лязгом. Покорно поднимаюсь в салон, залитый тусклым оранжевым светом. Жду, что дверь сейчас закроется, и меня повезут в неведомое далеко, но троллейбус стоит на месте.

Хорошенькое дело!

По счастью, мне сейчас все нипочем. Поднимаюсь с прохладного сиденья, обитого серым дерматином. Иду к водительской кабине. Я твердо намерен объясниться с возницей, даже если он окажется огнедышащим семиглавым, восьмихвостым, девятичленным драконом. Плевать. Я и сам – вполне себе неведомая зверушка, разберусь как-нибудь.

Но водительская кабина пуста – что за нелепое открытие!

Некоторое время топчусь в нерешительности. Думаю: может быть, сейчас дверь закроется, и троллейбус поедет самостоятельно. И не такие чудеса случаются по ночам на улице Маяковского, не так ли?

Но ничего не происходит.

Я наконец понимаю, что должен проявить инициативу. Не та у меня, вероятно, карма, чтобы на

халяву кататься. Нет уж, дружок, сам. Все сам. Своими руками.

Решаюсь наконец. Остается надеяться, что для человека, умеющего водить автомобиль, управление троллейбусом – вполне посильная наука. Хорошо бы, конечно, обзавестись мудрым наставником, чтобы показал, какие кнопки следует нажимать, но ничего, сам разберусь. Старым, добрым методом проб и ошибок.

Усаживаюсь на водительское место. Осматриваю немногочисленные кнопки и рычаги. Кажется, действительно ничего особенного. Мне бы еще, конечно, понять, куда ехать, но тут уж придется полагаться исключительно на штурманские карты, вытатуированные на поверхности моего собственного сердца.

«Ничего, ничего, – говорю я себе. – Дорога превыше цели».

Только это и важно сейчас. Только это.

85. Сюй-Чжэньцзюнь

...среди бела дня вознесся в небо.

Впрочем, троллейбус, как и сводный брат его трамвай, по счастью, решительно неспособен сбиться с пути. Но если трамвай неразлучен со своими земными путями, рельсами да шпалами, троллейбус словно бы привязан к поднебесью. Его тропы начертаны в нескольких метрах над земной твердью и не всегда видимы глазу – уж, по крайней мере, не в безлунную ночь.

Поэтому все более-менее просто. Я еду, куда едетя. Медленно, осторожно, предельно внимательно. Что будет, если моя повозка сойдет с маршрута, утратит связь с протянутым во тьме источником энергии – и думать не хочу. Ясно, что херово будет, а подробностей мне лучше не знать. Обойдемся как-нибудь без подробностей, ладно? Ладно, – отвечает флегматично мой невидимый, неведомый и вряд ли хоть как-то поименованный ангел-хранитель. – Как скажешь, так и будет.

Вот и договорились.

Немудрено, что когда электрическая моя колесница остановилась наконец у фонарного столба с ржаво-желтой табличкой, исчерченной то ли царапинами, то ли буквами неведомого алфавита, а громкоговоритель вдруг взревел на весь салон испитым басом: «Конечная. Просьба освободить салон», – я на мгновение утратил контроль над собой. Задрожал, затрясся, завибрировал всем телом, коротко вякнул и взорвался – но не умер, конечно. Так, не репетиция даже – первая читка.

86. Сянь

Он <...> странствует за пределами Четырех морей.

Вероятно, следует сказать, что я потерял сознание. Но меня бесит это выражение: оно не дает никакого представления о том, что происходит с человеком, чья обитаемая реальность вдруг исчезла, рассыпалась, искрошилась в темную, гнилую труху.

Зато выражение «прийти в сознание» вполне меня устраивает. Примерно так все и происходит: шел, шел и пришел. Перешел вброд Великую реку и вернулся, черт побери, к родным берегам. Счастье.

Обретя себя или качественную копию, почти неотличимую от оригинала, я огляделся. Судя по всему, местный троллейбусный парк больше не нуждался в моих услугах. Во всяком случае, я сидел уже не в водительском кресле, а на мостовой, вымощенной мелкими круглыми камешками. Невелика потеря: мостовая была вполне теплой и, кажется, даже чистой. Воздух пах речной сыростью, дымом, травой и почему-то ванилью, словно бы где-то неподалеку работала кондитерская. Фонарный столб с табличкой, очевидно, провалился в тартарары, зато с древесных ветвей в изобилии свисали сияющие гирлянды мелких лампочек, оранжевых и голубых.

Поднявшись на ноги, я огляделся. Узкая улица, резные ограды палисадников, остроконечные крыши невысоких домов – все это было чрезвычайно похоже на какой-нибудь маленький европейский городок. Баварский курорт или, скажем, сладостная швейцарская глухомань – такие тонкости мне различить не по силам, да и ни к чему. Потому что и так понятно: никакая это не Европа. Нечто иное, для чего и названия-то нет в обжитых мною языках. Только условные, меня самого не слишком устраивающие определения: Нижний Город, обитаемая тень всех городов, возведенных людьми, одна на всех. Заветная изнанка бытия, подвижная, вертлявая граница между сбывшимся и несбывшимся.

Я ложусь навзничь, прижимаюсь лбом, губами, щеками, веками к прохладным камешкам мостовой. Это осознанный жест: я не знаю иного способа приветствовать новую реальность, кроме вот такой робкой телесной близости, в которой нет ни страсти, ни восторга – лишь почтительный трепет и бесконечное смирение.

Т

87. Татенен

...ночью к нему спускается солнце...

– Что же ты на мостовой валяешься?

Поднимаю глаза. Ада. Она, она! Прекрасная убийца рифмоплетов, любимое наваждение моего сгинувшего двойника, доставшееся мне вместе с прочим хлопотным наследством. Стоит, хохочет, подбоченившись. По глазам ее, впрочем, вижу, что все сделал правильно. Ада, кажется, чрезвычайно довольна.

– Поднимайся давай, бродяжка.

Она протягивает мне руку. Отнюдь, к слову сказать, не символический жест: силы ее, пожалуй, хватило бы и на троих таких, как я.

– Рад? – спрашивает коротко.

Я молча киваю. Говорить будем позже. Не чувствую я пока в себе коммуникативных способностей. Смотреть, улыбаться, за руку ее держать – это пожалуйста. Но не более того.

88. Тваштар

Тваштар <...> имел жену-демоницу из асурского рода.

– Стоять на месте не обязательно, – говорит Ада. – Можно гулять, можно сидеть на тротуаре, можно зайти в

первую же примерещившуюся забегаловку... или во вторую, или в третью – как пожелаешь. Если будешь хорошо себя вести, я постараюсь вообразить, будто у меня есть дом. И приглашу тебя в гости – при условии, что ты не утратил дар речи навеки.

– Не утратил, – мотаю головой. – Просто пока трудно. Говорить и... И вообще трудно. Но я быстро ко всему привыкаю.

– Очень хорошо. – Ада довольна. – Тогда для начала запомни правило. Оно простое, но важное. Фундаментальное. Все открытые двери здесь ведут – куда ведут. Ну то есть, если ты видишь, что за распахнутой дверью прилавков кофейни или, скажем, столярная мастерская, – заходи туда смело. Попадешь, куда собирался. А вот с закрытыми сложнее: никогда заранее не знаешь, куда они приведут. Старожилы Нижнего Города только в закрытые двери и ломаются, понятно. Но ты пока погоди. Не все сразу. Ясно тебе?

Киваю. Куда уж яснее...

– Вот и молодец, – смеется Ада. – Такой способный мальчик!

Воодушевленный ее снисходительной нежностью, обнимаю чудесное видение за талию. Привлекаю ее к себе. Вдыхаю молочный запах кожи, дымный аромат волос. Некоторое время мы неподвижно стоим на мостовой, а потом Ада деликатно отстраняется.

– Ты смотри, не увлекайся!

Тон ее суров, но в глазах пляшут веселые золотые бесенята.

Смотрю на нее вопросительно. С каких это пор ей не нравится моя способность «увлекаться»? Кажется, до сих пор...

– Ты не понимаешь, – вздыхает Ада. – Маша и я – не одно и то же.

– Тот Макс, с кем вы обе водили знакомство, и я – тоже разные люди. В прошлый раз тебя это совершенно не смущало.

– Не меня. Ее не смущало, – упрямится Ада. – Это ты, раздолбай, сам с собою судьбами, женщинами и снами меняешься по три раза на дню. А я девушка серьезная, у меня в делах учет и порядок. Я – это я, Маша – это Маша. Кто из нас чья тень – вопрос, конечно, сложный. Тут не только черт ногу сломит, тут и серафим шестикрылый в гипс угодит, пожалуй... Зато в остальном полная ясность. Моя функция – время от времени спасти твою шкурку в обмен на первую попавшуюся тайну. Все прочее – ее забота.

– Ладно, – вздыхаю. – Ничего не понимаю, но... Я тебя услышал. Договорились. Больше не буду страстно сопеть тебе в ухо. А в награду за хорошее поведение постарайся все же объяснить мне, кто ты и кто она. Если уж у тебя в делах учет и порядок...

– Ты и сам знаешь, как это происходит. Иногда мне снятся ее сны, а ей – мои. Только и всего. Не парься.

89. Тескатлипока

...странствует ночью по улицам, разыскивая преступников, <...> олицетворяет жертвенный нож.

– Я очень, очень люблю тебя, Макс. Когда сплю, – вдруг говорит Ада. – А когда я бодрствую, моя природа не велит мне любить кого бы то ни было. Кстати, имей в виду: та, другая, она любит тебя, только когда бодрствует, – для симметрии, очевидно. Не знаю, как она, но я, по счастью, не так уж много сплю...

– Почему – «по счастью?» – чтобы рассмешить ее, корчу обиженную гримасу. – Неужели это такая тяжелая работа – меня любить? Хуже, чем толкать вагонетку «Одесса – Жмеринка»?

Она довольна. Помнит, значит, старый анекдот про доктора и его пациента, терзаемого железнодорожными кошмарами^[8].

⁸ Анекдот бородат, как банда моджахедов, но на всякий случай перескажу его по памяти:

Приходит к врачу пациент, жалуется: «Доктор, мне каждую ночь снится, что я толкаю вагонетку по маршруту Одесса – Жмеринка. Просыпаюсь в холодном поту, день насмарку, работать не могу, помогите».

«Что ж, – говорит врач, – давайте договоримся. В 12 часов ночи вы ложитесь спать и до 4-х утра толкаете вагонетку. С 4-х до 8 утра я буду делать это за вас, чтобы вы могли отдохнуть».

Пациент уходит довольный.

В кабинет заходит следующий больной. «Доктор, мне каждую ночь снится, что ко мне приходят две женщины, блондинка и брюнетка. Первую половину ночи я занимаюсь любовью с блондинкой, вторую половину ночи – с брюнеткой. Просыпаюсь в холодном поту, день насмарку, работать не могу, помогите».

«Что ж, – говорит врач, – давайте договоримся. В 12 часов вы ложитесь в постель и до 4-х утра спокойно спите, а я беру на себя вашу блондинку. А с 4-х до 8 утра вы со свежими силами занимаетесь брюнеткой. С такой нагрузкой справитесь?»

«Да, спасибо, доктор, но... Не могли бы вы взять на себя брюнетку? Видите ли, блондинка мне нравится больше...»

«Увы, ничем не могу помочь, с 4-х до 8 я толкаю вагонетку Одесса – Жмеринка».

– Я, видишь ли, не любовница, не блондинка и даже не брюнетка. Я – убийца. Это, мягко говоря, разные вещи.

Мы бредем по улице, взявшись за руки. Как-то вдруг стало ясно, что в сложившихся обстоятельствах неспешная ходьба – идеальное занятие для нас обоих. Она разбавляет беседу, как молоко, добавленное в крепкий, горячий кофе: перебивает горечь, остужает жар, превращает колдовскую смесь в уютное домашнее пойло. Вот и славно. Не хочу я сейчас острых ощущений, сколь бы изысканны они ни были: не до жиру, не до нюансов. Мне бы в воде не сгореть, в огне не утонуть. О большем не прошу.

Я, кажется, заново учусь жить, как учится ходить человек, слишком долго пролежавший в постели. Опираясь на хладный костыль или теплую дружескую руку – это уж кому как повезет. Мне-то как раз повезло. Лапка у моей прекрасной убийцы сильная и теплая. Именно то, что требуется.

– Помнишь всю эту чушь, которую я тебе рассказывала? – неожиданно смеется Ада. – О том, почему я убивала скверных поэтов, бла-бла-бла...

– Да уж. Рассказывала ты, вероятно, не мне, но я помню. Такое поди забудь. Дескать, они уничтожают дух поэзии...

– Ага. Тебе я это рассказывала или нет, спорить не будем. Сам когда-нибудь разберешься, без моей помощи... Так вот, забудь эту чушь. Не подвернулись бы мне под руку поэты, придумала бы другую байку, для самоуспокоения. А все оказалось просто: такова моя

природа. Время от времени я должна убивать, ничего не напишешь.

– И как ты выкручиваешься? – интересуюсь.

– А я не выкручиваюсь. Просто отправляюсь на охоту... Что касается представлений о смерти как о всемогущей, неумолимой даме с косой – дурацкая чушь! Нас, знаешь ли, много – по крайней мере, здесь, в Нижнем Городе. И с косой, насколько мне известно, ходит только один законченный псих. Мужик, кстати. Здоровенный такой лоб... Всемогущих среди нас не наблюдается, зато почти все – милейшие люди. Ну, у меня, положим, тяжелый характер, но мы – я и тот тип с косой – скорее исключение.

– Я опять дурак и ничего не понимаю? Или ты действительно пытаешься мне втолковать, что работаешь Смертью? На полставки?

– Я не пытаюсь. Я просто говорю.

– Погоди-ка. Ты убиваешь здесь, в Нижнем Городе?

– Ну что ты ерунду метешь? Как маленький... В Нижнем Городе нельзя ни жить, ни умереть. Здесь можно только *быть*. Чувствуешь разницу?

– Чувствую... наверное. То-то со мной все как-то не так!

– Конечно. Ты просто не привык *быть*. Или отвык. Тебе виднее...

– Слушай, – говорю. – Если ты – смерть, расскажи мне, что бывает после тебя. А то живу дурак дураком...

– Всякое бывает, – уклончиво отвечает Ада. – Каждому свое, знаешь ли...

90. Тиртханкара

Создатель брода.

Мы сидим на низкой скамье у фонтана, извергающего не воду, а тягучий, молочно-белый свет. У меня кружится голова; Ада спокойна и сосредоточена. Повинуясь мягкому, но настойчивому требованию, я кое-как пересказал ей свою-чужую историю.

– Тебе со мною повезло, – наконец изрекает она. – Мне с тобой, конечно, тоже. Но, честно говоря, тебе повезло больше. Ты начал служить своему призванию задолго до того, как впервые осознал, что оно существует.

– Я, по-моему, так до сих пор ни хера и не осознал.

В признании моем нет ни сожаления, ни растерянности, ни даже особого любопытства. Объяснит она мне, что имела в виду, – хорошо. Не объяснит – тоже ладно. Толку от объяснений, как я успел убедиться, – чуть. Пустышка для орущего разума. Но мой-то, кажется, в последнее время все больше спит. Чудовища, порожденные его дремой, за редким исключением, прекрасны. Ничего мне не нужно, лишь бы они оставались со мной.

– Неправда твоя. Ты ведь рассказывал мне, как увел за собой трех женщин – неведомо откуда, неведомо куда. Это и есть – осознать призвание. А ты думал, как? Сесть, поскрести в затылке и сказать: «О! Теперь понятно, как я буду жить!» Но так не бывает...

– Моему организму нужны все же четкие формулировки, – вздыхаю. – Я без них, как без витаминов, чахну.

– Единственную и неповторимую формулировку ты и без меня знаешь. Ты – Ключник. Тот, кто открывает двери. Потому и говорю, что со мной тебе повезло: мою дверь ты открыл почти нечаянно. Рассказал мне про улицу Маяковского. Из нескольких миллиардов человек, обитающих на планете, выискал дуру психованную, которой этот самый Нижний Город с детства снился. Я, конечно, не одна такая, но нас не слишком много, смею тебя заверить... Ты случайно указал мне путь, а я сумела и, что особенно важно, захотела им воспользоваться. Потому и говорю, что тебе со мной повезло. Ключник, хотя бы единожды исполнивший свой долг, почти бессмертен, какие бы глупости ни творил... Ты ведь, по правде говоря, крепко влип. Ну, или не ты, а тот парень, который хозяйничает сейчас в твоём зачарованном горном городке... Вы оба влипли в историю. В увлекательную книжную историю.

– Да уж... – морщусь невольно. – Читал я ее. Ничего особенного, но завораживает. Впрочем, еще бы она меня не завораживала!..

– Не только тебя... Знаешь, в чем проблема? Ты им чертовски мешаешь. Живешь наперекор чужой выдумке. Сопротивляешься, путаешь карты. Если бы ты умер, всем стало бы хорошо. И авторам, и читателям. И, что особенно важно, тексту. Но ты не умрешь. Теперь уже точно нет. Жизнь Ключника почти священна. Знаешь, как я рада?

– Приятно услышать такое признание именно от тебя, – смеюсь.

Ада тоже улыбается. Но как-то невесело. Словно бы что-то ее тяготит. Она настороже: прислушивается, вглядывается в темноту, отбивает ладошкой рваный ритм на коленной тверди. Наконец удовлетворенно кивает.

– Сюда идут, – говорит она. – Будь внимателен, Макс. Думаю, это по твою душу. Ты ведь у нас нынче особый гость, новичок. Самые важные события случаются именно во время первого визита в Нижний Город. Проверено путем задушевного анкетирования братьев по оружию.

– А разве не ты – самое главное событие?

– Обожаю грубую лесть. Тем не менее вынуждена признать, что я – всего лишь увертюра. Или эпитафия – как тебе больше нравится.

91. Тлоке-Науаке

«Тот, кто содержит все в себе».

К нам и правда направляется малорослое существо в широкополой шляпе и просторном плаще – пока я могу разглядеть лишь общие очертания. Впрочем, существо стремительно приближается: у него легкий шаг, удивительно широкий для такого коротышки.

– Это дядя Мик, – одними губами говорит Ада. – Он тут что-то вроде старьевщика. Важная персона.

Адресую ей недоумевающий взгляд. Почему, дескать, «важная»? Ада молчит, зато незнакомец поспешно отверзает уста. Отвечает на мой немой, несформулированный, невысказанный вопрос.

– Потому что, – густым басом говорит маленький человечек, – я возвращаю каждому утерянные им вещи. За символическую плату. Сгодится любая вещь, которую ты достанешь из кармана.

– А как выкручиваются те, у кого нет карманов? – спрашиваю.

Мне и правда интересно.

– Я в свое время оторвала пуговицу от пиджака, – вдруг вспоминает Ада.

– Вот примерно так и выкручиваются, – кивает дядя Мик. – Один юноша отдал мне золотые часы, другой – шнурок от ботинка. Оба получили свое. Все всегда получают только свое. Не было еще такого случая, чтобы кто-то получил чужое. Уж я-то свое дело знаю...

Достаю из кармана Венин телефон. Ничего не попишешь, дружище, плакал твой мобильник. Уж не знаю, с кем тебе придется говорить, когда ты наберешь знакомый номер. Но вряд ли со мной. Надеюсь, у тебя еще будет случай сообщить мне, что я – козел. Эта надежда придает мне силы. Господи, как же мало мне, оказывается, надо...

– Символический обмен, – старьевщик доволен. – Аппарат для пустой болтовни в обмен на твой собственный ключ. Вот он.

Действительно, ключ. Кажется, я отлично справляюсь с невнятным заданием обитателей дома в Остаповском проезде. Поехал на юго-запад, и вот он, обещанный ключ.

Верчу в руках маленькую блестящую штуковину. Я и правда не знаю, как с нею поступить. Не цеплять же, в

самом деле, чудесный этот дар на автомобильный брелок...

– Проглоти, – совершенно серьезно советует старьевщик.

– Ка... как это?! – я не верю своим ушам.

– Ну ты и смешной! Впервые вижу Ключника, который не знает, как поступать с ключами. Вот так, – дядя Мик достает из кармана пыльный леденец, кидает в рот и глотает, не жуя.

Гляжу на него почти с ужасом. Глотать железяку?! К чему угодно был я готов, отправляясь в путешествие по улице Маяковского, но только не к этому. Что за нелепый, шутовской подвиг требуют от меня совершить?

– Единственная дверь, к которой подходит этот ключик, внутри тебя, – объясняет старьевщик. – Больше ни для чего он не годится: хоть в карман его клади, хоть на шею вешай, хоть в задницу суй.

Зачарованный его речью, кладу ключ в рот. Языком ощущаю металлический привкус и, совершив над собой нечеловеческое волевое усилие, проглатываю вещицу. Почти сразу, где-то на полпути в пищевод, ключик перестает быть вредным для здоровья инородным предметом, угодившим в недра нежного организма, и становится чем-то иным. Чем – не знаю. Но мгновение спустя не представляю уже, как жил прежде без этой таинственной штуковины.

То есть понятно, как: считай, не жил вовсе.

92. Тот

...Тот отождествлялся с богом Гермесом, который считался <...> «ведущим души».

– Ну что, вопросов больше нет? – дружески ухмыляется Ада. – Одни ответы остались?

Гляжу на нее, словно бы впервые увидел. И то правда: все теперь для меня впервые. Про себя отмечаю, что на Аду приятно смотреть. Мне нравится ритм, в котором пляшут языки ее внутреннего огня. Прочих подробностей я словно бы не вижу. Точнее, вижу, но не придаю им значения. Бесплезная информация.

– Идем, – говорю наконец. – Проводишь меня до ближайшей закрытой двери. Мне пора.

– Возвращаться?

– «Вернуться» – значит оказаться в некой исходной точке. В этом смысле возвращаться мне некуда... Хочу попробовать себя в деле и выяснить, что я теперь такое. Мне кажется, это будет славно.

– Да? Ладно, будем считать, что мне тоже так кажется.

Ада берет меня под руку, и мы отправляемся на прогулку. Прикосаться к ней – редкостное удовольствие, настолько острое, что я почти теряю рассудок. Ничего не вижу, ничего не слышу. Бреду на автопилоте, но и тот, кажется, постепенно слетает с катушек.

– Кажется, ты все же изобрел какой-то диковинный способ меня трахнуть, – вдруг хохочет моя спутница. – И ведь за руку тебя не поймаешь!

– За руку, – эхом повторяю я. – Именно что за руку. Пожалуйста, не отбирай ее, если это не идет вразрез с твоими аскетическими принципами. Очень приятно за тебя держаться. Никогда бы не подумал...

Ада насмешливо хмурится, но руку не отбирает. Сильный великодушен. Впрочем, через несколько минут я сам прихожу в чувство. Волевым усилием перевожу себя с программы «экстаз» в режим «трезвость».

– Я уже почти знаю, как все теперь будет, – говорю я, останавливаясь у запертой двери.

Медная табличка оповещает, что хозяин дома носит французское имя Антуан и длинную, сложносочиненную фамилию, разбирать которую я поленился. Ада испытующе меня разглядывает.

– Ждешь, когда я спрошу: ну и как? Я не спрошу. Достаточно того, что ты знаешь.

– Я же говорю: почти. Кажется, запертых дверей для меня больше нет. Есть лишь двери, ведущие неведомо куда. И, как я понимаю, мой гражданский долг сманивать туда братьев-человеков, заплутавших в трех соснах унылого бытия.

– Сам смотри, не заплутай, – сурово говорит Ада. – Поумерь восторги, соберись. Ты пока в самом начале пути. Не забывай об этом, ладно?

– Я буду стараться. Уже стараюсь, как видишь. Спасибо тебе.

– Для себя хлопочу, как ты понимаешь. Иногда я все-таки сплю, и в такие моменты ты совершенно необходим мне живым.

Киваю. Мне вполне ясна сейчас мудреная логика Ады. Именно поэтому я не порываюсь поцеловать ее на прощание, даже пробормотать нечто проникновенное не пробую. Просто дружески подмигиваю сероглазой обитательнице Нижнего Города и берусь за дверную ручку. Сейчас проверим, исправно ли работает мой новенький внутренний голос. Он твердит, что это – самый простой способ попасть в гостиничный номер, где меня ждет душ и чистое белье, сменить которое мне, честно говоря, не мешало бы – после такого-то денечка...

93. Тригумцэнпо

*...все цари спускались на землю по веревке «му»,
ночью возвращались на небо...*

За дверью меня ждет вспышка молнии, на мгновение осветившая бездонную пропасть, разверзшуюся под моими ногами. Но я легок, как тополиный пух, а потому бесстрашен. Я знаю, что преодолевать пропасть между сбывшимся и несбывшимся – и есть мое призвание.

Шагаю вперед, и меня обступает знойный полумрак гостиничного номера. Я не удивляюсь, не возношу хвалу первому попавшемуся божеству, наверняка равнодушному к перипетиям моей замысловатой судьбы. Так и должно было случиться. Все в порядке вещей. Порядок, конечно, новый, непривычный пока, но где наша не пропадала?! Правильно. Нигде. Но пасаран.

Веду себя, как если бы вернулся после долгой прогулки по раскаленному историческому центру курортного города. Первым делом включаю кондиционер.

Потом устремляюсь в душ. Манипулирую кранами, терзаю тело то огненными, то ледяными струями. Оно сладко содрогается и благодарно хрустит суставами. Наконец заворачиваюсь в гостиничное покрывало, как в тогу, и устраиваюсь на подоконнике. Мне чертовски нравится быть живым, чистым, мокрым и голодным. Еще больше мне нравится думать, что текущая реальность для меня – как этот гостиничный номер. Временно оккупированная территория. Кажется, я в восхищении от такого поворота дел.

Ада была права: я, конечно, в самом начале пути. И надо бы держать себя в руках, померить восторги, повисить бдительность. И я непременно последую ее мудрому предостережению. Но сначала просто побуду счастливым. Всего пять минут. Время пошло.

94. Тушита

«Удовлетворенный», «радостный», «довольный».

На следующее утро я отправился к морю. Валялся на раскаленном песке, жрал мороженое, плескался в теплой прибрежной воде, обедал на веранде пляжного ресторана, даже на катере прокатился вдоль побережья, как самый настоящий, заправский курортник. А в сумерках, когда спал дневной зной, покинул город, совершенно удовлетворенный исходом своей поездки.

Проглоченный ключ к этому моменту, очевидно, окончательно прижился в моем организме. Давешний щенячий восторг не то чтобы поубавился, но сменился радостным спокойствием. В кои-то веки я чувствовал, что все идет абсолютно правильно. Нельзя сказать, будто я

ожидал, что существование мое теперь станет сплошным волшебным праздником. Просто знал, что всякое событие в моей жизни – часть причудливого замысла, все еще неясного, но, несомненно, восхитительного. Ощущал себя новеньким, тугим узелком на таинственной изнанке бытия. И был заранее готов безропотно завязываться и развязываться столько раз, сколько потребуется неведомому ткачу.

95. Тхагьямин

...дети бога Браммы попробовали на вкус землю и превратились в людей. Их тела перестали испускать свет, и в темноте они кричали от страха.

Вениамин места себе не находил в стране антиподов, в прекрасном городе Дарвине, где, согласно туристическому справочнику, *удивительно сочетаются современность и древние традиции аборигенов*. Хер их знает, может, и правда сочетаются. Он не дал себе труда составить собственное мнение по этому вопросу, поскольку практически с момента приезда почти не осознавал, где находится. Бродил, как неприкаянный, по этому самому Дарвину, заботясь лишь о том, чтобы дать гостеприимным хозяевам хоть немного отдохнуть от его присутствия. Нелегкая это работа: быть гостем. Ох, нелегкая...

Причин его смятению было, как водится, несколько.

Во-первых, конечно, сама Раиса. На чужбине его старинная подружка похудела, подстриглась и перекрасила волосы, но стала не соломенной блондинкой, как в студенческие годы, а этакой

солнечно-рыженькой хитрой лисичкой. В результате похорошела необычайно, почти до неузнаваемости.

Муж и сын словно бы осознали, что обладают необычайно ценным сокровищем, и стерегли ее почти неотлучно, по очереди. Стоило одному из них отбыть по делам, как на застекленной веранде, где в плетеных креслах коротали вечера бывшие совладельцы книготорговой фирмы «Харон», появлялся второй. В те редкие минуты, когда домашние стражи теряли бдительность, Раиса мягко, но решительно пресекала все его попытки затеять судьбоносную беседу о переменах их общей участи. «Потом, Веня, – говорила она. – Не сегодня. Сначала мне нужно заново привыкнуть к самому факту твоего существования».

«Я хую, дорогая редакция, – бурчал в таких случаях Вениамин. – Какие мы, оказывается, нежные, деликатные натуры! – И покорно добавлял: – Ладно уж, привыкай, если не шутишь...»

Такие сцены имели место примерно раз в два дня. В перерывах Вениамин, человек деятельный и, следовательно, совершенно не приспособленный к длительному отдыху, с ошалелым видом болтался по Дарвину и методично наполнял себя виски в местных питейных заведениях. Особого облегчения это не приносило: он так давно научился обуздывать воздействие зеленого змия на свой железный организм, что теперь никак не мог расстаться с этой полезной, но неудобной в сложившихся обстоятельствах привычкой. Ну хоть досуг было чем заполнить...

Спиртное не спасало его даже от сумбурных сновидений, каковые служили прекрасным дополнением к бредовой действительности. Чаще всего Вениамину

снилось, что он спешно завершает свои московские дела, поскольку в ближайшее время ему придется принять деятельное участие в организации конца света. Битва богов – так казалось ему во сне – нуждается в умелом кризисном менеджменте, а потому нет ничего удивительного, что организаторам потребовалась помощь столь выдающегося практика. Иногда, впрочем, Вениамину доводилось обнаруживать себя в неудобной, не по его мерке сшитой шкуре одного из богов, занятых подготовкой все к той же битве. Такие сны были хуже всего: после них он просыпался в холодном поту и до утра ворочался на жестком диване в комнате для гостей, не решаясь снова по дому и беспокоить друзей: все же им с утра на работу идти, это он, бездельник, дурью мается...

К тому же Макс не звонил. Вениамин несколько раз порывался проявить инициативу, брал в руки телефонную трубку, начинал набирать номер, но обрывал процесс на середине. Почему – бог весть.

Для того чтобы набрать номер полностью, ему потребовалась примерно неделя. К этому времени Вениамин окончательно одурел от своих снов, австралийского виски и молчаливых посиделок на веранде в обществе неприступной Раисы. Долгие гудки рвали его сердце на части, но он утешался тем, что аппарат, по крайней мере, не отключен. Не берет трубку – подумаешь! Может быть, человек душ принимает, или спит, или... Да мало ли занятий, которые не позволяют подойти к телефону? Большинство из них, к слову сказать, приятные. Так что и беспокоиться не о чем.

Но после десятого, кажется, гудка раздался наконец жизнерадостный мужской голос; Вениамин так и не смог определить, Макс это или кто-то другой.

– Хорошо, что ты позвонил. Слушай меня внимательно, это очень важно. Неподалеку от Дарвина, где ты сейчас болтаешься, есть такое славное местечко, Lost City называется. Затерянный Город, если по-русски. Возьми с собой Раису, съездите туда. Только не в выходные. Лучше всего – в какой-нибудь понедельник. Чем меньше народу будет шлаться в окрестностях, тем лучше.

– Макс, это ты? – на всякий случай уточнил Вениамин. – Как у тебя-то дела?..

– Это... Считай, что это Белый Кролик, – его собеседник рассмеялся, явно довольный собой. – А какие дела могут быть у Белого Кролика? Только одно: забота о бегущей за ним Алисе, правда? Не майтесь херней, поезжайте в Lost City. Другого шанса я тебе не обещаю. Шансов вообще много не бывает.

Вениамин полагал, что разговор только начинается, но в ухо его пролился поток коротких гудков. Он тут же снова набрал номер и услышал ненавистную песню про отключенного абонента. Последующие попытки привели к тому же результату. Он терзал трубку, пока на веранде не появилась Раиса.

– Раечка, здесь где-нибудь рядом есть Затерянный Город?

– Что-о-о? – она выглядит сбитой с толку.

– Lost City, – без особой надежды поясняет Вениамин.

– А, теперь понимаю. Действительно есть. Ну не то чтобы рядышком, а возле Алис Спрингс. Но это не город. Просто очень много огромных камней, напоминающих древние развалины, купола и прочую красоту. Так говорят: я-то там не была...

– Ну вот, собирайся. Поедем.

– Сейчас? – изумляется она.

– Да хоть сейчас. Ну или завтра утром. Чем скорее, тем лучше. Я, видишь ли, только что звонил Макссу. И он говорит, нам с тобой обязательно нужно туда поехать. Вдвоем.

– Опять, что ли, на книжках стал гадать?

Раиса насмешливо кривит рот, но Вениамин с удовольствием отмечает, что она, кажется, не собирается отказываться. Выходит, из уст Макса она готова принять еще и не такой совет. Вот и славно.

– Не знаю, на книжках или нет. Но он говорит, что это – шанс. Возможно, единственный.

– Странно. Впрочем, прежде он нас ни разу не подводил, правда? Значит, надо слушаться. Только поедем завтра. Я что-нибудь придумаю...

96. Тэгам

...самый хлопотный из шаманских обрядов.

Они уехали утром, в Раисином автомобиле. Приближаясь к Алис Спрингс, эти двое уже предчувствовали, что не смогут – и вряд ли захотят – вернуться. В Затерянный Город беглецы вошли в сумерках, не испытывая ни страха, ни сомнений. Они

держались за руки, как дети. Впрочем, единственный свидетель их прибытия, фотограф по имени Александр, нередко наезжавший в Lost City, чтобы пополнить свою личную коллекцию диковинных изображений, действительно принял их за влюбленных подростков.

Вечером следующего дня муж Раисы обнаружил в своем бумажнике записку, в которой его жена пространно сообщала, что всю жизнь любила другого человека и вот решилась наконец уехать с ним туда, где их обоих никто не знает, и начать новую жизнь, бла-бла-бла. Она многословно извинялась перед мужем и сыном и обещала в ближайшее время прислать все документы, необходимые для развода. Забегая вперед, можно отметить, что упомянутые бумаги действительно прибыли в срок; на конверте стоял штамп острова Мадагаскар. Столь причудливый обратный адрес почему-то окончательно отбил у ее родных всякую охоту разыскивать беглянку.

Куда более объемный пакет получил владелец юридической конторы, клиентом которой Вениамин числился еще задолго до официального открытия. Среди его содержимого не было ни одного лирического письма, зато указаний, расписок и выполненных по всей форме доверенностей с лихвой хватило, чтобы уладить те немногочисленные дела, которые Вениамин не успел завершить перед отъездом в неизвестном даже самым близким друзьям направлении.

Несколько месяцев спустя разговоры о внезапном исчезновении Вениамина и Раисы перестали казаться их друзьям самой увлекательной темой застольных бесед. А через несколько лет о них забыли окончательно.

97. Тюр

кладет в пасть волку свою правую руку.

Я, как ни странно, ведаю, что творю. Осознаю собственную ответственность за всякое ненароком брошенное слово, за каждый нечаянный жест. Знаю, что любой эпизод моего сумбурного предутреннего сновидения может возыметь столь разрушительные последствия, что изобретатель атомной бомбы по сравнению со мною покажется мелким, безобидным хулиганом. Я сам теперь – бомба. А потому долг мой – сохранять спокойствие и безмятежность. Пусть все идет, как идет, но под моим неусыпным контролем.

Вот именно – неусыпным.

Засыпая на заднем сиденье собственного автомобиля, в десятке метров от оживленной трассы, я бдителен, как вор, обшаривающий чужой комод. И когда мне снится, что звонит телефон, я прекрасно помню, что отдал эту дорогую вещицу старьевщику в обмен на проглоченный ключ. Но трубку все же беру. На то ведь и существуют сны, чтобы дать нам нежданную, никем не обещанную, но желанную возможность воспользоваться растрянжиренными сдуру сокровищами.

Мне, конечно же, нужно поговорить с Веней. Я собирался сделать это сразу по возвращении в Москву. Но сейчас, когда мне снится, что он сам до меня дозвонился, я понимаю, что разговор этот должен состояться прямо сейчас. Это – единственный шанс для нас обоих. Или почти единственный.

Потому что, пока я сплю, Веня не является моим другом. У спящего вообще не может быть друзей: отношения такого рода связывают лишь бодрствующих. Пока я сплю, у меня нет никаких обязательств перед Веней, я не считаю себя его должником, не стремлюсь сделать для него что-то особенное, из ряда вон выходящее, спасти и осчастливить; зато и печали при мысли, что мы никогда больше не увидимся, я не испытываю. Мне абсолютно все равно.

И именно поэтому я сейчас ясно вижу единственный и неповторимый маршрут, словно бы специально созданный для людей, с которыми судьба когда-то свела везучего дурака по имени Макс. Знаю, что им будет легко воспользоваться моим советом: они растеряны, обескуражены, измучены неопределенностью. В таком состоянии люди обычно бегут на край света или стреляются. Я же предлагаю им промежуточный вариант: не *на* край, *за* край света, тьмы и сумерек заодно. За край всего, что только можно вообразить.

Говорю торопливо, но внятно. Слушаю Венин голос: не то с бодуна человек, не то обескуражил я его своей деловитостью.

– Макс, это ты? – недоверчиво переспрашивает он.

– Это...

Я и сам не знаю правильного ответа на его вопрос. А врать напоследок не хочется.

– Считай, что это Белый Кролик, – говорю наконец, вспоминая забавное Венино признание: «Бегу за тобой, как Алиса за Белым Кроликом».

Смеюсь, довольный собственной находчивостью. Прощаюсь. Кладу трубку. И просыпаюсь. Проснувшись,

плачу, по-детски размазывая слезы по щекам. Никто ведь не требует от меня сохранять внешнее спокойствие. Только внутреннее.

У

98. Уака

Личная Уака была как бы духовным двойником человека...

Вернувшись в Москву, беспардонно вламываюсь в Венину квартиру. У меня довольно много времени в запасе. Пока еще его хватятся... Впрочем, мне почему-то кажется, что формальности, связанные с Вениным исчезновением, каким-то образом уладятся сами собой. Всякая настоящая тайна способна хранить себя совершенно самостоятельно. Тут важно вовремя отступить в сторону и не мешать реальности латать свежие прорехи. Она хорошая хозяйка, она справится.

Брожу по дому, курю, включаю и выключаю музыку. Мне, признаться, немного не по себе. Вспоминаю наши с Веней посиделки при занавешенных зеркалах и его шутливую просьбу: ты хоть вызов-то пришли, если вернешься в свой зачарованный город. С удовольствием думаю, что проблем с небесным ОВИРом у Вени не возникло, да и зачарованных городов, очевидно, хватит на всех... Хотелось бы, конечно, хоть краешком глаза поглядеть: как он там? И какие, интересно, бездны таит в себе короткое слово «там», звучное, как удар африканского барабана...

Сейчас, когда я утомлен поездкой, обольщен сентиментальными воспоминаниями и по-человечески слаб, мне здорово не хватает Вениной дружеской лапы. Да и дом, в который никогда не вернется хозяин, –

печальное зрелище. Но по большому счету я очень доволен. Ощущаю себя юным демиургом, который только что выдержал ответственный экзамен в каком-нибудь заоблачном ПТУ.

Так или иначе, но я, пожалуй, проживу тут еще несколько дней. Веня официально числится в отпуске – вот и славно. А мне сейчас требуется уединенное место для сна и почти неотличимого от него бодрствования. Выждать несколько дней, поглядеть, как теперь будет вытанцовываться моя новая жизнь; выяснить опытным путем, на что я способен и что мне пока не по зубам. Перекантоваться – вот как это называется.

Искупавшись, закинув дорожные вещи в стиральную машину и проделав еще несколько приятных, повседневных человеческих дел, решаю вдруг, что надо бы побриться. Ритуал, ввергающий меня в трепет, ибо бриться следует перед зеркалом. В последний раз мое отражение вовсе не соизволило явиться на свидание. Влом ему стало, видите ли. Дескать, какие могут быть формальности между своими? Только равноправные отношения, основанные на взаимном уважении к личной свободе партнера. Так что ты уж перетопчись, друже, пока я там, за стеклянной твердью, своими делами занимаюсь... Зараза.

Вот мне и любопытно: что оно сегодня выкинет?

Отражение появляется как ни в чем не бывало. Поначалу ведет себя вполне пристойно. Вертит головой, надувает щеки, скребет одноразовым станком щетинистый подбородок. Может ведь, когда хочет...

– Ты молодец, – вдруг говорит мой зазеркальный двойник.

Я к этому моменту как раз закончил издеваться над левой щекой и вознамерился приступить к правой.

Еще пару недель назад я бы, несомненно, порезался, заорал благим матом, убежал бы куда глаза глядят и наложил бы строжайшее табу на все отражающие поверхности. Но сейчас я воспринимаю дружескую реплику собственного отражения как должное. Мне тоже кажется, что я молодец. Чего уж там...

– Я бы обосрался, наверное, на этой улице Маяковского, – вздыхает отражение.

– Ну и я, считай, почти обосрался, – признаюсь. – Только знаешь, делать ведь не так страшно, как думать. Стоит начать, а дальше все само идет, сколько уж раз проверял...

– Все равно ты молодец, – улыбается он.

– Ты-то как? – спрашиваю.

– Лучше, чем возможно вообразить. За это тебе отдельное спасибо. Мне нравится в твоей шкуре.

– У нас одна шкура на двоих. Странно, что ты это еще не понял.

– А до меня все довольно медленно доходит, – отмахивается мой двойник. – Ну и потом теория меня не слишком интересует, честно говоря. Только концентрированная экзистенциальная му́ка.

– Ишь ты! – удивляюсь. – Учимся говорить по-русски? Неужели сам придумал?

– Не-а, – беззаботно признается он. – У приятеля слямзил... Я тебе побриться не даю, да?

– Ничего. Успеется. Я как раз хотел тебя спросить...

– Про книжку, небось? Плюнь. Забудь. Это именно та проблема, которую я беру на себя. Не так уж мало, правда?

– Что именно ты берешь на себя?

– Проживу еще и эту, выдуманную жизнь. Кстати, когда тебе станет сниться незапланированная мистическая фигня вместо запланированной мистической фигни, не паникуй. Это я развлекаюсь. Заодно избавляю нас с тобой от необходимости умирать.

– Почему – умирать?

Я не испуган, не удивлен даже. Но как только речь заходит об этой проклятой книжке, я перестаю соображать, теряюсь, утрачиваю ясность. Понятно почему: эта история меня все еще тревожит. А встревоженный Ключник – это уже сплошное недоразумение. Хуже даже, чем просто встревоженный человек.

– Почему, почему... Потому, что кончается на «у». Странно, что ты это еще не понял.

Теперь этот тип в зеркале меня передразнивает. И что прикажете делать, если собственное отражение не желает давать никаких объяснений, а только рожи дурацкие корчит?.. Правильно, дружески послать его в жопу. Что я и проделываю.

Мы расстаемся вполне довольные друг другом.

99. У Блей У Нонгбух Нонгтхау

Создатель мира и эти люди посещали землю по особой тропе.

– Ишь ты, как все непросто, – ворчу, ретируясь из ванной. – И что ж мне теперь, чучелом ходить?

Подбородок и левая щека в идеальном состоянии, а вот выбрить правую мне не дали. Вид тот еще, конечно. Красота – страшная сила.

Несколько минут трачу на то, чтобы убедиться: пластиковый электрический чайник, керамические кружки, стеклянные стаканы, тефлоновые сковороды и медные джезвы при всех своих достоинствах не способны явить на поверхности мало-мальски пристойное отражение моего недобритого лица. Обшарив шкафы, нахожу-таки коробку с елочными игрушками. Выбираю самый большой шар. А что, сойдет, пожалуй.

Пристраиваю неустойчивую стекляшку на кухонном столе. Кое-как привожу рожу к равновесию, косясь на собственное одутловатое, кривоносое отражение. Зато этот урод не рвется со мною общаться. Очевидно, мой неугомонный двойник предпочитает ровные поверхности. Что ж, надо будет иметь в виду. Пригодится.

Добрившись, вдруг понимаю, что чертовски устал. Человек я там или монстр какой – отдельный вопрос, но целый день за рулем кого угодно до цугундера доведет. По счастью, мне не нужно выбирать одно из двух: сон или неспешная прогулка по вечерней Москве с ужином в финале. Я могу убить столько зайцев, сколько понадобится. Например, уснуть и увидеть во сне, что отправился гулять. Такой вариант меня вполне устраивает.

Повинуясь новому, но, кажется, безошибочному инстинкту, подсказывающему мне, неведомой зверушке,

множество полезных вещей (в том числе как выбрать хорошее место для сна), устраиваюсь прямо на полу в гостиной, лицом к распахнутому окну. Закрываю глаза.

И мне действительно снится, что я встаю, одеваюсь и выхожу из дома.

100. У Дай Юаньшуай

Однажды, во время послеобеденного сна <...> шутники нарисовали у него на лбу краба, за уши ему воткнули две ивовые ветки...

К чудесам я, кажется, уже привык. Ничему не удивляюсь, ничего не боюсь; впрочем, экзальтации тоже не испытываю. Искренне полагаю прогулку во сне будничным, обыденным событием. Ну, хорошо хоть батон и пакет кефира купить не планирую...

Поэтому, пересчитывая ступеньки, думаю лишь об одном: славно все-таки, что мне удалось побриться. Я практически уверен, что в противном случае сновидение мое было бы испоганено переживаниями по поводу собственного неряшливого облика.

Не знаю уж, кто меня там придумал и зачем, но начинаю понимать, что замышлялся я скорее как комический персонаж, тайная жертва на алтарь Аристофана. Слишком уж много очевидных нелепостей содержит заложенная в меня программа.

Шутники, блин...

101. Уицилопочтли

Уицилопочтли обещал ацтекам, что приведет их в благословенное место...

Выхожу из подъезда и почти сразу понимаю, что попал в какую-то не ту Москву. *Несбывшейся* Москвой назвали бы ее, вероятно, мои потусторонние приятели и приятельницы. Или тенью Москвы, ее темной, – вовсе не обязательно зловещей, но тайной, скрытой от подслеповатых человеческих глаз, стороной.

И вот ведь так сразу и не объяснишь, в чем, собственно, состоит разница. На первый взгляд, вокруг именно Москва. Кто скажет, что это Житомир, пусть бросит в меня столько камней, сколько припрятал за пазухой. Зато на второй, третий, четвертый и пятый взгляды...

Тут все немного *не так*, вот в чем дело. Причинно-следственные связи то ли вовсе не работают, то ли существуют по каким-то иным, неизвестным мне законам: скажем, под ярким фонарем вовсе не обязательно должно быть светло, тьма на этом участке может оказаться даже более густой, чем на противоположной стороне улицы, где не то что фонарей – окон освещенных, и тех нет. Воздух здесь имеет некий особый цвет; когда дует ветер, краски сгущаются и, кажется, даже меняют оттенок в зависимости от его направления. Да и с плотностью атмосферы творятся странные вещи: на некоторых участках пространства я ощущаю сопротивление среды, почти столь же сильное, как если бы я шел по горло в воде; зато встречаются и такие места, где меня словно бы тянут вперед, толкают в

спину, так что можно вовсе не двигаться, а лишь расслабиться, покориться этой настойчивой, ласковой силе и пулей лететь в predetermined, но и желанном направлении. Я не слышу звука собственных шагов, зато подошвы моих туфель оставляют яркие фосфоресцирующие следы на асфальтовой тверди. А когда я останавливаюсь, полы моей куртки продолжают развеиваться, словно я по-прежнему торопливо шагаю вперед.

Силуэты домов кажутся зыбкими, незавершенными, скорее эскизами, чем конечным результатом тяжелого человеческого труда – не потому, конечно, что им недостает крыш или, скажем, оконных стекол, с этим-то как раз все в порядке, хоть сейчас приемную комиссию созывай... Автомобили бесшумно движутся по мостовой; с ними вроде бы тоже что-то не так. Я некоторое время наблюдаю за перемещениями городского транспорта, и понемногу прихожу к выводу, что здесь машины используются в качестве движущихся светильников. Миссия, что и говорить, почетная, но все же сугубо декоративная. Да и кому тут могут понадобиться автомобили? Это в настоящей, дневной, сбывшейся Москве полно желающих быстро переместиться с места на место, поскольку у тамошних обитателей вечно нет времени, зато много, слишком, пожалуй, много пространства. А здесь ехать некуда, незачем, да и некому. Кроме меня, на улице ни единой живой души. Тел я, впрочем, тоже не обнаружил. Зрелище почти душераздирающее.

Но в то же время город вовсе не кажется мне необитаемым. Чувствую, что здесь кипит какая-то своя жизнь, просто мы с нею не совпадаем, не накладываемся

друг на друга, как это обычно случается. Я тут существую сам по себе. И вряд ли только я.

Может быть, дело в том, что здешние мостовые и тротуары не ведут всякого путника в заведомо известном, раз и навсегда predetermined направлении; карта этой Москвы у каждого своя, поэтому любой пешеход становится здесь одиноким прохожим: если уж идешь своим путем, приходится обходиться без спутников – это, очевидно, правило. Одно из.

Безропотно принимаю это и множество других, пока неизвестных мне правил. Принимаю их, можно сказать, авансом, заранее, подписываю контракт, не читая: очень уж мне тут хорошо. Благословенное место. Мое.

У всякого города, – вдруг понимаю я, – есть невидимый близнец, тень, двойник, отражение. Не только у Москвы. Эту диковинную изнанку почти невозможно увидеть, но, когда мы обнаруживаем в собственном сердце любовь или, напротив, внезапную, необъяснимую неприязнь к незнакомому городу, мы, сами того не ведая, описываем впечатление от первой встречи с его тенью.

И теперь в общем понятно, почему некий в меру молодой человек по имени Макс (оперировать личными местоимениями в этом сне было невыносимо) так привязался к Москве, что застрял тут на несколько лет.

Теперь, впрочем, вообще многое понятно...

102. Ульгень

...по злomu умыслу или неумению портит землю, покрывая ее кочками и топями.

Мое внимание, ясное дело, более всего привлекают многочисленные окна и двери. Оттуда льется свет и доносятся голоса. Я не бог весть какой тусовщик, но человеческая жизнь для меня – скорее диалог, чем молчание. Я общителен – в том смысле, что существа, с которыми можно наладить контакт, возбуждают мое любопытство. Поэтому меня одолевает искушение приоткрыть какую-нибудь дверь и посмотреть, что там творится.

И я бы уже давно осуществил это желание, но меня сдерживает страх. Не то чтобы я думаю, будто за всякой дверью меня подстерегает опасность. Ни единой мало-мальски стройной теории на сей счет у меня нет. Но задницей, пузом, каждым чутким своим потрошком чую: нельзя мне пока никуда соваться. Следует ограничиться прогулкой по открытому пространству.

Так.

Мне.

Кажется.

И в то же время я заранее уверен, что рано или поздно нарушу этот внутренний запрет. Страхи страхами, но двери и окна влекут меня неодолимо. Так бывает в детстве: вроде бы и мама не велит лезть на темный чердак, и старшие ребята во дворе пугают завиральными историями о тамошних привидениях, и строгая тетя Шура с третьего этажа грозит оборвать уши всякому, кто будет застукан с поличным на скрипучей винтовой лестнице, уводящей в пыльный, душистый мрак. И, ясен пень, плюешь на собственную шкуру и грядущий воскресный поход в кино ради дивной возможности самолично

исследовать опасное, кишашее бесхитростными, но жуткими детскими мифами пространство.

Вот и сейчас я спотыкаюсь чуть ли не возле каждого порога. Это уже на манию похоже: дикое, необузданное, неконтролируемое желание зайти хоть куда-нибудь и посмотреть, чем это закончится. Если бы я бодрствовал, я бы, пожалуй, сумел взять себя в руки. Но во сне мне редко удается сохранять благоразумие. Возможно, потому, что в глубине души я, как распоследний дурак, все еще полагаю сновидение абсолютно безопасным пространством. Дескать, что бы ни случилось, проснусь целехонек. В худшем случае, валерьянки попить придется, делов-то...

Клинический идиот.

Поэтому позволяю себе наконец подойти к стеклянной двери кафе. Ее прозрачность кажется мне гарантией безопасности. Некоторое время топчусь на пороге, разглядываю интерьер. Вроде бы все в порядке. Яркие лампы, сигаретный дым, высокая стойка, милостивая блондинка средних лет смешивает коктейли, за столиками несколько безобидных на вид посетителей. Почему бы и мне не зайти? Хулы, как понимаю, не будет.

Решительно толкаю стеклянную дверь, делаю шаг, и...

Не было там никакого освещенного кафе. Ни блондинки, ни коктейлей, ни даже сигаретного дыма. А лишь безбрежная, непроницаемая тьма, чавкающая и хлюпающая, как живая, растревоженная трясина. Я хотел было отступить назад, но такие понятия, как «вернуться», «отступить», «исправить ошибку», вероятно, вовсе отсутствовали в текущей системе

координат. Тело мое утробно взвыло от ужаса и тут же скрючилось от боли.

Насколько я помню, никогда прежде из меня не пробовали приготовить фарш. Жалкие попытки нескольких одноклассников в расчет принимать не следует: драка человеческих детенышей – это всего лишь драка, до первой ли крови, до второго ли синяка, до третьего ли звонка, до седьмого ли пота... Но отсутствие опыта не помешало мне заключить, что происходящее со мной более всего похоже именно на методичную работу гигантской мясорубки, которая взялась измельчить не только нежную тушку, но и личность, созданную мудрой природой для повседневного употребления, и ее сокровенные воспоминания о себе, и даже тайное бессмертное существо, обитающее в темноте, по ту сторону «я», угодило каким-то образом под нож.

Кошмар длится не слишком долго. Во всяком случае, я не успел ни утратить представление о себе, ни даже потерять сознание. Я был вполне в состоянии заметить, что ужас, тьма и боль закончились не по собственному решению, а потому лишь, что некая сторонняя сила вступила в борьбу за право обладания мною и одержала в этом соревновании быструю и сокрушительную победу – на мое счастье.

Как мне кажется, меня просто вытащили оттуда за шкуру и швырнули на тротуар. Ворот футболки, во всяком случае, был растянут, а куртка измята. Я же сидел на холодном асфальте и во все глаза пялился на своего спасителя.

Он был невысок, строен, сед, как полярная сова, и красив, как высокооплачиваемый киноактер. Словно бы

полтора часа перед выходом из дома прихорашивался: маски для лица делал, кремы втирал, тон накладывал... Что же до огненного взора – тут, понятно, обошлось без высоких косметических ухищрений. Глаза человеческие – распахнутые форточки, сквозь которые можно следить за обитателем временного жилья. Уж какой есть, такой есть, все без обмана.

Если судить по первому впечатлению, меня спасло божество.

Впрочем, я почти сразу понял, что впечатление – отнюдь не первое. Я был знаком с этим стариком. Ну, если не я, то парень, чьей шкурой я теперь владел безраздельно. И чуть было, кстати, не сгубил ее, придурок...

– Франк, – говорю. – Это ведь вы, да? От чего вы меня спасли?

– От чего, от чего... От твоего собственного страха, от чего же еще, – сердито отвечает он. – Больше никогда так не делай.

– Как – «так»?

– Когда тебе в следующий раз станет страшно, старайся проснуться, – объясняет Франк. – Если очень захочешь, получится... А то не только сам в беду попадешь, что, честно говоря, еще бы полбеды, но и место испортишь. А вот это уже никуда не годится.

– А я испортил это место?

– Ну да. Не весь город, конечно, но небольшой фрагмент безнадежно испорчен, тут уж ничего не попишешь. Если после пробуждения тебе удастся найти в Москве место, соответствующее этому кафе, ты

наверняка увидишь, что там рухнул или сгорел дом, а то и похуже дрянь какая-нибудь приключилась...

Он усаживается рядом, смотрит на меня пронзительно – как я только не задымился от этого испытующего взора?.. Глаза пылают, а голос тихий, ласковый.

– Мне не улыбается перспектива спасти тебе жизнь раз в неделю. Впрочем, перспектива спасти тебе жизнь раз в год тоже не кажется мне особо заманчивой. Ты, конечно, новичок, тебе влипнуть в неприятности по определению положено. Но ты – Ключник. А значит, вылипнуть из неприятностей должен самостоятельно. Тем более из придуманных.

– А эта... мясорубка – разве она была придуманная?

– Конечно. Ты ведь спишь и видишь сон. Положим, не такой сон, о котором можно забыть, проснувшись. Не такой даже, после которого непременно проснешься живым... Но погибель ты себе сам выдумал. Это – не злое место, поверь мне на слово. Просто ты почему-то вбил себе в голову, что чудеса непременно должны таить опасность. Поскольку на улице тебе было хорошо, ты поселил вымышленную опасность за дверь. А поскольку это как-никак твой сон, здесь все будет по-твоему. Клиент всегда прав.

Он заразительно смеется, и теперь я вижу: Франк ужасно рад, что успел прийти мне на помощь. Он даже гордится этим поступком, как шахматист, только что спасший от атаки противника своего короля.

– Я постараюсь больше ни во что не влипнуть, – обещаю.

– Да уж надеюсь, что постараешься... – Франк укоризненно качает головой. – Вообще-то ты молодец. Быстро все схватываешь, на лету. Но дурак легкомысленный. И трусишка в придачу. Легкомысленный трус – кошмарное сочетание. С этим надо что-то делать. Причем срочно. Не когда-нибудь, двадцать лет спустя, а прямо сейчас. Сегодня же.

– Если надо, буду делать, – соглашаюсь поспешно. – Но что именно?

– Сохранять спокойствие. Не внешнее, конечно, а внутреннее. Я ясно выражаюсь?

Он испытующе разглядывает мою физиономию в надежде обнаружить там хоть какие-нибудь признаки понимания. Вероятно, ничего обнадеживающего там не находит, потому что снова пускается в объяснения.

– Однажды ты уже получил хорошую инструкцию. Идеальную, применимую абсолютно ко всем ситуациям. Помнишь своего инструктора по вождению?

Киваю. Я в недоумении. Поспешно вытряхиваю из сундуков свои, чужие, неизвестно чьи воспоминания. Все в суп, все пригодится. Но ничего судьбоносного во время моего обучения, кажется, не происходило... Впрочем, могу ошибаться. Давно дело было, да и в архивах своих я по-прежнему не хозяин. Скорее постоянный посетитель, с широким, но все еще ограниченным доступом к секретным файлам.

– Он объяснил тебе, что хороший водитель должен расслабиться и получать удовольствие от процесса, а не сидеть, скукожившись, в ожидании столкновения с первым попавшимся самосвалом. Говорил, что только расслабившись, ты сможешь сконцентрировать внимание

на дороге. В ту пору тебе удивительно легко удалось добиться нужного результата. Именно поэтому ты так любишь кататься: стоит тебе сесть за руль, и ты автоматически приводишь себя в состояние равновесия. Очень полезный условный рефлекс. Если у тебя будут трудности, ночуй в машине. Вообще оттуда не вылезай, пока не научишься сохранять нужное настроение на протяжении суток... Впрочем, я надеюсь, что до таких крайностей не дойдет.

Теперь я, кажется, понимаю, что от меня требуется. Ничего невозможного, к счастью. В восторге от того, что все так славно улаживается, я молитвенно складываю руки на груди и низко кланяюсь доброму советчику, хоть и понимаю, конечно, сколь нелепо выглядит поклон сидящего человека...

Но наблюдать сей ритуал некому: нет уже рядом Франка, нет чернильных клякс темноты под фонарями, и призрачных домов, и живых, настороженно наблюдающих за происходящим деревьев тоже больше нет. По счастью, это не означает, что я влип в очередную историю. Просто я просыпаюсь. Уже, считай, проснулся.

103. Умуги-химэ

...оживает в облике прекрасного юноши.

Ощупываю себя трясущимися руками. Целый вроде бы. Живой. Неповрежденный.

Мне хочется плакать и смеяться, но я не плачу и не смеюсь. «Спокойствие, только спокойствие», – твержу про себя любимую мантру рыжего трикстера по фамилии

Карлсон. Когда и учиться внутреннему спокойствию, если не с утра пораньше? Поднимаюсь с пола и иду в ванную. Подставляю под горячие струи воды глупую, но уцелевшую голову. Спокойствие пока не снизошло на меня, но уже вроде бы стоит рядом. За руку обещает поддержать, если буду себя хорошо вести. А я ведь буду. Буду вести себя хорошо, все дальше и дальше, не задумываясь о конечной цели этого путешествия.

Покончив с умыванием, мы отправляемся на кухню. Я иду впереди, спокойствие плетется следом. Сейчас я, пожалуй, сварю ему кофе. А там – по обстоятельствам.

104. Ундины

...завлекают путников вглубь...

Франк сладко зевнул и с хрустом потянулся – не потому, что действительно хотел спать, а просто так, для пущего удовольствия. Прислушался к собственным телесным звонам и шорохам, решил, что второе упражнение неплохо бы повторить. Некоторое время с наслаждением растягивал и разминал суставы, тихо урча от удовольствия. Так увлекся, что чуть не превратился в огромную пегую росомаху, да вовремя опомнился: столь радикальные метаморфозы сейчас были бы некстати. И потом поутру во всем следует соблюдать меру. Это правило Франк изобрел сам, недели две назад, и намеревался придерживаться его хотя бы до конца лета.

Франк был чрезвычайно доволен. Дело, которое он в течение нескольких лет полагал первостепенной и самой сложной своей задачей, считай, сделано. Его юный преемник забрел уже так далеко, что вернуться у него

теперь вряд ли получится, даже если очень захочет. А он не захочет: уже почувствовал металлический привкус могущества во рту, теперь его от чудес за шиворот не оттащишь... Как дальше пойдет – дело десятое. Франк почти искренне полагал, что это его уже не касается. Несмотря на почтенный возраст и опыт длительного заключения в камере-одиночке собственной судьбы, он по-прежнему считал словосочетание «свобода воли» не совсем пустым звуком. Скажем так: полупустым. То есть наполовину заполненным горячим, густым, как утренний шоколад, смыслом.

Окончательно вернув себе антропоморфные очертания, Франк добавил ключевой воды в заранее нацеженную порцию птичьей крови. Щелкнул пультом. Лазерный проигрыватель ожил, замигал приветливо зеленым огоньком. Диск начал вращаться, Мартин Гор запел:

Now I'm not looking for absolution
Forgiveness for the things I do
But before you come to any conclusions
Try walking in my shoes.

В последнее время Франк прикипел душой к этой песенке «Depeche Mode». Диск из проигрывателя вынимать ленился: зачем, если через полчаса опять придет охота послушать песенку? «Прежде чем делать выводы, попробуйте побыть в моей шкуре», – ухмыляясь, вторил он Мартину Гору. Это было весьма великодушное предложение: собственную шкуру Франк полагал наилучшей из упаковок.

105. Упуат

Почитался как бог-проводник, разведчик.

Часов в пять пополудни я окончательно взял власть над собственным переменчивым настроением и понял, что готов выйти из дома.

С самого утра я рвался на улицу. Спешил отправиться на поиски места, соответствующего ловушке, в которую я вчера угодил. Если верить Франку, там должна была произойти некая фундаментальная гадость. Нельзя сказать, чтобы я жаждал поймать Франка на художественном вымысле или сгорал от бытового любопытства. Не жаждал, не сгорал. Просто считал своим долгом совершить паломничество к гипотетическим руинам. В воспитательных, можно сказать, целях, дабы увидеть последствия собственного легкомыслия и обрести наконец инстинкт сохранения обитаемого мира взамен почти бесполезного инстинкта самосохранения.

Рваться-то я рвался, но не выпускал себя из дома, пока не почувствовал, что вполне способен держать себя в руках, если поиски мои увенчаются успехом. Что не стану рвать на себе одежду, оглашая окрестности виноватым воем напроказившего младенца. Потому что ни вой, ни клочья моей футболки никому уже не помогут. А давать бесплатные уличные концерты для развлечения почтеннейшей публики – не моя стезя...

В последний момент вспоминаю наставления рыжей гадалки Оллы. Отправляюсь в свою комнату, отыскиваю фотоаппарат, который, оказывается, не следовало бы

упускать из виду. Что ж, мое дело солдатское: выполнять инструкции, а там – хоть трава не расти... Верчу фотоаппарат в руках, проверяю, есть ли пленка (она есть), примериваюсь, прислушиваюсь к собственным ощущениям. Щелкать затвором пока не хочется. Ну, мне, кажется, и не к спеху. Кладу фотоаппарат в джинсовый рюкзак, вместе с пачкой сигарет и свитером, припасенным на случай ночной прохлады. На этом сборы мои можно считать законченными, а жизнь – только что начавшейся. Но пасаран.

Выхожу из подъезда, пересекаю двор. Ступая по размягчившемуся за день асфальту, стараюсь вспомнить свою причудливую ночную прогулку. Куда я сворачивал? Налево? Направо? Ага, вот сюда. В этот переулок. Молодец. Макс – хороший следопыт. Был бы собачкой, заслужил бы сахарную косточку. Но мы, человеки, и бесплатно потрудиться можем. Мы привычные...

106. Уриил

...предлагает ему взвесить тяжесть огня <...>, измерить дуновение ветра...

Прогулка по послеполуденной Москве, распаренной, расхристанной, как только что вышедшая из ванной матрона, кажется мне сейчас настоящим приключением. Марш-броском в неведомое, первой вылазкой командира космического корабля на поверхность чужой планеты. Таинственная изнанка Москвы теперь явственно просвечивает через тонкую ткань повседневности. Солнечный свет не застит мне живые, подвижные кляксы тьмы у подножия тамошних фонарей. Я словно бы бреду по двум городам одновременно, наступаю на

собственные следы, еще не остывшие после ночного путешествия. Запертые подъезды и настежь распахнутые двери кафе по-прежнему кажутся мне сверкающими брызгами тайны, четко сформулированными вопросами о чем-то Самом Главном. Ответы – так представляется мне сейчас, – вряд ли когда-нибудь будут произнесены вслух. И черт с ними: возможность спросить и остаться в живых кружит мне голову сама по себе.

107. Уту

Обычно <...> выход ему открывают два бога-стража.

– Возвращаясь домой по заснеженной тропинке (сопутствующие декорации: луна, древесная голь, выбеленные фонарным светом пучки прошлогодней травы и прочая пронзительная поэтика вечерней площадки для высера собак), я вдруг осознала себя просто движущимся предметом, подвижной частью пейзажа, не более и не менее значительной, чем пестрая собака, пьяный абориген и ползущий вдоль дома неопознанный катающий объект автомобиль...

Это рассказывает девушка за соседним столиком. Странная манера изложения: словно бы не языком мелет в дружеской обстановке, а зачитывает кем-то заранее написанный текст. Я и сам порой ловлю себя на том, что говорю как по писаному, но это, пожалуй, уже перебор. Призываю на помощь боковое зрение: а вдруг и правда читает? Но нет, в руках ее нет ни книги, ни иной какой-нибудь шпаргалки. Лишь белая чашка, измаранная кофейными брызгами. Возможно, впрочем, она потрудилась выучить текст наизусть. Спутник ее с

непроницаемым лицом терзает пиццу: то ли слушает внимательно, то ли думает о своем – хрен разберешь...

Я сижу на летней веранде кафе, напротив дома, где минувшей ночью, как утверждает маленький, словоохотливый официант, случился пожар. Подозреваю, что по моей вине. Впрочем, обошлось без жертв. Симпатичный коротенький человечек, который только что принес мне рыбу, рис и свежайший салат, сообщил, что загорелась какая-то ветошь в подвале, от огня пострадала квартира на первом этаже, но ничего, обошлось без жертв, а подпорченное огненной стихией жилье было застраховано. Откуда информация? Да вот, погорельцы сегодня приходили сюда завтракать, хвастались своей предусмотрительностью. Собираются пожить на даче, пока в квартире будут орудовать молдавские штукатуры под предводительством закарпатского электрика. В общем, все у них будет хорошо, как я понимаю.

Что ж, славно, ежели так. Я-то предполагал худшее... Теперь, пожалуй, можно расслабиться и как следует пожрать. Лучше поздно, чем никогда: в последнее время я вечно забываю себя покормить. Как-то не могу увязать завтраки, обеды и ужины со своим новым расписанием хаотических перемещений от «взаправду» к «понарошку» и обратно. Желудок мой от такого обхождения, понятно, не в восторге. Пришло время с ним замириться.

Я методично пережевываю салат. Почти счастлив, но виду не подаю; даже не улыбаюсь, лишь поскуливаю тоненько от удовольствия где-то на темной стороне собственной утробы. Поневоле прислушиваюсь к причудливому диалогу за соседним столиком: порой

оттуда доносятся совершенно умопомрачительные заявления. Хоть стой, хоть падай!

– Толстые люди реже теряют сознание и лучше запоминают свои сны, даже самые пустяковые: чем больше твое тело, тем труднее забыть о себе, хотя бы на миг.

Литературоцентричная барышня уже давно завершила монолог, посвященный внезапному зимнему просветлению. Переключилась на другие предметы. Я тихонько офигеваю. Чем только голова у людей забита! Словно бы спеша подтвердить мой насмешливый вывод, в разговор вступает ее спутник.

– А вот представь ситуацию: продвинутый аквариумист попадает в психушку. У него мания величия. Все вокруг твердят: «Я – Наполеон», «Я – Ельцин», «Я – Березовский», а он: «Я – Звездчатый Ангел, самая дорогая аквариумная рыбка в мире!»

– Да уж. На месте главврача я бы постаралась продать его лже-олигарху. Исцелению это вряд ли поспособствует, но, глядишь, оба будут счастливы...

Они, как я погляжу, встают из-за столика. Жаль: я только во вкус вошел.

– Ну и как тебе сюжет?

– Сюжет хорош. Но Фраю такой, пожалуй, не пригодится.

Они смеются. А я цепенею. Смотрю, как эти двое спускаются на улицу, думаю, что надо бы броситься следом, остановить их, потребовать объяснений... Но я еще не расплатился за еду. Да и тело стало вдруг грузным, непослушным, даже чуть приподняться над

стулом для него – мука, что уж говорить о стремительной атаке на веселых говорливых незнакомцев...

Минуту спустя прихожу в норму. Теперь и сам не понимаю: что это вдруг на меня нашло? Я ведь мог оставить на стуле рюкзак: вещь ценная, недешевая, официант, пожалуй, не стал бы вот так сразу снаряжать за мной погоню... Да и кто думает о такой ерунде, когда на карту поставлены все наличные вопросы жизни и смерти и, возможно, даже пара-тройка невнятных ответов? Правильно. Только законченный идиот, вроде меня.

На всякий случай высовываюсь на улицу. Внимательно оглядываюсь по сторонам. Прохожих хватает, но ни единой парочки, кроме заботливо вылизывающих друг друга котят, примостившихся на обугленном подоконнике сгоревшей квартиры. Кто сказал, что, дескать, лучше поздно, чем никогда? Поздно – это, как правило, и есть никогда. События, которые имеют значение, случаются вовремя или не случаются вовсе – вот как сейчас, например...

108. Ухлаканьяна

...сам перерезал свою пуповину.

Возвращаюсь на место. Мысленно ставлю себе здоровенный малиновый кол по поведению. Кто это там с утра обещал обрести внутреннее спокойствие и никогда больше с ним не расставаться? Ну и где же оно? Где, где...

Последовательно применяю все известные мне методы приведения себя в порядок, допустимые в

общественных местах. В итоге обнаруживаю, что вполне достаточно просто подышать животом. Дешево и сердито. Надо бы не забывать этот способ...

Успокоившись, объясняю себе, что ничего трагического не произошло. Ну да, судьба вдруг свела меня с людьми, которые, вероятно, сочинили мне дополнительную судьбу. Возможно, более увлекательную, чем их собственная, но вряд ли столь же заковыристую, как та, что уже имеется в моем распоряжении. А я, как последний дурак, ничего не понял, прохлопал ушами удивительную возможность расставить несколько точек над интригующей, но, кажется, смертельно опасной буквой «і». И что с того? С какой стати я вообще решил, что задушевный разговор пойдет всем нам на пользу? Да и о чем, собственно, я стал бы с ними говорить? «Ребята, прекратите меня выдумывать?» – так, что ли? Боюсь, они от безумных поклонников вымышленного «сэра Макса» еще и не такое выслушивают. Рассказывали бы потом приятелям о психе, атаковавшем их в кафе, только и всего. Или, чего доброго, сочинили бы меня еще раз, определив на сей раз в соседи сумасшедшего аквариумиста, для пущего колорита... Вообразить страшно.

В общем, все к лучшему. Будем считать, что мне просто довелось сходить в зоопарк и одним глазком взглянуть на хищную тайну, дремлющую в клетке. Это вовсе не значит, что я был обязан перепилить решетку и выпустить чудище на волю. Пусть себе сидит взаперти. Не до него пока.

109. У-шэн Лаому

По преданию, У-шэн Лаому – мать 96 миллионов «изначальных сыновей», посланных ею на землю. Здесь они погрязли в пороках бренного мира, утратили свою изначальную природу; они обречены на вечные страдания цепи перевоплощений, не могут вернуться...

У меня на сегодняшний вечер было намечено два дела. С первым: найти нечаянно испорченный мною фрагмент реальности, – я уже справился.

Остаток дня следовало посвятить испытанию фотоаппарата. Выяснить наконец назначение этого загадочного оборудования, гуманитарного вспомоществования самому себе, которое мне надлежало получить в трудную минуту. Ну вот, получил. Зачем? Чтобы вспомнить, что в кармане у меня имеется надежная профессия, верный кусок хлеба на старости лет? Но, если верить гаданию на кофейной гуще (а по всему выходило, что сомнения – дурная трата времени и душевного топлива), у фотоаппарата имелась еще какая-то дополнительная функция. Выяснить это мне предстояло опытным путем, сегодня же. Не так уж много было в нынешней моей жизни вопросов, ответы на которые можно получить, как только заблагорассудится.

Океюшки, будем считать, что заблагорассудилось.

На всякий случай я решил отойти подальше от пожарища. Мало ли что стрясется после того, как я щелкну затвором, какая такая чудо-птичка вырвется на волю из темницы... А целенаправленно подвергать

опасности один и тот же участок пространства – это казалось мне своеобразным метафизическим свинством.

В течение часа я добросовестно кружил по Москве. Словно намеревался запутать следы. В конечном счете почти заблудился. Где-то неподалеку высился самый надежный в мире ориентир Кремль, но название «Ветошный переулок» ничего не говорило ни снулому уму, ни даже чуткому сердцу. Тенистый и почти безлюдный, переулок показался мне неплохим полигоном для испытания фотоаппарата. Детей и домашних животных в окрестностях не наблюдалось. То есть в случае чего парадный вестибюль моей совести будет сверкать чистотой. Что же до дальних, темных ее углов – тут уж как получится...

Расчехлив волшебный (предположительно) «Nikon», некоторое время изучающе его ощупываю. Пальцы мои помнят устройство фотоаппарата, угадывают назначение всякой кнопки, любого рычага. Обнаруживаю, что мне откуда-то ведом смысл крошечных цифирей и значков. В некотором смятении настраиваю опции: ну, братец, сейчас поглядим, действительно ты такой профи или прикидываешься?

Да нет, вроде бы не прикидываюсь.

Оглядываюсь по сторонам в поисках подходящей жертвы. Я уже знаю, что должен снимать не городские пейзажи, не облачную пенку взбитых ветрами небес, а непременно людей. Почти вспомнил даже почему, только сформулировать не могу. Слова, как рыбы кости, вонзаются в гортань: ни избавиться от них не могу, ни игнорировать их присутствие. В детстве в таких случаях мне приходилось глотать, не разжевывая, хлебный мякиш, а сейчас...

Сейчас я просто выбираю наугад изящный силуэт юной красотки в стильных коротеньких брючках, ковыляющей по переулку на модных высоченных платформах. Тоненькая до прозрачности брюнетка, очаровательная и нескладная, чем-то напоминающая Олив Ойл, вечную подружку мультяшного морячка Поппая, – прелесть, а не девушка! Вероятно, впервые надела эту шикарную обувь: не то ноги натерла, не то просто ходить на таких устройствах пока не выучилась... Во мне вдруг оживает художник; этот безбашенный придурок уписаться готов от восторга: лопочет, что двойной портрет девочки-тростинки и ее укороченной, кругленькой тени станет настоящим шедевром, дергает меня за рукав, теребит душу: скорее, скорее же!

Ему, можно сказать, удалось сбить меня с толку: щелкая затвором, я уже сам почти уверен, что занят созданием произведения искусства, почти не помню о настоящей своей цели, почти не жду чудес.

Что ж, тем больше меня впечатлил результат.

Я узнал, что это значит: оказаться в чужой шкуре. С головой окунулся в плоть и сознание постороннего человека. На краткий миг завладел полным набором – не только и не столько мыслей, но воспоминаний, мнений, настроений, пристрастий и ощущений незнакомки. Впрочем, называть ее «незнакомкой» было бы некорректно: теперь я знал Виту лучше, чем себя самого. Много лучше. Наше внезапное знакомство сопровождалось столь острыми и интенсивными ощущениями – привычный повседневный самоанализ ни в какое сравнение не идет.

В настоящий момент Вита проклинала все на свете. Босоножки на платформе, как я и предполагал с самого

начала, были куплены совсем недавно. Выглядели они роскошно, а стоили сущие копейки. Расплачиваться за столь выгодную сделку с требованиями моды приходилось кровью. Опыт ношения подобной обуви у Виты имелся богатейший, но жесткие ремешки из дешевого кожзаменителя уже успели изувечить левую пятку и не собирались останавливаться на достигнутом. Страдать предстояло еще минут десять: не ловить же, в самом деле, такси, чтобы преодолеть ничтожное расстояние в пять кварталов! Да и зона тут, кажется, пешеходная... Или нет? А хуй поймешь!

Вита глазела по сторонам в поисках аптеки. Липкий кусочек пластыря представлялся ей сейчас истинным спасением. Еще четверть часа назад она бы с негодованием отвергла это нехитрое средство: стоит только представить, как уродливо будет топорщиться пластырь из-под тоненьких ремешков! Но теперь ей было все равно. Ясно ведь, что Славик, новый перспективный ухажер, ради свидания с которым она так старательно наряжалась, будет пялиться совсем на другие участки тела... Или нет? Возможно, девушки с пластырем на ногах вызывают у него отвращение. Еще и не такое бывает: Вадик, вон, оказывается, видеть не мог, как женщина ест суп. Предупредил бы хоть, козел. Ради твоей «Ауди» и отцовской дачи в Серебряном бору вполне можно было бы обойтись без супа... Все лучше, чем, стиснув зубы, терпеть страстное сопение Бобы, для которого на территории любого девичьего тела существовало лишь одно привлекательное место: задница. Прочие отверстия казались ему милым, но необязательным анатомическим излишеством. Вспомнить тошно...

Вита ковыляла по Ветошному переулку и почти безглаголиво перебирала в памяти имена и физиономии

бывших и потенциальных кавалеров. Следовало признать, что ее мелкооптовая торговля собой пока не принесла ни одного мало-мальски удовлетворительного результата. Удовольствия от всего этого было куда меньше, чем требовало ее ненасытное от природы тело. Но даже если предположить, что удовольствие в таком деле – не главное... Все равно ничего хорошего! О брачных перспективах и речи пока не шло. Многочисленные обещания совместных поездок на заграничные курорты до сегодняшнего дня оставались источником горчайших разочарований. Даже тряпки приходится покупать на свои – за редким, как оргазм, исключением. Об избавлении от бессмысленной секретарской работы и тупой институтской зубрежки пока и мечтать не приходилось. Хоть бы один урод допер, что... А, хули толку ныть, ты лучше думай, подруга, как быть со Славиком? Дать ему сегодня или еще жопой покрутить, чтобы ценил выше? И ведь никогда не угадаешь, как лучше... Блин, ну почему все так сложно?!

Все бы ничего, мое близкое знакомство с типичной представительницей рода человеческого вряд ли можно было назвать шокирующим. Я примерно представляю себе, как живут, о чем беспокоятся и к чему стремятся люди, в том числе и глупенькие, алчные юные девочки, вроде Виты. В этом смысле удивить меня непросто.

И все же именно в тот миг я сделал потрясающее открытие – совсем иного, правда, свойства. Под толстым слоем дрянного хлама я, к удивлению своему, обнаружил чуткое, храброе сердечко, поверхностный, но живой ум, пылкое воображение и такой запас дикой, звериной тоски, что содрогнулся. Словно бы заглянул в глаза ребенка, заживо погребенного в фамильном склепе,

среди урн с прахом нескольких тысяч поколений предков, которые, все как один, жили нелепо, неумело, недолго и умерли, как распоследние идиоты, так и не попробовав сделать первый настоящий вдох. Дни идут, а Крысолов с дудочкой, лукавый волшебник, на которого одна надежда, все не приходит. И, пожалуй, теперь уже не придет. Поздно, проехали.

Ф

110. Фаро

Он вездесущ, посещает все воды.

«Стой смирно! – рявкнул я на себя. – Только девочку напугаешь. Или того хуже, внушишь ей напрасные надежды...»

Худо-бедно, но я обуздал свой первый порыв. Не помчался на другую сторону улицы, не стал хватать за руки прекрасную, глупенькую Олив Ойл, поостерегся расточать обещания иной, удивительной, волшебной участи. Оно и к лучшему: ничего выдающегося я сейчас не смог бы для нее совершить. Ключник – по крайней мере, начинающий, вроде меня, – не может действовать, когда ему заблагорассудится. Только по вдохновению, по велению свыше, или сниже, или еще откуда-нибудь, но не по собственной воле – увы.

Вита проковыляла мимо меня и скрылась за углом, а я отошел в сторону, прислонился спиной к прохладному камню нежилого, страшного, как гигантский гнилой зуб, дома. Такие, брат, дела. Такой вот у нас фотоаппарат имеется. Когда-то ты уже им пользовался, помнишь? С трудом припоминаешь? Это ничего, у нас с тобой теперь все будет именно «с трудом», ибо предстоит нам вытаскивать живых, трепетных рыбок из поросшего тиной стоячего пруда. И учти: очень, очень немногих сумеем вытащить мы с тобой. А для прочих навсегда останемся несбывшимся обещанием, пугающей,

прекрасной сказкой, смутным предрассветным сном. Ясно тебе? Надеюсь, что ясно...

Кое-как приведя себя в равновесие, я вырулил на Никольскую и продолжил свои занимательные штудии. В течение часа успел побывать нетрезвым учителем географии из Рязани, по примеру Венички Ерофеева рвущимся на Красную Площадь; юным солдатиком, впервые с момента призыва отпущенным в увольнение и теперь с наслаждением поедающим пятую по счету порцию мороженого «Лакомка»; озабоченной семейной дамой сорока с лишним лет; тринадцатилетним подростком, только что спустившим в игральные автоматах украденную у матери сотню; умненькой, некрасивой учительницей музыки, мучительно размышляющей об ужасах орального секса; величественной старухой в фальшивых бриллиантах, шествующей к месту проведения тайного спиритического сеанса, – после этого переживания я почел за благо объявить перерыв, ибо вымотался. Временно пришел в негодность. Оставалось одно: свернуть в ближайший бар и заказать «Маргариту», уповая, что «счастливей час» еще не закончился, а значит, мне принесут целых два коктейля.

Вот и славно. Я, пожалуй, действительно заслужил передышку. Невелико удовольствие то и дело обрастать чужой плотью и судьбой. Тот, прежний, Макс – он тоже не слишком любил это развлечение. Не горел желанием вспоминать, что всякая человеческая жизнь похожа на сокровище, погребенное в болотной трясине. Но он-то, в отличие от меня, вероятно, не имел ни малейшей надежды изменить сей поганый факт.

Когда-то, великое множество судеб, чудес и пробуждений назад, кто-то (вероятно, Франк) говорил мне, что нет иного предназначения у человека, кроме как странствовать между видимым и невидимым, сбывшимся и несбывшимся, осуществленным и недоосуществившимся. А дело Ключника, как мне уже известно, – обслуживать путешественников. Открывать двери, выпускать демонов, сулить золотые горы, понукать, утешать, туманить разум, заманивать хитростью. Словом, *давать возможность*. Ну вот, теперь наконец ясно, зачем я нужен. Инструкции по применению, можно сказать, прочитаны и приняты к сведению. Экспериментальный разводной мост между сбывшимся и несбывшимся приходит в движение.

Что ж, так тому и быть.

111. Феаки

Корабли феаков достигают цели без помощи руля и мчатся с невероятной быстротой; Одиссей в течение всего путешествия находится в состоянии глубокого сна, похожего на смерть.

Фотоаппарат снова в кофре, кофр завернут в свитер, свитер в рюкзаке, рюкзак болтается у меня за плечами, а я иду-бреду, шагаю по Москве, перехожу вброд огромный ночной город, вязкий, как черный мармелад. Сейчас он почти неотличим от собственной изнанки, почти тождественен ей, почти равновелик. Ночью все кошки серы, да. Но как горят в темноте их янтарные, изумрудные, бриллиантовые очи – почти как освещенные окна укутанных тьмою домов...

Автопилот доставляет меня по нужному адресу. Сказать «домой» – язык не поворачивается. Называть опустевшее жилье Вениной квартирой тоже не хочется. Это уже ничей дом, ничья земля, пограничная, нейтральная полоса. Мне тут, понятно, самое место.

Падаю ничком на ковер в гостиной, рвусь в сон, как в битву, очертя голову, не раздумывая о последствиях, упиваясь собственной стремительностью. Закрываю глаза, осознавая, что это – скорее ритуал, чем насущная необходимость. Огненным дождем обрушиваются на меня осколки видимого мира, который на поверку оказался разноцветной мозаикой: собирать ее – великий труд и сомнительное удовольствие, зато разрушить, оказывается, можно одним движением нежного, слабого века, взмахом ресниц, выдохом.

112. Финн

...он приобщался к скрытым тайнам...

Я толкаю тяжелую парадную дверь, неуклюже навалившись на нее всем телом. Сюю наконец любопытный свой нос в образовавшуюся прореху между «здесь» и «там». Оглядываюсь. Мраморный пол вестибюля, пустая корзинка для зонтиков, еще одна дверь – нараспашку. Захожу в холл. Ага, знакомая обстановка. Здесь я, можно сказать, родился. Или проснулся, что в моем случае одно и то же. Интересный поворот событий. Не поворот даже, прыжок, кульбит, тройной тулуп, сальто прогнувшись, батман в положении с горы на лыжах. Вот ведь блин.

В центре – черный кожаный диван и журнальный столик, а справа, у лестницы – антикварное кресло, обитое красным плюшем. Рядом, на тумбочке оборудован рабочий уголок ночного портье: телефон, лампа под зеленым абажуром, подставка для газет, толстая стопка листочков для заметок, несколько остро отточенных карандашей, пустой графин и дружок его стеклянный стакан, чистый, но потускневший от долгого употребления. На стене – небольшое зеркало в позолоченной раме, из-под которой выглядывают выцветшие открытки с изображениями озера, холмов и полей для гольфа. Рядом прикреплено расписание пригородных электричек. Станция, обозначенная в качестве главного пункта отправления и прибытия поездов, называется Шёнефинг. Это слово, как я понимаю, надо бы запомнить, вы зубрить наизусть. А еще лучше – записать. Не то чтобы я совсем не полагаюсь на собственную память (а ведь и правда не полагаюсь), но более всего меня сейчас интересует возможность провести эксперимент. Что станет с запиской, написанной во сне? Обнаружу ли я ее в изголовье, или в одном из карманов, или же текст вспыхнет огненными буквами в сизых сумерках пробуждающегося сознания, или вовсе ничего не случится до тех пор, пока я снова не замру на пороге этого сна... Пока не попробуешь, не узнаешь. Всегда так.

Беру карандаш, листок бумаги. С изумлением убеждаюсь, что грифель не оставляет на бледно-желтой линованной поверхности никаких следов. Пробую остальные карандаши, один за другим – вотще. Серебристые грифельные иглы крошатся от нажима, но бумага девственно чиста. Что ж, значит, наипростейший из известных мне способов сохранения информации тут

не работает. И надо срочно изобрести какую-то иную методу, чтобы не кусать потом локти. Все бы ничего, но привкус собственного локтя во рту отбивает аппетит и ухудшает настроение...

Провожу карандашом по собственной ладони. Не прилагаю почти никаких усилий, но грифель пронзает кожу, оставляет кровавые царапины. Не ощущаю боли, лишь недоумение. Но понимаю, что это – шанс. Поспешно вывожу буквы немецкого алфавита: «Schцnefing». В финале расставляю точки над «о», потом, как водится, – над «і». Последний укол грифеля кажется мне болезненным, я вздрагиваю, но не просыпаюсь. Скорее уж еще глубже погружаюсь в реальность сновидения. Начинаю замечать подробности, которые прежде ускользали от моего внимания. В частности, замечаю наконец стеклянную дверь слева от входа. Дверь ведет на веранду, откуда, как я вдруг понимаю, все это время доносились негромкие, веселые голоса. Знакомые, к слову сказать, голоса. Особенно один из них.

113. Фома

«Ты поверил, потому что увидел Меня».

– Сколько мучений, лишь бы сэкономить на посещении тату-салона! – приветливо говорю себе с порога.

Я говорю, и я же слушаю, потому что каким-то образом нахожусь в двух местах одновременно. На миг приподнимаюсь из-за накрытого для праздничного завтрака стола и выглядываю в холл. Но и продолжаю

стоять рядом с красным плюшевым креслом с изувеченной шуйцей и окровавленным карандашом в деснице. Хочу приблизиться – к нему, к себе? Не знаю. Но и пошевелиться не могу. Он – я – кажется, тоже не может.

– Не могу пока ни выйти тебе навстречу, ни пригласить тебя присоединиться к трапезе. Сам знаешь.

Это правда. Сам знаю. Сам не могу – ни пригласить, ни присоединиться. Только говорить могу почему-то. В этом искусстве мне, кажется, нет равных. Вероятно, из таких вот болтунов и получают после смерти духи, пригодные к общению со спиритами. Все равно с кем, все равно о чем, лишь бы болтать. И смех и грех...

– Но в следующий раз, когда ты придешь сюда наяву...

Он умолкает (я умолкаю). И так все ясно.

114. Фраваши

Фраваши жалки и велики, убоги и могущественны. Они <...> реют в небесах, закованные в металлические доспехи...

Проснувшись, обнаруживаю царапины на левой ладони – не кровавые, как следовало ожидать, а бледно-розовые следы словно бы давным-давно заживших ран. Но разобрать немецкое слово все еще можно. «Шёнефинг», – бормочу, торопливо разыскивая блокнот и хоть плохонький какой-нибудь пишущий предмет. В доме человека, разбогатевшего на торговле электроникой, такого добра, понятно, не водится. Хорошо хоть я, мелкий клептоман, ношу в карманах

непонятно чье имущество – вот и ручка гелевая там оказалась. Сие мудреное стило оставляет на бумаге оранжевые, как брызги апельсинового сока, точки и полосы.

Ну вот, записал. Что дальше?

А дальше – чистый, ничем не замутненный восторг. Начало нового изумительного дня, роскошная аскеза холостяцкого утра: огненные и ледяные струи воды в душе, аромат сандаловой палочки в коридоре, стакан лилового виноградного сока, тревожащий ноздри кофейный дурман, полосатый шезлонг на балконе, игра в жмурки с солнечными зайчиками. Мне много не надо: довольно и того, что я есть пока, дышу, осязаю, обоняю, вижу, не понимаю ни черта, но знаю откуда-то, что так и надо. Такая уж у меня сейчас счастливая, глупая полоса наступила в жизни, которую я люблю с неистовой, бесшабашной страстью неопита.

После первой чашки кофе пытаюсь собраться с мыслями. Дурная работа: эта мелкая сволочь разбегается врассыпную. Обрывки мнений, суждений и выводов щекочут дальние окраины моего сознания, дразнятся, хихикают, как бесенята.

События, вплетенные в пеструю ткань моего бытия, и правда не поддаются удовлетворительным объяснениям, не переводятся на привычный телеграфный язык: «да – да – нет – да», поскольку не могут быть описаны при помощи точек и тире, данных нам свыше.

Я – капля, пролившаяся из общего котла, переполненного причудливой смесью сомы и помоев. Куда именно я выплеснулся: в небеса или на грязный асфальт; суждено ли мне стать облачной пылью,

крошечным сияющим кристаллом льда или неприметным глазу грязным пятном, стремительно испаряющимся под лучами полуденного солнца, – поживем – увидим. В любом случае менять что-либо уже поздно, да и ни к чему. Я – дурак по определению, а судьба, по определению же, умница, красавица, круглая отличница боевой и политической подготовки. Ей, понятно, виднее.

115. Фу-син

Фу-сина изображают в одеянии гражданского чиновника с развернутым свитком в руках, на котором написано: «Небо ниспосылает счастье».

Я же подбиваю бабки.

Направление, вероятно, по-прежнему юго-запад. То ли конечный пункт, то ли станция пересадки именуется Schцnefing. Сколько бы я ни шлялся туда во сне, это, кажется, делу не поможет. Придется притащить туда всю свою тушку, целиком: бледную шкуру, каменные от ужаса потроха, взъерошенные перья. Иначе почему-то не катит.

Ладно. Есть, сэр. Будет исполнено, сэр. Чай, твоя душенька довольна?

Душенька не то чтобы так уж довольна, но держится молодцом. Поехали дальше.

Зачем нужен фотоаппарат, я, кажется, уже разобрался. Погружение в чужие шкуры, чужие судьбы, чужие дремотные существования – малоприятная, но, вероятно, обязательная дисциплина для того, кто вознамерился получить диплом по загадочной специальности «Ключник». *Во дни сомнений, во дни*

тягостных раздумий^[9], если внутренние либерал и гуманист вдруг объединятся да сдуру решат, будто я не должен вмешиваться в чужую жизнь, которая, как правило, до одури проста, но, что греха таить, на некоторых участках чрезвычайно приятна, мне будет полезно иметь в виду, что я – благо. Потому хотя бы, что человеческое существо не имеет права на простоту. Простота действительно много хуже воровства, простота – это вооруженное ограбление самого себя. Фальсификация, симуляция жизни. Осквернение могилы из плоти, в которой покоится бессмертное существо. Исходящий от него запах гниения не оставляет надежды.

Так?

– Примерно, – равнодушно кивает мое отражение из маленького круглого зеркальца, помещенного на балконной стене не иначе как в качестве установки для беспрепятственного размножения солнечных зайчиков.

Кажется, мы начинаем приходить к согласию.

116. Фэнхуан

... слово фэн <...> первоначально было обозначением <...> посланца небесного владыки.

Я на взводе, а значит, самое время воспользоваться давешним советом Франка. Спускаюсь во двор, сажусь в машину. Медленно (иной темп в будний день в центре Москвы невозможен) проползаю несколько кварталов, петляю по переулкам. Успокаиваюсь.

⁹ Смотри-ка, да мы в свое время, оказывается, школьную программу усвоили!

Приведя себя в приемлемое состояние, нахожу свободное место в тени, паркуюсь. Сижу, не трепыхаюсь, не думаю ни о чем, а словно бы шарю в собственных потемках, ощупываю свои тайные швы, обыскиваю себя: что там?

Ключ, что ж еще?

Я чувствую его иррациональную, нежную тяжесть. Ключ ворочается в груди, как крошечное дополнительное сердце. Кровь моя уже приобрела, наверное, едва заметный металлический привкус. Возможно, со временем она окрасится в изумительный бирюзовый оттенок медного купороса. Никаких возражений: подобная смена биохимической концепции кажется мне эстетически приемлемой...

С ленивым удивлением браню себя за легкомыслие. Что за детство в жопе заиграло: кровь у него, видите ли, цвет поменяет... Кому какое дело до окраски компота, сваренного из твоих потрохов, чучело? Ты бы лучше спросил себя: не пришло ли время учиться открывать двери? Там, в Нижнем Городе, у тебя неплохо получилось. Ну и?.. Я жду продолжения. Одного фокуса маловато будет.

Распекать себя мне помешали звуки шагов. Ритмичный цок каблучков, тишайший скрип кожаных подошв. Приглушенный до шепота женский голос вдруг произнес над самым моим ухом:

– Тут вот ведь что. Мало кому удастся вести себя во сне как наяву. И уж тем более наяву – как во сне...

Ни фига себе заявление! Это что же за прохожие такие снуют по замоскворецким переулкам?

Выглядываю. Вижу поспешно удаляющуюся от места моего привала парочку. Высокий мужчина в летнем костюме из светлого льна и миниатюрная блондинка в полупрозрачном оранжевом сарафане. Я хотел было выскочить из машины, догнать, остановить, увидеть их лица, расспросить – сам не знаю о чем. Словно почуяв мое намерение, женщина оборачивается, дружески мне подмигивает, демонстративно прижимает палец к кукольным губкам. «Кошка сдохла, хвост облез, кто промолвит, тот и съест», – явственно слышится мне детская дразнилка, хотя ни слова не было сказано вслух. Ее спутник, кажется, укоризненно качает головой, но на мгновение останавливается и тоже оглядывается на меня. Я успеваю разглядеть бледное лошадиное лицо, коротко подстриженную «профессорскую» бородку, тонкие, но яркие губы. Потом парочка исчезает за углом, а я вспоминаю, что уже встречал их – где-то, когда-то. В иной какой-то жизни, в *несбывшейся вероятности*, по ту сторону «было» и «не было».

Рецепт, однако, мне выдали отменный. Вести себя во сне как наяву, а наяву – как во сне. Иногда у меня это получается, более или менее случайно. А надо бы, наверное, чтобы это стало единственным способом бытия...

Повинуясь внезапному порыву, покидаю машину. Медленно бреду по тротуару. Украдкой посматриваю по сторонам: мне надо бы убедиться, что мир вокруг дрожит, течет и ежесекундно меняется, как это часто бывает во сне, но я опасаюсь, что... Стоп. Опасаться нельзя. Опасения – не та роскошь, которую ты можешь себе позволить. Поэтому просто иди. И старайся оставлять на теплом, дряблом, подтаявшем асфальте радужные, перламутровые, сияющие следы – не потому,

что ты такой уж великий герой, просто тебе часто снится, что... Ага. Вот и молодец. У тебя почему-то получается. Дуракам счастье.

Х

117. Хаос

...своей собственной рукой все открывает и закрывает, являясь как бы мировой дверью.

Захожу в ближайший подъезд (дверь заперта на кодовый замок, но это больше не имеет значения) и оказываюсь на балконе Вениной квартиры, откуда ушел четверть часа назад. Выглядываю во двор. «Нива» моя стоит на месте, как миленькая. Словно бы и не было никакой поездки. Будто я на минутку задремал, сидя в шезлонге... А может, и правда, задремал?

Проверить проще простого. Спускаюсь вниз, завожу машину. Тепленькая, как и следовало ожидать. Кто бы сомневался.

Отлично, – думаю, опускаясь на горячее сиденье. Именно чего-то в таком роде мне и не хватало. Но теперь...

Что там говорила рыжая умница Олла? «Мотаться будешь, как челнок. Между городами, между мирами, между явью и сном, между жизнью и смертью». По всему выходит, что и правда буду. Теперь я, кажется, знаю метод.

118. Хважарпыс

...нартский кузнец чинил ему голову с помощью медных пластинок.

Остаток дня я скоротал, отворяя всевозможные двери, дверцы и калитки. Тягал тяжкие створки металлических ворот, осторожно отодвигал в сторону фанерные щиты, закрывающие оконные дыры обеспамятевших нежилых домов. Словом, потрудился на славу.

Мартышкин труд: ничего из ряда вон выходящего со мною не случилось. Только поцапался с несколькими одинаково толстыми, мятыми тетками, олицетворявшими, очевидно, общее возмущение всполохнувшейся реальности. Куды, дескать, прешь? А ну стой, скотина! Возомнил ся, понимаешь...

В конце концов я сдался. Рухнул за столик какого-то мексиканского ресторана в надежде, что соль, лимон и текила в сочетании с огненным соусом «Табаско» выжгут напалмом горечь моей густой, смешанной с городской пылью, слюны. Это, очевидно, и есть неоднократно описанный беллетристами привкус поражения. Мне он хорошо знаком. Демоны, обитающие в темноте под моими опущенными веками, уже не раз метили эту территорию. Остались довольны. Суки. Ненавижу.

За соседним столиком два изрядно перебравших гражданина средних лет бурно обсуждают нежелание своих текущих подруг глотать семенную жидкость. Я вынужден слушать их занимательную беседу практически без купюр: других свободных столиков в заведении нет, а искать другой ресторан мне почему-то не хочется. Не то смутное ощущение правильно выбранного места, не то обычная бытовая лень – я так вымотался, что утратил способность отличить одно от другого.

– Ты мне уже что-нибудь заказал?

Вопрос звучит откуда-то из-за моей спины, и я даже не сразу понимаю, что он адресован мне. Да и с какой стати? Я не назначал здесь свиданий, не надеялся тайно на счастливую встречу, не томился предчувствиями. Но легкая рука опускается на плечо, путешествует по шее, зарывается в волосы. Прохладная, ласковая ладошка тербит мой загривок с небрежной нежностью, словно бы я – любимый, бестолковый пес, отставший в толпе от хозяина, но теперь благополучно водворенный на место.

Я не оборачиваюсь. Я, наверное, уже и так знаю, кто пришел меня навестить. И до одури, до потери памяти, до медвежьей болезни боюсь ошибиться. Мне не выжить, если ошибусь, – так, во всяком случае, мне сейчас кажется.

– Только не делай из мухи слона, – говорит Маша, усаживаясь рядом. – Не падай со стула, ладно? Не хотелось бы развлекать тутошнюю публику. Она не заслуживает зрелищ. Разве что хлеба. А этого добра тут хватает.

Рука ее по-прежнему на моем затылке, и это – акт милосердия, как я понимаю. Маша знает, что прикосновение убедительнее слов.

– Неужели я заснул прямо в ресторане? – спрашиваю наконец.

– Ты заснул много раньше, – улыбается она. – В красном кресле на вилле Вальдефокс, помнишь? Не парься, ладно? Хочешь, дам честное слово, что я тебе не мерещусь?

119. Хёгни

...смеется, когда у него вырезают сердце.

Смеюсь, качаю головой.

– Разве бывают «честные слова»? Разве что честные ощущения. Твоей руки мне вполне достаточно.

Она довольна.

– Ну если так, покорми меня. Будем считать, что я – тамагочи... Видел когда-нибудь такую игрушку?

Пожимаю плечами. Видел ли я игрушку – ну и вопрос! Словно позади у нас – максимум неделя разлуки, а впереди – бесконечно долгое лето и множество других лет, так что можно транжирить эту вечность, предусмотрительно нарезанную на тонкие ломтики дней... Но ведь это не так. Или?..

– Я не знаю, – беззаботно отвечает Маша. – Скорее всего, у нас и правда впереди вечность: у каждого своя. Но в некоторых точках наши вечности пересекаются. И это лучше, чем ничего.

Молодой человек в фирменной майке ресторана и ярком, стилизованном под индейскую вышивку переднике, надетом поверх белоснежных штанов, наконец оказывается поблизости, на расстоянии сдержанного жеста. Мне удастся его позвать. Заказываю бурритас с черепашьим мясом для Маши. Сам я вряд ли смогу что-то проглотить. Горло мое раскучено истошным криком, который, по счастью, не способен уловить ни одно человеческое ухо. Разве что Машино. Возможно, она даже знает, от счастья я ору или

от боли. Потому что сам я уже не могу разобраться в собственных чувствах.

– Ты напрасно перегибаешь палку, – мягко говорит она. – Не нужно усердствовать: ни в радости, ни в муке. И в прочих вещах чрезмерное усердие вредит. Сегодня ты имел возможность в этом убедиться. Не мешай тому, что происходит, – только и всего... Не спеши, ладно?

– Постараюсь.

– Стараться как раз не надо бы. Просто не спеши. Расслабься. Тебя не наградят за заслуги и не накажут за ошибки. Потому что ни награждать, ни наказывать некому. Мы слишком одиноки, чтобы иметь начальников и надзирателей.

Вопросительно поднимаю брови. Неужто и правда *настолько* одиноки? Никаких «начальников» – это уже ни в какие ворота! Я так не привык. Должен ведь, должен быть кто-нибудь «самый главный», директор Вселенной, президент Кали-Юги, фюрер моей кармы. Или и правда обойдемся?..

Маша серьезна. Укоризненно качает головой, хмурит брови, словно великодушно решила компенсировать мне отсутствие отцов и командиров. А что, она может! Мало никому не покажется...

– Поверь, наше поведение никого не интересует, успехи не завораживают, а неудачи не раздражают. Ну разве что ближайших соратников. Но это, как ты понимаешь, сугубо коллегиальное сочувствие, а не «высочайшее внимание»... Если и есть где-нибудь ангел, записывающий наши деяния в тетрадку, скорее всего, он просто учится в первом классе какой-нибудь небесной гимназии и ведет дневник наблюдений за живой

природой... У вас в школе, на уроках природоведения были такие штуки?

– «Дневник наблюдений»? Да, конечно. Таблички, которые требовалось заполнять метеорологическими данными: температура воздуха, облачность, осадки. А еще там следовало рисовать звериные следы и фиксировать даты птичьих перелетов... Помню, на одной из страничек было задание: начертить свой путь от дома до школы. Я полдня пытался. Разбил страничку на четыре части и нарисовал четыре разных маршрута. Учительница поначалу решила, что я не понял задания. Знаешь, у нее, наверное, в голове не укладывалось, что существует почти бесконечное множество способов добраться из пункта «А» в пункт «Б». Но потом она доперла. Поставила мне пятерку и стала ходить домой через парк, обозначенный на моей схеме мелкими зелеными какашками...

– Очень типичная история про тебя, – оживает Маша. – Даже учительнице, взрослой тетке, мозги вправил, заставил ее скакать по газонам, ломая каблучки... Всегда бы так!

– За это и выпьем, – кривляюсь, подражая лепетанию в жопу пьяного человека.

Мы смеемся и поднимаем бокалы.

120. Химера

Чудовище, рожденное Эхидной и Тифоном.

В Машинном стакане томатный сок, в моем – минеральная вода. Что с того? Нас пьянит тайный, почти невыразимый смысл так толком и не произнесенного

тоста. Того гляди, пустимся в пляс, стулья станем ломать или песню матерную заорем фальшивым дуэтом. С нас станется.

Ничего такого мы, понятно, не делаем. Не куражимся, не дурачимся, не глумимся над заведенным укладом тутошнего бытия. Сидим смиренно, смотрим друг на друга, держимся крепко за руки и ржем, как расхрабрившиеся после первого в жизни алкогольного коктейля подростки.

Бардак воцаряется почти помимо нашей воли.

Посетители ресторана вдруг начинают воплощать в жизнь тайные наши желания. За дальним столиком яростно и почти неразборчиво орут «Семь-сорок»; вусмерть пьяная дама с тонким лицом ботичеллиевской Весны пытается приплясывать на неверных, негнущихся ногах. Молодой человек в сером однобортном костюме колесом пересекает зал, метким ударом ноги открывает дверь туалета и скрывается в этом тайном убежище, так и не потрудившись вернуть свое гибкое тело в обычное положение. Нетрезвые угрюмцы по соседству с нами прекратили наконец обсуждать душераздирающие аспекты орального секса. Один из них поспешно сползает на пол и начинает страстно вылизывать тупоносый английский ботинок своего приятеля. Тот сладко, утробно стонет, словно бы совокупляясь с невидимым суккубом. Глаза закатились, на устах – улыбка Джоконды. Что за черт?! У меня волосы дыбом, а прочим – до задницы. Словно бы до того дошло самоуглубление наших случайных соратников по поглощению мексиканской пищи, что никто не видит друг друга, и только мы с Машей по-прежнему способны любоваться всей совокупностью разрозненных эпизодов.

И это, вероятно, только начало. Вдруг сам собой взлетает к потолку тяжелый стул; пустой столик с розовой табличкой «Reserved», напротив, с грохотом обрушивается на пол: от его ножек осталась даже не щепка – труха, удушливая древесная пыль. Сутулый менеджер в опереточном сомбреро с ужасом наблюдает за разбушевавшейся мебелью; его юная коллега вращает белками и зажимает руками рот, размазывая по подбородку алую, в тон приколотой к волосам розе, помаду. Из кухни доносятся возбужденные крики и еще почему-то – гулкий барабанный бой. Бутылки в баре начинают лопаться, издавая не звон и не грохот: они протяжно подвывают, как маленькие, но очень несчастные собачки.

Маша тянет меня за руку. Хочет улизнуть от греха подальше. Я спешно сую под пепельницу деньги и следую за нею. Ковер сердито елозит под нашими ногами, словно возмущаясь, что мы его топчем. Мимо моего уха со свистом пролетает свернутая в трубочку лепешка, орошая окрестности курятиной и бобами. Колечко лука приземлилось мне на плечо. Этим, однако, неприятности и ограничились, даже от потоков томатного соуса судьба меня уберегла.

Мы вышли на улицу.

– Как ты думаешь, теперь там все успокоится? – нерешительно спрашиваю я.

– Наверное, – вздыхает Маша. – Ох, надо бы нам поосторожнее! Никогда прежде я ничего такого, кажется, не... Ну да оно и понятно. Мы же с тобой впервые наяву встретились – с тех пор, как ты повел меня в гости к Франку. И вот вам результат...

– ...Нету поросят! – подхватываю. – Ты только не наказывай нас за плохое поведение, не исчезай прямо сейчас, ладно? Мы ведь нечаянно, сама знаешь. Не со зла, даже не сдуру, а просто по причине отсутствия практического опыта обращения друг с другом в условиях неупраздненной реальности.

121. Хлинеу

Брат женился на собаке, а сестру унес медведь.

– Еще чего – исчезать! – Маша хмурится, по-детски морщит нос, прячет в уголках губ кокетливую улыбку. – В самый-то интересный момент? Нет уж... Но, знаешь, ты напрасно думаешь, будто от меня хоть что-то зависит. Стала бы я от тебя прятаться, как же!

– Надеюсь, тебя не держат в темнице?

Стараюсь дурачиться, хоть и пугает меня изрядно эта тема. И хотелось бы разобраться в непростых наших отношениях, привести график свиданий хоть в какое-то соответствие с собственными ожиданиями, да боюсь услышать нечто такое, с чем мне будет тяжело и страшно остаться в одиночестве. А ведь рано или поздно я, пожалуй, опять останусь один, как ни крути!

– Странная идея – держать меня в темнице. Кому, интересно, это могло бы понадобиться? Все наоборот: однажды я вырвалась на волю, и с тех пор своей воли у меня больше нет. Я ничего не решаю. Хотелось бы, конечно, махнуть рукой, сказать тебе: давай отложим на какое-то время все эти дурацкие, хлопотные чудеса, возьмем отпуск, проживем несколько месяцев неспешно, со вкусом. К морю съездим, что ли...

Маша мечтательно вздыхает. Я уже почти готов поверить в чудесную перемену нашей общей участи. А вдруг действительно?..

– Ну так за чем дело стало? Скажи. А я послушаюсь. Одно удовольствие тебя слушаться.

– Что бы я ни сказала, это дела не изменит. Когда для тебя наступит утро нового дня, меня, скорее всего, не будет рядом. Я не планирую убежать, но предчувствую, что именно так и случится. Я же говорю тебе: своей воли у меня нет. И ничьей воли нет для меня. Я просто случаясь, происхожу, проистекаю, бываю... Но не всегда, а время от времени, от случая к случаю. Не понимаешь?

– Мягко говоря, не очень.

– И не поймешь, пока не попробуешь. Но ты непременно попробуешь. Да ты уже начал пробовать. По ма-а-ахонькой такой капельке... Оно и правильно: новую судьбу следует вводить в организм гомеопатическими дозами.

– А мои дозы именно «гомеопатические»? – ухмыляюсь. – Страшно даже представить, как выглядит большой глоток...

– Да уж, представить – страшно. А проглотить – сладко. Даже захлебнуться – дивная, прекрасная мука. В свое время я-то как раз чуть не захлебнулась. Но за мной, к счастью, присматривали.

– Франк?

– Ну, положим, твоего приятеля Франка хлебом не корми, только дай слепых котят в Мировой океан пошвырять... Но на нем свет клином не сошелся, в этом

доме на перекрестке миров вечно ошивается всякий славный народ. Турбаза у них там или что-то в таком духе... Да ты ведь и сам успел познакомиться с тамошними завсегдаятами?

– Ага. Дивная компания. Интеллигентный спецназовец, безумная старушка, блондинка с баяном, босяк в пальто и девочка с плеером. Впрочем, сначала я подумал, что она – мальчик...

– Ангелика, – кивает Маша. – Прочих не узнаю. Наверное, они дурачились. Или ты сам как-то иначе их видел... Впрочем, в этом доме все зыбко и переменчиво, и только Ангелика – почти константа. Она со мною поначалу нянчилась. Не очень долго, но мне вполне хватило.

– Это хорошо, – киваю. – Славно, что она с тобой нянчилась. Тебя надо любить и беречь. Пусть хоть кто-то этим занимается, если уж меня, дурака, никогда нет под рукой...

– Здесь могла бы быть ваша реклама! – хохочет Маша.

– Что?

– Ну, ты сказал это таким тоном... – виновато досмеивается она. – Словно бы моя жизнь – журнальная полоса, а место, отведенное для твоего присутствия, зияет пустотой, как непроплаченное рекламное пространство... В каком-то смысле так оно и есть. Это довольно большое место. Одна четвертая полосы, скажем...

– Ну, хорошо хоть не одна тридцать вторая!

– Одна тридцать вторая моей жизни – это тоже немало, поверь. Тем не менее для тебя выделена целая четверть. Надеюсь, когда-нибудь ты ее все-таки заполнишь.

– Это очень серьезное предложение, – говорю, привлекая ее к себе. – Голова кругом от таких перспектив.

122. Хоори

...рождается в покоех, объятых пламенем.

Все чудесным образом переменялось. Прежде я просыпался и обнаруживал, что Маши больше нет рядом; теперь же бодрствовал подле нее до рассвета, а когда наконец заснул, остался один. В какой-нибудь из жизней я всегда буду один, очевидно. Так почему-то надо.

Утреннее солнце растопило мне веки, опалило ресницы, огненными пятнами и полосами исчертило сладкую, дремотную тьму. Поэтому, наверное, мне снилось, что я – не то полено в огромном костре, не то саламандра, пляшущая на раскаленных углях, не то колдун, приговоренный к сожжению, и лишь за чертой неизбежного, по ту сторону ужаса и боли, вдруг осознавший свою истинную, огненную природу. Я жил в пламени или сам был огнем; словом, учился иному способу бытия, хотя даже тогда, в самом дальнем тупике лабиринта сновидений, не представлял, в каких обстоятельствах может понадобиться это странное умение.

Когда я проснулся, полуденный жар показался мне прохладой. Маши нигде не было. Оно, возможно, и к

лучшему: огонь все еще бушевал под кожей, и я всерьез опасался, что мое прикосновение может оставить ожог. Иначе почему так потемнел и даже, кажется, оплавился ворс коврового покрытия, на которое я как-то умудрился скатиться с постели? Огромное, отчетливо пахнущее паленым пятно почти в точности воспроизводило форму человеческого тела. Ну, дела...

Я отправился в ванную. Там с восхищением обнаружил, что ледяные струи воды, соприкасаясь с моей кожей, начинают клубиться паром. Лишь час спустя мне удалось почувствовать их холод; еще через несколько минут я наконец задрожал от внезапного озноба. Понял, что исцелился. Закутался в махровое полотенце и побрел на балкон: обсыхать.

По дороге я тщетно пытался обнаружить в доме хоть какие-нибудь следы Машиного пребывания. Тщетно: ни предметов туалета, ни следов помады на посуде, ни единого белокурого волоска в зубцах гребня. Даже записку она мне не оставила. С другой стороны, какая тут может быть записка? Ничего такого, о чем можно сказать словами, с нами, кажется, не случилось. А события минувшей ночи вполне хороши и без вещественных доказательств.

123. Хрейдмар

...хозяин двора, у которого заночевали боги.

Сижу на балконе, цежу сквозь зубы ледяную воду из тонкого стакана. Прочие напитки вызывают у меня сейчас отвращение, зато воды хочется все время: остатки внутреннего пожара гашу, так, что ли?..

Если не принимать во внимание тайную подоплеку моей жажды, можно сказать, что у меня выдалась наконец минута отдыха от чудес, которые как-то незаметно переполнили жизнь до краев, не оставив места посторонним, профанным сюжетам. Совсем недавно были лишь разрозненными эпизодами, от каждого из которых волосы дыбились, а теперь, гляди-ка, чуть ли не рутинной стали. Только и радости, что на балконе посидеть. Лишь здесь, кажется, ничего из ряда вон выходящего со мною не происходит.

Словно бы насмехаясь над этим моим умозаключением, на балкон опускается причудливая летучая тварь. Перепончатые крылья, рыбье тело блестит перламутровой чешуей, волчья голова на тонкой гусиной шее, толстые, когтистые кошачьи лапы. Хорошо хоть этот кошмар размером немногим больше синицы, а то я, пожалуй, мог бы покрыть себя вечным позором, оглушив соседей диким, утробным воем. А так ничего. Сижу, молчу, с брезгливым любопытством разглядываю очаровательного посланца небес. Тварь ласково, по-голубиному, воркует, словно желая заверить меня в бесконечной личной симпатии, но острые когти нервно елозят по древесине, оставляют глубокие царапины на балконных перилах. Так и не выдавив из себя ни единого судьбоносного мессиджа, чудесное животное тяжело хлопает крыльями и улетает в неизвестном направлении. Остается надеяться, что у него нет намерения свить гнездо на ближайшем тополе и поселить там подружку. Мне-то, пожалуй, все равно, но московских воробьев жалко. Им, думаю, будет непросто конкурировать с новыми собратьями по экологической нише. О детях и старушках я предпочитаю вовсе не задумываться...

Понимаю вдруг, что время мое вышло. Пора отсюда выметаться. Не только из Вениного дома, вообще из Москвы. Мое присутствие уже не идет на пользу этому городу. Да и мне здесь больше нечего делать. Смотреть сны, играть с фотоаппаратом, открывать и закрывать двери да назначать свидания прекрасным призракам можно и в пути. Благо путь мне, вероятно, предстоит долгий. Конечная станция известна, но вот траектория движения нуждается в дополнительных уточнениях. Что ж, буду кружить по дорогам, сам себе леший, сам себе блуждающий огонек. Небось найду подходящую трясину на свою голову, и не одну!

124. Хувеане

...съев его ужин, Хувеане объясняет исчезновение еды «магией».

От такого поворота мыслей чувствую облегчение, граничащее с истерическим восторгом. Выходит, решение правильное. Уматываю. Вот только с визой как быть? В городке Шёнефинг мне нужно побывать наяву, а значит, придется приводить в порядок документы. Это хреново: я, кажется, не представляю даже, с какого конца за это дело браться. Или представляю?

Ну, разве что...

Звоню наобум Вениной секретарше Лидочке. Говорю строго: дескать, Вениамин Борисович велел мне обратиться к ней по поводу срочного оформления немецкой визы. У нас с ним там, на берегах Рейна, совместный бизнес-интерес, а потому мне следует немедленно, не теряя ни дня, отправляться на

переговоры. Вру, конечно, беззастенчиво – а что делать? С другой стороны, не откусит же она мне голову, по телефону-то?

Да, – говорит Лидочка. Конечно, она в курсе. Вениамин Борисович звонил, предупреждал. Она готова приехать за моим паспортом хоть сейчас. Все будет хорошо.

Магический способ бытия нравится мне все больше. Одно дело – по изнанке реальности шастать или концентрированную экзистенцию при помощи обыкновенного фотоаппарата из ближних и дальних извлекать. И совсем другое – обнаруживать, что мелкие бытовые сложности, изматывающие нашего брата, прямоходящего, мыслящего примата до полной потери шестых чувств, улаживаются совершенно самостоятельно, лишь руку протяни. Волосы дыбом!

125. Хэ-хэ

...с распущенными волосами, блаженным взглядом...

Лидочка и на сей раз не отказывается от чашки кофе. Помогаю гостье устроиться в кресле, сам прикидываю: не сходить ли в спальню за фотоаппаратом. Разглядываю ее с особым, осторожным и жадным любопытством. Оно и понятно: не подружку ведь на ночь выбираю, не спутницу жизни даже, а шкуру, в которой мне предстоит побывать – если решусь, конечно. Упустить возможность попрактиковаться вроде бы грешно, но и обнаружить в очередной раз мелкое топкое болото на месте положенной душевной бездны ох как не хочется.

Словом, стрёмно мне. Странные, однако, отношения складываются у меня в последнее время с представителями рода человеческого...

Гостья грациозно поправляет рыжие локоны, улыбается мне – не кокетливо, а задушевно, по-свойски. Словно бы мы уже много лет знакомы, видимся изредка и все больше по делу, но к неизменному обоюдному удовольствию. А я каким-то образом понимаю вдруг, что гендерного интереса у нее ко мне не было и нет. Нормальная человеческая симпатия, пожалуй, имеет место. Ну и любопытство, конечно: что это за дружок такой завелся у обожаемого шефа? В общем, дурак я был в прошлый раз, когда решил, будто барышня на свидание напрашивается. Спутать природную доброжелательность с робким бытовым блядством – дубина безмозглая! Позорище.

Словно бы желая замолить давнишний грех, исправить ошибку, которой, в сущности, не совершал, ношусь с Лидочкой как с любимой племянницей. Обшариваю кухню в поисках сладостей, мечу на стол коробки с остатками конфет, загружаю в Венин сидюк «Сокровище» «Cocteau Twins»^[10]. Адская машинка издает прелестные звуки. Лидочка, кажется, довольна: жмурится, как сытый котенок, пробует кофе, осторожно разворачивает конфетку.

– Спасибо, – говорит. – Денек у меня сегодня начался – не приведи господи. А у вас тут не то реанимация, не то служба спасения.

¹⁰ Т. е. намечается прослушивание концерта «Treasure» культового в умеренно узких кругах ВИА «Cocteau Twins». Запись 1984 года, но настоящие ценители и в девяностых ее с удовольствием слушали, да и поныне, собственно, восхитительный этот диск под рукой держат.

– А то! Коллеги Чип и Дэйл задержались на вызове. Просили кланяться...

– Ой, а вы тоже любите мультики? – оживляется Лидочка.

– Ага. Причем не избирательно, а все подряд. Какие вижу, те и люблю. Хоть диснеевские, хоть Ханну с Барбарой, хоть японцев, хоть нашу Студию «Пилот»...

– А «Ежика в тумане»? – Она глядит на меня почти умоляюще.

– И «Сказку сказок» тоже.

– И про Винни Пуха?

– И про капитана Врунгеля.

– И Простоквашино?

– Вау! Но тогда уже и «Тайна третьей планеты». Про Алису...

– А помните, был такой сериал про казаков?

– Поди забудь... А «Пластилиновая ворона»?!

– Ой! – Лидочка от избытка чувств прижимает ладошки к щекам. – Такая прелесть! Но все-таки самые лучшие пластилиновые мультики делает англичанин Ник Парк. Я в отпуске за границей видела один из фильмов про человечка Уоллеса и собаку Громмита, а там, если я не ошибаюсь, целый сериал... Попадется – обязательно посмотрите^[11]. А не попадется само, разыщите, не пожалеете!

¹¹ Присоединяюсь к рекомендации. Мультки про Уоллеса и Громмита гораздо круче, чем более поздний дорогостоящий проект «Побег из Курятника».

С воодушевлением трясую головой. В настоящий момент я и правда верю, что важнейшим из дел отныне станет для меня охота за фильмами и разрекламированного англичанина, благо фамилию «Парк» запомнить несложно...

Наконец, обменявшись названиями любимых мультиков, мы успокаиваемся. Беремся за остывающий кофе.

– Знаете, – вдруг улыбается Лидочка, – я только сейчас поняла, что очень давно не говорила на такую тему со взрослыми. Разве что с племянниками, благо у меня их целых три штуки. Но старшему уже четырнадцать, и он понемногу начинает воротить от нас свой конопатый нос. Важничает. Ну как же: взрослый совсем... Но смотреть – пока смотрит.

– Да ну, конечно, все смотрят мультики... Или почти все. Просто взрослые обычно стесняются признаться, что это зрелище повергает их в младенческий восторг.

– Пожалуй, так. Я и сама обычно стесняюсь признаваться в подобных вещах. Не только в любви к мультикам... Например, у меня есть фотография, которую я никому не показываю. Она сделана в Московском зоопарке. Я там стою с рыжим зайцекроликом на руках.

– Именно с «зайцекроликом»?!

– А я не знаю точно, заяц он или кролик. Зверь себе и зверь... Живет в зоопарке, торгует телом: его за деньги можно взять на руки, потискать, погладить.

– Типичная проституция! – смеюсь.

– Ну да... А за дополнительную плату можно с ним сфотографироваться. Вот и я сфотографировалась. А фотку спрятала. Никому не показываю.

– Слишком рискованный снимок вышел? – веселюсь. – Заяц там голый и в черных чулках?

– Да нет, – хмурится Лидочка. – Заяц-то нормальный. Упитанный, ушастый, пушистый такой мордovorot... Просто фэйс мой на фотографии какой-то уж чересчур умильный. Счастливая такая рожица получилась, детская почти... Не каждый ведь день с зайцами-кроликами обжиматься доводится. И вдруг в руках зверушка нежная, сердечко бьется, лапки дрыгаются, пух подбородок щекошет... Ох! Лучше бы уж с голой задницей меня в публичном месте застукали, честное слово! – почти сердито добавляет она.

Тон ее столь серьезен, что мне даже в голову не приходит идея развить столь благодатную тему. Теоретически говоря, Лидочка с голой задницей, да в общественном месте – это должно быть круто. Но я лишь сдержанно киваю:

– Понимаю.

Она недоверчиво смотрит на меня.

– Правда, правда, понимаю. Задница – это ничего, дело житейское, задница у всех есть, и всякий может быть застукан с нею наперевес. Но вот улыбка беззащитная, зайчик на руках, прочие сюси-пусы – срам, да и только! Никому не покажем, никогда, ни за что! Так?

– Примерно, – вздыхает Лидочка. – Что же получается? Мы хотим казаться хуже, чем мы есть?

– Да нет, пожалуй. Это не совсем точно. Ничего такого мы не «хотим». Просто стесняемся...

– Стесняемся не показаться хуже, чем мы есть, да?

– Вот. Это уже точная формулировка.

– Еще бы! Мы все как-то вдруг синхронно уяснили, что следует прикидываться умненькими, ироничными, расчетливыми, хладнокровными тварюшками. Но ведь... Мы не совсем такие?

– Мы совсем не такие, ясен пень. Мы – нежные, сентиментальные, чувствительные, недолговечные комочки органики. Мы – страшно сказать! – добрые и хорошие. Признаваться в этом чрезвычайно, неописуемо стыдно. Поэтому мы стараемся не выдать себя даже в мелочах. А совершив оплошность, сгораем со стыда, отворачиваемся к стене, губы – в кровь, зубы – в крошку. Непереносимо!

Ц

126. Цан-цзе

Имел четыре глаза <...> – символ особой прозорливости.

– Вы очень правильно говорите, – изумленно вздыхает Лидочка. – В точности, как я сама в глубине души всегда...

От полноты чувств она умолкает. А я иду на кухню варить новую порцию кофе. Не объяснять же девушке, что ей только что выпала чудесная возможность побеседовать с собой. Просто некоторые реплики озвучивались моими устами. Оказывается, я еще и это могу: быть идеальным собеседником. Помогать человеку договориться с самим собой. Забавная способность. Надо будет иметь ее в виду. А что касается фотоаппарата... Пожалуй, сейчас он мне не понадобится. Есть, оказывается, и иные способы переходить зыбкую, вертлявую границу между весьма условными понятиями «я» и «другой».

127. Цвицв

Нарты <...> пустили его в качестве стрелы из лука...

Лидочке после наших задушевных откровений, очевидно, стало неловко. Во всяком случае, она отказывается от кофе: дескать, и так уже всюду опоздала; забирает мои документы и поспешно

прощается, избегая смотреть мне в глаза. Говорит, виза, скорее всего, будет дня через три. Вот и славно: три дня – это куда меньше, чем вечность. Пережду как-нибудь. Да и дело мне найдется.

За это самое дело и принимаюсь, как только закрылась дверь за моей гостьей. Включаю свой компьютер. Один за другим уничтожаю файлы – запароленные и обычные, все подряд. Стираю их, не читая. Все это, возможно, чрезвычайно интересные, но уже ненужные, излишние подробности. Мне, конечно, любопытно, но...

Но.

Обойдусь. Куда полезней помнить, что я не знаю о себе почти ничего. И иметь в виду, что всякая полезная информация почти сразу утрачивает актуальность. Все слишком быстро меняется: я... и не только я. Вообще все.

Недрогнувшей рукой очищаю «корзину». Где-то я слышал, будто даже такие, дважды уничтоженные, файлы поддаются восстановлению, но тут уж придется довериться судьбе, в надежде, что она не допустит к моему компьютеру мастера соответствующей квалификации. В любом случае, я не знаю, что еще можно сделать. Для меня, болвана необразованного, компьютер – просто очень удобная пишущая машинка. Не более того.

Следующим пунктом программы значится библиотека. С этим просто: рассовать свои сокровища по Вениным книжным полкам. Где тут мое имущество, где его – сам черт не разберет. Я – и то не разбираю, всего-то четверть часа спустя после завершения этого титанического труда.

Только толстый, тяжеленный двухтомник «Мифы народов мира» почему-то кладу в рюкзак. Объясняю себе, что книги исчерканы моими заметками, названия некоторых глав помечены карандашными подписями. Дескать, не стоит оставлять здесь столь явное свидетельство былых умственных усилий. Аргументация – из рук вон. Даже законченному идиоту вроде меня понятно, что следы карандаша можно стереть ластиком. Однако этого я не делаю. Знаю откуда-то, что тяжкий сей груз придется теперь повсюду таскать за собой. Чувствую, что так надо. Ну и ладно. Слушаю и повинуюсь. Наше дело солдатское. Нам, татарам...

Собственное смирение изумляет меня куда больше, чем прочие чудеса.

Вслед за неподъемными кирпичами в рюкзак отправляются кожаный мешочек с рунами, вырезанными на сушеных абрикосовых косточках, и ветхая самодельная карточная колода, испещренная многозначительными надписями. Поддаюсь искушению извлечь наугад одну карту и читаю: «То самое». Вполне сойдет за доброе предзнаменование. Чего ж мне еще?

Прочие бумаги рву на клочки и сжигаю, испытывая неопишуемое, почти сладострастное облегчение. Вот теперь, кажется, все. Можно отправляться в путь. Идти, бежать, ехать – да хоть лететь! «Прежде чем стать человеком, я был стрелой», – откуда, интересно, я выцарапал эту фразу?^[12]

Не помню.

¹² Откуда, откуда... Из романа Роберта Джеймса Уоллера «Мосты округа Мэдисон» ты ее выцарапал.

И черт с ней. Важно, что она растворилась в моей крови, химическая реакция уже началась, ее не обратишь вспять.

Не очень-то и хотелось...

128. Цекул

...у него были маленькие, поврежденные дымом глаза.

Повинуясь внезапному порыву, выхожу из дома. Неспешно пересекаю двор, бреду по опустевшему сумеречному городу, дышу неглубоко, но ритмично, гляжу не столько под ноги, сколько во тьму, притаившуюся в уголках моих собственных глаз. Диковинная, дурацкая авантюра: кажется, я стараюсь заснуть на ходу. Не очень-то понимаю, как такое возможно, но где наша не пропадала?

Правильно, нигде пока не пропадала, как ни странно. Глаза боятся, а руки делают. Меня гонит инстинкт, подобный силе, побуждающей младенцев отрывать от пола руки, вставать на рыхлые, мягкие ножки, пополнять ряды прямоходящих приматов – зачем-то. Поди спроси у такого малыша: «Зачем?» Он в лучшем случае загукает, слюни размажет по замурзанному подбородку и рухнет на попку, сбитый с толку сторонним вмешательством. Выходит, прав был Франк, дурацкий вопрос «Зачем?» на фиг не требуется. Он только мешает, отвлекает от дела. Вместо: «Зачем?» – спросим: «Как?» И тут же найдется ответ. Оказывается, если очень долго прикладывать неопределенные, но

страстные усилия, рано или поздно обнаружишь, что все уже *само* получилось. Так бывает.

Возможно, только так и бывает, но мне сейчас не до обобщений. Потому что знакомая улица постепенно превращается... черт знает во что она превращается. В нечто иное, почти неопишваемое. В незнакомую не-улицу, по которой бредет незнакомый нечеловек. Вероятно, он и есть я. Потому что никого, кроме него, тут, кажется, нет, а я, кажется, все же есть. Логично?

Да уж...

Мне и сладко, и, чего греха таить, страшно, потому что я пока не знаю, как тут все устроено. Да что там, как я сам устроен – тоже неизвестно. А уж как будут взаимодействовать эти две неизвестности: я и окружающая среда – это уравнение мне не по зубам. Мне бы попроще чего.

Мне бы сейчас глядеть по сторонам, мне бы не упустить ничего. Запомнить, вероятно, невозможно, так хоть пропитаться чудесными видениями, как губка влагой. А потом (теоретически говоря, я все еще знаю, что такое «потом», но вообразить наступление переломного момента, отделяющего его от «сейчас», уже не могу) выжать себя досуха и посмотреть, что будет. Но я почти слеп. Глаза мои, вероятно, не научились пока видеть. Разве только глазеть да смотреть, но такие умения тут без надобности.

Несколько тягучих, сияющих мгновений спустя обнаруживаю, что у меня имеется еще один мощный инстинкт: самосохранения. Не страх, но некая почти внешняя сила, желающая, чтобы я уцелел, гонит меня «домой». Я не понимаю уже, что это значит: «домой», – зато знаю (чувствую) направление. А потому

безошибочно нахожу место, где задремал. Наступаю на собственный, теплый еще, дымящийся след, вздрагиваю и просыпаюсь.

То есть мне кажется, что я просыпаюсь. Ко всякому утверждению придется теперь прибавлять: «Мне кажется, что...» Громоздкая конструкция, но иного способа описать свои новые отношения с миром я пока не придумал.

И вот мне кажется, что я дико озираюсь по сторонам, массирую виски, почти бегом возвращаюсь во двор, нашариваю в кармане ключи от автомобиля и, наконец, плюхаюсь на водительское место. Ехать-то я, конечно, никуда не собираюсь. Просто вспомнил совет Франка: если станет страшно, надо ночевать в машине. Вероятно, именно так и придется мне сегодня поступить. Потому что я от собственной тени шарахаться готов. И, возможно, небезосновательно. Кто ее знает, мою тень, на что она теперь способна?..

129. Цзы-гу

Верховный Владыка пожалел Цзы-гу и сделал божеством уборных.

Полчаса и две сигареты спустя я уже тихонько посмеиваюсь над собой. Но автомобиль пока не покидаю. От добра добра не ищут. Очень уж нравится мне быть спокойным, храбрым и здравомыслящим. Вот и сижу пока тут.

Развлекаюсь, наблюдая за вечерней дворовой жизнью. У соседнего подъезда бушует нетрезвая Кармен; штук пять еще менее трезвых кандидатов на роль Хозе

сумбурно ее урезонируют. Дескать, не нужно гнать Витька, у него бутылка. Вот сначала выпьем, а потом и гнать можно. Скрытый от моего взора, но громогласный Витек с их стратегией, как ни странно, вполне согласен. Он, очевидно, опытный мужик. Знает, что в процессе опустошения бутылки многое может перемениться. Не вялым разумом, но чуткой утробой прозревает непостоянство мира, сотканного из переменчивых обстоятельств. Что ж, славно. Получается, не я один отягощен этим знанием. Уж вдвоем с Витьком мы как-нибудь справимся. Удержим небесный свод, не дадим ему рухнуть на землю.

Компания алкашей утихомиривается, устраивается в разоренной песочнице и приступает к поглощению живой воды кристалловского разлива. Я слежу за ними почти с умилением. Если хоть одна капля не единожды обещанного могущества сейчас при мне, этот вечер завершится для них благополучно. Соседи не вызовут милицию, их потрепанная общая подружка не станет больше горланить скверные изречения, мятые лики уцелеют, даже новая порция огненной воды возьмется откуда-нибудь, когда исчерпаются запасы моего духовного брата Витька. Все будет хорошо. Этой ночью я храню их покой.

Но пасаран.

130. Цин-лун

...появление цин-лун считалось счастливым предзнаменованием.

Развеселившись и окончательно успокоившись, я закрываю глаза и снова засыпаю. На сей раз обходится без чудес и наваждений. Я отдыхаю от всех обитаемых миров и их насельников, даже от себя самого.

Меня будит дворник. Укоризненно качает головой и метлой. Дескать, что за дела: в машине спать? Непорядок. Люди спят по домам, бомжи – в подвалах, алкаши – на улице, а вот в автомобилях до сих пор никто еще ночевать не додумывался. Не положено.

Мычу нечто невразумительное и на автопилоте отправляюсь наверх, в Венину квартиру, досыпать. День, начавшийся с дворника, не может завершиться неприятностями – ни метафизическими, ни бытовыми. В сущности, дворники, – сонно думаю я, – символизируют очищение через труд. Причем халявное очищение через чужой труд: одна дворницкая метла освобождает от ненужного хлама множество частных пространств. И это, наверное, великая миссия. Нам, Ключникам, и не снилось...

Поднявшись, обнаруживаю, что на подлокотнике кресла, нахохлившись, дремлет сова. Мягкая, пушистая хищная птица. Я не удивляюсь, поскольку, кажется, ожидал именно чего-то в таком роде.

– А говорят, когда ты спишь, ты меня не любишь, – шепчу, сворачиваясь калачиком на ковре. – Ну да мало ли что говорят...

Погружаюсь в прозрачную, прохладную, как утренний воздух, тишину. Даже бойкие городские птицы молчат в этот час; даже мой покровитель дворник не шуршит метлой. Может быть, потому, что я уже снова задремал, и ни птиц, ни дворника нет в моем сне. Только колючий ворс под щекой и сова на подлокотнике кресла.

Такой минимализм меня вполне устраивает – при условии, что рано или поздно сова превратится в женщину. А ведь она превратится. Мне не довелось изучать повадки оборотней в какой-нибудь волшебной школе, но с этой хитрюгой я, кажется, не первый день знаком...

– Правильно говорят, – наконец отвечает она.

Пауза между нашими репликами длилась несколько часов, но я тут же понимаю, что это – именно ответ на вопрос, а не безответственное утреннее бормотание. Маша поспешно добавляет:

– Но сплю я нечасто. И не подолгу. Не бери в голову.

Я и не беру.

131. Цогтай-хан

В мифологии монгольских народов хранитель чудесных знаний.

– От хозяина дома, как я понимаю, ты уже благополучно избавился. Вот и молодец. Что я действительно ценю в коллегах – так это расторопность. Ты бы и сам тут не рассиживался...

– А я и не рассиживаюсь, – огрызаюсь. И просыпаюсь.

Взору моему предстает удивительное зрелище. Франк в летнем льняном костюме с хозяйским видом слоняется по кухне, которую я, признаться, уже привык считать своей; руки его по локоть в сверкающем сиропе полуденного солнца, зато в уголке рта запеклась капля

крови. Чьей, хотел бы я знать?.. Впрочем, нет. Не хотел бы.

Все это, на мой взгляд, как-то слишком. Не в том смысле, что явление Франка – такое уж сногшибательное чудо (видали и похлеще, переживем). Просто задремать-то мне довелось, ощущая на затылке горячее Машино дыхание. И что греха таить, просыпался я с надеждой, что она по-прежнему рядом. Думал, это ее легкие шаги шелестят в коридоре, ее любопытство понуждает открываться и закрываться дверцы кухонных шкафов, а сладкий, но холодный аромат желтых цветов, пропитавший воздух гостиной, – то ли туалетная вода моей гостьи, то ли новый запах ее истонченного чудесами тела. Я загравком чуял ее присутствие, разнежившиеся во сне потроха трепетали в предвкушении утренней ласки, и вдруг – на тебе. Франк.

Мое почтение к тайне, олицетворением которой кажется мне этот старик, почти безгранично, но сиюминутное разочарование было столь велико, что я не сразу вошел в роль гостеприимного хозяина. Секунд десять угрюмо разглядывал нежданного гостя, пытаюсь вообразить на его месте конного Чингизида и сопоставить положение обоих на сомнительной шкале ценностей, между отметками «хуже» и «лучше». По всему выходило, что один черт...

– Эй, я тут!

Предчувствия, оказывается, меня не обманули. Маша и правда не исчезла. Была на балконе, а теперь вот стоит на пороге, щурится. Улыбается томно, с хорошо знакомой мне июльской ленцой, словно загорала все утро в шезлонге. Впрочем, почему нет? Вероятно, действительно загорала. Вон как разрумянилась...

– Здоров ты все-таки дрыхнуть, – как ни в чем ни бывало говорит она, усаживаясь в одно из кресел. – Никакого уважения к носителям тайного знания, эмиссарам вечности, и как там нас еще следует называть?.. Франк, выручайте. Я забыла все пафосные определения!

Франк удовлетворенно похохатывает на кухне. Из крана льется вода. Посуду он, что ли, там моет? Очень мило с его стороны...

– Мы поняли, что на тебя надежды мало и позавтракали сами, – отчитывается Маша. – Я нашла молоко, мюсли и шоколад, а Франк поймал ворону...

– Почему ворону? – спрашиваю изумленно.

– Потому что голуби в этом дворе пугливые, – жизнерадостно объясняет Франк. – А вороны – ничего: храбрые, наглые. Их ловить легче.

– А... Вы не любите мюсли и шоколад? – осеняет меня.

Маша залиvisto хохочет, Франк одобрительно ухмыляется. Кажется, я спорол глупость, но оно и к лучшему. Гости мои довольны. А значит, я – молодец.

132. Цуе

...луна, в отличие от мертвых людей, не издает, умирая, дурного запаха.

– Когда поживешь с мое, – если, конечно, поживешь, – снисходительно ворчит Франк, – сам станешь ворон и воробьев ловить. Да хоть медведей, если пожрать не дурак... Все равно, зверя или птицу,

лишь бы живую тварь. Иная пища нашему брату не подходит. Бессмертное тело не кормят мертвечиной.

– «Бессмертное»? – хмурюсь недоверчиво.

В существование бессмертных человеческих тел и хотелось бы поверить, да не выходит. Странствия духа в бесконечном посмертном сне, тайная жизнь зеркальных отражений после исчезновения оригинала и прочая смутная, но обнадеживающая метафизика – на это у меня более-менее хватает воображения. Но вот представить себе технологию продолжительного хранения гуманоидной тушки, хрупкого белкового организма – нет, не могу пока. При всем (страстном, смею заметить) желании.

– Ну, скажем так: долговечное. – Франк легкомысленно пожимает плечами. – Не верится? Напрасно. Это ведь не фокус цирковой, а тяжкий, знаешь ли, труд...

Он выбрал удачную формулировку. В «тяжкий труд» мне как-то проще поверить, чем в желанное феерическое «задарма». Что с меня возьмешь: нелегкое детство рожденного без рубашки, многолетний каторжный труд на берегу стоячего пруда, откуда мне время от времени удавалось извлечь мелкую, но дивно сверкающую серебряной чешуей рыбешку. Разрыдаться впору! Но я не рыдаю, а, напротив, веселюсь.

– Тяжкий труд – эт мы завсегда пожалста, эт мы, барин, привычные, – охаю, демонстративно хватаясь за поясницу. – Но хоть пара лет-то у меня еще осталась на кофе да бифштексы? Я пока морально не готов пожирать добычу живьем. Не люблю сырое мясо. А уж как я шерсть и перья не люблю – не описать!

– Ничего, привыкнешь, – утешает меня Франк. – А пока пей уж свой хваленый кофе. Ибо ничего похожего на бифштексы я в холодильнике не обнаружил.

Ч

133. Чакравартин

«Тот, который поворачивает колесо».

– Я тоже хочу кофе. – Маша уже всю шерудит на кухне. – Поделишься со мной?

– Спрашиваешь!

– Видел бы ты, сколько его осталось! Тут и делиться-то, честно говоря, почти нечем... Хозяйничать ты совсем разучился, горе мое! Раньше хоть кофе запасался.

– А мне не приснилось ни одного магазина, – ухмыляюсь ехидно. – Как приснится, непременно запасусь. Если, конечно, в этом сне у меня будут деньги.

Гости относятся к моему аргументу с должным уважением. Кивают серьезно. Дескать, если магазин не приснился – тогда что ж, нет вопросов. Им и в голову, кажется, не приходит предложить мне заняться покупками наяву. Да хоть сейчас, например. Впрочем, сейчас-то мне как раз, кажется, лучше бы не отлучаться. У нас, очевидно, совещание в верхах, с участием главнокомандующего. Меня, как я понимаю, будут сейчас инструктировать. А потом догонят и еще раз проинструктируют. Или нет?..

– Ты, к слову сказать, совершенно напрасно испепеляешь меня вопрошающим взглядом, – смеется Франк. – Думаешь, приперся старый хрен учить тебя уму-разуму? Обойдешься. Разум твой – не моя забота.

Сам с ним разбирайся. Меня сейчас куда больше интересует эта квартира.

– Ага. И московская прописка! – добавляю язвительно. – Боюсь, правда, что Веня не захочет на вас жениться... Впрочем, можно попробовать. У вас, вероятно, найдутся некие особые аргументы...

– Аргументы нашлись бы, случись такая нужда, – спокойно соглашается Франк. – Но обойдемся, пожалуй. Довольно и того, что я пометил территорию. В некотором смысле этой квартиры больше нет. Вернее, ее скоро не станет. Сразу после того, как ты отсюда выкатишься. Потому и тороплю тебя.

– Мне паспорт с визой нужно получить. Такие вещи, к сожалению, быстро не делаются. Мне обещали срок в три дня, и это почти чудо...

– А, документы... Ерунда какая. Так бы сразу и сказал. Что ж ты, как маленький? Смотреть тошно, – ворчит Франк.

Он шарит по карманам; наконец откуда-то из-за пазухи извлекает краснокожую мою паспортину. Листает, сует мне под нос страничку со свеженькой, только что не дымящейся с пылу с жару визой. Я цепенею. Даже глазами не хлопаю. Стою столбом, глупый и розовый, как целлулоидный пупс. Победа над бюрократическими препонами кажется мне самым невероятным происшествием этого лета. В конце концов, все прочие чудесные события требовали моего более-менее активного участия, а тут, гляди-ка, на блюдечке принесли. Закричать, что ли, от избытка чувств?

– Когда ты спал, сюда заходила милая рыжая девушка, – сообщает Маша. – Такая красotka – даже

меня проняло! Пока я стекала по стенке, Франк с нею любезничал. И получил великодушное разрешение не тревожить твой сон... Это я к тому рассказываю, что паспорт – самый настоящий. Подделкой документов мы не баловались. Подозреваю, что кое-кто из присутствующих поспособствовал ускорению некоторых процессов, но доказать не могу... А вообще-то пора бы тебе уже иные способы перемещения в пространстве осваивать. А то что ж ты за Ключник такой, ежели тебя за границу без визы не пускают? Недоразумение метафизическое, вот ты кто!

– А ты не подзуживай, – строго говорит ей Франк. – Не торопи его. И без того шустрый. Даже слишком. Чего тебе не терпится?

– Мне всего не терпится, – передразнивает его Маша.

– Ничего. Глядишь, скоро снова затерпится...

– Как затерпится, так и растерпится, – хохочет она.

– Стоп! – Я демонстративно затыкаю уши. – Начните-ка сначала, господа чернокнижники. Желательно внятно и по очереди. Если я еще и речь человеческую понимать перестану – это уже ни в какие ворота.

– Что ж тебе сначала-то? – удивляется Франк. – Болтовню нашу еще раз послушать хочешь? Сомнительное удовольствие... Вот твоя бумажка. Забирай ее и катись отсюда, как вашему брату, перекаати-полю, положено. Путь тебе предстоит неблизкий и увлекательный. И сказал бы я, что готов тебе позавидовать, да повторяться неохота: сколько раз

говорил уже... Конечную станцию знаешь, надеюсь? А маршрут сам определишь. Небось не ошибешься.

– Небось ошибусь, – ворчу. – Подсказали бы, что ли...

– Ладно. Будет тебе подсказка. Я сегодня щедрый: не каждый день новоселье праздновать приходится... По дороге тебе предстоит посетить еще два города. Один обретается на лицевой стороне мира, другой – на его изнанке. Название первого ты вспомнишь, если постарайся. Или если повезет. Второй, безымянный, найдет тебя сам. Вот, собственно, и все. Пейзажи, попутчиков, завтраки на траве, созвездия над головой и прочие приправы добавишь по вкусу. Дела они не меняют.

– На досуге вы, судя по всему, подрабатываете составлением шарад для популярных журналов и коанов для дзенских монахов, – сердито говорю я. – «Вспомнишь, если постарайся», – это ж надо! Величайшая подсказка всех времен и народов. Убиться веником!

– Ты страшен в гневе, – смеется Маша. Протягивает мне кружку, на дне которой плещется жалкая лужица ароматной жидкости. – Выпей кофе, гроза команчей! Мы не учли, что с утра у тебя тяжелый характер.

– Зато после первой порции кофе он может выступать в полулегком весе, – киваю, принимая ее дар. – Трепещите. Через десять секунд я стану зайчиком. И со мною можно будет договориться.

134. Чёрт

Превращаются в черную кошку, собаку, свинью, змея <...>, странника, младенца, кузнеца, мельника...

– Ты все же поосторожнее с такими заявлениями, – хмурится Франк. – Сам не заметишь, как превратишься однажды в какую-нибудь ерунду. И как станешь выкручиваться? На меня особо не рассчитывай: у меня своих дел по горло.

– Что – вот так, возьму и превращусь? – пугаюсь я. – От обычной шутки? Без всяких заклинаний?

– Всякое твое слово может теперь стать заклинанием. Не обязательно, но так вполне может случиться. В любой момент. Поэтому следи за своим длинным языком.

– Страсти какие...

От мысли, что я и правда мог превратиться в бессмысленную, беспомощную, недолговечную зверушку, мне становится по-настоящему жутко. Впредь надо поостеречься... Ох, лучше бы, конечно, моим словам никогда, ни при каких обстоятельствах не делаться заклинаниями! Но меня, кажется, в очередной раз никто не спрашивает.

135. Чильтан

...они собираются обсуждать свои дела в безлюдных местах <...>, где их может увидеть случайный прохожий.

– А квартира-то вам зачем? – спрашиваю, желая выманить беседу из жутконького темного закоулка. – У вас ведь уже есть дом в Остаповском проезде. Очень даже ничего себе недвижимость. Правда, от центра далековато, зато с чудным видом на вечность из всякого окна. Чего ж еще?

– Как это – зачем? – ухмыляется Франк. – Сдам в аренду за полторы штуки в месяц. Кутить будем, или, скажем, в Турцию к морю ездить. Не одному тебе наслаждаться жизнью!

– Издеваетесь, – вздыхаю я. – Никто, значит, не хочет открывать сироте тайну золотого ключика. И буду я у нас теперь жить дальше дурак дураком.

– Этого, положим, в ближайшее время не избежать... Ладно уж, будет тебе «тайна золотого ключика». Подозреваю, что ты просто хотел пошутить, но уж больно удачную формулировку выбрал...

Я обращаюсь в слух. Мне и правда интересно, зачем ему сдалось это помещение. Чую, что за страстью Франка к халявной московской недвижимости кроется некая чрезвычайно увлекательная тайна. У меня-то, теоретически говоря, совсем другие заботы должны бы быть сейчас, но...

Где-то, когда-то я слышал историю о человеке, приговоренном к казни. Сидя в камере смертников, он пристрастился к чтению детективов. То ли из тюремной библиотеки брал, то ли домашние передавали, – не важно. Соль была в том, что в ночь перед казнью он спешно дочитывал книгу. Умереть, не выяснив, кто из литературных героев оказался убийцей, казалось ему

невыносимым. Зато на эшафот отправился вполне умиротворенным: успел.

Совершенно очевидно, что этот придурок – мой духовный брат. Я скроен по тому же образцу, ничего не попишешь! Вот и вслушиваюсь сейчас в многозначительное молчание Франка, стараюсь не упустить ни единого мгновения тишины, предваряющей его монолог.

– Устройство вентиляционной решетки тебе, полагаю, знакомо? – меланхолично интересуется Франк.

– В общих чертах, – пожимаю плечами.

– Назначение понятно?

– В общих чертах! – кривляюсь, передразниваю сам себя.

Но невозмутимость Франка ничем не прошибешь.

– Вот и славно, – говорит он. – Еще один предварительный вопрос: тебе когда-нибудь приходило в голову, что всякое закрытое помещение, в котором толкутся человеческие существа, нуждается в проветривании?

– Неоднократно, – я, кажется, уже понимаю, к чему он клонит.

– Просто вундеркинд! – издевается мой наставник. – Одно удовольствие иметь с тобою дело.

Так мне и надо, конечно. Нефиг было рожи корчить. А теперь – что уж, теперь я в его руках. Смирение, по счастью, еще не самая дорогая плата за возможность удовлетворить любопытство.

– Всякий обитаемый мир, как ты уже, наверное, и сам понял, тоже нуждается в проветривании, – примирительно улыбается Франк. – Особенно города. Замкнутые, скрученные в рулоны, рукотворные, искусственные пространства. Места вроде моего дома в Остаповском проезде или этой вот квартиры – я имею в виду ее ближайшее будущее, – своего рода вентиляционные отверстия. Сквозь них просвечивает великолепная изнанка вещей и дует живительный ветер; неосторожный прохожий, конечно, может провалиться в такую прореху, но кто сказал, что такое приключение непременно должно иметь скверный финал?! Страшно подумать, во что превратились бы человеческие города без таких вот тайных щелей. Еще страшнее подумать, во что превратился бы род человеческий без смутных страхов, тревожных снов и редких озарений. А ведь они отчасти сродни легкой простуде, которую может подцепить всякий, кто слишком долго стоял на сквозняке: тот же внутренний жар, тот же озноб на поверхности кожи, те же барабаны стучат в висках, та же тьма вылизывает затылок... Теперь тебе ясно?

Молча киваю. Знаю, что мое зеркальное отражение улыбается сейчас отрешенно, прижав ледяные пальцы к вискам, но на моем лице нет и тени улыбки. Она спрятана где-то на изнанке меня, среди спутанных ниток, тугих узелков, да косых разноцветных стежков.

– И много их? Таких домов... ну, или не домов. Мест. Здесь, в Москве?

– Не слишком. Чтобы город не обрушился на головы своих суетливых обитателей – вполне достаточно. Но проветрить его как следует пока не удастся. Поэтому, собственно, я и радуюсь так этой квартире. С твоей

легкой руки здесь уже стряслось немало чудес. Мне будет легко довести ее до ума: всего-то пару штрихов добавить, и одним зачарованным местом в Москве станет больше. Худо ли?

Вопрос риторический. Ответа, как я понимаю, не требуется.

– Поэтому, кстати, я и смогла прийти сюда наяву, – вдруг говорит Маша.

Смотрю на нее вопросительно. Почему – «поэтому»?

– Потому что мы можем встречаться только в местах, окутанных той же тайной, которая отравила нашу кровь, – объясняет она. – В иных интерьерах я быстро теряю дыхание. Ты-то вряд ли поймешь, как это бывает: вы, Ключники – двоякодышащие, ваш дом везде...

– Неприкаянные мы, – смеется Франк. – Для нас всякое место – дом свиданий. С кем придется.

136. Чумон

...бежал <...> из пуёских земель на юг.

На этой оптимистической ноте светское наше общение и завершилось. Понукаемый сладкой парочкой своих буйнопомешанных галлюцинаций, подхватываю заблаговременно упакованные манатки и очищаю будущее магическое пространство. Выметаюсь, выкатываюсь, уматываю. Кидаю вещи на заднее сиденье автомобиля. Сажусь за руль, кладу на него голову: пусть отдохнет, поостынет. Авось обретет счастливую способность соображать. Хорошо бы...

Все происходящее, собственно говоря, чертовски мне нравится. Внешние обстоятельства и смутные веления моего собственного сердца пришли к дивной гармонии. Всегда бы так!

Лишь два обстоятельства омрачают эту идиллию. Во-первых, явление святого Франка случилось немного некстати. Оно, вероятно, способствовало успешному развитию моей метафизической карьеры, но вот свидание мое обломалось. И это обидно: не так уж часто балует меня судьба Машиными визитами. Поневоле скрягой станешь...

Впрочем, обстоятельство номер два казалось мне еще более удручающим. Я по-прежнему не знал, куда мне следует ехать. Прежде подумывал было махнуть на все рукой и отправиться прямехонько в городок Шёнефинг – не зря ведь кровью обливался, конспектируя это иноземное словечко!.. А теперь мнусь в нерешительности. Что за город такой следует мне посетить по дороге? Франку-то, небось, по приколу загадки загадывать. Но мне-то куда теперь?

– Выпей, что ли, крепкого кофе и попробуй наконец проснуться, – говорю себе сочувственно. – Кто ж вопросы жизни и смерти, не прочухавшись, решает?

К собственным советам грех не прислушаться. А если учесть, что совсем рядышком канадский бар «Мусхэд», где сносный эспрессо, великолепные чизкейки и примерно полторы живых души на целых четыре комнаты в это время суток, то...

Ага. Я – почти гений. Только соображаю медленно.

Изъян этот стал особенно очевиден, когда я расправился с завтраком и полез в карман за деньгами.

Вместо купюр извлек оттуда сложенный вчетверо кусок оберточной бумаги с полустертыми карандашными надписями: «22.02.62»; «Ужгород, семья воен.»; «с/ш only»; «серд. приступ»; «Фрай».

Происхождение документа больше не вызывает у меня вопросов. Помню я наши с Веней новогодние гадания и прочие подробности рождения псевдонима, давно уже зажившего независимо от нашей воли отдельной, самостоятельной жизнью. Но сердце мое скачет, как сбрендивший Колобок, крушит ребра, плюется артериальной кровью – впору звать охранника, чтобы вывел разбушевавшуюся внутренность на кислород, да ткнул пару раз по мордасам, для скорейшего успокоения...

Машинально достаю деньги из другого кармана, расплачиваюсь, а сам прижимаю к груди заветную бумажку. Ужгород – не это ли название я должен был вспомнить, если постараюсь? Или, согласно пророчеству Франка, если повезет. Я еще не начал стараться. Но мне, кажется, и правда повезло.

Маршрут мой теперь понятен. Направление, как и прежде, юго-запад. Доеду как-нибудь своим ходом до Закарпатья: за рулем мне и правда спокойнее. Особенно ночью. Особенно во сне... Не буду торопиться, постараюсь получить удовольствие от этого путешествия. Заодно спокойствием запасусь впрок. Горб невидимый, на манер верблюжьего отращу, пусть себе колышется за спиной во время ходьбы, пригодится. Доберусь до Ужгорода, а там – по обстоятельствам. И коль скоро обстоятельства сложатся благоприятно, мне будет полезно знать, что неподалеку (если, конечно, мы с картой автомобильных дорог не ошибаемся) находится

пограничный городок Чоп. Там наверняка можно купить билет на поезд: не до Мюнхена, так до Праги или Будапешта какого-нибудь... Нас, пожизненных транзитных пассажиров, пересадками не смутишь.

Жизнь, выходит по всему, прекрасна. Я, выходит по всему, на верном пути. Путь этот, вероятно, ведет в пропасть, но там, на дне ее, мне и место.

Быть по сему.

137. Чэн-хуан

В поздней китайской мифологии – бог города.

– Интересно, он когда-нибудь выйдет из гостиной? – возмущенно вопрошает Юстасия.

– Думаешь, он действительно там сидит? – Алиса недоверчиво хмурится.

– Сидит, сидит! – энергично кивает Лиза. – Я в замочную скважину подсматривала. Именно сидит. На полу, по-турецки. Я думала, медитирует, но он нос почесал... А потом подмигнул мне и тут же погрозил кулаком. Дескать, все путем, но не подглядывай – я, по крайней мере, так это поняла...

– Не одна ты у нас любопытная. – Алиса качает головой. – Я тоже подсматривала, и не раз. Нет там никого. И никаких звуков. Пусто.

– Нашли, о чем спорить, – сердится Юстасия. – Я сама сколько раз глядела... Ну да, он то сидит в комнате, то нет там никого – что с того? Меня интересует другое: он к нам-то собирается выходить? Или нет? И куда подевался его дурацкий труп? И не менее дурацкая

собака? Съела труп, а потом выскочила в окно и убежала, так, что ли? Что вообще происходит?

– Н-н-н-ну-у-у... Он же все-таки призрак, – с некоторым сомнением тянет Алиса. – Может быть, у них так и положено? Нелинейная жизнь: то он тут, с нами, то еще где-нибудь, то в гостиной неделями сидит, то жив, то умер, то исчез, то появился... Опять же это для нас недели, а для него – кто знает, как там время течет?.. А почему ты так нервничаешь, Стаси?

– Ну ни фига себе! Когда улицы города запылают и мир начнет валиться за горизонт, ты тоже будешь спрашивать меня, почему я нервничаю?

– Но ведь пока ничего не пылает. И никто никуда не валится. И даже если начнет пылать и валиться, вряд ли это случится лишь потому, что Макс заперся в гостиной.

– От того, что заперся, возможно, и не зависит. Но важно, чтобы он был тут, с нами. Чтобы оставался жив. Иначе – пиздец. Всему.

– Почему ты так думаешь? – Лиза прижимает ладошки к щекам, ее миндалевидные глаза становятся круглыми, как у девочки-мультяшки, нарисованной опытным мангакой.

– Потому что это – *его* город, хотим мы того или нет.

Юстасия закрывает лицо руками. Некоторое время молчит, собирается с мыслями. Порывисто поднимается; невесомый плетеный стул отлетает в сторону, сметенный подолом ее парчовой юбки.

– Макс его выдумал, – говорит она. – Не знаю, как, не знаю, зачем, но выдумал. Не было бы его, не было бы и города.

– С чего ты взяла?.. – вяло сопротивляется Алиса.

– Просто спросила свое сердце. Можешь поступить по моему примеру. Самый осведомленный и надежный источник информации. Правда, молчаливый. Но тут, как ты понимаешь, важно подобрать ключик...

Некоторое время женщины молча сидят на веранде. Дом построен почти на самой вершине горы, по склонам которой взбирается к небу город. Отсюда открывается прекрасный вид на хрупкие башенки и островерхие крыши, узкие тротуары, цветные лоскуты садов и бесчисленные мостики, переброшенные через узкую горную речку, разделяющую обитаемое пространство на две неравные части. Женщины знают, что некоторые мосты тихонько смеются от удовольствия под ногами пешеходов, а иные – жалобно всхлипывают, оплакивая тех, кому не суждено коснуться их перил; что незадолго до наступления рассвета на окраинах жгут костры из душистых луговых трав, а в полдень разбрасывают по тротуарам кубики цветного льда; что в садовых прудах обитают певчие серебристые рыбки, а трудолюбивые перламутровые гусеницы пожирают не древесную листву, а дурные воспоминания; что мозаичные узоры мостовых еженощно меняют очертания, а облака изгибаются, повторяя причудливые формы крыш, над которыми проплывают. И еще великое множество чудесных подробностей хранит их общая память. Слишком много, чтобы удивляться, но слишком мало, чтобы пресытиться.

– Он выдумал этот город. А потом привел сюда нас, – спокойно, почти мечтательно повторяет

Юстасия. – Хотелось бы надеяться, что хотя бы нас он не выдумывал. Что мы были и прежде. До того, как... До того, как.

– Господи, конечно же, мы были! – восклицает Лиза. – Никто нас не выдумывал...

– Когда в следующий раз захочешь сделать мне сюрприз ко дню середины весны, поделись со мною своим оптимизмом, – невесело усмехается Стаси. – Упаковка пусть будет зеленая, расписанная лиловыми ирисами, а лента – нежно-оранжевая, как сердцевина цветка. Получив такой подарок, я, возможно, перестану наконец интересоваться личной жизнью нашего общего приятеля Макса, чтоб ему пусто было!.. Впрочем, ему, думаю, и без моих пожеланий вполне пусто...

Ш

138. Шарипутра

Шарипутра наделен наивысшей способностью понимания.

Путешествие свое я растягивал, как мог, повинуюсь все еще мощному инстинкту самосохранения, побуждавшему меня откладывать прыжок в очередную пропасть на неопределенное, хоть и неизбежное «потом». Ехал, не торопясь, озадачивая эмиссаров автоинспекции беспрекословным повиновением всем дорожным законам: даже если глупые круглые знаки ограничивали скорость моего, и без того не слишком стремительного, передвижения до сорока километров в час, я покорно следовал их указанию. То и дело останавливался, бросал машину на обочине и отправлялся бродить по лесу; купался чуть ли не в каждом встречном водоеме, обживал придорожные кафе. Два дня гулял по Киеву; во Львове же задержался на целую неделю. Так уж все совпало: и город красив чрезвычайно, и кофе хорош на удивление, и гостиница славная, да и промежуточная цель моего путешествия столь близка, что коленки трясутся.

Я, признаться, все время был настороже. Ожидал, что меня станут торопить, подталкивать в спину – возможно, не слишком ласково. Ох, возможно...

Но ничего необычного не происходило. Вообще ничего. Словно бы мне дали отпуск за свой счет и временно позабыли о моем существовании. Словно бы

судьба моя находилась не в центре грозового облака, не на гребне бессмысленной, ревущей волны, а в руках вполне милосердного, снисходительного существа, способного с пониманием отнестись к последней воле осужденного на изгнание из уютной тюрьмы. Даже если эта самая «последняя воля» больше похожа на детский каприз.

Возможно, впрочем, не было ни волны, ни грозового облака, ни, тем паче, милосердного существа. И судьба моя давным-давно уже находилась в моих собственных, не слишком умелых лапах. Что ж, привыкнуть к такой разновидности одиночества мне, пожалуй, будет непросто. Возможно, это и есть свобода, о которой я до сих пор имел весьма смутные представления...

139. Шеол

... душа его расширяется и волнуется в предчувствии...

Я сам не заметил, как уехал из Львова. Лег спать в гостинице, а проснувшись, услышал, как где-то совсем рядом, примерно в полуметре от левого уха, стрекочет родничок. К щеке прилип неопознанный сухой лист, костяшки пальцев перемазаны травяным соком, на губах – ночная роса, шея ноет не то от холода, не то от стратегически неверного расположения головы: я опрометчиво использовал собственный туго набитый рюкзак в качестве изголовья, хотя обычно обхожусь вовсе без подушек.

По всему выходит, что я провел эту ночь в лесу. А вот как попал сюда, не помню, не понимаю, даже предположить не могу.

Автомобиля моего нет и в помине: ни на поляне, ни в окрестностях, ни на обочине дороги, куда я поспешно спустился, продираясь сквозь ежевичные кусты. Очевидно, придется стать пешеходом. Что ж, поделом мне.

Ладно, будем путешествовать автостопом – при условии, что по этой трассе хоть кто-нибудь ездит... Впрочем, возможно, я уже совсем рядом с Ужгородом. Так, сразу, фиг поймешь, но повсюду, куда ни глянь – округлые, словно бы детьми Атлантов в песочнице вылепленные и лишь потом наскоро заляпанные зеленой тиной лесов, Карпатские горы.

Примерно через полтора часа я добрался до небольшого села. Местные старушки, по счастью, возлюбили меня, бродягу, как всеобщего троюродного внука. Даже дикий южнорусский суржик, «украинский пыджынэць», при помощи которого я кое-как налаживал коммуникацию, великодушно простили. Усадили в палисаднике, накормили переспелыми яблоками, напоили медовым чаем, даже рюмку ядерной ореховой настойки цвета спитого чая налили. И дружную гурьбою проводили к автобусной станции. Там меня погрузили в жуткого вида транспортное средство, на первый взгляд, совершенно недееспособное, но руководимое отважным возницей с вислыми гуцульскими усами. Инструктировали хором: дескать, сейчас меня довезут до Рахова, оттуда другим автобусом или попуткой можно добраться до Мукачева, а то и сразу до Ужгорода – уж как повезет.

Рахов оказался совсем крошечным населенным пунктом – город не город, село не село – кто его разберет? В безнадежно задрипанном трактире возле автобусной станции я выпил несколько чашек самого вкусного в мире кофе. Никогда прежде такого не пробовал. Я даже огляделся настороженно по сторонам: не водят ли меня за нос, подменяя исходную реальность правдоподобной, но несбывшейся копией? Но ничего подозрительного так и не обнаружил. По тротуару гуляют толстые, холеные гуси; спелые сливы время от времени грузно шмякаются с деревьев прямо на раскуроченный асфальт; подростки с рюкзаками затравленно оглядываются по сторонам в поисках таблички с названием улицы; сердитая тощая старушка ведет воспитательную беседу с веселым, подвыпившим усачом – не то сыном, не то зятем, не то просто подвернувшимся под горячую руку прохожим. Если бы не подозрительно хороший кофе, мне бы и в голову не пришло... Но, возможно, в этой местности живут какие-то особые традиции его приготовления?^[13]

Прогулявшись до заправочной станции, я сговорился о совместном путешествии с водителем умеренно раздолбанного грузовика и в четыре часа пополудни был доставлен в маленький пряничный городок Мукачево. За смешные деньги арендовал единственный «люкс» в местной гостинице. Преимущество этой каморки перед прочими помещениями состояло в наличии индивидуальной ванной комнаты и горячей (на самом деле чуть теплой)

¹³ Святая правда. В Закарпатье умеют варить кофе. В тех местах даже в привокзальном буфете самой захолустной станции с этим напитком творят черт знает что. Как, почему, и что сие означает – неведомо.

воды. Омыв кое-как чресла и прочие полезные части тела, я мирно проспал на оплаченной койке до самого заката. А проснувшись, обнаружил, что счастлив и взволнован, как ребенок накануне дня рождения. «Что будет?», «Как все пройдет?», «Кого я увижу?», «Что мне скажут?» и, наконец: «Что мне подарят?» Примерно такие же вопросы волновали сейчас и меня. Впрочем, я был готов принять любой дар, даже если мне, как почти всякому малолетнему имениннику, приготовили совсем не то, о чем я втайне мечтал.

140. Шибальба

Вход находился на земной поверхности.

Я отправился в гостиничный ресторан; спешно охмутив официантку, душевную чернооую дивчину лет пятидесяти с гаком, выяснил, что до Ужгорода можно добраться на такси. Всего-то около сорока километров, говно вопрос.

Сговориться с водителем и правда не составило труда: первый же попавшийся таксист снисходительно прослушал мое выступление на все том же «пыджынце» и ответил мне раздумчивым, протяжным: «Так». Я сбегал за рюкзаком и плюхнулся на заднее сиденье: такая позиция должна была свести к минимуму вероятность светской беседы с шофером. Сегодня мне уже пришлось выдержать атаку полудюжины заскучавших сельских старушек и обстоятельный диалог с водителем грузовика. Наговорился, хватит с меня. Я и такси-то нанял для того, чтобы иметь возможность расплатиться за поездку деньгами, а не болтовней.

Впрочем, усевшись, обнаруживаю, что напрасно беспокоился: на переднем сиденьи лежит маленький кассетный магнитофон. Встроенной магнитолы в машине, очевидно, нет, вот и возит с собой таксист-меломан старенькую переносную «соньку».

Повернув ключ зажигания, он нажимает кнопку «Play», и салон наполняется приятными, ни к чему не обязывающими звуками джаза. Поездка проистекает при обоюдном молчании вполне довольных друг другом сторон. О чем думает мой возница – неведомо. Зато у меня высококалорийной пищи для размышлений – хоть отбавляй.

Вот, к примеру, странная штука: проснулся я в сумерках, обедал в сумерках, такси искал в сумерках, и из Мукачева мы выехали тоже в сумерках. Я, конечно, насторожился, полагая, что чудеса уже пришли по мою душу. Ага, дескать, вот и время уже остановилось. В кино, помнится, был День Сурка, а у меня будет Вечер Сурка: вечный последний солнечный луч на облачном исподнем небес, вечный щебет устраивающихся на ночлег птиц, вечный прозрачный синий сироп заливает обитаемое пространство... Впрочем, несколько минут спустя я сообразил, что в горах рассветы и закаты всегда долгие. Нам, равнинным жителям, в диковинку, и все же ни один закон природы не пострадал в процессе организации моей поездки. Пустячок, а приятно.

Ночь все же наступила. Подождала, пока мы покинем Мукачево, проедем километров десять по странной, лоскутной дороге, где фрагменты почти буржуйского автобана чередуются с узкими, ухабистыми участками трассы, – и вдруг спохватилась, сгустила небесный ультрамарин до положенной черноты. Потом

долго еще суетилась, наводила порядок в своем хозяйстве: птиц – угомонить, обочины – затемнить, лунный серп – прикрыть лохматой тучей, фары встречных автомобилей – поярче; бледных, мерцающих звезд, странных звуков, далеких огней и прочих незначительных деталей добавить по вкусу, полученную смесь взболтать и обрушить на голову путника... Она молодец, эта ночь. У нее все получилось.

Вечер Сурка нам не грозит, но я, конечно, по-прежнему настороже. Жду неладного. Подозреваю, что машина сейчас заглохнет на повороте и таксист, растерянно бормоча: «Да шо ж цэ робыться?!» – нырнет под капот. Прикидываю заранее: стоит ли мне в таком случае сразу выметаться из салона в темную, душистую неизвестность или сделать вид, что я верю, будто неисправность и правда может быть улажена и поездка наша когда-нибудь продолжится. В любом случае, рано или поздно мне, разумеется, придется покинуть машину. Неизвестно лишь, будет ли сопровождаться моя прогулка смятенным воем голодных демонов или так обойдется? Лучше бы, конечно, без саундтрека...

Но нет. Все в порядке. Едем себе и едем. Не то чтобы медленно, но и не слишком быстро. Километров восемьдесят в час. К тому моменту, когда, по моим расчетам, поездка должна бы приблизиться к завершению, мой возница наконец размыкает уста. Интересуется, где я намерен ночевать.

Это, как я понимаю, не досужее любопытство, а начало рекламной кампании. В ответ на нечленораздельное мычание получаю настойчивую рекомендацию остановиться в частном отеле «Эдуард». Подозреваю, что мне навязывают апартаменты в самом

дорогом и пафосном ночлежном доме Ужгорода, но возражать нет сил. «Эдуард» так «Эдуард». Тому, кто отправился в путешествие вроде моего, не следует пренебрегать советами случайных спутников. Я – раб их ламп. Слушаю и повинуюсь. Как скажете, так и будет.

Пока я примирялся с перспективой провести ночь под гостеприимным кровом отеля «Эдуард», мы пересекли невидимую, но вполне внятную черту, отделяющую город от пригорода. Вот я и в Ужгороде. Несколько минут автомобиль кружит (как мне кажется, вполне бессистемно) по улицам и наконец останавливается напротив трехэтажного белого домика с огромными окнами, красивого, по-европейски аккуратного и оттого немного недостоверного: сувенирная игрушка, а не жилье человечье. По всему выходит, приехали.

Шуршу купюрами, отсчитываю смешные разноцветные украинские денежки – всякий раз, расплачиваясь гривнами, я чувствую себя аферистом, не верю, что эти фантики примут к оплате. Однако же нет, принимают. Совесть моя при этом тихо шипит и слегка покалывает душу, как сельтерская вода.

– С отелем только одна проблема, – доверительно шепчет таксист, пряча в карман цветные бумажки.

Я настораживаюсь. И не потому, что обнаружили какие-то проблемы. Мой спутник вдруг заговорил на безукоризненно правильном русском языке. Как телевизионный диктор старой, доперестроечной школы. Не только украинских словечек, но даже фрикативного «г» больше нет. Я тревожно вглядываюсь в его лицо. Нет, не узнаю. Таких усатых мужиков средних лет в клетчатых рубашках пруд пруди в любом городе, имя им

легион... Впрочем, что ж – лицо? Можно подумать, будто я все еще верю в постоянство столь ненадежных штуквин, как человеческие физиономии...

– Какая проблема? – спрашиваю наконец.

– Этот отель построят только через год, – объясняет таксист. – Пока его не существует. Но для вас это, насколько я понимаю, не помеха. Доброй ночи!

– Д-д-д-доброй, – соглашаюсь.

Руки мои трясутся, язык заплетается, зато колени тверды, ноги прочно стоят на земле. Чувствую себя почти кентавром: сверху – глупая говорящая голова да вполне человеческий торс, где обитает робкое сердце, зато нижние конечности явно принадлежат герою античности, для которого спуститься в Аид на предмет укрощения Кербера – обычный послеобеденный моцион.

Вальяжной, неторопливой походкой уверенного в силе своего бумажника туриста я направляюсь к парадному входу. Поднимаюсь на крыльцо, распахиваю дверь, пересекаю богато, но вполне безвкусно отделанный холл, подхожу к стойке администратора. Там, разумеется, никого. И то: откуда быть администратору в отеле, который еще не построен?

Свято место не должно пустовать подолгу. Поэтому я без особого смущения проникаю на заповедную служебную территорию. Усаживаюсь в кресло, ощущаю себя почти ночным портье. Хорошо бы в здешних бумагах покопаться, имена грядущих жильцов, чем черт не шутит, перечесть, но ящики стола пусты. Зато обнаруживается стойка для ключей. Всего-то десять номеров будет, оказывается, в отеле «Эдуард» – и как, интересно, его хозяева намереваются окупать расходы?! Впрочем, это

уж точно не моя забота. Моя забота висит на крючке под номером 9, прочие пусты. Маленький позолоченный ключ вычурной, причудливой формы. С таким, наверное, носился в свое время дважды придуманный деревянный мальчишка, Буратино-Пиноккио. Пойти, что ли, и мне по его стопам, поискать, где тут у них вход в волшебный театр?

А что ж не поискать? Впереди целая ночь, и есть у меня подозрение, что ее продолжительность зависит исключительно от моей расторопности.

141. Шкай

Из его плевка в воде появился шайтан <...>, которому бог велел нырнуть на дно и достать земли <...>. Шайтан, принеши земли, утаил кусок во рту, и, когда по велению Шкайя земля стала разрастаться на поверхности океана, часть земли стала разрывать голову шайтану. Тот выплюнул ее, сотворив таким образом горы...

Обхожу первый этаж. На первый взгляд, помещение как помещение, ничего особенного. Пустое только. Впрочем, я почти сразу подмечаю главную его странность: в здешних дверях нет замочных скважин. Дергаю ручки – вотще. Войти не получится, можно только пересчитать закрытые для меня райские врата. Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять...

Но жизнь, по счастью, не столь литературоцентрична, предсказанный охотник не выбегает, и я, целый и невредимый, продолжаю путешествие. Поднимаюсь наверх по мраморной

лестнице, мутно-розовой, как несвежий зельц. Та же картина. Белые двери с золочеными цифрами 6, 7 и 8 есть, а замочных скважин как не было, так и нет. Значит, путь мой лежит на третий этаж. Здесь расположены «люксы», всего два номера: девятый и десятый. Я был совершенно уверен, что единственная и неповторимая замочная скважина обнаружится под цифрой «9», но нет. Ни единой щелочки, лишь гладкая доска, отделанная какой-то дурацкой пафосной красотой. И что, интересно, делать прикажете?

Дергаю дверную ручку – безрезультатно. Лом, что ли поискать? Обладание ключом от девятого номера, вероятно, дает мне право разнести эту чертову деревяшку в щепу... Или нет?

Машинально кладу в нагрудный карман бесполезный золоченый ключ. Дуракам счастье. Один почти случайный жест, и в тот же миг дверь словно бы неохотно поддается, приоткрывается с тихим – не скрипом, скорее гудением, будто ее приводит в движение не моя мускульная сила, а хитрая электроника.

Господи, – думаю. – Ну конечно. Забыл, идиот, что всякий ключ, попавший тебе в руки, может отворить лишь твое собственное сердце. Иные тайники тебе без надобности.

Из щели дует свежий ночной ветер; ясно, что там – вовсе не комната. Открытое пространство. Стоит лишь перешагнуть порог, и...

И что?

Получить ответ на сей животрепещущий вопрос можно, как я понимаю, лишь опытным путем.

Поэтому

я

делаю

шаг

вперед.

И еще один. И еще. Шажки-то мелкие, осторожные: я инстинктивно зажмурился, словно бы стараясь наглядно продемонстрировать почтение к тайне, сыграть с неизвестностью в «Слепота Кота», сказать притаившимся за этой дверью чудесам: видите, я не подглядываю, выходите же, не робейте! Сейчас моя очередь робеть, если уж на то пошло...

Мне, по счастью, достало мужества и безрассудства нащарить дверную ручку и запереть за собой дверь. Я предполагал, что это – одно из правил новой, неизвестной игры. И, вероятно, угадал.

Последний из сделанных на ощупь шагов оказался почти мучительным, словно я не просто шел, а по-змеиному вылезал из старой, сухой, шелушащейся кожи. С чем я в тот миг расставался? С собственной жизнью, с прежней судьбой, с прошлым, которого у меня не было, с будущим, которого никогда уж не случится? С собою? Но кто, в таком случае, обнаружил, что жив? Кто ощутил ласковое прикосновение ветра к своим волосам? Кто запретил себе плакать от счастья и страха, справедливо рассудив, что истерика – одно из немногих малоприятных, хлопотных дел, которые позволительно и даже желательно откладывать на неопределенное «потом»? Если не я, то кто же?

Для начала я принялся. Воздух пахнет дымом костра, свежевскопанной землей, древесным соком и речной водой. Гляди-ка, четыре из пяти элементов древней китайской схемы мироздания угодили в этот дивный коктейль! Только металла не хватает... Впрочем, кажется, есть и металл; его невозможно унюхать, но легко услышать: тихий лязг, нежный скрип, деликатный скрежет. Что это может быть? Сейчас поглядим.

Мысленно пожелав себе «ни пуха ни пера», открываю глаза.

Невозможно понять: день сейчас или ночь? Небо вроде бы темное: ни солнца, ни иных звезд, ни даже какой-нибудь дежурной щербатой луны. Тем не менее довольно светло, так что можно разглядеть не только собственные руки, но даже крошечную перламутровую гусеницу, ползущую по сизому шелку травы. Несколько секунд я зачарованно слежу за ритмичными рывками ее гибкого тела. Потом наконец оглядываюсь по сторонам, и сердце, сладко охая, льнет к ребрам: в нескольких метрах от меня маячит источник небесных скрежетов и лязгов, посадочная площадка канатной дороги, а впереди – букет причудливых теней на склоне горы, сложносочиненное каменное кружево на фоне внезапно посветлевшего, уже почти бирюзового утреннего неба...

Конечно, это *мой* город. Я сразу узнал массивные силуэты его зданий, увенчанных хрупкими, почти игрушечными башенками; белый кирпичный дом на окраине, на крыше которого крутится флюгер в форме попугая, а рядом с ним – еще одна знакомая постройка, сложенная из зеленых камней и теплого оранжевого оконного света.

Что ж, мне оставалось лишь воспользоваться канатной дорогой. Я забрался в медленно проплывающую мимо меня кабинку. Четверть часа проболтался – на сей раз в буквальном смысле – между небом и землей и был в целостности-сохранности доставлен на городскую окраину. Как только я вышел, кабинка продолжила движение. Неспешно совершила предписанный разворот и удалилась в обратном направлении.

– Ну вот, – говорю вслух, – я *дома*.

То ли эхо, то ли сводный хор умиротворенных духов-хранителей этого благословенного места шепотом повторяет за мною: «*дома, дома, дома*». Я замираю, потрясенный, но взбалмошные ноги уже влекут меня куда-то по пестрым булыжникам мостовой. Повинуясь их воле, поднимаюсь и спускаюсь по ступенькам узких переулков-лестниц. Перед глазами мелькают цветные кляксы рукотворных вывесок и полосатых тентов, ноздри жадно втягивают упоительные полузнакомые ароматы зелени и благовоний. Пересекаю хрупкий мостик с гладкими деревянными перилами, и он тихо смеется, словно мои шаги щекают его горбатую спинку.

Наконец замираю на пороге двухэтажного дома с просторной верандой, сложенного из цветных кирпичей.

Я вернулся домой на рассвете, и потому улицы безлюдны. Оно и к лучшему: обитателям новорожденного мира не следует, наверное, видеть собственного демиурга, мажущего слезы по обветренным щекам. Это зрелище может лишить их душевного покоя, а мне потом, поди, расхлебывать... Нет уж!

142. Шочикецаль

Первая женщина, пришедшая <...> из земного рая...

Увидев дверь, я почти обеспамятел. Машинально лезу в нагрудный карман за ключом, помещенным туда час / ночь / жизнь / смерть / реальность (нужное подчеркнуть) тому назад. Но золотого ключика моего уже нет, зато есть две дыры соответствующего размера и формы, с твердыми оплавленными краями. Одна – на темной стороне кармана, на потаенной, заповедной, скрытой от сторонних глаз джинсе, другая – на сером, немарком трикотаже дорожной футболки. Зато тело мое, кажется, не пострадало: ни единого шрама нет на груди, лишь длинное бледно-розовое пятно, похожее скорее на след поцелуя, чем ожога. Ключ, надо понимать, растворился во мне без остатка. Теперь их уже два, стало быть. И это, полагаю, только начало.

Дверь открывается сама. Это не чудо, не очередной судьбоносный фокус, а вполне бытовое происшествие. Дверную ручку приводит в движение человеческая рука, невидимая лишь потому, что обладательница ее пока скрывается по ту сторону, в уютных, обжитых потемках коридора. Ее белобрысые мальчишеские вихры, серый шелк блузы и глаза, сияющие теплым, ароматным, словно бы вишневыми поленьями прикормленным огнем, я увижу мгновение спустя.

– Вот, – говорит. – Ты все-таки вернулся.

Ее, – вспоминаю я, – зовут Стаси. Или Юста, Юстасия. Тайная моя сестренка, одна из трех, средняя. Нас зачали разные, чужие друг другу люди, зато наши

тени вышли из одного дремотного лона. Теперь мне это зачем-то известно.

Это они, мои сестрички, однажды разбудили меня, а я, словно бы в отместку, наложил на них сладкие сонные чары. Только вместо хрустального гроба подарил спящим моим красавицам пряничный городок под небесами, изваянными из бирюзовой крошки. Где же еще жить им, как не в моем наваждении? Не по чужим ведь снам скитаться с сумой: дескать, сами мы не местные, не здешние, не сейчасные, не живем, а лишь мерещимся; помогите, люди добренькие, уверуйте в нас, кто может, дайте хоть часок побыть среди вас, ощутить вкус вашего хлеба и вашего вина, помолиться вашим капризным богам, отразиться в ваших зеркалах, сбыться...

– Ты самая беспокойная, Стаси, – улыбаюсь, цепляясь за призрачную твердь дверного косяка. – Ждала меня почему-то. И ведь выждала-таки.

– Я уже говорила тебе однажды: на тебе здесь все держится, – вздыхает она. – Потому и ждала. Ты уж, будь добр, охраняй этот мир, если он тебе все еще нужен. А если наигрался – что ж, обрушь его нам на головы, только не тяни резину. А еще лучше – укажи выход. Всякий рай – тюрьма для того, кто не может его покинуть. А из меня скверная узница. Мне не спится на драгоценных нарах, медовая баланда в горло не лезет, и даже алмазное сияние местной параши не открывает нижние мои чакры. Я хочу на волю, Макс. Выпусти меня отсюда. Возможно, я потрачу остаток жизни на то, чтобы отыскать нужную дверь и вернуться сюда – не в полузабытьи, а осознанно, добровольно... Но сначала позволь мне уйти.

143. Шунахшепа

«Они хотят заклать меня, будто я не человек», – сетовал Шунахшепа.

– Уйти? Тоже мне, нашла сторожа... Ты на канатной дороге не пробовала покататься?

– Н-н-нет, – запинается Стаси. – Мне, конечно, приходило в голову, что... Несколько раз я даже отправлялась на станцию. Но кабинка стояла неподвижно. Я решила, что этот выход заперт – то ли уже, то ли еще...

– Трудно быть в чем-то уверенным, но подозреваю, что тебе следовало просто занять место. Канатная дорога вполне могла заработать. Вхолостую транспорт гонять никто не любит... Дай-ка мне войти, а? Держишь на пороге, как коммивояжера какого...

– А ты и есть коммивояжер, – смеется она, открывая мне путь. – И в коробах твоих всякий дешевый метафизический хлам: опытные, экспериментальные образцы. Ты, по-моему, и сам распечатываешь упаковки, не зная, что будет!

– Пока не попробуешь, не узнаешь, – соглашаюсь.

– А почему ты заперся в гостиной? – взволнованно лепечет Стаси, следуя за мной по коридору, озаренному влажным зеленоватым светом разбросанных тут и там стеклянных шаров. – Даже в туалет не выходил, о завтраках уж и не говорю... И куда оттуда исчезал? И самое главное, что случилось с тем жутким трупом?

– Так называемый «труп», вероятно, и сидел взаперти в нашей гостиной, пока я доживал его дни, – вздыхаю. – Дни, впрочем, были один другого слаще, так что я не внакладе... А вот куда он исчезал, понятия не имею. Подозреваю, что иногда отлучался специально для того, чтобы подмигнуть мне из зеркала, а в прочее время жил какой-нибудь диковинной, специально для нас с ним выдуманной, жизнью – кто его разберет? По-хорошему, надо бы его, а не меня расспрашивать... А вот мы с тобой сейчас зайдем в гостиную и поглядим. Вдруг он нам записку оставил, с ответами на все вопросы? Все же мой труп, не чужой. Должен бы позаботиться...

Стаси молчит, потрясенная моим докладом.

– Так он был... не совсем мертвый? – деликатно осведомляется она.

– Сначала был совсем мертвый, а потом стал совсем живой. А уж сейчас, поди, живее всех живых, – смеюсь.

Юстасия осталась равнодушна к шутке. Впрочем, оно и понятно: сестренка моя выросла в Праге, где даже в эпоху социалистической оккупации темный культ якобы бессмертного лже-Осириса Ульянова насаждался не повсеместно, а лишь в специально отведенных для опоганивания местах. Каббалисты, небось, уберегли от столь вульгарной ереси каменное сердце Европы, начертав соответствующие знаки на избранных булыжниках какой-нибудь потаенной мостовой...

Э

144. Эв Бекчиси

...обитают <...> в заброшенных строениях.

В гостиной почти совсем темно и, конечно, пусто. Воздух спертый, как в любом нежилом наглухо запертом помещении. Что ж, сейчас и проветрим...

Отворяю тяжкие ставни, распахиваю окно. В награду за труды обретаю дивную панораму: густые сады, роскошные приземистые виллы, блестящая широкая лента реки, монументальные мосты...

Господи, как же там, наверное, здорово! – думаю, невольно впиваясь пальцами в подоконник. – Но только... Это ведь, кажется, совсем другой город? Но я видел уже это заоконье. Вот только где, когда? Во сне ли, наяву ли? Дурацкий, впрочем, вопрос – по крайней мере, в моих устах.

– Стаси, иди сюда, – зову. – Погляди-ка и скажи мне: это обычный вид из нашего окна?

– Впервые вижу, – признается она, прильнув к подоконнику. – Этот город... он меняется, да? Прямо сейчас, у нас на глазах?

– Не знаю. Думаю, не так все просто... Но мы можем проверить. Надеюсь, есть и другие комнаты, окна которых выходят на эту сторону? Ведь есть?

– Тебя слишком долго не было дома. – Юстасия печально качает головой. – Даже этого не помнишь.

Конечно, есть другие комнаты и другие окна. Еще и веранда имеется. Сейчас сбегая, посмотрю.

Несколько минут спустя она возвращается, растерянная и раскрасневшаяся.

– Из других окон вид прежний, по крайней мере, пока. Что бы это значило?

– Кроме этого, надо полагать, существуют и другие выдуманные города, – отвечаю. – А значит, должны быть и какие-то границы между ними. Не пыльные пригороды да автомобильные разъезды, а особые, застывшие мгновения, когда заканчивается одно наваждение и начинается другое. Вот, к примеру, окна домов, построенных на перекрестках между сбывшимся и несбывшимся... Почему бы и нет?

145. Эдзены

Духи среднего мира, соприкасающиеся с людьми, Эдзены могут выступать посредниками...

– Я ничего не понимаю, – печально признается Юстасия.

– Это нормально. Просто пришло наконец твое время ничего не понимать. Традиционное начало любой истории о путешествии *не знаю куда*, откуда требуется принести *неведомо что* и раздать драгоценную эту добычу всем, кто больше не может обходиться без неизвестности... Во всяком случае, клетка, в которой я тебя якобы заточил, никогда не была заперта, а теперь ты и вовсе уткнулась носом в широкий зазор между

путьями. Хочешь вылезти в это окно или предпочитаешь прокатиться на канатной дороге?

– А... есть разница? – мнется она.

– По большому счету – вряд ли. Разве что по маленькому. По ма-а-а-алюсенькому такому, лилипутскому счету.

– А мы не станем мелочиться, – шепчет Юстасия. – Взрослые уже мальчишки-девочки, обаяние далекой страны Лилипутии не для нас. Правда?

– Как скажешь, так и будет, – киваю.

– А Алиса, Лиза... пусть спят пока, да? Если бы нам следовало уходить вместе, они бы уже сами были здесь, правда? Но их нет. Значит, просто пришло время путешествовать поодиночке. И налегке... Да?

– Видишь, – улыбаюсь, – что-то ты уже понимаешь. Лучше, пожалуй, чем я сам.

Равнодушно кивнув, она подбирает юбку и залезает с ногами на подоконник. Я зачарованно разглядываю острые носки ее серебристых туфель.

– Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь... И так далее! – торопливо бормочет Юстасия, делая первые, робкие пока, шаги по усыпанной цветными камешками садовой тропинке. Оборачивается ко мне: – Макс, я больше не боюсь числа «четыре». Знаешь, что это значит? Я больше не боюсь смерти. Этот страх умер, пока я карабкалась в окно, зато все прочее, кажется, уцелело. То есть это именно я. Та самая Юстасия, которая... Впрочем, это тебя уже не касается, потому что тебя не касается ничего. Выходит, ты у нас в некотором смысле неприкасаемый... А я была неосторожна и сделала глоток

из твоей чаши, о лучший из чандалов! Теперь и ко мне невозможно прикоснуться. Не запрещено, а просто невозможно. Так ведь?

Улыбаюсь ей, пожимаю плечами, жмурюсь от яркого солнца. Где мне знать ответы на ее вопросы? Мое дело маленькое: позаботиться о том, чтобы у близких не пропал вкус их задавать. Прочее – не моя забота. Само как-нибудь случится.

146. Эльфы

...музыкант не может прервать мелодию эльфов, пока ему не сломают скрипку.

Сажу на подоконнике, курю. Слежу за тем, как меняется пейзаж за окном. Он находится в непрерывном поиске новой идентичности: то небесная бирюза наливается багрянцем, чтобы несколько минут спустя поблекнуть до голубизны застиранного ситца, то фруктовые сады разрастаются до масштаба лесов, заслоняя от взора наблюдателя острые шпили и каменные террасы человеческих жилищ. В какой-то момент к солнечному диску прибавляются еще два: большое бледное пятно и совсем крошечное, но яркое, янтарно желтое светило, а над изумрудной чернью древесных крон поднимаются крепостные башни старинного замка. Впрочем, солярный избыток недолго кружил мне голову: лишние лики Гелиоса почти сразу же закрыла лиловая грозовая туча, а когда полчаса спустя она разлезлась на безобидные белобрысые клочья, солнышек уже не было, да и замок куда-то подевался. Мимо меня, тяжело хлопая крыльями, грузно пролетел причудливый гибрид медведя и ангела. Передние лапы

прижимали к мохнатой груди добычу – огромный сморчок, словно бы присыпанный алмазной крошкой.

Я пожал плечами и полез в карман за следующей сигаретой. Коротать утро у окна в доме, построенном на перекрестке миров, – то еще развлечение. Никогда не знаешь, на каком эпизоде съедешь с катушек, но и прекратить, отвернуться от окна, выйти из комнаты, спрятаться в кладовой, для верности обмотав голову толстым покрывалом, решительно невозможно. Если уж обзавелся волшебным окном, за которым, как цветные стекляшки в калейдоскопе, мельтешат фрагменты сбывшихся и несбывшихся реальностей, будь добр, сиди и смотри. Больше ничего от тебя не требуется...

– Вот это да! С затворничеством покончено? – восхитилась Алиса.

– Как видишь, – киваю.

Одно удовольствие глядеть на нее. Стоит на пороге, босая, в тонком алом свитере и клетчатой юбке. На загорелом лице ни капли косметики, но растрепавшиеся во сне серебристые кудри кажутся не седыми, а белокурыми: такие сияющие глаза бывают лишь у очень юных девушек, которые еще не знают, что творит с их сестрой настоящая «взрослая» жизнь, но чуткими носиками улавливают уже едва различимый, волнующий, мускусный аромат собственной будущности. А уж юбка у нее – короче не бывает. Других Алиса в своем гардеробе не держит. И правильно делает.

– Все-таки у тебя самые красивые в мире ноги, – вздыхаю мечтательно. – Даже не верится, что живая человеческая женщина может отрастить нечто в таком

роде. Была бы ты у нас скульптура, я бы, пожалуй, еще смирился как-то с таким совершенством...

– Надеюсь, это не вся информация, которую ты готов мне сообщить? – хмурится Алиса.

– Не вся. Есть еще несколько сообщений. Первое: я голоден. Второе: я хочу жрать. Третье: я умру в муках, если немедленно не съем хоть что-нибудь. И четвертое: этот дом помещается теперь на перекрестке между мирами...

– Отвечаю по пунктам. Во-первых, ты знаешь, где у нас кухня. Во-вторых, кто ж тебе не дает? В-третьих, помоги себе сам. В четвертых, я потрясена, но ничего не поняла. Переведи на человеческий язык.

– При условии, что ты меня покормишь. Я, кажется, забыл, где у нас кухня. И вообще я лентяй, захребетник и паразит, ты же знаешь!

Я, конечно, лукавлю. Чувство голода, как и прочие чувства, ушло в подполье и актов сопротивления пока не планирует. Но мне нужен предлог, чтобы слезть с этого зачарованного подоконника и выйти из комнаты. Даже так: мне нужно вынудить Алису силком увести меня отсюда. Потому что я сам, кажется, не в силах оторваться от незаконных метаморфоз.

Она совершила это чудо, благо не подозревала, что делает почти невозможное. Стащила меня с подоконника практически за шкуру. Решила, вероятно, что я придумал новое развлечение.

147. Эмпуса

...лицо ее пылает жаром.

За завтраком к нам присоединяется заспанная Лиза. Всплеснув руками, бросается мне на шею. Ластится, как котенок, только что не мурлычет. Прежде за нею такого не водилось: мои отношения со всей троицей были нежными, но сдержанными. То ли памятуя о моей сомнительной природе, то ли повинувшись внутренней потребности соблюдать дистанцию, они обходились почти без телесных прикосновений. Ну, за руку взять – еще куда ни шло, но в объятия заключать – такого, кажется, почти ни разу не случалось.

– Ты зачем нас так напугал? – спрашивает наконец Лиза, усаживаясь рядом со мною. – Стаси говорит, что без тебя все может рухнуть. Это правда?

– Надеюсь, что нет.

– Уже не может, – вдруг говорит Алиса. Щеки ее пылают, губы дрожат, но голос звучит вполне твердо. – Раньше – не знаю, возможно... Но не теперь.

148. Энлиль

Энлиль забрал себе землю...

– Почему?

Лиза изготовилась обрадоваться, но пока не дает себе воли. Ждет дополнительной информации.

– Потому что теперь это и мой город тоже.

Алиса смотрит на нас растерянно, но и торжествующе.

– Не знаю, как объяснить, однако это так. Я всегда чувствовала, что это *мое*, словно бы специально для меня выдуманное, по моей мерке скроенное место... Впрочем, не в одних чувствах дело. Есть у меня и более весомые аргументы. Однажды, еще до того, как объявился твой убитый двойник, Макс, я забрела в один переулочек, который часто снился мне в детстве. Правда, правда! Я удивилась, но особого значения происшествию придавать не стала. Я вообще не люблю анализировать и объяснять: мне кажется, что некоторые прекрасные вещи от этого портятся...

– Похоже на то, – соглашаюсь. – Меня долго отучали от слова «Зачем?» Теперь я постепенно начинаю понимать, что это и правда скверная постановка вопроса.

– Вот и молодец. – Алиса подмигивает мне с видом заговорщика. – Я тоже не стала спрашивать: «Зачем?» – или: «Почему?» Постаралась вообще не думать об этом переулке. И несколько дней спустя снова забрела в знакомое место. А потом это стало случаться так часто... В общем, Макс, я не думаю, что это только твой город. Как минимум, половина здешних улиц – из моих грез.

149. Эринии

...без их воли «даже солнце не преступит своей меры».

– Слышишь грохот? – спрашиваю. – Это камень свалился с моего сердца. Надеюсь, ни один преемник Сизифа не попытается водрузить его на место.

– Камень?

– Представь себе. Я люблю этот город, он – лучшее, что у меня есть, и если здешние мостовые захотят, чтобы я напоил их своей кровью, я не стану колебаться, но... Но. Я не могу тут остаться. По крайней мере, не сейчас. Я не знаю законов, по которым живут наши наваждения, и вовсе не уверен, что мое присутствие так уж необходимо. Но некоторые сомнения все же оставались... А теперь они не имеют значения. Ты ведь, в отличие от Стаси, не хочешь отсюда уходить, верно?

– Не хочу... погоди, а что, Стаси собирается?.. Или уже ушла?

– Ушла. Сказала, что ей не сидится в этой волшебной клетке. Дескать, город прекрасен, но она предпочла бы вернуться сюда самостоятельно, какое-то время спустя. Или не возвращаться вовсе – это уж как сложится... Вылезла в окно и ушла.

– В окно?! Ничего не понимаю.

Алиса озадачено качает головой, Лиза кусает пухлые губки. Были бы мы персонажами комикса, из их ртов вылетели бы сейчас облачка, заполненные огромными вопросительными знаками. Возможно, знаки эти даже вываливались бы за пределы отведенного для текста пространства, столь велико было желание моих подружек узнать подробности исчезновения Юстасии. Вкратце пересказываю события, которые они пропустили. Сорю словами, тщась объяснить, что творится с окном в гостиной. Помогаю себе обезьяньими ужимками, порывистыми жестами, мычанием и обильными цитатами. Дескать, не стреляйте в пианиста, он играет, как умеет.

Я – скверный лектор, зато с аудиторией мне повезло. Поэтому я, сам того не замечая, начинаю рассказывать им о своем мертвом-живом двойнике и

нашей общей сумбурной биографии. О том, как дразнили меня колдовские города, как путал мои следы старый леший Франк, как чужие, незнакомые люди выдумывали для меня иную, изобилующую чудесными приключениями жизнь, как кривлялись зеркала, как леденил гортань первый проглоченный ключ, как сияла в темноте под моими прикрытыми веками восхитительная шаровая туманность Форамен, сулящая мне вечные скитания да чудесные превращения – сколько душа пожелает, и еще сверх того, чтобы мало не показалось...

– Но это же замечательно! – резюмирует Алиса. – Если твое предназначение состоит в том, чтобы открывать двери между сбывшимся и несбывшимся, как ты сделал это для нас... Макс, я правда не могу вообразить лучшей судьбы!

– Наверное. Но не забывай: чужой кусок всегда кажется слаще.

Она смеется.

– Мне и мой кусок вполне по нраву. Знаешь, о чем я мечтала, когда была совсем маленькой девочкой? Стать заколдованной принцессой и поселиться в волшебном городе. И чтобы прекрасные принцы не слишком часто беспокоили меня визитами: не до них... Вот, кажется, и вышло по-моему.

150. Эсеге Малан-тенгри

...до того, как стать небожителем, обитал на земле...

– Получается, отсюда можно уйти? – спрашивает притихшая было Лиза. – А вернуться домой тоже можно? Я имею в виду ту реальность, которая долго была для

меня единственной. Так долго, что мне до сих пор кажется, будто настоящая жизнь – только там... Я могу вернуться домой, Макс?

– Во всяком случае, ты можешь попробовать. Я и сам намерен вернуться. У меня назначено одно важное свидание. Время – как получится, зато место определено. Я собираюсь воспользоваться канатной дорогой. Во всяком случае, сегодня утром я попал сюда именно таким образом... Но ты-то хороша! Неужели ни разу не попыталась там счастья?

– Мне почему-то в голову не приходило... Это все Стаси с ее фантазиями. Вечно твердила: а вдруг мы уже умерли, и все такое... Я с нею спорила, но в глубине души опасалась, что она может оказаться права.

– Просто Стаси очень боялась смерти. Почти все боятся умереть, но ее страхи – это было нечто. Настоящая навязчивая фобия. Некоторые боятся мышей или, скажем, высоты, а она – смерти. Ей всюду мерещилась старуха с косой. Но с этим, по счастью, покончено. На прощание Стаси сосчитала до десяти, не пропуская четверку... Ты знала, что она ее все время пропускает?

– Заметила как-то...

– А все потому, что в японском языке один и тот же иероглиф соответствует числу «четыре» и слову «смерть».

– Ерунда какая, – ворчит Алиса.

– Это нам с тобой – ерунда. А для нее – зловещее совпадение. Впрочем, как я уже говорил, она исцелилась.

– Алиса, послушай, – робко говорит наша маленькая Лиза. – Ты... для тебя... Скажи, только честно: тебе будет плохо, если ты останешься тут одна?

– Сформулируй иначе. Тебе будет плохо, если ты останешься куковать тут, под ненадежным прикрытием моей юбки?

– Я... Нет, не думаю, что мне будет плохо. Но мне хотелось бы вернуться домой. Я не так уж долго там жила. Всего-то двадцать пять лет с ма-а-а-ахоньким хвостиком. Мне все еще интересно, как это бывает...

Она беспомощно смотрит на нас.

– Мне кажется, я оскорбляю свою чудесную судьбу и это волшебное место, когда начинаю мечтать о том, как могла бы сложиться моя жизнь, если бы на вилле Вальдефокс не было никаких призраков. Возможно, я потом локти искусаю, но сейчас... Сейчас мне ужасно интересно, вышла ли тогда моя книжка. И какие были рецензии... И как поживает Паоло, если уж на то пошло. Он, конечно, не любовь всей моей жизни, но я бы не отказалась еще разок-другой проснуться рядом с ним...

Лиза готова заплакать от смущения.

– Я очень хорошо тебя понимаю, – мягко говорю я. – Не переживай, солнышко. Алиса тут не заскучает, можешь мне поверить! А что до твоих локтей... Если дойдет до этого, адрес одной конторы, специализирующейся на перемене участи, тебе уже известен: Шёнефинг, вилла Вальдефокс. Рядом, к слову сказать, расположена «Небесная лестница». Улица под названием «Himmelich Leiter» – неужели никогда не обращала внимания? Добро пожаловать в любое время года и суток. Я, вероятно, самый коррумпированный

Ключник за всю историю существования этого странного цеха. Специализируюсь исключительно на старых друзьях и подружках. Со мной не пропадешь!

– Так значит... Получается, я смогу вернуться? – Она, кажется, не верит собственным ушам.

– Во всяком случае, ты можешь попробовать, – повторяю я.

Ю

151. Юдифь

Прекрасная Юдифь <...> выходит из города...

Алиса проводила нас до канатной дороги. Обняла Лизу, поцеловала ее в лоб, что-то шепнула на ушко. Та ответила робкой, но вполне счастливой улыбкой. Мне же Алиса просто приветливо кивнула. Так прощаются с коллегой в конце рабочего дня. Дескать, скоро увидимся. И правда, глупо было бы друг дружке на шею кидаться при таком-то раскладе...

Помогаю Лизе забраться в кабинку, а сам остаюсь на площадке.

– Разве ты не едешь? – испуганно спрашивает она.

– Еду. Просто такие путешествия следует совершать в одиночестве. Тебе ведь нужно вернуться к собственной судьбе, а не влипнуть в мою, правда?

– Мне страшно! – кричит она, а сама смеется и машет мне пухлой ладошкой.

– Это нормально, – говорю ей вслед. – Человеческая жизнь вообще страшненькое такое занятие... Что ж теперь, ложиться и умирать?

Примерно полчаса спустя пустая кабинка вернулась за мною. Я устроился на жестком сиденьи, закурил и уставился в небо. Куда и устремлять взор, если не в эту бледную высь, с которой связаны самые заветные, потаенные надежды рода человеческого?

«Ты вот только глупости всякие потише думай, пожалуйста, – сонно советую я себе. – Ангелов ведь распугаешь, придурок...»

152. Юмис

...он едет...

– Молодой человек, просыпайтесь! Вы еще билет мне не отдали и за постель не заплатили. Давайте восемь гривен или два доллара, а потом спите себе хоть до самой Вены.

– Нет, – бормочу, – до Вены мне не надо. Мне бы до Мюнхена добраться...

Меня не слишком милосердно трясут. Открываю глаза, и сознание мое тут же снова начинает угасать. Как такое может быть? Маша в уродливой железнодорожной форме потрясает дерматиновой папкой с билетами, ее чудесное лицо перемазано дешевыми сыпучими румянами, глаза обведены лазурными полукружьями, морковно-алый рот кривится в сварливой гримасе, словно под языком тает терпкий ломтик неспелой хурмы.

– Откуда ты взялась? – спрашиваю. – И, если уж на то пошло, откуда взялся я?

Она прячет в уголках губ лукавую улыбку, прижимает палец к губам. Дескать, молчи, делай вид, будто мы незнакомы. И повторяет, громко и бездушно, как образцово-показательный робот:

– Ваш билет, пожалуйста. И приготовьте деньги за постель.

Мгновение спустя я понимаю причину этого спектакля. Напротив сидит еще один пассажир. Мрачный мужчина в наглухо застегнутом костюме и очках с роговой оправой. Попутчик. Ай, как обидно!

Но досадная ситуация неожиданно легко разрешается.

– Ну вот видите! Вы заняли чужое место, – укоризненно говорит Маша. – Перейдите, пожалуйста, в соседнее купе.

Она вручает мне рюкзак и почти насильно подталкивает к выходу.

– Извините, – бормочу, раскланиваясь с соседом. – Неловко получилось, я сутки не спал...

Тот снисходительно кивает. Дескать, чего уж там. И я покидаю купе, влача за собою почти невесомый багаж.

– Ты в общем молодец, – смеется Маша, запирая двери купе, где нет никого, кроме нас. – Заснул в небесах, как распоследний болван. Мог бы и вовсе оттуда не вернуться... Но ты вернулся. И так ловко угодил в этот поезд – просто загляденье! Только с купе не угадал, – продолжая говорить, она берет полотенце, поливает его минеральной водой из бутылки и торопливо стирает с лица боевую раскраску. – Вагон-то почти пустой, сейчас за границу все больше самолетами летают... Но ты почему-то предпочел проснуться по соседству с этим дядькой. Медом он намазан, что ли? Пришлось мне похлопотать...

– Солнышко, все эти подвиги я проделал, не приходя в сознание, – вздыхаю.

– Догадываюсь. И это не есть карашо. Давай дневник, поставлю тебе двойку – что еще с тобой делать?

– У меня есть ряд предложений, одно другого непристойней. Огласить список?

– Не нужно. До сих пор воображение меня не подводило...

Перемазанное полотенце отброшено в сторону. Потрепанная тетка исчезла, превратилась в юную взъерошенную фею: круглые птичьи глаза, длинная лисья улыбка – наконец-то!

– Все хорошо, что хорошо кончается, – резюмирует чудесное мое видение. – Ты вернулся и движешься в правильном направлении, с неплохой, смею заметить, скоростью. Километров шестьдесят в час... А я, пожалуй, составлю тебе компанию. Прежде – помнишь? – я не раз приходила к тебе во сне. В ту пору тебе следовало уделять сновидениям больше внимания, чем так называемой «действительности», и я с удовольствием тебе помогла. А теперь я буду приходить к тебе в дороге. Потому что дорога, знаешь ли, стала наиважнейшим из твоих снов... Правда, это хорошая новость?

Вместо ответа я превращаюсь в огонь, который пляшет на поверхности ее кожи, а потом становлюсь милосердным дождем, погасившим пожар. Поднимаюсь к ней облаками теплого дыма, ласковой, горячей тьмой застилаю глаза, щекочу ноздри благоуханием лесных трав, терпеливо жду, когда она вдохнет меня, и наконец проникаю в кровь. Неспешно теку, заполняю ее, проникаю повсюду: в кончики пальцев, нежные мочки ушей, разветвленные лабиринты сухожилий. Что еще

может сделать для любимого существа тот, кого никогда не было?

Поезд тем временем следует по заданному маршруту, мчится вперед по раз и навсегда проложенным рельсам. В настоящий момент эта информация не кажется нам занимательной. Но завтра, когда пассажирский состав в соответствии с расписанием прибудет к месту назначения, горстка счастливого пепла, оставшегося от меня, поспешно примет приличествующую случаю форму, соберет манатки и покинет купе, смятенно перелистывая на ходу собственный паспорт, чтобы найти там последовательность букв, составляющую ни к чему не обязывающее человеческое имя. Не то чтобы оно действительно имело для меня принципиальное значение, но некоторые вещи о себе все же лучше знать. На всякий случай.

Я

153. Якши

...охраняют его заповедные сады на горе...

Определившись с собственным именем, я отправился изучать расписание электричек. Уплатил восемь марок за билет до Шёнефинга, отыскал нужную платформу, а через десять минут уже занял место у окна в абсолютно пустом вагоне. Ну и дела! Можно подумать, все дети человеческие вдруг вросли в землю, пустили корни, уподобились древесным духам, и никому, кроме меня, не нужно больше перемещаться с места на место...

Впрочем, на следующей станции появились и другие пассажиры.

Первой заходит симпатичная старушка в белой вязаной кофте и алой юбке до пят. На носу очки без оправы, пальцы унизаны мелкими цветными колечками, в руках плетеное лукошко, откуда снисходительно взирает на мир маленький рыжий йоркширский терьер. За нею следует лысый, загорелый моложавый бугай в безрукавке из черной кожи и таких же штанах. На ногах пудовые армейские ботинки, на плече вытатуирован поясной портрет красивого грудастого вампира. Колоритный сей тип, кажется, позиционируется в качестве заботливого сына-внука: усаживает свою хрупкую спутницу у окна, сам грузно обрушивается на соседнее сиденье и достает из рюкзака жестяную банку пива.

Мимо них шествует изящное существо неопределенного пола. Не то худощавая девочка, не то

красивый мальчик. Прекрасный андрогин прячет глаза за зеркальными стеклами солнцезащитных очков, движется в ритме неизвестной, для него одной звучащей мелодии, поселившейся в серебристых наушниках карманного плеера. Ему нет дела до окружающих, в том числе и до меня. Вот и славно. Мне и без того нелегко приходится.

Средних лет усач в клетчатой рубашке уткнулся в газету с длинным названием: «что-то-там-бла-бла-бла-цайтунг». Хрупкая миловидная брюнетка дремлет, прислонившись к его плечу. Птичьи ребрышки просвечивают из-под тонкой водолазки, худые коленки, детские запястья, трогательные ямочки на смуглых щеках – и только лицо выдает взрослую женщину, обитающую в теле ребенка.

Рядом с ними устраивается шумная компания: коротко стриженная белокурая валькирия и два молодых человека, похожие друг на друга, как братья. Троица бурно обсуждает дальнейшие планы на ломаном русском языке, то и дело победоносно косится на соседей по вагону: что, мол, шокировали мы вас варварской речью?! Так вам и надо, эх вы, мелкая буржуазия, средний класс, что с вас взять... Слависты, небось, какие-нибудь. И, судя по впечатляющему словарному багажу, уже давно не студенты. Скорее уж, молодая профессура бузит...

В дальнем конце вагона разместились эффектная парочка: бородач с лошадиным лицом и миниатюрная блондинка в летнем джинсовом плаще. Дама то и дело стреляет глазами в мою сторону. В иное время я бы насторожился или, напротив, обрадовался, но сейчас безмятежно отворачиваюсь к окну. И даже когда меня словно бы нечаянно задевает бедром бегущая по проходу красивая рыжекудрая ведьма в красных кожаных шортах

и стоптанных туфлях без каблуков, я делаю вид, будто вижу ее впервые. В каком-то смысле так оно и есть: сны друг о друге вряд ли можно полагать знакомством... Потому, собственно, мы все и молчим. Старательно делаем вид, будто совершенно не интересуемся друг другом. Вероятно, это и есть новые правила игры? Я, как всегда, ничего не понимаю, но хвост держу пистолетом, нос – по ветру, а морду – тяпкой. Уж что умеем, то умеем...

– Ну что, как дела? Такой распиздяй и, гляди-ка, жив до сих пор! Молодец. Продолжай в том же духе.

Глазам своим не верю. Все эти полужнакомые лица, заполонившие вагон электрички, – черт бы с ними, но напротив меня усаживается Сашка Торман, собственной персоной.

– Ты-то как тут оказался? – спрашиваю ошарашенно.

– Как, как... Каком кверху! Купил билет, сел в поезд... У меня в Шёнефинге невеста живет.

– Что за невеста? – интересуюсь машинально. Надо же как-то поддерживать разговор...

– Страшилище редкостное, умница необычайная, а что в койке творит – не всякая храмовая жрица в страшном сне такое увидеть способна!

– И зовут ее, небось, Клара-Мария, – вздыхаю.

– Так ты ее знаешь?

– Вряд ли. Считаю, просто угадал. Со мною иногда случается...

– Ага. Особенно в момент изготовления фотопортрета! – ржет Торман. – Игрушку-то вернешь?

– Верну, конечно. Спасибо тебе. Это был очень полезный подарок.

– Надеюсь... – ухмыляется мой старинный друг, поспешно пряча драгоценный «Nikon» в необъятную дорожную сумку. – Я вот все думал: возможно ли помочь младенцу, вроде тебя, узнать о людях столько, как если бы прожил среди них не одну тысячу лет...

– Как ты, например? – в тон ему подхватываю я.

– Ага, – просто соглашается Торман. – Кровушка-то моя пошла тебе на пользу, вурдалак хренов?

– А как же. И кровушка, и фотоаппарат... Ты весь, целиком, пошел мне на пользу. Не человек – поливитамин какой-то...

– Есть такое дело, – серьезно кивает он. – Ладно, ты уж выкручивайся, как можешь, а я пойду в соседний вагон. У меня, знаешь ли, хобби: постоянно находиться среди нормальных живых людей. Тоже, скажу тебе, непростая наука...

– Непростая, – подтверждаю.

Торман отеческим жестом хлопает меня по спине, водружает на плечо исполинское вместилище дорожного барахла и неспешно бредет к двери, разделяющей вагоны. Она закрывается за Сашкой с громким сухим хлопком, похожим на выстрел.

– Предъявите ваш билет.

Контролер почему-то говорит по-русски. С ума они тут все посходили со своей славистикой! – думаю, роюсь в карманах рюкзака.

Я намеренно не поднимаю глаза. Мне все равно, чье лицо увижу я на сей раз. Скорее всего, хитрющую рожу Франка. По большому счету, это ничего не меняет. Франку ли, контролеру ли, черту или архангелу; безумному ли пророку, родившемуся в Год Слона, или очередной, триста семьдесят второй по счету аватаре Кришны; духу-хранителю ближайшего водоема, корыстолюбивому перевозчику Харону или сводному хору гневных и милосердных тибетских божеств, потрясающих черепами с кровью, я не могу предъявить ничего, кроме собственных ладоней, линии которых с некоторых пор пребывают в непрерывном движении, разноцветной картонки с указанием станций отправления и прибытия да ветхой карточной колоды, увенчанной трефовой девяткой с надписью «то самое». Напоследок достаю из рюкзака кожаный мешочек с рунами, вынимаю одну наугад, кладу рядом с билетом. RAIDO, знак, символизирующий и путь, и его завершение, и воссоединение противоположностей, и совет доверять всему, что происходит.

– Ага, круг замкнулся, – задумчиво сообщаю я контролеру. – Или вот-вот замкнется. Как думаете?

– Данке, – бормочет на южногерманском своем наречии сумрачный лысый толстяк, компостирует проездной документ и равнодушно отворачивается от моих сокровищ.

Никакой это не Франк, конечно. Но мне по-прежнему все равно.

Потому что вагон уже пуст, а поезд останавливается на станции под названием «Schneefing». Белые буквы на аккуратной синей табличке в нескольких местах замараны чем-то красно-бурым – уж не моей ли кровью?

Впрочем, и это – праздный вопрос.

154. Яма

«Ригведа» содержит гимн-диалог Ямы и его <...> близнеца...

Выхожу на безлюдную платформу, мимоходом отмечаю, что даже друга моего Тормана, якобы спешащего к проживающей в этих краях невесте, нигде не видно. Но удивленное выражение к физиономии подклеивать не тружусь. И так сойдет.

Вдыхаю запах влажной земли и свежей хвои, пробую на вкус сладкий горный воздух. Ноги сами несут меня по узким кривым улочкам, кратчайшей дорогой к заветной цели, как я понимаю.

«Небесная лестница» мне на сей раз без надобности, я уже иду по Хохштрассе, Высокой улице, или как ее там... Сегодня я проникну на виллу Вальдефокс через парадный вход: все же я тут и хозяин, и самый желанный гость. К тому же мне назначена встреча. Я уже жду себя, нетерпеливо барабаня пальцами по подлокотнику кресла, обитого красным плюшем. В то же время я приближаюсь к дому, погружаюсь в ароматную утробу сада, поднимаюсь по пологому склону холма туда, где стоит трехэтажный дом с башенкой и блестят мокрые от ночного дождя каменные перила летней террасы.

Открываю тяжелую парадную дверь, навалившись на нее всем телом. Захожу в холл. Знакомая картина. Слева – вход на застекленную веранду; в центре – черный кожаный диван и журнальный столик, справа – кресло, обитое красным плюшем. Оно на сей раз пустует, потому что знакомый – мой! – голос доносится из-за приоткрытой двери.

– Ну вот, теперь я наконец-то могу предложить себе кофе с клубничным пирогом. Интересная инверсия! Не садо-мазо-эксгиби-нарциссизм какой-нибудь вульгарный...

Звучит обнадеживающе. Я в своем репертуаре.

Прохожу на залитую солнечным светом веранду. Здесь и правда накрыт стол. На белой льняной скатерти расставлены чашки и блюда, большие термосы, с грехом пополам имитирующие чайник и кофейник, сахарница, молочник, тарелочка с тонко нарезанным лимоном. В центре высится круглый пирог, поверхность которого напоминает о ледовом побоище: клубника со сливками, кровь на снегу. Аппетитное, что и говорить, сочетание.

Мой двойник, то ли точная копия, то ли драгоценный оригинал, возится с посудой, безмятежно посмеиваясь над безумием ситуации.

– Две чашки лишние, – бормочет (бормочу). – На стол, как мы с тобой понимаем, здесь накрывает Франк. Вернее, накрыл, раз и навсегда... Этот тип помешан на числе 4. Вечно сервирует стол на четыре персоны. Почему – бог весть... Неужели из-за япо?..

Оборвав фразу на полуслове, передаю чашку ошеломленному гостю. Он – я – нерешительно навис над

стулом. словно бы соприкосновение задницы с плетеным сиденьем – событие роковое и необратимое. Впрочем, очень может быть, что так оно и есть.

Я наконец усаживаюсь за стол.

Ну, слава тебе господи, уместился! Я гостеприимно скалюсь и приступаю к расчленению пирога. Слизываю клубничный сок с ножа. Непроизвольно морщусь, наблюдая за человеком, вылизывающим острое лезвие.

– Лето закончилось, мир стал прозрачным, как оберточная бумага; мои следы больше не отпечатываются на земле, а сны перестали заканчиваться в момент пробуждения... Выходит, я дожил до сентября, – говорю наконец, принимая из собственных рук блюдце с кроваво-молочным лакомством.

– Я тоже, как видишь! – откликаюсь. – Мне понравилось. А тебе?

– Вполне. И что теперь?

– А теперь, – улыбаюсь, – будем продолжать в том же духе... Это, кстати, дрянной пирог. Из полуфабриката. Советую поступить, как я: сливки слизать, желе и клубнику – в рот, а тесто – в трэш!.. Помнишь шарлотку, которую готовила Ленка?

– Сестричкин пирог? Такое не забывается!

– И рецепт приготовления, небось, помнишь. Я же помню!

– Еще бы! Белки отделяются от желтков; первые взбивают, вторые растирают с сахаром. Меня же и припахивали их растирать до белизны.

– Ага. Так я постигал азы медитации, – ржу. – Помнишь, как потом поступали с этими ингредиентами?

– Аккуратно смешивали, добавляя немного муки...

– Точно так же следует поступить и с нашими жизнями, не находишь? Смешать их: настоящую и кем-то придуманную, сбывшуюся и несбывшуюся, «взаправдашнюю» и ту, что проистекала словно бы «понарошку»... Добавляя при этом немного мѹки. Экзистенциальной, конечно. Куды ж нашему брату Ключнику без нее? – ухмыляюсь, вставая из-за стола.

– Смешать? Что ты хочешь ска...

– Сказать? Ничего. Я хочу помолчать, в кои-то веки.

Обмирая от ужасной догадки, поднимаюсь навстречу себе. Приближаюсь, обнимаю себя за плечи. Пытаюсь отстраниться. Сжимаю собственные локти: врешь, не уйдешь, попался! Почти утратив волю к сопротивлению, трясусь всем телом, рычу утробно, как околевающий бешеный пес. Адресую себе сочувственную улыбку из серии «все-будет-хорошо» – такие улыбки отлично удаются врачам и медсестрам из детских поликлиник и прекрасно гармонируют с лязгом хирургических инструментов. Глажу себя по волосам. Внезапно успокаиваюсь. Расслабляю сведенные судорогой, окаменевшие мышцы живота. Понимаю вдруг, что рождение и смерть – почти тождественные события, два шага в сторону абсолютного одиночества. Или даже один семимильный шаг, который нам, созданиям от природы неуклюжим и медлительным, приходится совершать в два этапа. «Правильно, – думаю я, – наконец-то ты хоть что-то понимаешь, чучело!» Прижимаюсь ледяным челом к собственному пылающему

лбу. И наконец тону в своих глазах, серо-зеленых, как озерная вода.

И остаюсь один – не то покойник, не то новорожденный.

155. Янус

В римской мифологии бог входов и выходов.

Спокойно допиваю остывший кофе. Вооружившись столовым ножом, потрошу пирог. Наконец извлекаю оттуда связку ключей. Я знал, что они там: сам же и прятал. Чувствуется школа старика Хоффмайстера: ни дня без дурацких сюрпризов и кавээновских розыгрышей. Не Ключник, а массовик-затейник санаторский, прости господи... Впрочем, я и сам такой же. Даже хуже, пожалуй.

Поэтому я не прячу ключи в карман (откровенно говоря, этого было бы вполне достаточно), а педантично глотаю их, один за другим. Франку будет приятно узнать, что я намерен придерживаться его стиля. По крайней мере, пока не выработаю собственный. А это, как я понимаю, дело не одного года.

Поднимаюсь наконец из-за стола. Отношу посуду на кухню. Остатки пирога аккуратно заворачиваю в бумагу и выбрасываю в мусорное ведро. Чай и кофе выливаю в раковину. Тщательно мою посуду. Складываю скатерть и прячу ее в шкаф. Теперь, кажется, все. Вот и славно: негоже Ключнику следить где ни попадя. Даже в собственном доме.

Да, кстати о следах. Есть ведь еще одно неотложное дело...

156. Яо

...от этой связи и родился Яо, напоминавший обликом человека, изображенного на картине.

Достаю из рюкзака тяжеленную двухтомную энциклопедию «Мифы народов мира» и отправляюсь наверх. Миновав три жилых этажа, взбираюсь по шаткой и скрипучей деревянной лестнице на антресоли, заставленные книжными полками. Книги здесь все больше немецкие; лишь несколько томов на английском языке и еще тонкая французская брошюра с рецептами коктейлей. Вот и славно. Тут мой двухтомник, пожалуй, не затеряется. Попадет в руки своих законных владельцев.

Открываю второй том на самой последней странице, где в нижней части чистого белого поля чернеет пороховая крошка выходных данных, достаю из кармана остро отточенный карандаш. Вместо дарственной надписи создаю вполне деловую записку:

Когда с моей вымышленной биографией будет покончено, можно приниматься за создание так называемой «настоящей». Факты, намеки и прочий компромат, несомненно, отыщутся между строк. В тот день, когда эта работа будет завершена, ни с автором, ни с персонажем не случится ничего из ряда вон выходящего. Следовательно, мы получим заслуженную, хоть и краткую передышку.

С любовью,

Макс.

Острый грифель рвет бумагу, буквы мои прыгают, заваливаются на бок, лезут друг на друга, словно бы в стремлении учинить первый в истории письменности свальный грех... Ничего, кому нужно – разберет как-нибудь.

Ставлю книги на полку, между сборником рассказов молодых баварских литераторов и учебником фотографии – вот вам еще один намек, господа. Последний на сегодня.

Бегом спускаюсь вниз, подхватываю существенно облегчившийся рюкзак, хозяйским глазом окидываю территорию. Пожалуй, можно уходить.

157. Ясон

Переpravляясь через реку Анавр, Ясон потерял сандалию с левой ноги.

У меня нет больше вопросов вроде: «Куда идти?» – или, к примеру: «Что делать?» Не бывает ведь, чтобы ветер задумался, следует ли ему дуть, и если да, то в каком направлении? Он просто дует, как придется, потому что такова его природа: без дуновения нет и самого ветра. А я просто иду, наслаждаясь процессом движения, но и памятуя, что, остановившись, возможно, утрачу дивный дар *быть*.

Не знаю и знать не хочу, куда меня занесет через полчаса, где окажусь вечером, или завтра, или год

спустя. Где-нибудь, как-нибудь, кем-нибудь буду – этого вполне достаточно.

А пока я иду вниз по булыжным ступеням улицы-лестницы, спускаюсь к озеру, мимо которого проложена автомобильная трасса. Я, конечно, помню, как добирался сюда электричкой, но теперь в моем рукаве имеется не то запасной козырный туз, не то и вовсе джокер: где-то там, на обочине я (не гипотетический выдуманный «двойник», а именно я!) припарковал арендованный в Мюнхене автомобиль, и это – отличная новость. Сидеть за рулем я по-прежнему люблю куда больше, чем шастать по тараканьим щелям между мирами. Впрочем, можно не сомневаться: и автомобилей, и щелей на моем веку будет, вероятно, в избытке. Что ж, стерпится – слюбится...

С новым, не то детским, не то ангельским, спокойным, но страстным любопытством разглядываю истертые камни под ногами, аккуратные таблички с надписью «Himmelich Leiter» и заборы, за которыми топорщатся остроконечные капюшоны крыш. В палисадниках щебечут птицы, полощутся на ветру детские ползунки, отцветают розовые кусты, а на пожухшей за лето траве уже появились первые брызги палой листвы, золотые и огненные. Но теперь я могу наблюдать, как из-под этой уютной, пряничной обыденности проступает диковинная изнанка. Так сквозь разрисованное оконное стекло можно увидеть жизнь обитателей комнаты – стоит лишь прижаться носом к прозрачной поверхности да смотреть внимательно, затаив дыхание.

Вот и я вижу, что ноги мои не только шагают по каменным ступенькам, но и погружаются в сияющий

песок перламутровых дюн. Сквозь небесную голубизну просвечивают незнакомые созвездия и нежная чернота нездешней ночи, а под загорелой кожей снулых обитателей богатого предместья погребены бессмертные, безбашенные, но совсем пропащие существа с огненными очами небожителей. Местные, никем пока не прирученные, дриады льнут ко мне из-под темной древесной коры, почуяв родственную душу, а хрустальные пузырьки, из которых, оказывается, соткан воздух, время от времени лопаются, соприкасаясь с кончиком моего носа. Всякий тихий хлопок я принимаю с тем же благодарным благоговением, что и прочие откровения, которым нет ни числа, ни имени, ни предела.

Узорчатая, рукотворная ткань мира понемногу приоткрывает мне свой великолепный испод; я уже различаю обрывки сияющих нитей, соединяющих пестрые лоскуты вещей и явлений, но не умею пока собрать тугие узелки первых впечатлений в мало-мальски пристойный гобелен. И (без особых, впрочем, сожалений) осознаю, что вряд ли когда-нибудь научусь читать подвижную, переменчивую азбуку, положенную в фундамент всякого мира, иначе как по складам. Для меня и один-то петроглиф расшифровать – диковинная, никем не обещанная и оттого особенно драгоценная удача.

Я, впрочем, и сам по себе – тот еще «петроглиф»...

Одной ногой я твердо стою на земле, другая же увязла в топком болоте, описать которое невозможно – разве что обозначить ничего не объясняющим, но снимающим с рассказчика всякую ответственность, словом «нигде». Такая вот нехитрая, но полезная

конструкция. Своего рода мост. Впрочем, как я теперь понимаю, всякий Ключник и есть живой мост. Между сбывшимся и несбывшимся – как минимум. Мост, построенный, к слову сказать, для общего пользования. Поскольку, как втолковывал однажды мне, безумному, старый мудрец по имени Франк, всякий, кто родился, избран и посвящен, а значит – способен на все.

А потому нет смысла ни прощаться с читателем, ни даже ставить точку в финале. Все равно однажды...

158. Яхве

Он есть.

...увидимся

Примечания

1

Некоторые книги можно читать только под землей, но есть и такие, к которым лучше не прикасаться, пока не заберешься повыше. Тут все годится: и балкон на девятом этаже, и крыша двухэтажного особняка, и раскидистое дерево. Очень важно с самого начала угадать, что за книга вам досталась, в противном случае все удовольствие насмарку.

2

Для призрака я, вероятно, неплохо образован: мне то и дело грезится, будто я увлеченно читаю какие-то тексты, если повезет – захватывающие, иногда – откровенно скучные, изредка начиненные всякими полезными для живых людей знаниями, а порой просто душераздирающие... хотя на самом деле я, конечно, ничего не читаю, а просто дремлю в своем кресле.

3

Ибо имею свободное время и вдохновение (искаженный украинский).

4

Был такой бар на Большой Полянке, да закрылся в 2001 (кажется) году.

5

Тексты эти собраны и изданы под общим названием «Книга для таких, как я» – ежели кому интересно.

6

Ну, положим, не «где-то», а на сайте «Индоевропейский диктант»: <http://www.russianresources.lt/dictant/>. Там, впрочем, сказано, что фраза сия – ответ Бодхидхармы на вопрос императора Лян Уди о главной истине Учения.

7

Это значит, что Веня слушает один из концертов уже не остромодной в те годы, но все еще вполне культовой группы «Yello». И правильно делает.

8

Анекдот бородат, как банда моджахедов, но на всякий случай перескажу его по памяти:

Приходит к врачу пациент, жалуется: «Доктор, мне каждую ночь снится, что я толкаю вагонетку по маршруту Одесса – Жмеринка. Просыпаюсь в холодном поту, день насмарку, работать не могу, помогите».

«Что ж, – говорит врач, – давайте договоримся. В 12 часов ночи вы ложитесь спать и до 4-х утра толкаете вагонетку. С 4-х до 8 утра я буду делать это за вас, чтобы вы могли отдохнуть».

Пациент уходит довольный.

В кабинет заходит следующий больной. «Доктор, мне каждую ночь снится, что ко мне приходят две женщины, блондинка и брюнетка. Первую половину ночи

я занимаюсь любовью с блондинкой, вторую половину ночи – с брюнеткой. Просыпаюсь в холодном поту, день насмарку, работать не могу, помогите».

«Что ж, – говорит врач, – давайте договоримся. В 12 часов вы ложитесь в постель и до 4-х утра спокойно спите, а я беру на себя вашу блондинку. А с 4-х до 8 утра вы со свежими силами занимаетесь брюнеткой. С такой нагрузкой справитесь?»

«Да, спасибо, доктор, но... Не могли бы вы взять на себя брюнетку? Видите ли, блондинка мне нравится больше...»

«Увы, ничем не могу помочь, с 4-х до 8 я толкаю вагонетку Одесса – Жмеринка».

9

Смотри-ка, да мы в свое время, оказывается, школьную программу усвоили!

10

Т. е. намечается прослушивание концерта «Treasure» культового в умеренно узких кругах ВИА «Cocteau Twins». Запись 1984 года, но настоящие ценители и в девяностых ее с удовольствием слушали, да и поныне, собственно, восхитительный этот диск под рукой держат.

11

Присоединяюсь к рекомендации. Мультки про Уоллеса и Громмита гораздо круче, чем более поздний дорогостоящий проект «Побег из Курятника».

12

Откуда, откуда... Из романа Роберта Джеймса Уоллера «Мосты округа Мэдисон» ты ее выцарапал.

13

Святая правда. В Закарпатье умеют варить кофе. В тех местах даже в привокзальном буфете самой захолустной станции с этим напитком творят черт знает что. Как, почему, и что сие означает – неведомо.